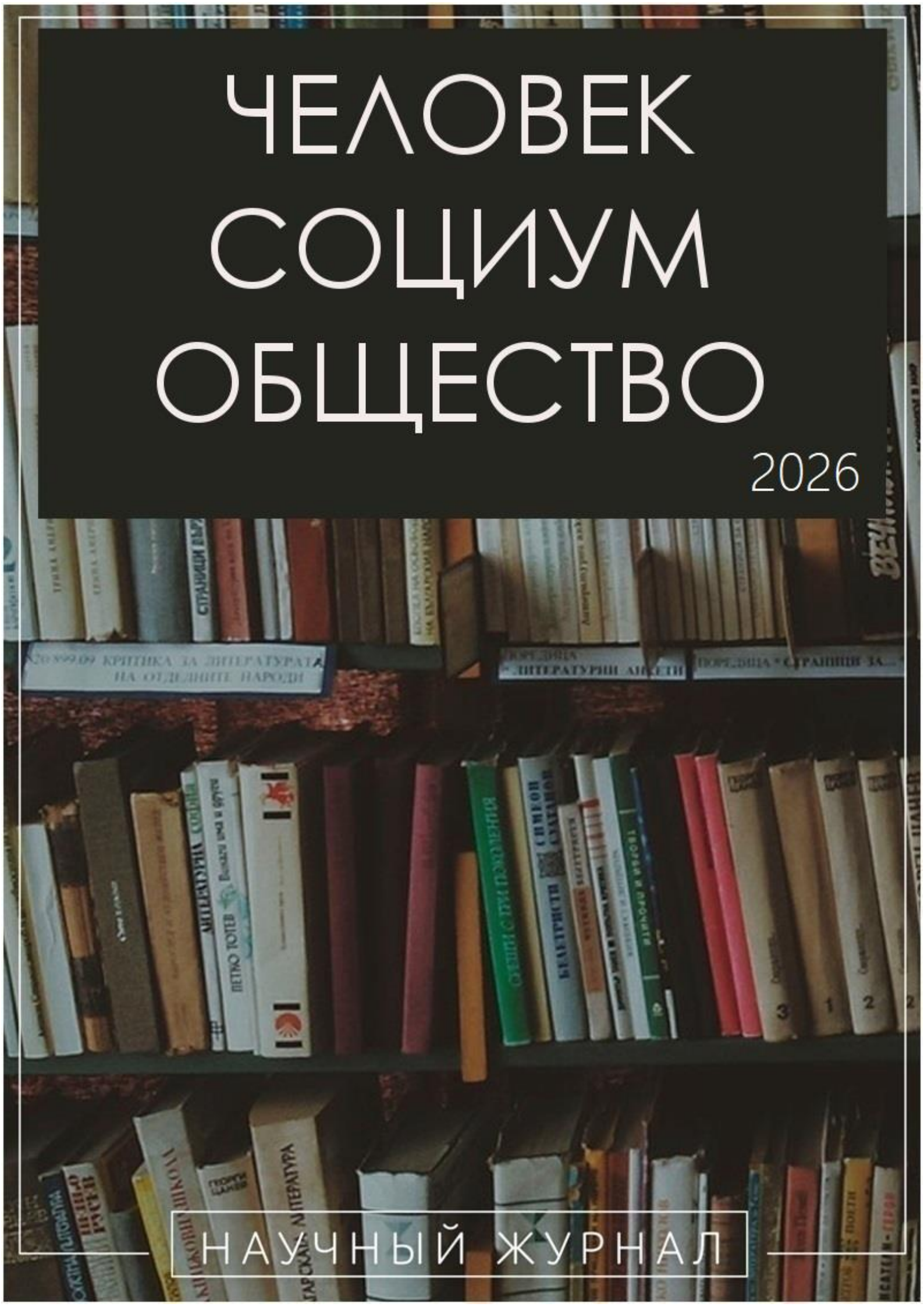
ЧЕЛОВЕК СОЦИУМ ОБЩЕСТВО

2026



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 10-2026

20.07.2026 УДК 378.001 г. Москва

Международный гуманитарный журнал "Человек. Социум. Общество" рассчитан на молодых ученых, студентов и аспирантов. Публикуются статьи по педагогике, психологии и социологии. Специализация журнала позволяет размещать результаты исследований междисциплинарного характера. Все материалы проходят проверку на плагиат и рецензируются. Редакция оставляет за собой право отклонения статей, не соответствующих требованиям предоставления материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.
Международный Центр «Искусство и образование» http://www.art-in-school.ru/ e-mail: jornal-gum@yandex.ru

Главный редактор:

Жаркова Алена Анатольевна —доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор РАО, Московский государственный институт культуры (Москва)

Редакционная коллегия:

М. П. Нечаев — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

А. Ю. Огородников — доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва)

С. М. Куницына — кандидат педагогических наук, доцент, Академия социального управления (Москва)

Г. П. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва)

Г. С. Голошумова — доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва)

А. Д. Жарков — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

Московский государственный институт культуры

Л. П. Шиповская — доктор философских наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва)

А. В. Молчанова — кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (Москва)

Е. В. Суровцева – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

А. В. Неверов – кандидат социологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Е. А. Журавлева — кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт культуры (Москва)

М. Р. Резаков — кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

И. В. Кудринская — кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

Е. В. Летов — кандидат философских наук, Московский государственный институт культуры (Москва)

А. П. Сухоносов — кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. В. Трушкова — кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Редакционный совет:

О. А. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва)

В. М. Поставнев – кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. Л. Фролова — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

И. В. Афанасьев – кандидат юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

А. Н. Анищенко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией «Стратегическое развитие агропромышленного комплекса» Институт проблем рынка РАН (Москва)

В. В. Чурин – кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

В. А. Есаков – доктор культурологии, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

С. А. Уталиев – доктор философских наук, профессор, Казахско-Русский Международный университет (КРМУ) (Актобе)

З. М. Мухамедова — доктор философских наук, профессор, Ташкентский государственный стоматологический институт (Ташкент)

Д. Х. Исламова – доктор философии, профессор, Ташкентский государственный технический университет (Ташкент)

С. С. Байсарина — кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева (Нур-Султан)

Н. В. Обелюнас — кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Кемерово)

С. С. Жубакова — кандидат педагогических наук, доцент, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан)

И. В. Воробьёва — кандидат культурологии, доцент, Белорусский государственный университет (Минск)

А. А. Бейсембаева — кандидат педагогических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы)

Х. Б. Норбутаев — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образовании Термезский государственный университет (Термез)

Г. М. Сыдыкова — кандидат психологических наук, доцент, Кыргызский Национального университета имени Жусупа Баласагына (Бишкек)

Подписано в печать 20.07.2026г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 2 | Тираж 100

Содержание

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. **ПАРАМОНОВ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ**
   ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОДРОСТКА ……..8
2. **ПАРАМОНОВ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ**
   ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ ……..……....14
3. **БАХАРЕВА ЕКАТЕРИНА ДЕНИСОВНА**
   ЭПАТАЖ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КРИТЕРИИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ.…….....20
4. **БОБРОВ ФИЛИПП ЮРЬЕВИЧ**
   РЕСТАВРАТОР КАК МУЗЕОЛОГ ……..……..……...27
5. **ЧЖОУ ВЭНЬЮЭ**
   СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ОПИСАНИЯХ ТОВАРОВ: НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАТФОРМ «АВИТО» (РОССИЯ) И «СЯНЬЮЙ» («СОЛЁНАЯ РЫБА», КИТАЙ) …….....35
6. **БЕРЕЖНАЯ НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, РЫСЕНКО АРТУР ВИТАЛЬЕВИЧ,**
   ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ НА ВОЛЕВУЮ РЕГУЛЯЦИЮ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.……..……...…...42
7. **АТМАЙКИНА НИКА ВЯЧЕСЛАВОВНА, НЕРОВНЫХ МАРИНА СЕРГЕЕВНА**
   ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ.…….……...……57
8. **МОРОЗОВ ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ**
   ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТАХ …….....…….....63
9. **КРИСАНОВ МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, АРСЛАНОВ Р.А**
   РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г. . ….....71
10. **КРИСАНОВ МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, АРСЛАНОВ Р.А**
    ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 Г. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ……..…….....…79
11. **БРОННИКОВА РЕГИНА ЮРЬЕВНА**
    УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ……...…..…86
12. **ЕВТЕЕВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА**
    ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИИ …….……..….....92

13.БРУКОВА МАРГАРИТА ОЛЕГОВНА
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ ДОПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ.....98

14.БУРЛАКА ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА, КАПУСТИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА
КОМПЛАЕНТНОСТЬ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО И ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПАЦИЕНТОВ.....107

15.ЛУБОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА, ЕЛЬКИНА ИРИНА ЮРЬЕВНА
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ВКЛЮЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ ШКОЛЫ ……..….....119

16.СУДОЛ ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ
СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ……..….....128

17.НАСОНОВ ДАНИИЛ АНДРЕЕВИЧ, СПИРИН АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ
ЛЮЧЕ — АКТУАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИРОНИЧЕСКОГО ПРОЗЕЛИТИЗМА В КАТОЛИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ …….....135

18.ГОРОХОВ МИХАИЛ АНТОНОВИЧ
СЛОВО КАК ФОРМУЛА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПРИ ОСВОЕНИИ ПОНЯТИЙ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ ……..….....148

19.СЪЕДИНА М.Ю.
МЕТОДИКА ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ИНТЕГРАЦИИ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ В ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ....157

20.ПАЮСОВ АРСЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ, ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО …….....165

21.СУВОРОВ ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ
ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА КАК РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ……. ……...……...175

22.САПОЦКАЯ ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА, КАПУСТИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА
АНАЛИЗ МЕТОДОВ И МЕТОДИК ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРИВЯЗАННОСТИ.…….…….……..…...187

23.ЗАХАРОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИКА О ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИДЕИ …….....…...198

24.ТАЙЛАКОВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА
РАВНЫЙ РАВНОМУ: РОДИТЕЛЬСКАЯ ПОДДЕРЖКА И ЛИЧНЫЙ ОПЫТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА ……...……....205

25.ГАРАНЖА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА, ЦУКАНОВА МАРИЯ

ВЛАДИМИРОВНА
ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСТВОМ У МАТЕРЕЙ ……..……..…….....211

26.ПРОСКУРЯКОВА КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА
СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ДОУ ……....219

27.СТУПНИКОВА ЛАДА ВЛАДИМИРОВНА
ОШИБКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ……..…...226

28.ТЕГАЙ ДАРЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА, ГАЙДАЙ АНТОН СЕРГЕЕВИЧ
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ У СОТРУДНИКОВ МЧС …….....234

29.САМСОНОВ ДАНИИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ
ФРЕЙМИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ……..247

30.КОВАЛЬЧУК НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, ВЕЛИКОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА
К ПРОБЛЕМЕ О ФИЗИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МЛАДЕНЦА ….....255

31.КАЛИМУЛЛИН АДЕЛЬ МАРАТОВИЧ
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ И МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ …….....261

32.DREIFELD OKSANA VIKTOROVNA
THE EMBODIED AESTHETICS OF READING: RECEPTIVE STRATEGIES IN THE WORKS OF V. NABOKOV ……..……..……...…...268

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

33.ШЕРАШЕНКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА, ФЕДОСКИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ ……....……288

34.КАРНОВСКАЯ АРИНА НИКОЛАЕВНА, ДОЛГИХ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА
АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ……...…..293

35. АБДУВАХОБОВА НОЗИМА АЗАМДЖОНОВНА, ДОЛГИХ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДАХ-МИЛЛИОННИКАХ ……..……..…302

36. ПОПОВА ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВНА, СТЕПАНОВ МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ, ГОРБОРУКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ……..…….…....309

37. ЗУЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ
МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …….……..319

38. КОРСУНОВ ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ
РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕТОДОВ К СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ……..……....326

39. ТРОЯН ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ …….…....333

40. ОСИПЕНКО МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛАПТЕВА ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА
ФРИДРИХСГАМСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, КАК ПРИМЕР УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЛОКАЛЬНЫМИ ПРАВОВЫМИ ТРАДИЦИЯМИ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ …….....345

41. ГРИГОРЬЕВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА
ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....354

42. ТАРАСЬЕВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, ШОНЕМАТОВ ИСКАНДАР ТИМУРОВИЧ
АСИММЕТРИЧНАЯ МОДЕЛЬ «ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ» ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ С ДОМИНИРОВАНИЕМ ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ……..……..……...…..362

43. ЧЕРНЫШЕВ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ, ПИСАЧКИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИНФОРМАЦИОННОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ... 370

44. ОМАРОВ РУСЛАН ИСЛАМОВИЧ, ПИСАЧКИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ПОЛИЦИИ ЧЕРЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МОЛОДЕЖНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ …….……379

45. ЩАЕВА Е.О.
ПОЛИТИКА РОССИИ ПО РАБОТЕ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ.…… ……..….....387

46.САЙФУТДИНОВ В.А.
ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.……. ……..……..393

47.БУЛЬБЕНКО ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ЖЕРТВА КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ.…….……..……...……...399

48.ДОДОНОВ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ПЕРЕД ПОТРЕБИТЕЛЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ …….....404

49.ДОДОНОВ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ
ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ……...…….....413

50.РАДИОНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ: ОБЯЗАННОСТИ ЖУРНАЛИСТА И ЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ……..…….....…...419

51.СЕМЕНОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КОРПОРАЦИИ: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ …….…….....427

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Парамонов Никита Дмитриевич
Paramonov Nikita Dmitrievich
студент
Институт детства, кафедра начального образования
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»
e-mail: Paramonovnik71@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОДРОСТКА

THE POSSIBILITIES OF THE MUSEUM'S EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE DEVELOPMENT OF A TEENAGER'S PERSONAL POTENTIAL

Аннотация. В статье рассматривается потенциал современного музея как активного агента просветительской деятельности, ориентированного на развитие личностного потенциала подростков. Автор анализирует специфику музейной среды, выделяя её преимущества по сравнению с формальными образовательными институтами: неформальность, наглядность, демократичность и интерактивность. На основе анализа современных отечественных исследований в области музейной педагогики, социологии и психологии выявляются ключевые функции музея в работе с подростковой аудиторией: формирование метапредметных компетенций и критического мышления, стимулирование рефлексии и ценностно-смыслового самоопределения, развитие социальной толерантности и коммуникативных навыков, воспитание гражданской идентичности и патриотизма на основе подлинных исторических свидетельств. Делается вывод о том, что музей, выстраивая партнёрские отношения с образовательными учреждениями и используя цифровые технологии, трансформируется в открытое образовательно-воспитательное пространство, способное эффективно отвечать на актуальные вызовы подросткового возраста.

Abstract. The article examines the potential of the modern museum as an active agent of educational activities aimed at developing the personal potential of adolescents. The author analyzes the specifics of the museum environment, highlighting its advantages over formal educational institutions: informality, visibility, democracy and interactivity. Based on the analysis of modern Russian research in the field of museum pedagogy, sociology and psychology, the key functions of the museum in working with a teenage audience are identified: the formation of meta-subject competencies and critical thinking, stimulating reflection and value-semantic self-determination, the development of social tolerance and communication skills, the education of civic identity and patriotism based on authentic historical evidence. It is concluded that by building partnerships with educational institutions and using digital technologies, the museum is transforming into an open educational space capable of effectively responding to the current challenges of adolescence.

Ключевые слова: музейная педагогика, личностный потенциал подростка, просветительская деятельность, метапредметные компетенции, социокультурное пространство музея, интерактивные форматы, ценностно-смысловое развитие,

гражданско-патриотическое воспитание, неформальное образование.

Keywords: museum pedagogy, personal potential of a teenager, educational activities, meta-subject competencies, socio-cultural space of the museum, interactive formats, value and semantic development, civic and patriotic education, non-formal education.

Подростковый возраст традиционно и справедливо признается одним из ключевых и наиболее сложных этапов в становлении личности. Это время активного поиска собственной идентичности, формирования устойчивой системы ценностей и расширения спектра социальных компетенций. Однако традиционные институты формального образования в этот период зачастую стремятся с серьезными вызовами: снижением учебной мотивации, кризисом авторитетов и потребностью молодого человека в получении не абстрактного, а личностно значимого, опытного знания. В этих условиях на первый план закономерно выходят ресурсы неформального образования, среди которых особое, исторически обусловленное и в то же время динамично развивающееся место занимает музей. Эволюционировав за последние десятилетия от классического хранилища раритетов и артефактов, современный музей трансформировался в активное социокультурное и образовательное пространство, способное эффективно отвечать на глубинные запросы взрослеющей личности.

Исторически сложилось так, что музеи изначально воспринимались как научно-исследовательские и просветительские учреждения, призванные служить источником духовного обогащения. Эту миссию очень точно выразил выдающийся отечественный филолог и культуролог, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, чье мнение в вопросах сохранения исторической памяти и культуры является непререкаемым. Он писал, что прошлое через свои материальные свидетельства открывает человеку «окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота – триумфальные ворота». Подтверждением этой мысли может служить колоссальная культурно-просветительская работа, которую ведут музеи, особенно в таких регионах с богатейшим историческим наследием, как Тульская область. Однако сегодня миссия музея не ограничивается лишь духовным развитием в классическом понимании. Его просветительская деятельность все чаще рассматривается как мощный катализатор развития целостного личностного потенциала, и особенно это актуально в работе с подростковой аудиторией. Уникальные методологические преимущества музейной среды, такие как ее принципиальная неформальность, наглядность и аутентичность, создают идеальные условия для

педагогического воздействия, недостижимые в рамках строгой школьной регламентации. Отсутствие жесткой учебной программы, оценочной системы и самой обязательности посещения снижает психологические барьеры, создавая атмосферу свободы и исследовательского интереса. Восприятие информации через подлинные артефакты — будь то живописное полотно, старинная книга или образец оружия — задействует множественный интеллект подростка, обеспечивает неповторимый «эффект присутствия» и глубокую эмоциональную вовлеченность, что крайне важно для молодых людей, скептически относящихся к абстрактным, оторванным от жизни понятиям. Осязание предметного мира истории и культуры стимулирует пытливость ума, позволяет рассматривать явления с разных сторон, искать аргументы и строить собственные интерпретации, а это и есть основа для формирования столь необходимого сегодня критического мышления.

Как отмечает признанный специалист в области музейной педагогики и взаимодействия музея со школой Марина Юрьевна Юхневич, противоречивость подросткового сознания, в котором уживаются максимализм и жажда достоверных, неопровержимых фактов, находит в музее идеальную почву для продуктивного диалога. Подлинный экспонат становится «немым учителем» и лучшим аргументом в споре, заставляя задуматься, проанализировать и сделать личностно значимые выводы. Это свойство музейной среды позволяет реализовать ее важнейшую рефлексивно-смысловую функцию. В период, нередко сопровождающийся ценностно-смысловым кризисом, социокультурное пространство музея, по справедливому замечанию психолога, кандидата психологических наук Елены Вячеславовны Черкесовой, чьи работы посвящены проблемам социализации и ценностного развития в подростковом возрасте, предлагает молодому человеку широкий спектр образов социальных ролей и моделей поведения людей из прошлого. Музей выступает своеобразной лабораторией для «примерки» и осмысления различных жизненных стратегий, помогая подростку в поиске ответов на фундаментальные вопросы «Кто я?» и «Зачем я?».

Не менее важна и коммуникативно-социализирующая функция музея. Он предоставляет уникальную площадку для освоения социальных ролей в конструктивном ключе. Через интерактивные форматы — квесты, ролевые игры, проектную деятельность в группах — подростки могут примерить на себя роли исследователя, экскурсовода, реставратора или коммуникатора. Это не только

удовлетворяет возрастную потребность в значимом общении со сверстниками, но и целенаправленно развивает так называемые «гибкие навыки» (soft skills): умение работать в команде, публично выступать, аргументировать свою точку зрения и нести ответственность за общий результат.

Ценностно-ориентирующая и гражданско-патриотическая функция музея приобретает особое звучание в современную эпоху цифровизации и информационных войн, когда историческая правда нередко подвергается фальсификациям. В этих условиях музей остается островком подлинности, где аутентичность экспонатов — будь то боевое оружие, личные вещи героев или архивные документы — формирует прочную, эмоционально окрашенную связь с прошлым. На этой основе строится чувство сопричастности к истории своей страны и народа, воспитывается патриотизм, основанный не на лозунгах, а на знании и уважении к подвигу предков. Исследователи В. В. Остроумов и В. С. Маслобойщиков, чьи научные интересы лежат в плоскости изучения воспитательного потенциала музейной среды и профилактики деструктивных социальных явлений, справедливо подчеркивают, что именно эта аутентичность создает у молодого поколения прочный нравственный иммунитет против деструктивных идеологий. Более того, музей способен воспитывать и социальную толерантность. Специально организованные мероприятия, такие как музейные чтения, дискуссионные клубы или межкультурные проекты, позволяют, по мнению группы авторов — Т. А. Тужиковой, М. Е. Протасовой и Е. Н. Дудиной, которые в своих работах анализируют конкретные педагогические практики, задавать рамки восприятия и понимания «другого», будь то представитель иной культуры или человек другой эпохи. Погружаясь в незнакомую историческую или культурную среду, подростки учатся эмпатии и принятию, что является базой для профилактики ксенофобии и развития социального интеллекта.

Современный музей, стремящийся быть актуальным для поколения «digital natives», немыслим без активной интеграции цифровых технологий. Они дают мощный импульс просветительской работе, превращая ее из пассивного осмотра в увлекательное исследование. Интерактивные гиды, мобильные приложения с дополненной реальностью, виртуальные реконструкции и мультимедийные инсталляции кардинально меняют сам характер взаимодействия с экспозицией. Это вызывает неподдельный интерес и глубокую вовлеченность, удовлетворяя возрастную

потребность в активности и игровом формате познания. Мультимедийные киоски и электронные библиотеки, дополняющие основную экспозицию, предоставляют возможность самостоятельного углубленного изучения темы, делая подростка не просто зрителем, а соавтором своего образовательного маршрута.

Для того чтобы этот колоссальный теоретический потенциал был реализован на практике, необходима системная и проактивная работа самого музея. Ключевым условием успеха становится выстраивание стратегии социального партнерства со школами, вузами и молодежными центрами. Маркетинговая стратегия музея должна быть ориентирована на цифровую среду, где присутствуют подростки — социальные сети, мессенджеры, видеоплатформы, — и говорить с молодежью на ее языке, формируя моду на интеллектуальный и осмысленный досуг. Чрезвычайно эффективной является практика переноса отдельных школьных уроков по истории, литературе или мировой художественной культуре непосредственно в музейное пространство, что позволяет оживить учебную программу и установить прочные междисциплинарные связи. Однако наиболее глубокий личностный эффект достигается при вовлечении подростков в долгосрочные проекты: участие в поисковых экспедициях, сборе материалов устной истории, создании собственных экскурсий или выставок, волонтерской помощи. Такая деятельность развивает ответственность, самостоятельность и формирует чувство подлинной принадлежности к значимому общему делу.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что современный музей представляет собой мощный и многофункциональный социокультурный институт. Его просветительское воздействие на подростка базируется на уникальном сочетании аутентичности, неформальности и интерактивности, создавая благоприятную среду для преодоления кризисов взросления. Деятельность музея выходит далеко за рамки простой передачи знаний, выполняя комплекс личностно-формирующих функций — от развития рефлексии и коммуникативных навыков до формирования ценностных ориентиров и гражданской идентичности. Это делает музей полноценным агентом в развитии метапредметных компетенций и гибких навыков, столь востребованных в современном мире. Реализация этого воспитательного потенциала требует от музея активной, проактивной позиции, выстраивания сетевого взаимодействия и разработки целевых программ для молодежи. В итоге музей, осознанно выстраивающий свою просветительскую политику, способен стать для подростка тем самым значимым

«третьим местом» — после дома и школы, — пространством доверия, диалога и самоидентификации, внося незаменимый вклад в становление зрелой, рефлексирующей, социально ответственной и культурно укорененной личности.

Литература:

1. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М.: Детская литература, 1989.

2. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей: Учебное пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич. – М.: РИК, 2001.

3. Черкесова, Е. В. Ценностно-смысловой кризис подростков и возможности его преодоления в музейном пространстве / Е. В. Черкесова // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24. – № 2.

4. Остроумов, В. В. Патриотическое воспитание молодёжи в условиях музея: потенциал исторической аутентичности / В. В. Остроумов // Вопросы музеологии. – 2021. – № 1 (23).

5. Маслобойщикова, В. С. Профилактика деструктивной социализации молодёжи средствами военно-исторического музея / В. С. Маслобойщикова // Социальная педагогика в России. – 2022. – № 2.

6. Тужикова, Т. А. Формирование социальной толерантности у подростков в процессе музейных краеведческих чтений / Т. А. Тужикова, М. Е. Протасова, Е. Н. Дудина // Научно-педагогическое обозрение. – 2021. – № 6 (44).

Парамонов Никита Дмитриевич
Paramonov Nikita Dmitrievich
студент
Институт детства, кафедра начального образования
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»
e-mail: Paramonovnik71@gmail.com

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

RESILIENCE IN THE CONTEXT OF MUSEUM PEDAGOGY: THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL POTENTIAL OF INFORMAL COMMUNICATION AND EMOTIONAL SUPPORT IN ADOLESCENCE

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и значимость целенаправленного развития жизнестойкости у современных подростков средствами музейной деятельности. Автор анализирует специфические вызовы, с которыми сталкивается взрослеющая личность в цифровую эпоху, и обосновывает, почему традиционные институты социализации зачастую оказываются недостаточно эффективными в формировании этого качества. На основе анализа отечественных исследований в области возрастной психологии, педагогики и музейного дела раскрываются уникальные преимущества музейной среды как пространства, естественным образом способствующего развитию ключевых компонентов жизнестойкости: осмысленности существования, навыков конструктивного совладания со стрессом, способности к рефлексии и формированию устойчивых ценностных ориентаций. Делается вывод о том, что музей, выходя за рамки просветительской функции, становится незаменимым ресурсом для профилактики деструктивных форм поведения и воспитания психологически устойчивой, социально ответственной личности.

Abstract. This article examines the relevance and importance of targeted resilience development in modern adolescents through museum activities. The author analyzes the specific challenges faced by maturing individuals in the digital age and explains why traditional socialization institutions are often ineffective in fostering this quality. Based on an analysis of Russian research in developmental psychology, pedagogy, and museum studies, the unique advantages of the museum environment are revealed as a space that naturally fosters the development of key components of resilience: meaningfulness, constructive coping skills, the ability to reflect, and the formation of stable value orientations. It is concluded that museums, going beyond their educational function, are becoming an indispensable resource for the prevention of destructive behaviors and the development of psychologically stable, socially responsible individuals.

Ключевые слова: жизнестойкость, подростковый возраст, музейная деятельность, ценностно-смысловое развитие, профилактика деструктивного поведения, историческая аутентичность, рефлексия, цифровая социализация, неформальное образование.

Keywords: resilience, adolescence, museum activities, value-semantic development, prevention of destructive behavior, historical authenticity, reflection, digital socialization, informal education.

Современный подросток взрослеет в мире, который предъявляет к его личности качественно иные требования, нежели те, что стояли перед поколениями его родителей. Информационная перегрузка, высочайшая скорость социальных изменений, размывание традиционных ценностных ориентиров и, как следствие, рост тревожности и экзистенциальной неопределенности — все это формирует ту непростую среду, в которой происходит становление характера. Не случайно авторитетный исследователь в области психологии личности, профессор Дмитрий Алексеевич Леонтьев, внесший значительный вклад в развитие отечественной позитивной психологии и теории смысла, неоднократно подчеркивал, что ключевым вызовом для человека в современном мире становится не столько умение избегать трудностей, сколько способность выдерживать их, сохраняя продуктивность и внутреннюю целостность. Эта способность, именуемая жизнестойкостью, не является врожденным даром — она целенаправленно формируется в процессе взаимодействия личности с той культурной и социальной средой, которая ее окружает. И здесь, на наш взгляд, на первый план выходит потенциал музейной деятельности, который в контексте развития жизнестойкости у подростков используется пока далеко не в полной мере.

Для того чтобы понять, почему именно музей способен стать одним из ключевых институтов воспитания жизнестойкости, необходимо прежде всего осознать специфику тех угроз психологическому благополучию, с которыми сталкивается современный подросток. Классические стрессоры — конфликты в школе, трудности в отношениях со сверстниками и родителями — никуда не исчезли, но к ним добавились новые, порожденные цифровой эпохой. Это и феномен так называемой «клиповой социализации», при которой картина мира собирается из разрозненных, эмоционально заряженных, но не связанных единой логикой фрагментов, и культура мгновенного успеха, транслируемая через социальные сети, на фоне которой реальная жизнь с ее рутиной и неизбежными неудачами кажется подростку серой и бессмысленной. В этих условиях особое значение приобретает развитие осознанной саморегуляции, являющейся, как показано в исследовании В. И. Моросановой, И. Н. Бондаренко и Т. Г. Фоминой, одним из важнейших предикторов психологического благополучия

учащихся. Именно через формирование способности управлять собственными эмоциями, ставить долгосрочные цели и преодолевать импульсивные желания лежит путь к преодолению того состояния, которое психологи называют «выученной беспомощностью». Музей же, в силу своей специфики, способен создавать идеальную среду для тренировки этих навыков.

Первое и, пожалуй, главное преимущество музейной среды заключается в ее способности возвращать подростку чувство сопричастности к «большому времени», что является мощнейшим противоядием от ощущения бессмысленности собственного существования. Когда подросток видит не абстрактную иллюстрацию в учебнике, а подлинный предмет — письмо, написанное рукой человека, пережившего блокаду, или личный дневник солдата, прошедшего через самые страшные сражения Великой Отечественной войны, — происходит то, что академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, великий знаток и защитник русской культуры, называл «преодолением времени». Прошлое перестает быть абстракцией и становится частью личного опыта. Эта аутентичность, невозможная в цифровой среде, где любой факт можно оспорить или сфабриковать, создает прочную эмоциональную связь с историей и формирует у подростка фундаментальное убеждение: я — часть чего-то большего, чем моя сиюминутная жизнь, и мои предки проходили через испытания, несопоставимые с моими, и выстояли. Как убедительно показано в диссертационном исследовании, посвященном школьному музею как средству формирования патриотизма учащихся, именно такая погруженность в исторический контекст, основанная на работе с подлинными артефактами, создает тот самый нравственный иммунитет, который удерживает молодого человека от сползания в отчаяние или цинизм в трудной жизненной ситуации.

Второй важнейший аспект — это возможность, которую предоставляет музей для развития навыков рефлексии, являющейся, по сути, метанавыком, лежащим в основе всех coping-стратегий. В повседневной жизни подростка события мелькают с калейдоскопической быстротой, не оставляя времени на их осмысление. Музей же, по самой своей природе, создает ту самую «паузу», в которой только и возможен глубокий внутренний диалог. Экспозиция, выстроенная не как набор фактов, а как драматургия человеческой судьбы, естественным образом подводит подростка к вопросам, которые в суете будней просто не приходят ему в голову. Что чувствовал этот человек в момент

своего падения? Где он находил силы, чтобы подняться? Что было для него по-настоящему важно? Эти вопросы, возникающие при взгляде на музейный предмет, и есть начало рефлексии, которую выдающийся отечественный психолог Виктор Иванович Слободчиков, исследовавший закономерности становления субъективности человека, считал ключевым условием взросления. Подросток, глядя на чужую, уже завершенную судьбу, получает редкую возможность отрефлексировать свою собственную, еще только разворачивающуюся во времени, и это является мощным ресурсом для профилактики импульсивных, необдуманных решений.

Третье уникальное преимущество музейной деятельности связано с тем, что она естественным образом предлагает подростку целую галерею эффективных моделей совладания с кризисными ситуациями, причем делает это без назидательности, которая так отторгается в этом возрасте. Как справедливо отмечает ведущий специалист в области музейной педагогики Марина Юрьевна Юхневич, автор фундаментальных трудов о взаимодействии музея и школы, сила музейного воздействия в его невербальной природе. Экспонат не читает мораль, он предъявляет факт. И факт этот заключается в том, что люди, жившие до нас, сталкивались с горем, теряли близких, переживали крушение надежд, терпели поражения — и находили в себе мужество жить дальше, творить, любить, бороться. Знакомство с судьбами таких людей, как полководец Александр Васильевич Суворов, преодолевший физическую слабость, или писатель Николай Алексеевич Островский, превративший инвалидность в источник творческой энергии, не дает подростку готовых рецептов счастья, но дает нечто более важное — ощущение принципиальной возможности преодоления. Оно разрушает иллюзию уникальности собственных страданий и показывает, что кризис — это не конец пути, а его естественный и, возможно, самый важный этап.

Наконец, четвертый аспект — это та особая, доверительная и демократичная коммуникативная среда, которая может быть создана в рамках музейных программ для подростков. В отличие от школы, где отношения часто строятся по вертикальной схеме «учитель — ученик» с обязательной оценочной составляющей, музейная экскурсия, квест или проектная лаборатория способны стать пространством равноправного диалога. Государственная концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации напрямую ориентирует учреждения культуры на создание таких неформальных, интерактивных форм работы с молодежью, которые способствуют

личностному росту и развитию социальной активности. В этой среде значительно снижается страх ошибки, подросток начинает более открыто выражать собственные мысли и чувства. А способность открыто говорить о своих сомнениях и страхах, получая поддержку от значимых взрослых и сверстников, сама по себе является важнейшим компонентом жизнестойкости. В этом смысле музей выступает как безопасная площадка для тренировки тех самых коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта, которые помогают подростку не замыкаться в себе в трудной жизненной ситуации, а искать и находить социальную поддержку.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что развитие жизнестойкости у современных подростков через музейную деятельность — это не просто одно из возможных направлений просветительской работы, а насущная необходимость, продиктованная вызовами времени. Музей, в отличие от многих других институтов социализации, не пытается оградить молодого человека от столкновения с драматическими и трагическими сторонами жизни. Напротив, он предоставляет ему культурно оформленный, осмысленный и оттого безопасный опыт встречи с этими сторонами человеческого бытия. Именно здесь, у музейной витрины, за которой хранится не просто предмет, а застывшая в нем человеческая судьба, подросток получает уникальную возможность без риска для собственной жизни прожить опыт преодоления, разочарования, веры и стойкости, который в будущем станет фундаментом его собственной жизнестойкости. Воспитывая не знатока истории, а человека, укорененного в культуре и способного к рефлексии, музей выполняет свою высшую миссию — он помогает взрослеть, оставаясь внутренне целостным и сильным перед лицом любых невзгод.

Литература:

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003.

2. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006.

3. Слободчиков В. И. Психология развития человека / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М.: ПСТГУ, 2013.

4. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М.: Детская литература, 1989.

5. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: Учебное пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич. – М.: РИК, 2001.

6. Моросанова В. И. Роль осознанной саморегуляции в обеспечении психологического благополучия учащихся / В. И. Моросанова, И. Н. Бондаренко, Т. Г. Фомина // Психологическая наука и образование. – 2019. – №4. https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2019_n4/Morosanova_Bondarenko_Fomina. (дата обращения: 10.05.2026).

7. Микулан И. Н. Школьный музей как средство формирования патриотизма учащихся: диссертация ... кандидата педагогических наук. – URL: https://www.dissercat.com/content/shkolnyi-muzei-kak-sredstvo-formirovaniya-patriotizma-uchashchikhsya. (дата обращения: 10.05.2026).

8. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002357365/ (дата обращения: 10.05.2026).

Бахарева Екатерина Денисовна
Bakhareva Ekaterina Denisovna
магистр
Институт иностранных языков
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: bakhareva111@gmail.com

ЭПАТАЖ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КРИТЕРИИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

PROVOCATION AS A COMMUNICATIVE STRATEGY IN MODERN POLITICAL DISCOURSE: CRITERIA AND MECHANISMS OF IMPLEMENTATION

Аннотация. В статье рассматривается эпатаж как устойчивая коммуникативная стратегия в современном политическом дискурсе. На основе анализа теоретических подходов отечественных и зарубежных лингвистов (Н. В. Абельмас, О. С. Иссерс, К. Ф. Седов), а также на материале публичных высказываний Дональда Трампа, выделяются ключевые критерии эпатажа. Эпатаж анализируется в системе трёх базовых политических коммуникативных стратегий – стратегии на понижение, стратегии на повышение и стратегии театральности. Демонстрируется, что эпатаж в современной политике перестаёт быть стилистическим отклонением или случайной скандальной выходкой и приобретает статус осознанного прагматического инструмента формирования имиджа, поляризации аудитории и воздействия на массовое сознание. Особое внимание уделяется отличию эпатажа от смежных явлений и его роли в конструировании языковой личности «антисистемного» политика.

Abstract. The article examines provocation as a stable communicative strategy in modern political discourse. Based on the analysis of theoretical approaches of Russian and foreign linguists (N. V. Abelmas, O. S. Issers, K. F. Sedov), as well as on the material of Donald Trump’s public statements, the key criteria of provocation are identified: contrast, unexpectedness, publicity, intellectual play, tact and sense of proportion. Provocation is analyzed within the system of three basic political communicative strategies – the strategy of lowering, the strategy of raising, and the strategy of theatricality. It is demonstrated that provocation in modern politics ceases to be a stylistic deviation or an accidental scandalous act and acquires the status of a conscious pragmatic tool for image formation, audience polarization, and influencing mass consciousness. Special attention is paid to distinguishing provocation from related phenomena and its role in constructing the linguistic personality of an “anti-system” politician.

Ключевые слова: эпатаж, политический дискурс, коммуникативная стратегия, речевая тактика, языковая личность, политическая коммуникация, прагмалингвистика, речевой портрет.

Keywords: provocation, political discourse, communicative strategy, speech tactics, linguistic personality, political communication, pragmalinguistics, speech portrait.

Введение

Политическая коммуникация в XXI веке претерпевает существенные изменения. Традиционная модель, основанная на рациональной аргументации, соблюдении

жанровых конвенций и принципах политической вежливости, постепенно уступает место эмоционально окрашенным и провокационным формам взаимодействия политика с аудиторией. Одним из наиболее ярких проявлений этой тенденции становится языковой эпатаж – сознательное нарушение речевых, стилистических и культурных норм с целью привлечения внимания, создания эффекта провокации и мобилизации электората.

В условиях медиатизации политики, когда публичное высказывание политика мгновенно распространяется через СМИ и социальные сети, эпатаж перестаёт быть маргинальным явлением или случайной «оговоркой». Он превращается в осознанно выстроенную коммуникативную стратегию, позволяющую политику выделиться на фоне оппонентов, завоевать медийное внимание и сформировать образ «прямого», «честного», «несистемного» лидера.

Несмотря на возрастающую роль эпатажа в современной политической риторике, в лингвистике до сих пор отсутствует единое понимание этого феномена как коммуникативной стратегии. Не разработаны чёткие критерии, позволяющие отличить эпатаж от смежных явлений – китча, просторечия, прямого оскорбления или бытовой грубости. Не определена в полной мере его связь с классическими политическими стратегиями (на понижение, на повышение, театральности).

Цель настоящей статьи – выявить ключевые критерии эпатажа как коммуникативной стратегии, определить его место в системе политического дискурса и описать основные лингвистические механизмы его реализации на материале публичных высказываний современного политика.

Материалом исследования послужили публичные речи, интервью и дебаты Дональда Трампа – одного из наиболее ярких представителей эпатажной политической риторики. Выбор данного материала обусловлен высокой частотностью эпатажных элементов в его высказываниях, а также их системным, а не спорадическим характером.

1. Определение эпатажа и его отличие от смежных явлений

В толковых словарях русского языка эпатаж определяется как «вызывающее поведение» [7] или «поведение, намеренно нарушающее общепринятые нормы и правила; скандальная выходка» [3]. В лингвистическом ключе В. П. Белянин отмечает, что эпатаж может проявляться как в действиях, так и в языке, например, через использование жаргона, который заведомо не понимает собеседник [2].

Однако для лингвистического анализа этих дефиниций недостаточно. Принципиально важным является понимание того, что эпатаж – это намеренное, осознанное и прагматически ориентированное речевое действие. Его цель – не просто нарушить норму ради нарушения, а вызвать конкретную реакцию аудитории: шок, возмущение, интерес, поляризацию мнений, а в конечном счёте – привлечение внимания к самому говорящему.

Важно отграничить эпатаж от такого смежного понятия как китч. Китч определяется как культурно-эстетическая категория, которая включает клишированные произведения искусства серийного производства, ориентированные на массовый вкус. Он опирается на упрощённые, легко узнаваемые визуальные формы, которые имитируют художественную выразительность, но заменяют глубокий смысл поверхностной сентиментальностью и декоративностью.

Ключевые характеристики китча:

- ориентирован на потребности обыденного сознания, не требует глубокого понимания эстетики или культурного контекста;
- действует через простые эмоциональные сигналы: сентиментальность, идеализацию, уют, воспоминания;
- использует универсальные образы и клише, которые легко распознаются;
- может включать элементы пародии, иронии и ироничного отношения к классическим канонам.

Таким образом, эпатаж – это коммуникативный феномен, лежащий на пересечении прагматики, стилистики и риторики. Его отличительными признаками являются: намеренность, публичность, нарушение нормы и ориентация на конкретный перлокутивный эффект.

2. Критерии эпатажа

Наиболее детальная попытка систематизации эпатажа предпринята в работе Н.В. Абельмас, которая выделяет семь шагов успешного эпатажа [1]:

1. Обозначение проблемы – выявление «болевой точки», которая волнует аудиторию.
2. Выбор роли – принятие определённой коммуникативной маски.
3. Подготовка к эпатажу – расчёт времени, места, медийного контекста.
4. Акция – непосредственно эпатажное высказывание или действие.

5. Аудитория – эпатаж всегда рассчитан на публику, на наблюдателя.

6. Промежуточный результат – первая реакция (шок, смех, возмущение).

7. Привлечение внимания – долгосрочный эффект, закрепление образа в общественном сознании.

В проекции на политический дискурс эти шаги приобретают конкретное наполнение. Политик, использующий эпатаж, не просто «грубит» оппоненту, а разворачивает коммуникативный спектакль, каждый элемент которого просчитан.

3. Эпатаж в системе коммуникативных стратегий политического дискурса

В политической лингвистике принято выделять три базовые коммуникативные стратегии:

1. Стратегия на понижение – направлена на дискредитацию оппонента, подрыв его авторитета через обвинения, иронию, оскорбления.

2. Стратегия на повышение – ориентирована на самопрезентацию, создание позитивного образа говорящего, обещания, апелляцию к ценностям.

3. Стратегия театральности – рассчитана на внешнего наблюдателя, включает демонстративность, эмоциональную гиперболизацию, публичную игру [6].

Особого внимания заслуживает стратегия театральности, в рамках которой эпатаж реализуется наиболее часто. Политик, использующий эпатаж, сознательно превращает публичное выступление в перформанс, где сам факт нарушения нормы становится более значимым, чем содержание высказывания. Как справедливо отмечает Е. И. Шейгал, политический дискурс в целом тяготеет к театральности, однако эпатаж доводит эту черту до экстремального проявления [8].

4. Лингвистические механизмы создания эпатажа

Анализ материала показывает, что эпатажный эффект может создаваться на разных языковых уровнях – как по отдельности, так и в комплексе.

Лексический уровень включает:

- оценочную и негативно-маркированную лексику: disgrace, fake, disaster, crooks;
- уничижительные прозвища: Little Marco, Sleepy Joe, Lyin’ Ted;
- сниженную и просторечную лексику, нарушающую нормы официального дискурса.

Синтаксический уровень представлен:

- короткими, рублеными предложениями, имитирующими спонтанную устную речь;
- анафорическими повторами (например, серия “We will bring back…”);
- восклицательными и вопросительными конструкциями, повышающими эмоциональный градус.

Прагматический уровень предполагает:

- сознательное нарушение максим вежливости;
- вторжение в табуированные темы (например, вопрос об интимной жизни оппонента: “If Hillary Clinton can’t satisfy her husband, what makes her think she can satisfy America?”);
- игру с ожиданиями аудитории, когда высказывание идёт вразрез с жанровыми конвенциями.

Интертекстуальный уровень связан с использованием культурных аллюзий, пословиц, библеизмов и цитат, которые вводятся в ироническом или сниженном ключе. Например, обращение к концепту American Dream в сочетании с гиперболизированной формулой bigger and better than ever разрушает сакральность национального символа, создавая эпатажный эффект за счёт стилистического контраста.

5. Эпатаж как инструмент формирования языковой личности политика

Использование эпатажной стратегии напрямую связано с конструированием языковой личности политика. Регулярное применение провокационных приёмов формирует устойчивый речевой портрет, который аудитория начинает воспринимать как «естественный» и «аутентичный».

Для эпатажного политика характерны следующие черты языковой личности:

- на когнитивном уровне – бинарная картина мира (свои – чужие, победа – поражение);
- на прагматическом уровне – доминирование цели воздействия над целью информирования;
- на вербальном уровне – упрощённый синтаксис, эмоционально окрашенная лексика, высокая частотность повторов и оценочных суждений.

Как показал анализ речей Д. Трампа, его эпатажный речевой портрет выстраивается сознательно и системно: это не отдельные «выпады», а целостная

риторическая система, рассчитанная на мгновенную узнаваемость и медийную репродукцию.

Заключение

Эпатаж в современном политическом дискурсе – это не случайное нарушение нормы, а осознанная коммуникативная стратегия, имеющая чёткие критерии (контраст, неожиданность, публичность, интеллектуальная игра, ориентация на реакцию аудитории) и структуру (от обозначения проблемы до закрепления образа).

Эпатаж не сводится к одной из классических стратегий, а выступает как мета-стратегия, которая может усиливать каждую из них, придавая высказыванию провокационный, конфликтный и эмоционально заряженный характер.

Лингвистические механизмы эпатажа многоуровневы: от лексических (оценочная лексика, прозвища) и синтаксических (повторы, короткие предложения) до прагматических (нарушение постулатов вежливости) и интертекстуальных (ироническое использование культурных аллюзий).

Политик, системно использующий эпатаж, конструирует особый тип языковой личности – «антисистемной», «прямой», «народной», что в условиях медиатизированной политики оказывается эффективным инструментом привлечения внимания, мобилизации сторонников и формирования устойчивого имиджа.

Перспективы дальнейшего исследования связаны со сравнительным анализом эпатажных стратегий в разных политических культурах (западной и восточной, демократической и авторитарной), а также с разработкой типологии эпатажных речевых жанров в публичном политическом дискурсе.

Литература:

1. Абельмас Н.В. Универсальный справочник по Паблик Рилейшнз. Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. 320 с.

2. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2018. 232 с.

3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.efremova.info (дата обращения: 11.12.2025).

4. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

6. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 3–29.

7. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Наука, 2016. 938 с.

8. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. 2002. № 3. С. 205–214.

9. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. T.A. van Dijk (Ed.). London, 2018. Vol. 2. P. 206–230.

Бобров Филипп Юрьевич
Bobrov Philip Yuryevich
профессор кафедры реставрации станковой живописи
ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина"
e-mail: philippbobrov@gmail.com

РЕСТАВРАТОР КАК МУЗЕОЛОГ

THE RESTORER AS A MUSEOLOGIST

Аннотация. В настоящей статье продолжается знакомство отечественного специалиста в области консервации-реставрации (студента, музейного сртрудника, частного мастера и т.д.) с известнейшим произведением канадского реставратора Филиппа Варда «бег против времени». Вниманию читателя представляется глава под названием «реставратор как музеолог». Хорошо известно, что деятельность реставратора, в основе имеющая сугубо прикладную «базу», тем не менее тесно взаимодействует с другими дисциплинами, в том числе научными. К таковым относится и направление «музееведение». О порой непростых особенностях взаимодействия названных специалистов мы узнаем из представленной работы Ф. Варда.

Abstract. We continue to study Ph. Ward article “Nature of conservation: race against time”. Currently we focus on “conservator as museologist” chapter. Despite the release date (1980x), Ph. Ward text looks fresh, practical, and not too complicated, as it could be when it comes to conservation theory matters. Translated article could be of some interest to wide range of professionals and students in conservation-restoration field.

Ключевые слова: реставратор как музеолог; теория реставрации; изучение опыта реставрации; Ф. Вард.

Keywords: Ph. Ward; “conservator as museologist” study; theory of conservation; foreign theory and practice.

Настоящая статья продолжает ранее начатое изучение и представление отечественным специалистам, а также студентам, осваивающим программы реставрации, трудов ведущих реставраторов, исследователей и музееведов, относящихся к теории реставрации. В нынешней публикации представляется фрагмент произведения, автором которого является музейный специалист, практик-реставратор, публицист, директор Информационного центра Канадского Института консервации (Canadian Conservation Institute) Филипп Вард. Объектом этой публикации является глава 6, носящая название «Реставратор как музеолог» [2,3,6].

Хорошо известно, что реставрация – это комплексная дисциплина. Целью ее является сохранение культурного наследия для передачи его будущим поколениям. Предполагается, что для достижения столь важной и сложной цели специалист, к ней стремящийся, должен обладать неким междисциплинарным знанием и навыком.

Сохраняемый реставратором памятник может обладать несколькими категориями значимости: художественной, исторической, научной, общественной, а также быть неотъемлемой частью разнообразной коллекции или архитектурного ансамбля, и являться объектом, заменить который невозможно. Обладая знаниями, необходимыми для столь комплексной работы, реставратор неизбежно взаимодействует с представителями других, не всегда смежных, специальностей. О такого рода частом взаимодействии, почти всегда непростом, Ф. Вард рассказывал, например, в главе 2 «Основа деятельности реставратора», посвященной превентивной консервации [2]. Комплексность сформулированного подхода, обеспечивающая «неразрушение» предмета в процессе его существования как культурного объекта, способна приводить к противоречиям и конфликтам с другими участниками, так или иначе использующими (или восстанавливающими) объект культурного наследия.

Современный рестовратор, представляется, должен быть способен учитывать влияние на сохранеямый им объект результатов деятельности таких «смежных» специалистов. Что очевидно требует, хотя бы общего, понимания специфики их деятельности, основанного на необходимом знакомстве с ее спецификой.

Глава «Реставратор как музеолог» демонстрирует нам еще один, возможно неожиданный, аспект этой комплексной профессии [6]. Реставрация одной из последних дисциплин появляется в широком поле музеологии, и большинство сложностей основаны на этом событии. Реставрация пребывает в состоянии развития, и, как любое изменяющееся явление, обнаруживает для себя новые ниши. Поскольку деятельность реставрации связана с любыми коллекциями, и забредает во все виды музейной деятельности, связанной с использованием собрания, реставратор не всегда бывает радушно встречен и понят. Музеи часто недостаточно быстро оценивают появляющиеся возможности, приносимые новой дисциплиной (развивающейся реставрацией-консервацией). Дизайн музейных выставок набрал силу во многих случаях много раньше, чем первый реставратор получил штатное место [1].

Экспозиции планировались и создавались без реставрационных рекомендаций, а если недавно нанятый специалист-консерватор все же пробовал указывать на ошибки, то обычно получал совет - не вмешиваться.

Если реставратор упорствовал, то ему рекомендовалось подождать окончания создания экспозиции, прежде чем комментировать ее. К моменту, когда его начинали

слышать, экспозиция уже была совершившимся фактом, и уже представлена зрителям. Любая критика, звучащая на этом этапе, конечно, отвергалась как неактуальная, поскольку исправление чего-бы то ни было становилось слишком дорогим процессом. Очевидно, что образ реставратора кристаллизовался в негативно настроенного, досадно вмешивающегося во все критика. Удачно, что такое отношение встречается все реже, но многие давно работающие реставраторы могут подтвердить истинность такого утверждения.

В музеях с современной организацией, реставратор является частью команды по созданию экспозиции. Так, определяя параметры безопасного экспонирования произведений, и помогая создателям выставки их достичь, реставратор может быть уверен в появлении оптимальных для экспонатов выставочных условий, без необходимости внесения последующих труднореализуемых изменений. Хорошие дизайнеры выставок используют помощь реставратора с самого начала, и не находят сложности в соблюдении критериев безопасного экспонирования произведений. Редко следование верным стандартам экспонирования объектов является много более сложным или дорогим, чем их несоблюдение. В дополнение к созданию благополучных для объектов условий экспонирования, реставратор должен вовлекаться в решение технических вопросов (при создании экспозиции), используя эксперимент и апробацию результатов [4].

Это особенно интересный аспект консервации, так как дизайнеры постоянно используют новые методы и материалы при создании экспозиции, и поэтому вызовы возникают при создании практически каждой новой экспозиции.

Всегда существует связь между реставратором и хранителем коллекции, которые разделяют общую ответственность за физическое благополучие предметов в собрании. Часто именно хранитель коллекции - столкнувшись с необходимостью организации хранения различных объектов (часто с минимальным бюджетом, и в неподходящей для этого части здания) – первым прибегает к помощи реставратора-консерватора.

Помощь реставратора в определении: причин разрушения хранящихся предметов, и способов их устранения; улучшения климата в хранении; создания специализированных систем поддержки (рис.1) и контейнеров; эффективные способы обнаружения насекомых (и других факторов биоразрушения экспонатов); а также в

развеске, упаковке, и транспортировке экспонатов – встречается хранителем коллекции с благодарностью.

Рисунок 1. Закрепление поддерживающей картину ткани на экспозиционнм подрамнике перед натяжкой авторского холста. Методика кафедры реставрации станковой живописи академии Ильи Репина. Реставратор Нестерова А. 2025 г.

С другой стороны, научный (образовательный) отдел, может с подозрением относиться к вносимым предложениям реставратора. Два разных специалиста имеют разные точки зрения на коллекцию: один видит ее как инструмент для использования, другой – как объект для сохранения. Две точки зрения не являются взаимоисключающими, но решения (на их основе) требуют компромисса и понимания. К тому же решения, предполагающие создание отдельной обучающей коллекции, создание реплик объектов, или использование аудио-визуального материала, обычно является дорогостоящим, и потому нежелательным. Хотя сложности, возникающие между реставратором и куратором, хорошо известны, они ни в коем случае не являются принятой нормой, и хочется надеяться, что данный текст будет использован в созидательном духе, на который он и рассчитан [5].

Когда разночтения возникают, они обычно объясняются очень близкой философской и функциональной связью между двумя отношениями (к коллекции). Одна из главных особенностей названной связи – общая ответственность за коллекцию. Куратор отвечает за научную ее сферу, в то время как реставратор – за материальную составляющую.

Этнографические коллекции включают, пожалуй, самый широкий диапазон музейных материалов, в который может быть включено любое изделие человека (рис. 2). Поэтому и возможные профессиональные задачи, возникающие при их реставрации, также чрезвычайно широки. Общими проблемами для всех коллекций можно назвать: разрушение предметов от неправильного хранения и перемещения, влияние окружающей среды, грязи и насекомых.

Рисунок 2. Скульптура народности Мамбила, Нигерия, Камерун. Музей истории культуры (UCLA), Лос Анджелес.

Вероятно, однако, что коллекции этнографических материалов больше, чем любые другие собрания, требуют внимания к созданию специальных витрин для хранения и экспонирования.

Объекты, выполненные из редких и хрупких материалов, украшенные «слабыми» красками, часто созданные в расчете на их недолгое существование (но при этом ставшие незаменяемыми), ставят отношения между реставратором этнографических коллекций и дизайнером выставок на особенный уровень. Только тесное взаимодействие между названными специалистами помогает избежать причинения серьезного, хотя и непреднамеренного, вреда экспонатам.

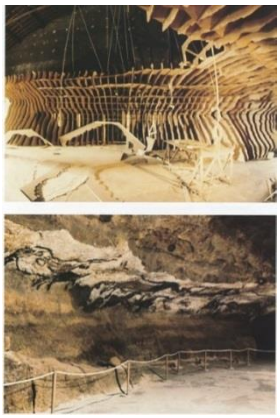


Рисунок 3. Факсимильное воспроизведение пещеры Ласко. Деревянная конструкция создана на основе анализа фотограмметрии. Живопись перенесена способом фотопечати на основу, покрытую смолой.

Некоторые музеи создают реплики объектов хранения с сугубо коммерческими целями (рис. 3), но сложные факсимильные техники также используются и в целях сохранения произведений (рис.4). Архивы регулярно выполняют копирование документов с использованием надежных носителей, не только по причине «износа» документа, но и с целью предоставить точную копию для целей обучения и исследования.

Рисунок 4. «Военоначальник». Неизвестный скульптор. Скульптурный бюст. Начало XVIII (Реплика 2000-хх гг.). Мрамор. 81 х 68 х 32. Фрагмент. Летний сад. Спб. 2016 г.

Репродукции могут создаваться с образовательными целями, чтобы не имеющий возможности совершить путешествие и увидеть оригинал исследователь мог, в качестве альтернативы, видеть реплику произведения, а студент – использовать в обучении объект, слишком хрупкий в оригинале.

Исключительно важно, что и целые археологические объекты, такие как пещера Ласко, могут также быть воспроизведены, что позволяет ограничить доступ к оригинальному (объекту). Чаще же создаются реплики объектов, слишком разрушенных, чтобы быть реставрированными.

Реплика может воссоздать утраченный памятник, либо показать утраченные части произведения, скопированные с другого объекта, как часть (больше не существующего) целого. Копии иногда помогают определить альтернативные (общепринятым) методики реставрации, или продемонстрировать их (рис.1). Исследование с использованием электронного микроскопа иногда можно выполнить только на репликах, поскольку взятая проба будет уничтожена электронным лучом. Методы репликации становятся все более впечатляющими, и поэтому они должны использоваться с определенной осторожностью. Некоторые, широко используемые из них, могут причинять определенный вред предмету, хотя ущерб может быть не сразу очевиден.

Также существует этическое соображение: если реплики так точны, что воспроизводят оригинал до мельчайших деталей, и при этом имеют неограниченный круг использования, поскольку они всего лишь воспроизведения подлинника, не могут ли они быть использованы неправильно? Должны ли музеи, чье существование фундаментально основано на правде, допускать такие имитации, даже из самых лучших устремлений?

Заключение

Важность понимания реставратором задач других «смежных» специалитов, вовлеченных в процесс сохранения объекта культурного наследия, выглядит несомненной. Тем не менее, взаимоотношения куратор-реставратор, все же, часто строятся аналогично описанному Ф. Вардом сценарию, и результатом становятся неизбежные разнообразные непонимания, возникающие при различном профессиональном отношении к одному объекту. Наличие у реставратора понимания основ деятельности куратора выставки, общего представления о «музееведении», очевидно, существенно облегчит профессиональное взаимодействие. Важно не забывать, что Ф. Вард, опираясь на свой богатейший профессиональный и жизненный опыт, почти всегда говорит о взаимодействии куратора и реставратора в широком контексте, не ограничиваясь узкими рамками какого-то одного направления кураторской (выставочной) деятельности. И упомянутые возможности экспонирования реплик, копий произведений (вместо оригиналов), продиктованные стремлением к наилучшей сохранности подлинников в процессе экспонирования, представляют очевидный интерес, и реализуются на практике – как и многие другие соображения, сформулированные опытным практиком и теоретиком, реставратором Ф. Вардом.

Литература:

1. Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «Живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев //Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №. 41-2. – С. 111-121.

2. Бобров Ф. Ю. Превентивная консервация как основа деятельности реставратора //Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. – 2024. – №. 70. – С. 30-47.

3. Бобров Ф. Ю. К истории формирования современного понимания роли реставрации в сохранении культурного наследия //Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. – 2021. – №. 58. – С. 105-114.

4. Казанцева О. А. ТИ Останина—археолог, музеолог и педагог (полвека в Национальном музее Удмуртской Республики имени Кузебая Герда) //Вопросы музеологии. – 2025. – Т. 16. – №. 2. – С. 271-282.

5. Патрушева Г. М. Подготовка специалистов по сохранению культурного наследия в Омском государственном университете им. ФМ Достоевского //У 592 Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Все. – 2015. – С. 86.

Чжоу Вэньюэ
Zhou Wenyue
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
e-mail: 375221173@qq.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ОПИСАНИЯХ ТОВАРОВ: НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАТФОРМ «АВИТО» (РОССИЯ) И «СЯНЬЮЙ» («СОЛЁНАЯ РЫБА», КИТАЙ)

SOCIOCULTURAL DIFFERENCES AS A FACTOR IN THE CHOICE OF STYLISTIC MEANS IN PRODUCT DESCRIPTIONS: A CASE STUDY ON THE PLATFORMS "AVITO" (RUSSIA) AND "XIANYU" ("SALTED FISH"), CHINA

Аннотация. В статье рассматривается влияние социокультурных различий на выбор стилистических средств в описаниях товаров на российских и китайских онлайн-платформах для продажи подержанных вещей — «Авито» и «Сяньюй» («Солёная рыба»). На основе сопоставительного анализа текстов объявлений исследуются особенности использования эмоционально-оценочной лексики, разговорных выражений и рекламных приёмов. Установлено, что различия в коммуникативных традициях и культурных ценностях оказывают непосредственное влияние на способы представления товара. Российские продавцы чаще ориентируются на информативность и объективность описания, тогда как китайские пользователи стремятся к созданию эмоциональной близости через повествовательные элементы и экспрессивные оценки. Полученные результаты позволяют глубже понять взаимосвязь языка, культуры и цифровой коммуникации в современной интернет-среде.

Abstract. This article examines the influence of sociocultural differences on the choice of stylistic devices in product descriptions on Russian and Chinese online platforms for selling used items—Avito and "XianYu" ("Salted Fish"). A comparative analysis of ad texts explores the use of emotionally evaluative vocabulary, colloquial expressions, and advertising techniques. It is established that differences in communication traditions and cultural values directly influence the way products are presented. Russian sellers often focus on informative and objective descriptions, while Chinese users strive to create emotional intimacy through narrative elements and expressive evaluations. The results obtained provide a deeper understanding of the interrelationships between language, culture, and digital communication in the modern online environment.

Ключевые слова: социокультурные различия, стилистические средства, интернет-коммуникация, рекламный дискурс, вторичный рынок, Авито, Сяньюй, русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация.

Keywords: sociocultural differences, stylistic devices, online communication, advertising discourse, secondary market, Avito, Xianyu, Russian language, Chinese language, intercultural communication.

Введение

С ростом уровня потребления люди всё чаще сталкиваются с проблемой накопления вещей, которые перестают использоваться, но сохраняют практическую ценность. Это способствует активному развитию платформ для продажи подержанных товаров. В процессе размещения объявлений продавцы не ограничиваются передачей объективной информации о товаре, такой как размер, цвет, бренд или степень износа. Они также включают в описание личные оценки, эмоции и субъективные впечатления, используя различные стилистические средства для привлечения внимания потенциальных покупателей.

Культурные и языковые различия между Россией и Китаем формируют различные модели коммуникации и оказывают существенное влияние на выбор языковых средств при описании товаров. В условиях цифровой торговли описание товара выполняет не только информативную, но и социально-коммуникативную функцию, отражая культурные представления продавцов о способах установления доверия, выражения эмоций и взаимодействия с потенциальным покупателем. Поэтому анализ объявлений на российских и китайских платформах позволяет выявить не только языковые особенности, но и более глубокие социокультурные механизмы коммуникации.

Объектом исследования является эмоционально-оценочная лексика и другие стилистические средства в рекламных текстах частных объявлений. Предметом исследования выступает влияние социокультурных факторов на выбор языковых средств в описаниях товаров. Эмпирическую базу составили по три объявления с российской платформы «Авито» и китайской платформы «Сяньюй» («Солёная рыба»). Цель исследования заключается в выявлении того, каким образом социокультурные различия между российским и китайским обществом влияют на выбор стилистических средств в описаниях товаров.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Изучить научную литературу по вопросам эмоционально-оценочной лексики и языка рекламы.
2. Собрать и проанализировать тексты объявлений с двух платформ.
3. Выявить особенности использования стилистических средств.

4. Провести сопоставительный анализ полученных результатов с учётом социокультурного контекста.

Методика исследования включает выявление эмоционально-оценочных слов, анализ логических и эмоциональных компонентов описаний, а также рассмотрение рекламных приёмов с точки зрения культурной специфики.

Глава 1. Социокультурные предпосылки выбора стилистических средств в русском и китайском языках

1.1. Понятие эмоционально-оценочного слова

Эмоционально-оценочное слово представляет собой лексическую единицу, содержащую субъективную оценку предмета, явления или ситуации. Такие слова могут выражать одобрение, восхищение, иронию, пренебрежение, сочувствие и другие эмоциональные реакции. Например, в русском языке к эмоционально-оценочной лексике относятся слова «задачка», «схалтурить», «замечательный», а в китайском языке — «小意思», «糊弄» и другие [1; 4].

Как отмечает О. Г. Кобжицкая, эмоционально-оценочная лексика наиболее активно функционирует в разговорной речи, поскольку именно разговорный стиль позволяет говорящему свободно выражать отношение к предмету высказывания. Поскольку объявления на интернет-платформах создаются обычными пользователями, они часто приближаются к повседневному разговорному общению и содержат значительное количество эмоционально окрашенных элементов.

1.2. Социокультурная обусловленность эмоционально-оценочной лексики

Использование эмоционально-оценочной лексики тесно связано с особенностями национальной культуры. Несмотря на наличие универсальных механизмов оценки, конкретные способы выражения эмоций различаются в зависимости от коммуникативных традиций общества [1; 3].

Российская коммуникативная культура традиционно характеризуется сравнительно высокой степенью прямоты и ориентацией на содержание сообщения. При передаче информации важную роль играет её достоверность, поэтому эмоциональная составляющая обычно дополняет фактические характеристики товара, а не заменяет их [2].

В китайской культуре большое значение имеют межличностные отношения, гармония общения и сохранение благоприятной атмосферы взаимодействия. Поэтому в

процессе коммуникации часто используются стратегии создания эмоциональной близости между собеседниками [3; 5]. Это проявляется и в текстах объявлений, где продавцы нередко рассказывают личные истории, объясняют причины продажи вещей и стремятся вызвать сочувствие или эмоциональный отклик.

Национальная специфика проявляется также в использовании метафорических образов. Некоторые символы имеют сходные значения в обеих культурах, однако многие ассоциации формируются под влиянием различных исторических и культурных традиций [2; 6]. В результате способы эмоционального представления товаров могут существенно различаться.

1.3. Рекламные средства описания подержанных товаров

Основная задача рекламного текста заключается в привлечении внимания потенциального потребителя и побуждении его к покупке. По мнению Т. Г. Пядычевой, рекламный язык должен быть понятным, убедительным, точным и естественным.

Хотя продавцы на платформах подержанных товаров обычно не являются профессиональными маркетологами, они активно используют рекламные приёмы. Среди них можно выделить указание точных количественных характеристик («надевала два раза», «90% новых»), использование разговорной лексики для сокращения дистанции между продавцом и покупателем, а также эмоциональные высказывания, способствующие формированию доверия [7].

Выбор конкретных рекламных стратегий зависит не только от индивидуальных особенностей автора объявления, но и от культурных представлений о том, каким образом следует убеждать собеседника и выстраивать коммуникацию [7; 8].

2.1. Описание товаров на платформе «Авито»

Пример 1. Бархатное платье Zara (46)

В описании подробно представлены характеристики товара: фасон, цвет и состав ткани. Используется метафорическое выражение «рукава летучая мышь», позволяющее создать более наглядный образ изделия. Продавец открыто сообщает о небольшом дефекте — разошедшемся шве длиной около четырёх сантиметров, однако одновременно подчёркивает, что платье выглядит «эффектно и очень дорого».

Подобная стратегия отражает характерную для российской интернет-коммуникации ориентацию на достоверность и объективность информации [2].

Указание недостатков воспринимается как признак честности и способствует формированию доверия со стороны покупателя.

Пример 2. Голубая блузка H&M

В тексте активно используется разговорная лексика: «офигительная», «обалденно», «кайфово». Продавец сообщает, что надевала блузку всего два раза, а также упоминает о небольших потёртостях на ткани.

Сочетание эмоционально окрашенных слов и конкретных фактов создаёт эффект дружеской беседы. Такой способ подачи информации позволяет снизить настороженность покупателя и сделать коммуникацию более неформальной, сохраняя при этом достаточную информативность.

Пример 3. Молочный плащ

В объявлении используются слова «классный», «очень люблю его», а также выражение «обретёт новую жизнь». Продавец не просто описывает вещь, но и делится собственным отношением к ней.

Эмоциональная составляющая помогает сформировать положительный образ товара [1]. Однако даже в данном случае субъективные оценки не вытесняют фактическую информацию, что соответствует общей тенденции российских объявлений к сохранению баланса между эмоциональностью и информативностью [2].

2.2. Описание товаров на платформе «Сяньюй» («Солёная рыба»)

Пример 1. Женская толстовка

В описании содержатся объективные характеристики изделия: материал, сезонность, размерный диапазон и цвет. Одновременно продавец рассказывает о причинах продажи, объясняя, что поправилась и вещи стали малы. Также упоминается предстоящий переезд и желание найти нового владельца с хорошим вкусом.

Использование личной истории связано с распространённой в китайской культуре стратегией построения межличностной близости [3; 5]. Продавец стремится не только сообщить характеристики товара, но и представить собственную жизненную ситуацию, создавая атмосферу доверительного общения.

Пример 2. Полосатая футболка MUJI

В объявлении указаны размер, состояние вещи и отсутствие дефектов. Вместе с тем продавец пишет, что футболка долго лежала в коробке и её «жалко выбрасывать». Также приводятся собственные параметры роста и веса.

Подобная форма самопрезентации характерна для китайской интернет-коммуникации [5]. Личная информация помогает покупателю представить вещь в реальном использовании, а эмоциональные комментарии создают ощущение искренности и заботливого отношения к товару [4].

Пример 3. Мужская летняя рубашка

Данное описание отличается высокой степенью эмоциональности. Используются многочисленные восклицательные знаки и гиперболизированные оценки: «круто на 100%», «реально красиво», «потрясающе».

Кроме того, продавец создаёт ощущение ограниченности предложения и особой ценности вещи. Подобная стратегия близка к профессиональному рекламному дискурсу и направлена на усиление эмоционального воздействия на потенциального покупателя [7; 8].

Сравнительный анализ

Сопоставительный анализ показал, что различия в выборе стилистических средств обусловлены не только индивидуальными предпочтениями продавцов, но и особенностями социокультурной среды [2; 4].

Российские пользователи чаще придерживаются модели рационального информирования, в рамках которой основное внимание уделяется характеристикам товара, его состоянию и личной оценке качества [2]. Даже при использовании эмоционально-оценочной лексики продавцы стремятся сохранять объективность и конкретность описания.

Китайские продавцы, напротив, активно используют повествовательные элементы, личные истории и эмоциональные комментарии. Для них важным является создание атмосферы доверительного общения, в которой товар становится частью жизненной истории владельца [3; 5].

Следует отметить, что в обеих культурах широко используются разговорная речь, конкретные цифры и эмоционально-оценочная лексика. Однако различаются функции этих средств. В российских объявлениях они чаще служат дополнением к фактической информации, тогда как в китайских текстах становятся важным инструментом формирования эмоциональной связи между участниками коммуникации [4].

Заключение

Проведённое исследование показало, что выбор стилистических средств в описаниях товаров на платформах «Авито» и «Сяньюй» во многом определяется социокультурными особенностями российского и китайского обществ [2; 4].

Анализ объявлений позволил установить, что продавцы обеих стран активно используют эмоционально-оценочную лексику, разговорные выражения и элементы рекламного дискурса [7]. Однако способы их применения различаются. Российские пользователи чаще ориентируются на информативность, достоверность и объективность описания, тогда как китайские продавцы стремятся к эмоциональному взаимодействию посредством личных историй, экспрессивных оценок и повествовательных элементов [4; 5].

Таким образом, стилистические особенности текстов объявлений отражают не только индивидуальный стиль автора, но и более широкие культурные нормы и ценности, определяющие характер коммуникации в цифровой среде. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию взаимосвязи языка, культуры и интернет-коммуникации и могут быть полезны как исследователям рекламного дискурса, так и пользователям платформ электронной торговли [2; 7].

Литература:

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: URSS, 2019.

2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: ЛКИ, 2017.

3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 2016.

4. **刘叔新**：《现代汉语评价词研究》，北京大学出版社，2018。

5. **邵敬敏**：《现代汉语通论》，上海教育出版社，2020。

6. 陈望道：《修辞学发凡》，复旦大学出版社，2019。

7. Cook G. The Discourse of Advertising. London: Routledge, 2001.

8. Leech G. N. English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. London: Longman, 1966.

Бережная Наталья Анатольевна
Berezhnaya Natalia Anatolyevna
старший преподаватель кафедры психологии и конфликтологии
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университетимени Владимира Даля»,
кризисный психолог, г. Луганск.
e-mail: psychologist.natalia.berezhnaya@mail.ru

Рысенко Артур Витальевич
RysenkoA rtur Vitalievich
студент направления «Практическая психология»
кафедра психологии и конфликтологии
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университетимени Владимира Даля»
e-mail: artur.rysenko@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ НА ВОЛЕВУЮ РЕГУЛЯЦИЮ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE INFLUENCE OF COGNITIVE STYLES ON VOLITIONAL REGULATION IN ADOLESCENCE

Аннотация. В статье проанализирована отечественная и зарубежная литература по проблеме волевой регуляции. Исследовано понятие «когнитивные стили» в отечественной и зарубежной литературе**.** Рассмотрены психологические особенности предпосылок влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте в отечественной и зарубежной литературе. Подобраны методы и диагностические методики исследования когнитивных стилей и волевой регуляции в юношеском возрасте. Выполнена статистическая и математическая обработка результатов исследования (корреляционный анализ) психологических особенностей предпосылок влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте. Разработаны практические рекомендации по развитию и коррекции когнитивных стилей и волевой регуляции. Составлена тренинговая программа по формированию навыков волевой саморегуляции.

Abstract. The article analyzes the domestic and foreign literature on the problem of volitional regulation. The concept of "cognitive styles" in Russian and foreign literature is investigated. The psychological features of the prerequisites for the influence of cognitive styles on volitional regulation in adolescence in Russian and foreign literature are considered. Methods and diagnostic techniques for the study of cognitive styles and volitional regulation in adolescence have been selected. Statistical and mathematical processing of the research results (correlation analysis) of the psychological features of the prerequisites for the influence of cognitive styles on volitional regulation in adolescence has been performed. Practical recommendations for the development and correction of cognitive styles and volitional regulation have been developed. A training program has been developed to develop the skills of volitional self-regulation.

Ключевые слова: волевая регуляция, воля, саморегуляция, когнитивные стили, вербализация, полезависимость / поленезависимость, импульсивность/ рефлективность, интолерантность / толерантность к неопределенности, юношеский возраст, психологические особенности влияния.

Keywords: volitional regulation, volition, self-regulation, cognitive styles, verbalization, self-dependence / self-dependence, impulsivity/ reflexivity, intolerance / tolerance to uncertainty, adolescence, psychological features of influence.

Актуальность исследования. В контексте современного общества, которое отличается повышеной динамикой, непрдесказуемостью и большой информационной нагрузкой, возрастает необходимость эффективной волевой регуляции. Стремление человека контролировать своё поведение, следовать поставленной цели и адаптироваться к меняющимся условиям в большинстве своём зависит от особенностей его когнитивного стиля. Это делает наше исследование психологических особенностей влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию особенно важным для понимания адаптационных ресурсов личности.

Несмотря на активное изучение когнитивных стилей как устойчивых способов переработки информации и волевой регуляции как механизма сознательного управения поведением, их включение в общую теоретическую модель является частичной. На сегодняшний день несформировано целостное понимание того, каким образом индивидуальные особенности переработки информации влияют на процессы постановки целей, принятия решений, преодоления трудностей и самоконтроля.

Особую актуальность данная тема приобретает в контексте изучения индивидуальных различий. Когнитивные стили определяют способы восприятия, анализа и интерпретации информации, в то время как волевая регуляция обеспечивает организацию и направленность поведения. Их взаимодействие позволяет глубже понять механизмы саморегуляции личности, включая способность к планированию, контролю импульсов, устойчивости к отвлекающим факторам и достижению поставленных целей.

Юношеский возраст представляет собой сензитивный период для формирования как устойчивых когнитивных стратегий, так и механизмов осознанной саморегуляции. В условиях усложняющейся образовательной и информационной среды увеличивается необходимость создания техник развития и коррекции индивидуальных особенностей мышления и воли, которые смогут обеспечить результативную деятельность и устойчивость личности.

Цель исследования: теоретически изучить психологические особенности влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте, экспериментально исследовать психологические особенности влияния когнитивных стилей на волевую

регуляцию в юношеском возрасте, дать рекомендации по коррекции и развитию когнитивных стилей и волевой регуляции, составить тренинговую программу по формированию навыков волевой саморегуляции.

Гипотеза исследования – можем предположить, что между когнитивными стилями (полезависимость/поленезависимость, вербализация, импульсивность/рефлективность, интолерантность/толерантность к неопределенности) и структурными компонентами волевой регуляции (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность, когнитивный, эмоциональный и волевой контроль) существует линейная связь как предпосылка влияния.

Научная новизна исследования заключается в уточнении и эмпирическом исследовании психологических особенностей влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте, а также в выявлении взаимосвязей между когнитивными стилями и структурными компонентами волевой регуляции; впервые разработаны практические рекомендации по развитию и коррекции когнитивных стилей и волевой регуляции, составлена тренинговая программа по формированию навыков волевой саморегуляции.

Теоретико–методологические основы изучения проблемы влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте.

Исследование воли и волевой регуляции занимает значительное место как в отечественной, так и в зарубежной психологии.

Физиолога И. М. Сеченова можно назвать первым ученым, который ввел понимание воли как особой формы психической регуляции. Его слова о том, что воля является деятельной стороной разума и морального чувства, есть не что иное, как отражение именно такого понимания [6].

Он отрицал существование воли как самостоятельной силы, способной побуждать, тормозить или модифицировать действия. Он признавал реальность произвольного поведения и его регуляции, но считал, что за волевые акты отвечают конкретные физиологические и психические механизмы – чувства, мысли и моральные эмоции, которые придают действию смысл [5].

Одним из первых исследователей, обративших внимание на волю как особую форму психической регуляции поведения был М. Я. Басов. Он понимал волю как

регулятивный фактор, обеспечивающий контроль над душевными состояниями, но сводил её к вниманию, которое через смену содержания сознания (переключение внимания) регулирует восприятие, мышление, чувства и движения. Воля лишена способности порождать действия и мысли, она только регулирует их [6]

Исследователь Л. С. Выготский относит волю к высшим психическим функциям человека, развитие которых осуществляется как овладение человеком собственным поведением при помощи различных средств. Характерные признаки овладения собственным поведением проявляются, главным образом, в свободном выборе действия. Л. С. Выготский рассматривал волю как механизм произвольной регуляции поведения и психических процессов, позволяющий человеку управлять поведением, мотивацией и деятельностью. В развитой форме такая регуляция опосредована знаками и осуществляется через объединение психических функций в единую функциональную систему [6].

Регулирующую функцию воли также выделял В. И. Селиванов. Он понимал волю как «способность человека сознательно регулировать свое поведение, регулирующую функцию мозга, позволяющую человеку управлять собой, руководствуясь мотивами и целями» [6, с. 42]

Согласно взглядам Е. П. Ильина: «воля – разновидность произвольного управления, реализуемого посредством волевых действий, существенным признаком которых является наличие волевого усилия» [6, с. 59].

Таким образом волевая регуляция – это сознательное, опосредованное целями и мотивами предметной деятельности создание состояния оптимальной мобилизованности, оптимального режима активности и концентрирование этой активности в нужном направлении.

Исследования регуляции психических процессов породили в рамках проблемы воли проблему саморегуляции, которая вскоре выделилась в практически самостоятельную область исследований.

В рамках системно–функционального подхода О. А. Конопкин рассматривает психическую саморегуляцию как открытую, иерархически организованную систему и выделяет в ней шесть компонентов: 1) принятая субъектом цель деятельности; 2) субъектная модель ее значимых условий; 3) программа собственно исполнительских действий; 4) субъектная система критериев успешности деятельности; 5) контроль и

оценка реальных наличных результатов; 6) решение о коррекции системы саморегуляции [9].

Согласно В. И. Моросановой, индивидуальный стиль саморегуляции характеризует индивидуально–типическое своеобразие способов управления произвольной активностью. Стилевыми особенностями саморегуляции являются регуляторные процессы и регуляторно–личностные свойства [12]

В юношеском возрасте волевая регуляция формируется как целостная система в результате процессов дифференциации и последующей интеграции её компонентов в онтогенезе. К этому периоду основные механизмы волевой регуляции уже в значительной степени сформированы и активно проявляются в различных видах деятельности. Молодые люди склонны ставить высокие цели, применять волевые усилия, использовать самоконтроль и самоприказ, что способствует совершенствованию деятельности и развитию личности [2].

Изучив понятие «когнитивные стили» в отечественной и зарубежной литературе нами были выделены следующие определения.

Автор С. К. Нартовой–Бочавер отмечает: «когнитивные стили – это психологические качества, которые, будучи относимыми в большинстве работ к формально–динамическим свойствам, тем не менее представляются наиболее перспективными в решении проблемы интеграции когнитивных и аффективных процессов, динамического и содержательного в структуре индивидуальности» [13, с. 114].

В контексте системно–деятельностного подхода к исследованию личности рассматривал данный феномен А. Г. Асмолов. Он приписывал когнитивные стили к биологическим свойствам человека, «безличным» предпосылкам развития личности. Исходя из его концепции: «различные социотипические шаблоны и стереотипы выступают в качестве материала, используемого при изобретении когнитивного стиля и формирования операциональных установок личности». Когнитивный стиль выступает здесь в качестве «средства», «психологического инструмента» [7, с. 3].

С точки зрения М. А. Холодной: «когнитивные стили – это индивидуально–своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. В свою очередь, эти индивидуальные различия образуют

некоторые типичные формы когнитивного реагирования, относительно которых группы людей являются похожими и отличаются друг от друга. Таким образом, понятие когнитивного стиля используется с тем, чтобы обозначить, с одной стороны, индивидуальные различия в процессах переработки информации и, с другой, типы людей в зависимости от особенностей организации их когнитивной сферы» [18].

В рамках типологических моделей (Ч. Носал, Р. Райдинг, Дж. Ройс, Д. Уорделл, М. А. Холодная) выделяются различные уровни организации когнитивных стилей: от особенностей переработки информации (перцептивный, концептуальный, программный уровни), до способов ее организации (структура поля, контроль, сканирование), а также интеграции когнитивных, аффективных и регуляторных компонентов. Подчеркивается, что разнообразие стилей может быть сведено к базовым дихотомиям, таким как аналитичность–синтетичность, целостность–детальность, вербальность–образность. К основным когнитивным стилям относят полезависимость / поленезависимость, узкий / широкий диапазон эквивалентности, узость / широта категории, ригидный / гибкий познавательный контроль, толерантность к нереалистическому опыту, фокусирующий / сканирующий контроль, сглаживание / заострение, импульсивность / рефлективность, конкретная / абстрактная концептуализация, когнитивная простота / сложность [7, 8]

Юношеский возраст рассматривается как период, когда формируется индивидуальный стиль умственной деятельности. Умственное развитие в этом возрасте заключается не столько в накоплении определённых умений и изменении отдельных свойств интеллекта, сколько в формировании индивидуального стиля [17].

Как отмечает А. Н. Леонтьева: «в юношеском возрасте когнитивные стили становятся относительно устойчивыми и начинают выполнять регулятивную функцию в учебной и жизненной деятельности, определяя способы постановки целей, принятия решений и адаптации к требованиям социальной среды» [10].

Таким образом, когнитивные стили в юношеском возрасте выступают важным психологическим механизмом, определяющим индивидуальные различия в познавательной активности, адаптации и личностном развитии [10].

В работах Г. Ходжкинсона и Э. Сэдлер–Смита подчеркивается, что главный вклад конструкта «когнитивный стиль» состоит в способности объединять когнитивные и личностные процессы в единое целое [16].

Согласно С. Л. Рубинштейну «волевые и интеллектуальные процессы тесно взаимосвязаны и не противопоставляются друг другу: любой волевой процесс включает интеллектуальные компоненты., а интеллектуальные, в свою очередь, сплошь да рядом бывают волевыми». Особое внимание автор контролирующей роли интеллекта в волевых процессах. А характеристику волевого акта он проводил посредством описания проявлений когнитивных процессов: «Волевой акт предполагает сознательное регулирование, предвидение результатов своих действий, учет последствий своих поступков, подыскание надлежащих средств, обдумывание, взвешивание» [15, с. 541].

Воля предполагает целеустремлённость человека и опирается на мыслительные процессы: сознательный выбор цели, подбор средств её достижения и контроль выполнения действия. Для достижения цели человек сопоставляет условия и средства деятельности и при необходимости вносит коррективы. Без участия мышления волевые действия теряют сознательный характер [11].

Исследователь А. Р. Батыршина отмечает, что «волевое действие представляет собой действие, регулируемое мыслительными процессами, функция которых состоит в получении знаний о закономерных связях и отношениях, необходимых для волевой регуляции. Следовательно, волевая регуляция вытекает из интеллектуального уровня отражения действительности и без него невозможна, и далее: где нет развитого интеллекта, там не может быть воли» [1, с. 28].

По мнению Р. С. Немова «развитие воли взрослого человека идет по пути все большей интеллектуализации действий, связанных с волевой регуляцией поведения. Поскольку волевой акт предполагает сознательное регулирование, продумывание, планирование, предвидение и разумную оценку результатов волевых действий, учет их возможных последствий, то он включает в свой состав достаточно сложные интеллектуальные процессы, характерные только для взрослых людей» [21, с. 545].

Согласно В. Н. Дружинину и Д. В. Ушакову: «стиль – это инструментальная (процессуально–динамическая) характеристика интеллектуальной деятельности. Способность рассматривается в связи с уровнем выполнения, то есть результативностью интеллектуальной деятельности» [14, с. 306].

Авторы отмечают: «когнитивные стили отражают два аспекта интеллектуальной деятельности: особенности ментальных репрезентаций ситуации и способность контролировать психическую активность, в том числе «оттормаживать» аффекты. Во–

первых, стилевые различия проявляются в развернутости, проницаемости, артикулированности и интегрированности ментальных образов (например, импульсивность–рефлексивность, полезависимость–поленезависимость, диапазон эквивалентности, когнитивная сложность). Во–вторых, они свидетельствуют о сформированности механизмов непроизвольного интеллектуального контроля: 1) контроля процессов переработки информации; 2) контроля аффективной активности в познавательных актах» [8, с. 311].

Согласно Дж. Гилфорду: «когнитивные стили – это не что иное, как интеллектуальные организующие функции, которые имеют дело с инициированием и контролем психической активности» [19, с. 109].

Когнитивные стили – это метакогнитивные способности, обеспечивающие уникальные способы построения «картины мира» и посредничество между ментальным миром субъекта и реальностью [8].

Когнитивные стили тесно связаны с волевой регуляцией, поскольку определяют, каким образом человек планирует свою деятельность, контролирует действия и адаптируется к изменяющимся условиям. Один из типов когнитивных стилей характеризуется жёсткой связью между целями и средствами их достижения. В этом случае деятельность строится на основе заранее разработанного плана, где действия фиксируются почти алгоритмически и выполняются в строго определённой последовательности. Волевая регуляция при таком стиле проявляется в способности придерживаться намеченного плана, сохранять самоконтроль и настойчиво реализовывать поставленные задачи [3].

Исследования Д. Н. Гриненко демонстрируют, что параметры когнитивных стилей определяют индивидуальный профиль саморегуляции, влияя на устойчивость к внешним воздействиям, адаптивную гибкость поведения и способность эффективно регулировать деятельность в различных условиях [4].

Таким образом, когнитивные стили выступают важным психологическим основанием волевой регуляции, определяя характер самоконтроля, эмоциональной устойчивости, способов преодоления трудностей и осознанности поведения. Их влияние носит системный характер и проявляется в интеграции познавательных, эмоциональных и личностных процессов, обеспечивающих произвольную организацию деятельности, особенно значимую в юношеском возрасте как периоде становления

самостоятельности и ответственности за собственный выбор [8].

Экспериментально – психологическое исследование влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте.

В данной работе для экспериментально – психологического исследования влияния когнитивных стилей на волевую регуляцию в юношеском возрасте мы использовали следующие методики: «Тест включённых фигур» (Г. Уиткин), «Тест сравнения похожих рисунков (Дж. Каган)», «Опросник на определение степени выраженности склонности к вербализации» (Н. Н. Мехтиханова), «Шкала интолерантности к неопределённости С. Баднера» (Адаптация: Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), опросник «Контроль поведения» (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова). Обработка результатов эмпирических данных производилась с помощью метода математической статистики: коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Методика «тест включённых фигур» (Г. Уиткин) выявила: 33 человека (72%) – поленезависимые; 13 респондентов (28%) – полезависимык.

«Тест сравнения похожих рисунков» (Дж. Каган) позволил выявить следующие результаты: у 16 респондентов (35 %) импульсивный стиль. Рефлексивный стиль выявлен у 13 респондентов (28 %). У 9 респондентов (20 %) выявлен «быстрый/точный» стиль. У 8 респондентов (17 %) обнаружен «медленный/неточный» стиль.

Методика «шкала интолерантности к неопределённости С. Баднера (Адаптация: Корнилова Т. В., Чумакова М. А.)» выявила: Низкий уровень интолерантности к неопределённости выявлен у 1 респондента (2 %), уровень ниже среднего показал 1 респондент (2%), средний уровень выявлен у 21 респондента (46 %), уровень выше среднего показали 18 респондентов (39 %), высокий уровень выявлен у 5 респондентов (11 %).

Низкий уровень толерантности к неопределённости выявлен у 3 респондентов (6,5 %), уровень ниже среднего показали 23 респондента (50 %), средний уровень выявлен у 16 респондентов (35 %), уровень выше среднего показали 3 респондента (6,5 %), высокий уровень выявлен у 1 респондента (2 %).

Сравнив показатели по двум шкалам, мы получили следующие результаты: у 40 респондентов (87 %) наблюдается преобладание интолерантности к неопределённости. Преобладание толерантности к неопределенности наблюдается у 4 респондентов (9 %).

Равномерная выраженность интолерантности/толерантности к неопределенности наблюдается у 2 респондентов (4 %).

«Опросник на определение степени выраженности склонности к вербализации» (Н. Н. Мехтиханова) выявил, что высокая степень выраженности склонности к вербализации выявлена у 16 испытуемых (35%). Средняя степень выраженности склонности к вербализации выявлена у 21 испытуемого (46 %). Низкая степень выраженности склонности к вербализации выявлена у 9 испытуемых (19 %).

Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, выявил: по шкале «общий уровень саморегуляции» высокий уровень был показан у 9 респондентов (19%), средний уровень – 33 респондента (72%), низкий уровень по шкале – у 4 респондента (9%); по шкале «Планирование» высокий уровень был показан у 21 респондента (45,5%), средний уровень – 21 респондент (45,5%), низкий уровень – 4 респондента (9%); по шкале «Моделирование» высокий уровень был показан у 12 респондентов (26%), средний уровень – 24 респондента (52%), низкий уровень – 10 респондентов (22%); по шкале «Программирование» высокий уровень был показан у 9 респондентов (20%), средний уровень – 31 респондент (67%), низкий уровень – 6 респондентов (13%); по шкале «Оценивание результатов» высокий уровень был показан у 15 респондентов (33%), средний уровень – 29 респондентов (63%), низкий уровень – 2 респондента (4%); по шкале «Гибкость» высокий уровень был показан у 11 респондентов (24%), средний уровень – 24 респондента (52%), низкий уровень – 11 респондентов (24%); по шкале «Самостоятельность» высокий уровень был показан у 19 респондентов (41%), средний уровень – 17 респондентов (37%), низкий уровень – 10 респондентов (22%).

Опросник «Контроль поведения» (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова) позволил выявить следующие результаты: высокий уровень когнитивного контроля был выявлен у 2 испытуемых (4%), средний уровень – 37 испытуемых (80%), низкий уровень – 7 испытуемых (16%); высокий уровень эмоционального контроля был выявлен у 2 испытуемых (4%), средний уровень – 37 испытуемых (80%), низкий уровень – 7 испытуемых (16%); высокий уровень произвольного (волевого) контроля был выявлен у 6 испытуемых (13%), средний уровень – 32 испытуемых (70%), низкий уровень – 8 испытуемых (17%); высокий общий уровень контроля поведения был выявлен у 1 испытуемого (2%), средний уровень – 38 испытуемых (83%), низкий

уровень – 7 испытуемых (15%).

Для выявления линейной связи между когнитивными стилями и волевой регуляции как предпосылка влияния, а также для проверки достоверности выдвинутой гипотезы мы провели корреляционный анализ, соотнесли данные, полученные при тестировании, и обработали их с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, который может применяться для статистического анализа между определенными явлениями.

По результатам корреляционного анализа обнаружено существование статистически значимой корреляционной связи между когнитивными стилями и волевой регуляции (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа по всем методикам на основе критерия Спирмена

	Индекс полезависимости	Число Ошибок	Латентное время первого ответа	интолерантность к неопределённости	толерантность к неопределённости	Склонность к вербализации
ОУ	–0,0205	–0,1509	0,017	–0,065	–0,183	0,206
Пл	–0,013	–0,023	–0,247	0,452**	0,116	–0,048
М	–0,036	–0,307*	0,029	–0,249	–0,334*	0,36007*
Пр	–0,147	–0,035	0,009	–0,018	–0,092	0,138
ОР	–0,096	–0,112	0,133	–0,054	0,046	0,305*
Г	0,025	0,154	0,132	–0,299*	0,071	0,116
С	0,249	0,089	–0,039	–0,109	–0,156	–0,223
Общий уровень контроля поведения	–0,177	–0,338*	0,233	–0,021	–0,063	0,4502**
Когн. контроль	–0,009	0,0259	0,086	0,274	0,252	0,292*
Эмоц. контроль	–0,248	–0,2809	0,127	–0,122	–0,025	0,474***
Волевой контроль	–0,065	–0,214	–0,003	0,086	–0,126	0,386**

(ОУ – общий уровень саморегуляции, Пл – планирование, М – моделирование, Пр – программирование, ОР – оценивание результатов, Г – гибкость, С – самостоятельность)

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя) – $P \leq 0,05$.

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя) – $P \leq 0,01$.

*** Корреляция значима на уровне 0,001 (двухсторонняя) – $P \leq 0,001$.

Критические значения коэффициента корреляции r–Спирмена: r 0,05 =0,291, r 0,01=0,376, r 0,001=0,469, при n=46.

Показатель «склонность к вербализации» положительно связан с эмоциональным контролем (0,474), общим уровнем контроля поведения (0,450) и волевым контролем (0,386), что свидетельствует о том, что развитая вербализация способствует более высокому уровню самоконтроля и произвольной регуляции поведения. Также выявлены положительные связи с показателями моделирования (0,360), оценивания результатов (0,305) и когнитивного контроля (0,292), что указывает на роль вербализации как ресурса волевой регуляции деятельности.

Показатель «интолерантность к неопределённости» положительно связан с планированием (0,452) и отрицательно – с гибкостью (–0,299), что отражает тенденцию к усилению структурированности поведения при одновременном снижении адаптивности. В свою очередь, «толерантность к неопределённости» отрицательно коррелирует с моделированием (–0,334), что может свидетельствовать о снижении потребности в детальном анализе ситуации при высокой готовности к неопределённости.

Показатель «число ошибок» когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность отрицательно связан с моделированием (–0,307) и общим уровнем контроля поведения (–0,338), что указывает на снижение эффективности волевой регуляции при выраженной импульсивности.

Установленные взаимосвязи подтверждают, что когнитивные стили имеют системные связи со структурными компонентами волевой регуляции, что частично подтверждает гипотезу исследования о наличии линейной связи между когнитивными стилями и компонентами волевой регуляцией в юношеском возрасте. Полученные результаты могут рассматриваться как предпосылки возможного влияния когнитивных стилей на особенности формирования и развития волевой регуляции в юношеском возрасте.

В результате проведённого эмпирического исследования, включавшего диагностику когнитивных стилей и волевой регуляции в юношеском возрасте, были выявлены специфические особенности их проявления.

На основе полученных данных нами разработаны практические рекомендации, направленные на оптимизацию когнитивных стилей и развитие волевой регуляции.

Особое значение приобретает формирование навыков осознанной саморегуляции, развитие рефлексивности, гибкости поведения, способности к планированию и контролю деятельности. В связи с этим представляется целесообразным разработка тренинговой программы, ориентированной на формирование навыков волевой саморегуляции и оптимизацию когнитивных стилей в юношеском возрасте.

Разработанные рекомендации направлены на развитие когнитивной гибкости, расширение стилевого репертуара и формирование метакогнитивной рефлексии. Их реализация в тренинговых программах способствует оптимизации когнитивных стилей, повышению волевой регуляции и более эффективному функционированию личности в условиях неопределённости и информационной нагрузки. Развитие волевой регуляции рассматривается как системный процесс, включающий основные звенья: целеполагание и планирование, моделирование, программирование действий, оценивание и рефлексию, а также поведенческую гибкость. Практическая работа предполагает формирование целей, регулярное планирование, развитие самонаблюдения, анализ опыта, закрепление эффективных стратегий и применение техник саморегуляции.

В целом реализация предложенных подходов способствует повышению уровня волевой регуляции и когнитивной гибкости, обеспечивая более осознанное, устойчивое и эффективное функционирование личности в условиях современной социальной и информационной среды.

Литература:

1. Батыршина А. Р. Подходы изучению вопроса о взаимосвязи интеллекта и воли / А. Р. Батыршина // Вестник УРАО. – 2018. – №3. – С. 25–29.

2. Быков А. В. Становление волевой регуляции в онтогенезе: Учебное пособие / А. В. Быков, Т. Н. Шульга. – М: Изд–во УРАО, 1999. – 168 с.

3. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: учебник для вузов / Б. М. Величковский. – 2–е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 783 с.

4. Гриненко Д. Н. Психолого–образовательное сопровождение развития саморегуляции студентов с различными когнитивными стилями: 19.00.07: автореф. дис. ... кандидата психологических наук / Д. Н. Гриненко; Кемер. гос. ун–т. – Кемерово, 2018. – 22 с.

5. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции: учеб. Пособие / В. А. Иванников. – 3–е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.

6. Ильин Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – 2–е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 368 с.

7. Когнитивная психология. Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 479 с.

8. Конопкин О. А. Структурно–функциональный и содержательно–психологический аспекты осознанной саморегуляции / О. А. Конопкин // Психология. Журнал ВШЭ. – 2005. – №1. – С. 27–42.

9. Леонтьева А. Н. Взаимосвязь когнитивных стилей и психологических предикторов удовлетворенности жизнью в юношеском возрасте / А. Н. Леонтьева // Педагогика и психология образования. – 2024. – №2. – С. 105–114.

10. Маклаков А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. / А. Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2025. – 583 с.

11. Моросанова В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям / В. И. Моросанова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. № 3 (15). – С. 57–82.

12. Нартова–Бочавер С. К. Дифференциальная психология: учебное пособие / С. К. Нартова–Бочавер. – 6–е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 281 с.

13. Немов Р. С. Общая психология. Психология личности: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Р. С. Немов. – 6–е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 940 с.

14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – «Издательство АСТ», 2020 – 734 с.

15. Русалов В. М. Личностно–когнитивные стили как предикторы понятийных способностей / В. М. Русалов, Н. Э. Волкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – №3. – С. 22–27.

16. Хилько М. Е. Возрастная психология: учебник для вузов / М. Е. Хилько, М. С. Ткачева. – 2–е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 180 с.

17. Холодная М. А. Когнитивная психология. Когнитивные стили: учебное пособие для вузов / М. А. Холодная. – 3–е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 307

с.

18. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования: учебник для вузов / М. А. Холодная. – 3–е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 334 с.

Атмайкина Ника Вячеславовна
Atmaikina Nika Vyacheslavovna
магистрант
Институт непрерывного педагогического образования
ФОГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
e-mail: nikabaklamenkovav@mail.ru

Неровных Марина Сергеевна
Nerovnykh Marina Sergeevna
кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии образования
ФОГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
e-mail: s.mariana@list.ru

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

THE PROBLEM OF EMOTIONAL DISORDERS IN MODERN TEENAGERS

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ проблемы нарушений в эмоциональной сфере у подростков в условиях современного общества. Описаны основные виды эмоциональных нарушений. Рассмотрены факторы, усугубляющие эмоциональные нарушения в подростковом возрасте. Определены перспективы ранней диагностики и психолого-педагогического сопровождения подростков. В настоящее время проблема эмоциональных нарушений в подростковом возрасте приобретает все большую актуальность. Если классическая психология рассматривала подростковый период как естественный этап онтогенеза с повышенной эмоциональной возбудимостью и лабильностью, то в современных условиях цифровизации, последствий пандемии, трансформации образовательной среды необходимо изучать новые формы и механизмы эмоциональных нарушений. По данным Всемирной организации здравоохранения, каждый седьмой подросток в возрасте 10-19 лет испытывает проблемы с психическим здоровьем, в большинстве случаев эти проблемы остаются невыявленными.

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the problem of emotional disorders in adolescents in modern society. The main types of emotional disorders are described. The factors that aggravate emotional disorders in adolescence are considered. The prospects of early diagnosis and psychological and pedagogical support of adolescents are determined. Currently, the problem of emotional disorders in adolescence is becoming increasingly relevant. If classical psychology considered adolescence as a natural stage of ontogenesis with increased emotional excitability and lability, then in modern conditions of digitalization, the consequences of the pandemic, and the transformation of the educational environment, it is necessary to study new forms and mechanisms of emotional disorders. According to the World Health Organization, one in seven adolescents aged 10-19 years experiences mental health problems, in most cases these problems remain undetected.

Ключевые слова: эмоциональные нарушения, эмоциональная дизрегуляция, подростковый возраст, подростки, тревожность, депрессия, психическое здоровье.

Keywords: emotional disorders, emotional dysregulation, adolescence, adolescents,

anxiety, depression, mental health.

В статье представлен теоретический анализ проблемы нарушений в эмоциональной сфере у подростков в условиях современного общества. Описаны основные виды эмоциональных нарушений. Рассмотрены факторы, усугубляющие эмоциональные нарушения в подростковом возрасте. Определены перспективы ранней диагностики и психолого-педагогического сопровождения подростков. В настоящее время проблема эмоциональных нарушений в подростковом возрасте приобретает все большую актуальность. Если классическая психология рассматривала подростковый период как естественный этап онтогенеза с повышенной эмоциональной возбудимостью и лабильностью, то в современных условиях цифровизации, последствий пандемии, трансформации образовательной среды необходимо изучать новые формы и механизмы эмоциональных нарушений. По данным Всемирной организации здравоохранения, каждый седьмой подросток в возрасте 10-19 лет испытывает проблемы с психическим здоровьем, в большинстве случаев эти проблемы остаются невыявленными. В настоящее время проблема эмоциональных нарушений в подростковом возрасте приобретает все большую актуальность. Если классическая психология рассматривала подростковый период как естественный этап онтогенеза с повышенной эмоциональной возбудимостью и лабильностью, то в современных условиях цифровизации, последствий пандемии, трансформации образовательной среды необходимо изучать новые формы и механизмы эмоциональных нарушений. По данным Всемирной организации здравоохранения, каждый седьмой подросток в возрасте 10-19 лет испытывает проблемы с психическим здоровьем, в большинстве случаев эти проблемы остаются невыявленными [1]. Ведущими эмоциональными расстройствами в подростковом возрасте остаются тревожность (4,1% в возрасте 10-14 лет и 5,3% в возрасте 15-19 лет) и депрессия (1,3% в возрасте 10-14 лет и 3,4% в возрасте 15-19 лет) [1]. Однако, современные исследования показывают, что за этими цифрами стоят новые феномены, требующие теоретического осмысления.

Для понимания проблемы эмоциональных нарушений у подростков нужно раскрыть содержание понятий «эмоции» и «эмоциональная сфера личности». По мнению Е.П. Ильина, эмоциональная сфера личности представляет собой многогранное образование, включающее разнообразные эмоциональные явления: эмоциональный

тон, эмоциональные состояния, эмоциональные свойства личности, чувства. Данное определение позволяет рассматривать эмоциональную сферу как комплексную систему, включающую различные уровни эмоциональных проявлений от кратковременных реакций до устойчивых эмоциональных свойств [2]. Согласно К.К. Платонову эмоции, представляют собой отражение объективных отношений предметов и явлений к потребностям человека [3].

Эмоциональная сфера подростков отличается рядом специфических особенностей, которые обусловлены физиологическими изменениями организма и социально-психологическими факторами развития. С.С. Игнатович, Ю.Д. Магдалинова и А.С. Мамбеталина в своем исследовании выделяют следующие психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков [4]:

1) Повышенная эмоциональная возбудимость – подростки отличаются вспыльчивостью, бурным проявлением своих чувств;

2) Устойчивость эмоциональных переживаний (подростки долго не забывают обиды);

3) «Комплекс эмоциональности», характеризующийся частыми перепадами настроения;

4) Появление эмоциональных переживаний и амбивалентности – личность одновременно испытывает противоположные эмоции по отношению к одному объекту, человеку или ситуации.

5) Повышенная готовность к ожиданию страха.

Традиционно эмоциональная сфера личности рассматривалась как комплексная система, включающая эмоциональный тон, состояния, свойства и чувства [2]. Современные научные исследования смещают акцент с типологии эмоций на механизмы их регуляции. Эмоциональная дизрегуляция – это неспособность эффективно управлять интенсивностью, длительностью и выражением эмоций, выступает фактором риска развития депрессивных и тревожных расстройств, ПТСР, расстройств пищевого поведения, а также самоповреждающего и суицидального поведения [5]. Исследование показывает, что с эмоциональной дизрегуляцией борется большой процент девочек-подростков [5].

В отличие от классических моделей, где эмоциональные нарушения рассматривались преимущественно в контексте семейных и образовательных

отношений, современные исследования показывают большое влияние цифровой среды на эмоциональное состояние подростков. При этом важно различать две стороны этого влияния, цифровая среда выступает как источником проблемных переживаний, так и как ресурс для совладания с ними.

Исследование Л. А. Регуш, Е.В. Адексеевой, О. Р. Веретиной, А. В. Орловой, Ю. С. Пежемской, показало, что 15,7% испытуемых подросткового возраста имеют высокий уровень проблемных переживаний, связанных с интернет-пространством, тогда как 67% находятся в зоне среднего риска [6]. Подростки используют Интернет как ресурс для совладания с проблемами и снятия эмоционального напряжения. Средство эмоционального регулирования одновременно становится и фактором усиления дизрегуляции.

В работе В. И. Петровой представлено, что у подростков с интернет-зависимостью выявлен высокий риск развития депрессии и тревожности. У 11,5% подростков с интернет-зависимостью обнаружены суицидальные мысли, независимо от качества жизни и наличия депрессивных расстройств [7]. Данные ВОЗ фиксируют рост зависимого поведения в отношении социальных сетей с 7% в 2018 года до 11%, среди девочек данная зависимость распространена значительно выше, чем среди мальчиков [8]. Проблемное использование социальных сетей представляет собой форму эмоциональной дисрегуляции, в которой подросток использует сеть как механизм избегания негативных эмоций (тревогу, скуку, одиночество), что ведет к временному облегчению и усилению зависимости, а отсутствие доступа к сети провоцирует рост тревожности и депрессии.

Еще одним новым фактором эмоциональных нарушений у подростков является постковидный синдром. Исследование И. А. Черевиковой, В. М Полякова, Л. В. Рычковой, Ж. В. Прохоровой показало, что у подростков, после пандемии существует устойчивая взаимосвязь поведенческих, эмоциональных и когнитивных нарушений [9]. Эмоциональные симптомы включают эмоциональную неустойчивость, частые смены настроения, вспышки гнева, апатию, неуверенность в себе и социальную изоляцию. Здесь наблюдается более выраженная амбивалентность и социальная дезадаптация.

Современные исследования позволяют конкретизировать влияние образовательной среды на эмоциональные нарушения. Результаты научной работы Ивановой и Степановой показали, что существует отрицательная связь между

школьной тревожностью и психологической безопасностью образовательной среды, чем ниже уровень психологической безопасности, тем выше тревожность [10].

Исследование Л. И. Богатеевой и Е. А. Мухортовой показало, что современные подростки демонстрируют специфическую структуру эмоциональных нарушений, которая включает повышенную сензитивность, эмоциональную неустойчивость, конфликтность и склонность к аффективным реакциям [11].

Результаты исследования А. И. Дурсуновой и Н. Г. Гайфуллиной показали, что в подростковом возрасте существует динамика развития эмоциональной сферы с 13 до 15 лет, а именно наиболее благоприятный эмоциональный фон наблюдается у подростков в 15 лет, они стараются сдерживать и управлять своими эмоциями, 13-летние подростки, напротив, чаще испытывают чувство гнева и раздражения, если не получается удовлетворить свои интересы [12].

По мнению М. А. Наплавковой подростки с эмоциональными нарушениями по-другому воспринимают время. Оно может идти быстрее или наоборот медленнее в зависимости от того насколько сильно личность переживает негативные эмоции. Данная особенность мешает планировать дела, оценивать свои успехи и чувствовать себя уверенно [13].

Итак, проблема эмоциональных нарушений у современных подростков остается актуальной, ее изучением занимаются большое количество ученых психологов. К привычным факторам эмоциональных нарушений в подростковом возрасте добавляются виртуальный мир, последствия пандемии и общая неуверенность в безопасности образовательной среды. Данные нарушения негативно отражаются на самооценке, мотивации, социальной адаптации, успеваемости в школе и так далее. В настоящее время необходимо изучать новые формы и механизмы эмоциональных нарушений, создавать программы психологической поддержки подростков.

Литература:

1. Психическое здоровье подростков [электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт. 2025. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fct-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 10.05.2026).

2. Ильин, Е. П. Эмоциии чувства: учебное пособие. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

3. Родькова, Ю. А. Понятие эмоции человека и их функции как составляющие современного образования // МНКО. 2020. №5 (84). С. 79-80.

4. Игнатович, С. С. Психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков // Педагогика: история, перспективы. 2023. Т.6, №1-2. С. 170-191.

5. Эмоциональная дисрегуляция и темперамент у подростков с острыми психическими расстройствами: гендерные различия и роль психиатрической диагностики /А. Минутоло [и др.] // Журнал клинической медицины. 2024.

6. Регуш, Л. А. Интернет-среда как источник психологических проблем и ресурс для совладания с ними у подростков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2024. №212. С. 146-160.

7. Петрова, В. И. Влияние компьютерной зависимости на эмоциональную сферу подростка // Вестник науки. 2024. Т.2, №1(70). С. 560-566.

8. ВОЗ. Подростки, экраны и психическое здоровье [электронный ресурс] // Европейское региональное бюро. 2024. – URL: https://www.who.int/europe/news/item/25-09-2024-teens--screens-and-mental-health (дата обращения: 10.05.2026).

9. Черевикова, И. А. Психологические симптомы постковидного синдрома у подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. №6. С. 1-11.

10. Иванова, А. О. Особенности тревожности школьников во взаимосвязи с психологической безопасностью образовательной среды // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т1, №3. С. 20-35.

11. Богатеева, Л. И. Значимые компоненты эмоциональных нарушений в подростковом возрасте // Мир науки. Педагогика и психология, 2021. Т. 9, № 2. С. 1-7.

12. Дурсунова, А. И. Особенности эмоционального развития в подростковом возрасте // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №6-1. С. 80.

13. Наплавкова, М. А. Особенности восприятия времени подростками, имеющими нарушения эмоциональной сферы Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика. 2024. С. 137-139.

Морозов Вадим Сергеевич
Morozov Vadim Sergeevich
аспирант
кафедра журналистики и медиакоммуникации
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова»
e-mail: vadimmorozov1771@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТАХ

LINGUISTIC WORLDVIEW AND WAYS OF ITS REPRESENTATION IN LINGUOCULTURAL CONCEPTS

Аннотация. В статье уточняется методологический статус языковой картины мира и предлагается модель ее анализа через лингвокультурный концепт. Доказывается, что концепт репрезентирует культурно обусловленное знание не только через значение ключевой лексемы, но и через систему номинаций, периферийных признаков, метафорических схем, аксиологических оппозиций и дискурсивных функций. Цель исследования — выявить уровни, на которых языковая картина мира получает выражение в структуре концепта. Методологическую основу составляют концептуальный анализ, лингвокультурологическая интерпретация, когнитивная семантика и элементы дискурс-анализа. На материале концептов «народ», «родина», «свобода», «правда» и «память» показано, что концепт выступает механизмом отбора, оценки и легитимации социального опыта. Научная новизна заключается в разработке шестиуровневой модели репрезентации языковой картины мира, позволяющей перейти от описательного перечисления признаков концепта к анализу способов его смысловой работы.

Abstract. The article clarifies the methodological status of the linguistic worldview and proposes a model for its analysis through a linguocultural concept. It is argued that a concept represents culturally conditioned knowledge not only through the meaning of a key lexeme, but also through a system of nominations, peripheral features, metaphorical schemes, axiological oppositions and discursive functions. The aim of the study is to identify the levels at which the linguistic worldview is expressed in the structure of a concept. The research is based on conceptual analysis, linguocultural interpretation, cognitive semantics and elements of discourse analysis. The concepts “people”, “homeland”, “freedom”, “truth” and “memory” show that a concept functions as a mechanism for selecting, evaluating and legitimizing social experience. The novelty of the study lies in a six-level model of representation that shifts the analysis from listing conceptual features to explaining how the concept works semantically and discursively.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурный концепт, концептосфера, репрезентация, аксиология, дискурс, культурная семантика.

Keywords: linguistic worldview, linguocultural concept, conceptosphere, representation, axiology, discourse, cultural semantics.

Категория языковой картины мира прочно вошла в научный аппарат

лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и философии языка. Однако ее исследовательская продуктивность зависит от того, насколько строго определены механизмы ее проявления в конкретном языковом материале. Понимание языковой картины мира только лишь как «отражение действительности в языке» сужает само понятие и лишает его объяснительной силы.

По нашему мнению, языковая картина мира наиболее полно репрезентирует себя именно через лингвокультурный концепт. Такой концепт способен вобрать в себя языковое значение, культурно-историческую память, оценку, образность и коммуникативную функцию. Поэтому концепт позволяет описывать языковую картину мира не как сумму означающих, а как систему смысловых узлов, через которые культура структурирует опыт.

Проблема настоящего исследования состоит в методологической неопределенности понятия репрезентации. В работах о концептах часто утверждается, что тот или иной концепт «отражает языковую картину мира», но не всегда уточняется, какой именно компонент концепта выполняет эту функцию: номинация, семантическое ядро, образная модель, оценочный слой, ассоциативное поле или дискурсивная практика. В результате концепт иногда описывается как разнородный набор признаков без внутренней аналитической логики.

Цель статьи — разработать модель описания способов репрезентации языковой картины мира в лингвокультурных концептах. Объектом исследования является языковая картина мира как культурно обусловленная система интерпретации действительности. Предметом выступают уровни репрезентации этой системы в структуре и функционировании концепта. Гипотеза исследования состоит в том, что концепт репрезентирует языковую картину мира через шесть взаимосвязанных уровней: номинативный, семантико-когнитивный, образно-метафорический, аксиологический, ассоциативно-полевой и дискурсивно-прагматический.

Методологическую основу составляют концептуальный анализ, лингвокультурологическая интерпретация, элементы когнитивной семантики и дискурс-анализа. Материалом для аналитической проверки модели служат культурно значимые концепты русской языковой картины мира: «народ», «родина», «свобода», «правда», «память». Выбор этих единиц обусловлен их высокой ценностной нагруженностью и активным функционированием в публичной коммуникации.

Теоретическая традиция изучения концепта восходит к С. А. Аскольдову, определявшему концепт как «мыслительное образование, замещающее множество предметов одного рода» [1, с. 267]. В дальнейшем понятие концепта было переосмыслено в лингвокультурологическом направлении. Д. С. Лихачев ввел представление о концептосфере как совокупности культурно значимых смыслов, усвоенных языковым коллективом [6, с. 3–9]. Ю. С. Степанов рассматривал концепты как «сгустки культуры» в сознании человека [9, с. 42]. В. И. Карасик описывал концепт как «многомерное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты» [4, с. 124–126].

Для настоящего исследования принципиально, что концепт не совпадает со словом. Слово является языковым знаком, открывающим доступ к концепту, но не исчерпывающим его содержания. Концепт также не равен логическому понятию, поскольку включает не только рационально фиксируемые признаки, но и образные, оценочные, исторические и прагматические компоненты.

Ю. Д. Апресян показал, что в лексической семантике закрепляются устойчивые представления о человеке и мире [2, с. 350–352]. Н. Д. Арутюнова связала значение с антропологической и оценочной перспективой языка [3, с. 7–12]. Следовательно, языковая картина мира не копирует реальность, а задает способ ее культурного членения. Она проявляется в том, какие явления получают имя, как они категоризуются, с какими образами связываются, какие оценки вызывают и в каких дискурсивных целях используются.

В рамках данной логики репрезентация языковой картины мира понимается нами как процесс языкового и дискурсивного оформления культурного знания. Репрезентировать — значит не просто обозначать, а вводить фрагмент опыта в систему смысловых отношений.

Предлагаемая модель включает шесть уровней. Номинативный уровень фиксирует выбор имени и систему конкурирующих обозначений. Семантико-когнитивный уровень выявляет ядро, периферию и категориальные признаки концепта. Образно-метафорический уровень показывает, через какие чувственные и символические схемы культура осмысляет абстрактное содержание. Аксиологический уровень раскрывает ценностную нагрузку концепта. Ассоциативно-полевой уровень определяет его связи с другими концептами. Дискурсивно-прагматический уровень

фиксирует функции концепта в коммуникации: идентификацию, легитимацию, мобилизацию, оценку или противопоставление.

Таблица 1. Уровни репрезентации языковой картины мира в лингвокультурном концепте

Уровень	Средства репрезентации	Аналитический результат
Номинативный	Ключевая лексема, синонимы, конкурирующие номинации	Способ языкового выделения фрагмента опыта
Семантико-когнитивный	Ядро, периферия, категориальные признаки	Структура культурного знания
Образно-метафорический	Метафоры, символы, образные схемы	Модель интерпретации абстрактного через конкретное
Аксиологический	Оценочные эпитеты, оппозиции, ценностные формулы	Культурная значимость и оценочная направленность
Ассоциативно-полевой	Связи с другими концептами, устойчивые смысловые ряды	Место концепта в концептосфере
Дискурсивно-прагматический	Типовые контексты, речевые стратегии, функции в дискурсе	Коммуникативная роль концепта

Данная модель принципиально отличается от описания концепта как набора признаков. Каждый уровень соотносит выявленный смысл с конкретным способом языковой или дискурсивной репрезентации. Исследователь должен показать, где именно обнаруживается тот или иной компонент — в номинации, в семантической периферии, в метафорической модели, в оценочном сочетании, в ассоциативном поле или в типовой функции текста.

Рассмотрим действие модели на концепте «народ». На номинативном уровне он соотносится со словами «население», «общество», «граждане», «нация», «этнос», «люди». Эти единицы обозначают коллективность, но распределяют ее по разным основаниям: демографическому, правовому, социальному, политико-культурному или этническому. «Народ» отличается тем, что объединяет несколько планов одновременно: исторический, культурный, социальный и др. Сам выбор данной номинации переводит коллектив из нейтрального административного ряда в сферу ценностной значимости.

На семантико-когнитивном уровне ядром концепта «народ» является коллективная принадлежность. Периферия включает признаки исторической судьбы,

простоты, терпения, единства, трудовой этики, способности к действию или страданию. На аксиологическом уровне слово почти не бывает нейтральным: выражения «наш народ», «простой народ», «великий народ», «многострадальный народ» задают разные модели оценки. На дискурсивном уровне концепт часто выполняет легитимирующую функцию: ссылка на народ позволяет представить позицию говорящего как выражение не частного интереса, а коллективной воли. Таким образом, «народ» репрезентирует языковую картину мира как образ коллективного субъекта, обладающего моральным правом на голос.

Концепт «родина» демонстрирует иную конфигурацию уровней. Его номинативное поле включает «страну», «отечество», «землю», «край», «дом». Однако именно образно-метафорический уровень является здесь наиболее продуктивным. Родина мыслится как земля, мать, дом, исток, пространство памяти. Эти образы переводят территорию из географической плоскости в сферу эмоциональной принадлежности и нравственной обязанности. Поэтому концепт «родина» репрезентирует языковую картину мира через соединение пространства, памяти и ценности.

Концепт «свобода» показывает, что языковая картина мира может содержать внутреннюю смысловую напряженность. В русском культурном пространстве он взаимодействует с концептом «воля», но не совпадает с ним. «Свобода» чаще соотносится с правом, выбором и отсутствием внешнего принуждения; «воля» включает пространственный и экзистенциальный оттенок — широту, выход за предел, внутреннюю раскованность. Это различие показывает, что ценность независимости репрезентируется в языке не только юридически, но и образно, телесно, эмоционально.

Концепт «правда» выявляет аксиологическое расширение значения. В русской языковой картине мира он часто соединяет фактическую истинность и нравственную справедливость. Поэтому выражения «искать правду», «жить по правде», «стоять за правду» не сводятся к познавательной сфере: они предполагают моральную позицию субъекта. Здесь языковая картина мира репрезентируется через связь знания и должного, истины и справедливости.

Концепт «память» особенно важен для анализа динамики концептосферы. Его семантическое ядро связано со способностью сохранять прошлое, но в публичном дискурсе память становится коллективным механизмом идентичности. Она связывается

с историей, родом, жертвой, травмой, благодарностью и преемственностью. При этом память может не только объединять, но и становиться предметом конфликта интерпретаций. Следовательно, концепт не просто хранит культурный опыт, а участвует в его переосмыслении.

Сопоставление указанных концептов позволяет уточнить саму природу языковой картины мира. Она репрезентируется не как готовая «картина», а как совокупность операций смыслообразования: язык называет явление, задает его ядро и периферию, окружает образами, включает в систему ценностей, связывает с другими концептами и вводит в дискурсивные практики. Поэтому один и тот же концепт может сохранять устойчивое ядро и одновременно изменяться на уровне периферии и функций. Например, «народ» сохраняет признак коллективности, но в разных контекстах предстает как этнокультурная общность, политический субъект, социальное большинство, объект заботы или источник легитимности.

Научная новизна предложенного подхода заключается не в выборе новых терминов, а в операционализации анализа. Способы репрезентации языковой картины мира рассматриваются как различимые уровни, каждый из которых имеет собственный языковой материал и собственный аналитический результат. Это позволяет избежать двух крайностей: сведения концепта к словарной дефиниции и произвольного расширения его содержания до бесконечного набора ассоциаций.

Практическая значимость модели состоит в возможности ее применения к анализу медиадискурса, художественного текста, политической коммуникации и сопоставительных исследований. Для медиадискурса особенно важны аксиологический и дискурсивно-прагматический уровни, поскольку именно через них концепты становятся инструментами оценки и мобилизации. Для художественного текста значимы образно-метафорический и ассоциативный уровни. Для сопоставительной лингвокультурологии продуктивны номинативный и семантико-когнитивный уровни, позволяющие выявлять различия в языковом членении мира.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, языковая картина мира представляет собой не пассивное отражение реальности, а культурно обусловленную систему ее интерпретации. Во-вторых, лингвокультурный концепт является основной единицей репрезентации этой системы, поскольку

объединяет значение, образ, оценку, ассоциацию и коммуникативную функцию. В-третьих, репрезентация языковой картины мира имеет многоуровневый характер и осуществляется через номинацию, семантическое членение, метафоризацию, аксиологизацию, ассоциативные связи и дискурсивную прагматику.

В-четвертых, анализ концептов «народ», «родина», «свобода», «правда» и «память» показывает, что культурно значимые единицы языка не только обозначают явления, но и задают способы их общественной оценки. Они формируют границы принадлежности, легитимируют коллективный опыт, закрепляют ценностные оппозиции и участвуют в конструировании идентичности. В-пятых, научно продуктивное исследование концепта должно выявлять не только его содержание, но и механизм работы: какие признаки актуализируются, в каких дискурсах, с какой оценочной нагрузкой и в связи с какими элементами концептосферы.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с корпусным анализом концепта «народ» в современном публичном медиадискурсе. Применение предложенной модели позволит установить частотность конкурирующих номинаций, устойчивые оценочные сочетания, метафорические модели и дискурсивные функции данного концепта, что особенно важно для описания коллективной субъектности в русской языковой картине мира.

Литература:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

7. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток — Запад, 2007. 314 с.

9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

10. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

12. Whorf B. L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, MA: MIT Press, 1956. 278 p.

Крисанов Матвей Николаевич
Krisanov Matvey Nikolaevich
студент кафедры истории России
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: krisanov2@mail.ru

научный руководитель
Арсланов Р.А.
Arslanov R.A.
доктор исторических нау, профессор кафедры Истории России
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

THE ROLE OF PUBLIC OPINION IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Аннотация. В статье рассматриваются современные исторические исследования, посвященные изучению пропаганды и общественного мнения в эпоху Наполеоновских войн, прежде всего в кампании 1812 г. Рассмотрены русские и французские методы конструирования образа «врага». Также в статье рассматривается, как зависимость русского и французского императоров от общественных настроений влияла на кадровые перестановки и дипломатию. Помимо этого, в статье рассматривается вопрос о существовании «единения сословий вокруг престола» и предлагается способ разрешения споров вокруг этого вопроса. Автор полемизирует с тезисом В. Гросула о том, что общественное мнение в России сформировалось после Отечественной войны 1812 г.

Abstract. The article examines modern historical research on propaganda and public opinion during the Napoleonic Wars, primarily in the campaign of 1812. Russian and French methods of constructing the image of the "enemy" are considered. The article also examines how the dependence of the Russian and French emperors on public sentiment influenced personnel changes and diplomacy. In addition, the article examines the question of the existence of a "unity of estates around the throne" and suggests a way to resolve disputes around this issue. The author argues with V. Grosula's thesis that public opinion in Russia was formed after the Patriotic War of 1812.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., пропаганда, общественное мнение, образ «врага», историография.

Keywords: The Patriotic War of 1812, propaganda, public opinion, the image of the "enemy", historiography.

Наполеоновские войны стали одними из первых военных конфликтов, в которых большое значение играло общественное мнение и, как следствие, пропаганда. Есть современные исследования, посвященные вопросу формирования общественного мнения и его влияния на ход боевых действий.

Итальянский историк, Л. М. Мильорини высказал идею, что Европа не могла жить

в мире, пока у власти во Франции находился генерал, легитимность которого целиком и полностью зависела от военных побед [8; 232]. Наполеон вынужден был завоевывать не только Европу, но и любовь собственной страны. Общественное мнение имело для него решающее значение, поэтому он должен был использовать СМИ, чтобы представить свои дела в выгодном свете.

Французская пропаганда начала формирование образа врага в 1811 году. Процесс информационной подготовки к русскому походу и формирование общественного мнения уже в ходе войны изучил Н. В. Промыслов. Тогда уже стало ясно, что войны не избежать. В феврале-марте 1811 года в связи сьучастившимися случаями контрабандной торговли с Великобританией, объявлением Россией «таможенной войны» Франции, а также скоплениями русских солдат на границе Великого Герцогства Варшавского было сокращено упоминаний о России во французской прессе (в частности, в газете «Moniteur Universal», которую Наполеон признал как «единственную официальную»). Это было необходимо, поскольку иначе пришлось бы резко изменить новостную повестку (Россия-союзник – Россия-враг), что вызвало бы недоумение у читающей публики [4; 27]. Основными инструментами пропаганды были публицистические сочинения (например, «О росте могущества России с момента ее возникновения до начала XIX в.» Ш.-Л. Лезюра, в которой, кстати, и было напечатано подложное «Завещание Петра», предписывавшее помимо прочего, что россияне должны захватить Европу, а покорённых европейцев выслать в Сибирь), памфлеты, газеты (существовала практика коллективного чтения, поэтому воздействовали даже на неграмотных), официальные объявления, бюллетени La Grande Armée. При помощи многочисленных печатных изданий в общественное сознание внедрялся образ России и русских. Представление о России было полумифическим и чем-то напоминало далёкую Геродотову Скифию с её «белыми мухами». Она представлялась французам «северной» страной с жуткими семи-восьмимесячными зимами, к тому же малонаселённой и пустынной (что в то время звучало как синоним дикости). Стереотип о России как о большой холодильной камере помог Наполеону оправдать свою неудачу в 1812 году вмешательством «генерала Мороза». Через газеты также внедрялись представления о патологической жестокости русского солдата, что, как считает британский историк А. Форрест, было эффективно с точки зрения пропаганды, потому что таким способом ещё до начала боевых действий французскому солдату внушалась злоба по отношению к

русскому [7; 216]. Очень большое внимание уделялось крепостничеству: писали, что русская армия держится на палочной дисциплине и страхе, а крестьян жертвуют армии, как лошадей или рогатый скот [4; 52]. Из этого, и ещё из многочисленных дворцовых переворотов, которые Лезюр квалифицировал как «азиатские», вытекал тезис о том, что Россия – «европейская страна с азиатскими чертами» [4; 73]. Лезюром выдвигался также тезис о том, что русские в большинстве своём по уровню развития остались там, где были европейцы в XI–XII вв., и что варварство и жестокость – это черты русского менталитета, которые вытекают из недостатка образованности (в связи с чем критиковались российские гувернеры и священники, из которых не каждый может прочесть Евангелие). При этом пропаганда никогда не касалась фигуры Александра I: русскому царю негативных оценок никто не давал, потому что в таком случае труднее было бы подписать мир (зато чиновникам его доставалось) [4; 84].

Пресса обслуживала Наполеона, удовлетворяя его политические нужды. Например, несмотря на то, что обычно французские газеты писали о превратностях сурового российского климата, в течение всего русского похода общественное мнение убеждали в том, что зима в России не такая уж и холодная [4; 33], потому что нужно было как-нибудь успокаивать французов, которые переживают за своих родственников, несущих цивилизацию в пустынную и дикую страну. А дабы французские граждане не беспокоились о снабжении армии продовольствием, очень часто бюллетени Великой Армии сообщали о том, сколько было захвачено провианта. В Москве, например, в каждом доме якобы нашлось запасов провизии восьмимесячную зиму [4; 75].

Французская пресса создала для Наполеона casus belli. Вторжение в пределы России оправдывалось тем, что российский император нарушал условия Тильзитского мира и не шёл на какие-либо переговоры. Так, газеты сообщали о дипломатической миссии Лористона (который не смог добиться аудиенции императора, после чего Великая армия форсировала Неман), но умалчивали об аналогичной миссии А. Д. Балашова [4; 47]. Ещё одной задачей французской пропаганды была нейтрализация пропаганды русской. Так, например, в противодействие русским листовкам с призывами возвращаться по домам (потому что до Франции путь неблизкий) или просить убежища в России, был написан «ответ французских гренадёров», который, разумеется, хоть риторически и был обращён к русской армии, но рассчитывался на европейское общественное мнение и французских солдат [4; 51]. Другой пример –

обращение Наполеона к жителям Германских государств. Поскольку император Александр и его присные решили, что немцы пошли в Великую Армию из-под палки, были отпечатаны и распространены листовки с призывом переходить на русскую службу, за что обещалось вознаграждение – земли в южных российских губерниях. Наполеон вынужден был написать собственное обращение к жителям германских княжеств и убеждать их, что от крепостническая Россия ничего не сможет им дать [4; 56].

Русский царь зависел от общественного мнения не меньше и даже больше, чем Наполеон. Александр пришёл к власти после очередного дворцового переворота и начал правление с того, что пошёл на поводу у общественных ожиданий, пообещав править «в бозе августейшей бабки» своей, Екатерины Великой. В 1812 году Александр тоже вынужден был считаться с мнением дворянского общества, являвшегося опорой царского трона.

Одним из определяющих чувств предвоенного российского общества был взрыва великорусского патриотизма, при котором с неизбежностью возникало недоверие ко всему иностранному и, в частности, франкофобия. Например, дворяне стали отказываться от использования французского языка, и одеваться стали не в соответствии с последней французской модой, а по-народному, a la мужик. В угоду франкофобам Александр I назначил московским генерал-губернатором Ф. В. Ростопчина [5; 258], который, помимо своих «афиш» и нескольких афоризмов, известен ещё и тем, что в патриотических целях сделал из бюста Наполеона ночной горшок. Опять же в угоду франкофобам Александр I вынужден был отправить в отставку М. М. Сперанского, который по материалам, полностью сфальсифицированным министром полиции А. Д. Балашовым, обвинялся в связях с наполеоновской Францией [5; 259]. Здесь раскрывается важный аспект нарастающей франкофобии.

Сперанский в глазах общественности ассоциировался с проектами либеральных реформ, поэтому дворяне-крепостники, по выражению Ф. Ф. Вигеля, смотрели на него «как на ящик Пандоры». Либеральные преобразования (и революции как наиболее радикальная форма этих преобразований) внушали в сердца крепостников ужас и одновременно подсказывали ассоциацию с революционной Францией. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что франкофобия не распространялась на французских эмигрантов, бежавших от наполеоновского режима в Россию. Стоит

сказать, что страх перед уничтожением феодальных устоев принимал и ещё одну форму: крепостники боялись, что Наполеон придёт в Россию и отменит крепостное право, как он это ранее проделал в Пруссии и Польше, и вместе с тем боялись того, что крестьяне, заимев свободу, пойдут громить поместья прежних хозяев. На предотвращение волнений среди крестьян была направлена российская религиозная пропаганда тех лет: во всех церквахнаправлена российская религиозная пропаганда тех лет: во всех церквах

Наполеона анафемствовали как антихриста, а крестьян призывали подчиняться стоящему над ними начальству [3; 119]. Всё возрастающая ксенофобия оказывала влияние и на гораздо более судьбоносные решения императора. Так, под прессом общественного мненияАлександр вынужден был сместить Барклая де Толли с формально занимаемой им позиции главнокомандующего армиями. Армия, генералитет, дворянство по большей части питали к Барклаю или ненависть, или, по крайней мере, недоверие, потому что армия отступала и – ещё точнее – потому что он был «немец». Кутузов же был, во-первых, не обрусевшим, а русским, во-вторых, родовитым, чем импонировал дворянскому обществу, а в-третьих, его поражение под Аустерлицем уже выглядело как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», а вот Рущук и Слободзея были у всех на слуху. Поэтому Александр I вынужден был уступить общественному мнению, хоть и не желал видеть Кутузова главнокомандующим. Как об этом сказал сам император: «Публика желала его назначения, я его назначил» [2; 117-128].

Весьма примечательно, что Кутузов продолжил отступление армии и даже сдал Москву, но злопыхателей у него всё равно было на порядок меньше, чем у Барклая, так что дело было не только и не столько в стратегии, которую избрал последний, сколько в том, что он не был русским и на этом основании подозревался в измене.

Может возникнуть впечатление, будто бы император бесхребетно потакал общественным настроениям, однако это совсем не так. Там, где это имело для него решающее значение, Александр I оставался непреклонен и твёрд. Продвижение Великой Армии вглубь России всё больше и больше приводило в ужас т. н. «партию мира» - «пораженцев», желающих сдаться непобедимому Наполеону. Такие настроения особенно усилились после сдачи Москвы. Но Александр I, несмотря на то что и собственная мать, и великий князь Константин, и даже Аракчеев склоняли его к

подписанию мира с Наполеоном, на мирное соглашение не пошёл. «Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним» - такие слова передал Наполеону А. Коленкур в 1811 г. [5; 263]. И, раз уж речь зашла об Александре I, стоит сказать, что его фигура приобрела значительно более ясные очертания, благодаря работе современной исследовательницы М.-П. Рей. Она показывает, что Московский пожар стал моментом духовного переворота в жизни царя, пожарище «озарило» его душу и сделало из Александра глубоко и страстно верующего человека [5; 284]. Это объясняет многие особенности второй половины его царствования. Было ли, в конце концов, «единение всех сословий вокруг престола»? Нам кажется, что этот спор, уже давно набивший оскомину любому исследователю 1812 года, можно разрешить следующим образом. Мы обратили внимание, что тезис о «единении сословий» разрабатывался историографами из числа профессиональных военных, которые основывались на собственных армейских воспоминаниях либо на мемуаристике о 1812 годе, которую оставили тоже по преимуществу военные. Первый же не-военный исследователь темы, А. Н. Попов, подверг этот тезис серьезной критике. Дело, нам кажется, в том, что «единение всех сословий» действительно было, но исключительно внутри армии. Люди, спаянные воедино присутствием смерти и общей, одной на всех, целью – изгнать захватчика – не могли не почувствовать собственной близости. При Бородино все были едины, и были равны. И русский мужик, гибнувший под перекрёстным артиллерийским огнём. И генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, дворянин из рода обрусевших шотландцев, под которым за время битвы убили пять лошадей и при виде которого даже храбрец Милорадович восклицал: «У него не иначе как жизнь в запасе!» Но одновременно с этим – вне армии – страну раздирали всё те же сословные (или, если угодно, классовые) противоречия, которые существовали в мирное время и лишь обострились в военное. Стоит при этом признать и то, что эти противоречия всё же не были так сильны, чтобы как-либо отразиться на обороноспособности страны. А России тогда требовалось предельно возможное напряжение сил.

Американский историк Д.-А. Белл [9; 665] даже предлагает использовать для описания конфликта 1812 года концепцию «тотальной войны», которая предусматривает полную мобилизацию ресурсов страны – войну не армий, нонаций. Россия в 1812 году оказалась на это способна, и не в последнюю очередь благодаря

пропаганде. Примечательно, что Наполеон в 1814 году не решился выдвинуть лозунг «Отечество в опасности!»: он понимал, что Франция устала от долгих войн и к «тотальному» напряжению не готова. В. Я. Гросул, подводя итоги своей статьи об общественном мнении в России 1812 года, пишет: «Победивший в войне народ выступал теперь носителем общественного мнения, с которым нельзя уже было не считаться». Мы вынуждены совершенно не согласиться с формулировкой В. Я. Гросула.

Общественное мнение существовало в России и до 1812 года, и с ним нельзя было не считаться. Те, кто мыслил себя независимо от общества, долго не жили. Канцлер Российской империи Н. П. Румянцев говорил так: «Русский деспотизм ограничен дворянскими салонами» [1; 24]. А. де Кюстин несколько позднее определил российскую форму правления как «абсолютную монархию, умеряемую убийством» [6; 70]. Поэтому нам кажется, что война 1812 года далаРоссии нечто иное: она дала ей чувство гражданственности. Если раньше обществом, т. е. дворянами-крепостниками, владели местечковые интересы, и они пеклись разве что о собственной выгоде или незыблемости своего привилегированного положения, вовсе не беспокоясь при этом, вредит ли такое положение России как таковой, то теперь тысячи людей, вставших под ружьё, ощутили себя ответственными за судьбы родины. Что благо для Отечества, то благо для них. Вскоре выяснилось, что представления этих людей о благе Отечества могут отличаться от представлений власть предержащих, и возникло такое явление, как декабризм.

Таким образом, Наполеоновские войны, и, в частности, Отечественная война 1812 г., были не только военным противостоянием, но еще и противоборством двух машин пропаганды – французской и русской. И для Наполеона, и для Александра I было важно заручиться общественной поддержкой, для того чтобы принимать важные кадровые решения и претворять в жизнь свой внешнеполитический курс, вследствие чего общественное мнение не могло не влиять на принимаемые ими политические решения.

Литература:

1. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года: стратегия или геополитика / В. М. Безотосный. – Москва: Вече, 2012. – 263, [2] с. – Примеч.: с. 179–180.

2. Гросул В. Я. Общественные настроения в России во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов / В. Я. Гросул // Российская история. – 2012. – № 6. – С. 117–128.

3. Попов А. И. Социальная политика Наполеона в России 1812 года / А. И. Попов // Французский ежегодник 2012. – Т. 44: 200 лет Отечественной войны 1812 года. – Москва, 2012. – С. 118–142.

4. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года / Н. В. Промыслов. – Москва: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. – 254 с. – (Эпоха 1812 года).

5. Рей М.-П. Александр I / М.-П. Рей. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 495 с. – (Эпоха 1812 года).

6. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон / Н. А. Троицкий. – Москва: Высшая школа, 1994. – 304 с.: ил. – (История в лицах).

7. Форрест А. Достойный противник или порочный дикарь? Восприятие врага в эпоху Революции и Империи / А. Форрест; перевод с французского И. К. Мироненко-Маренковой // Французский ежегодник 2012. – Т. 44: 200 лет Отечественной войны 1812 года. – Москва, 2012. – С. 206–222.

8. The Cambridge History of the Napoleonic Wars: in 3 vol. / general editor A. Forrest. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. – Vol. 1: Politics and diplomacy / edited by M. Broers, P. Dwyer. – 2022.

9. The Cambridge History of the Napoleonic Wars: in 3 vol. / general editor A. Forrest. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. – Vol. 2: Fighting the Napoleonic Wars / edited by B. Colson, A. Mikaberidze. – 2022.

Крисанов Матвей Николаевич
Krisanov Matvey Nikolaevich
студент кафедры Истории России ФГСН РУДН им. Патриса Лумумбы, г. Москва
e-mail: krisanov2@mail.ru

научный руководитель
Арсланов Р.А.
Arslanov R.A.
д. и. н., профессор кафедры Истории России ФГСН РУДН.

ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 Г. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE REASONS AND OBJECTIVES OF THE MILITARY CAMPAIGN OF 1812 FROM THE POINT OF VIEW OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В статье на основе современных исторических исследований рассматриваются причины и цели Отечественной войны 1812 г. Автор показывает, что, согласно современным исследованиям, континентальная блокада не причиняла серьёзного вреда экономика Российской империи и поэтому не может считаться основной причиной начала войны, как это было ранее. Также в статье рассматривается комплекс экономических, дипломатических и личных противоречий, которые, по мнению современных историков, стали причинами войны 1812 г. Помимо этого, особое внимание уделяется политическим амбициям Александра I и Наполеона Бонапарта, а также их концепциям мирового порядка, в соответствии с которыми они планировали переустроить Европу после своей победы.

Abstract. Based on modern historical research, the article examines the causes and goals of the Patriotic War of 1812. The author shows that, according to modern research, the continental blockade did not cause serious harm to the economy of the Russian Empire and therefore cannot be considered the main reason for the outbreak of war, as it was before. The article also examines the complex of economic, diplomatic and personal contradictions that, according to modern historians, caused the war of 1812. In addition, special attention is paid to the political ambitions of Alexander I and Napoleon Bonaparte, as well as their concepts of the world order, according to which they planned to rebuild Europe after their victory.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., причины войны, Наполеон Бонапарт, Александр I, континентальная блокада, геополитические противоречия, имперские амбиции, Индийский поход, историография, экономические факторы.

Keywords: Patriotic War of 1812, causes of war, Napoleon Bonaparte, Alexander I, continental blockade, geopolitical contradictions, imperial ambitions, Indian campaign, historiography, economic factors.

Отечественная война 1812 г. изучалась многими поколениями историков, однако вопрос о причинах, по которым она началась, остается не до конца освещенным. Современные исследователи продолжают выявлять причины этой войны, а также цели, для достижения которых война велась.

У Наполеона Бонапарта была idée Fix -- сокрушить могущество Великобритании. Без военного флота, способного на соперничество с британским, сделать это можно было только одним способом -- изолировать о. Великобритания с суши, дабы тот, по выражению Наполеона, мог «вариться в собственном соку». Россия была одним из крупнейших торговых партнёров Англии, и осуществить проект «континентальной блокады» было бы невозможно без её деятельного участия. (Американская исследовательница М. Кросби-Арнольд считает, что в научный оборот нужно ввести больше сведений об участии России тех лет как экспортера и импортера на мировом рынке [3; 37]). Кроме того, Наполеон с момента своего прихода к власти вынашивал идею другого серьезного удара по британской короне -- захват ее индийских колоний. Но как бы далеко ни шли планы гениального корсиканца, руки у него были слишком коротки: добраться до индийских колоний удобнее всего было через Россию и при поддержке России. Если присовокупить к этим двум соображением ещё и тот факт, что Российская империя и Франция настолько территориально удалены, что им, в общем-то, и нечего делить, то становится очевидным, что Наполеону лучше всего было стремиться к союзу с Россией, но никак не к войне с ней. И Наполеон Бонапарт не мытьём так катанием шёл к этому союзу. Поначалу он пытался заручиться поддержкой императора Павла I, и, воспользовавшись охлаждением в русско-английских отношениях (на стол Павла упала перехваченная депеша посла Уитворта, в которой он сообщал, что Павел выжил из ума), он при помощи рыцарственного жеста (безвозмездно возвратил русских пленных да ещё пошил мундиры за французский счёт) склонил Павла на свою сторону. Более того. Анализируя текст т. н. «Памятной записки Лейбница Людовику XIV...», авторство которой переводчик, а впоследствии и историографы приписывали Наполеону и в которой излагается проект совместного русско-французского похода в Индию, историк В. М. Безотосный на основании многочисленных косвенных зацепок (сведения, содержащиеся в документе, не могли быть известны французским специалистам; планы нереализуемы для Франции тех лет и прочее) приходит к выводу, что авторство текста принадлежит Павлу I. То есть Павел, видимо, обозлившись в лице Уитворта на Великобританию в целом, решил как следует насолить англичанам и предложил французскому императору сообща ударить по британским колониям в Индии [2; 141]. Наполеону идея понравилась, и Павел уже даже отправил 22. 5 тысячи казаков в поход, но, видимо, не без участия англичан был задушен

в собственной спальне.

Планам Наполеона не суждено было сбыться. Новый российский император был разумнее предыдущего: внешнеполитический курс на союз с «корсиканским чудовищем», объявившим войну европейским монархиям и старой аристократии, вызывал в российском дворянстве бурю негодования и стал одной из причин убийства Павла. Поэтому Александр, что называется, заартачился и развернул своих казаков. Однако Наполеон по-прежнему искал в России только союзницу. Но вот был ли этот союз выгоден для России? Нет. Как считает В. М. Безотосный, Англия для императора Александра была легитимной монархией (да ещё и торговым партнёром к тому же), а не кровным врагом. Кроме того, сокрушение Англии означало бы французскую гегемонию в Европе [2; 41]. Поэтому Александр искал с Наполеоном войны, а не мира.

Однако политика Александра определялась не только этим. Немаловажную роль играли и причины чисто психологического характера. Александр Павлович Романов как представитель одной из старейших европейских монархий не мог не разделять всеобщее аристократическое презрение к наглому выскочке Бонапарту, который из ничего на глазах у Европы превращался во властителя полумира и требовал теперь, чтобы к нему обращались как к императору. Отсюда произрастало желание Александра низвергнуть худородного дворянчика, дорвавшегося до власти, и реставрировать монархии, низложенные Наполеоном. Кроме того, победы над Наполеоном жаждало уязвлённое самолюбие Александра: он не хотел войти в историю, как человек, которого Наполеон наголову разбил под Аустерлицем.

Итак, союз России и Франции был невозможен. Но он был нужен Наполеону, и французский император решил навязать его России силой. После разгрома четвёртой антинаполеоновской коалиции был подписан Тильзитский мирный договор, по которому Россия становилась союзницей Французской империи. Россия присоединялась к континентальной блокаде Англии.

В советской историографии, начиная с А. В. Предтеченского и В. И. Пичеты, бытовал миф о том, что «континентальная блокада» наносила непоправимый ущерб российской экономике и что она, в конечном счёте, стала причиной Отечественной войны 1812. Н. А. Троицкий даже писал, что «русская экономика в условиях континентальной блокады стала походить на человека, задыхающегося в приступе астмы» [5; 143]. Однако специальное исследование Н. Н. Трошина представляет

трактовку диаметрально противоположную. Историк показывает, что статистические данные были неверно интерпретированы советскими исследователями. Во-первых, доля Англии в вывозимых и ввозимых из Петербургского порта и в Петербургский порт товаров была принята за долю Англии во всем внешнеторговом обороте России (а в России существовал не только Петербургский порт и не только морская торговля). Во-вторых, не все английские суда прибывали в Петербург и отбывали оттуда с грузами (т. е не все участвовали в торговле, а расчеты ранее производились по абсолютному количеству). В-третьих, не все английские суда отбывали из Петербургского порта в Англию (часть английских судов обслуживало внешнеторговый оборот России). Таким образом, доля Англии в российском экспорте-импорте была значительно преувеличена. Однако несомненно и то, что в 1808 году российский внешнеторговый оборот значительно сократился. Исследователь объясняет этот факт не тем, что Россия перестала торговать с Англией, а тем, что вследствие блокады Россия перестала пользоваться английскими кораблями для собственной торговли -- раз, английские эскадры блокировали выходы в Балтийское море -- два, по закону об эмбарго конца 1807 г. корабли США не покидали свои порты, поэтому сократилась торговля с США и перестала существовать возможность использовать американские корабли для российской торговли -- три. Далее исследователь показывает, что поступления от таможенных пошлин не были основной статьёй доходов российского бюджета и, соответственно, континентальная блокада и здесь особого вреда не принесла. Рост недоимок среди крестьянства и купечества объясняется тем, что в 1810 были увеличены подати, однако впоследствии количество недоимок было снижено, т. е. купцы и крестьяне были способны уплачивать повышенные налоги, иными словами, богатели. И, помимо всего этого, прекращение ввоза английских колониальных товаров (например, сахара) и сукна вызвало «оживление в промышленности» и успешное импортозамещение. Так, в 1811 Александр вообще запретил ввоз сахара, потому что Россия сама удовлетворяла потребности внутреннего рынка. Таким образом, Александр мог использовать «континентальную блокаду» не как причину, а разве что в качестве повода для разрыва с Наполеоном, причём одновременно с этим пользуясь всеми выгодами «континентальной блокады» для российской промышленности [6; 278-297] (автор статьи также замечает, что подобный взгляд на «континентальную блокаду» был характерен и для дореволюционных историографов, и для М. Н. Покровского).

Кроме того, не так давно появилась ещё одна статья по той же теме. Американская исследовательница, М. Кросби-Арнольд, опираясь на исследования британских экономистов, показывает, что Россия не являлась крупным импортером английских товаров и больше продавала, чем покупала, а её выручка потом оседала в других странах, в том числе во Франции. Таким образом, принуждение России к континентальной блокаде не могло стать целью похода Наполеона. Маргарет Кросби-Арнольд считает, что поскольку французская экономика очень сильно зависела от реэкспорта сахара и кофе, ввозимых из колоний, но вследствие восстания рабов в Санто-Доминго Франция потеряла почти весь товар и не могла покрыть свою долю европейского рынка. Единственная возможность избежать его захвата англичанами - удержать при помощи армии. Поэтому, как замечает исследовательница, наполеоновские войска прошли Европу тем же маршрутом, который проходил реэкспортируемый сахар и кофе [3; 57]. К похожим выводам пришла и другая современная исследовательница, Сильвия Марзагалли. Она считает, что наполеоновские войны имели черты империалистических и были способом ориентировать мировую торговлю на пользу Франции, которой было выгодно вытеснить Англию с мирового рынка [7; 233].

К этому прибавляются также идеологические причины войны. Наполеон подавал идею русского похода под соусом борьбы с варварами, посягнувшими на безопасность Европы. Для этого использовалось в том числе фальшивое завещание Петра Великого, из которого якобы следовало, что Россия увлечена идеей мирового господства. На самом деле поход был необходим для осуществления геополитической утопии Наполеона (утопии, поскольку идея была неосуществима для тех лет и для тех обстоятельств): он хотел унифицировать европейские государства, а затем объединить их вокруг Парижа, который должен был бы стать мировым политическим, культурным и экономическим центром -- нечто вроде Евросоюза, но однополярного [4; 9]. При этом у Александра I тоже была своя геополитическая утопия, которую он впоследствии попытался реализовать в форме Священного союза. Французская исследовательница М.-П. Рей интерпретирует противостояние Наполеона и Александра как конфликт двух концепций идеального мироустройства [4; 12].

Помимо всего этого, между Россией и Францией существовали и некоторые дипломатические разногласия. Например, Александра не устраивало образовавшееся

под боком Великое Герцогство Варшавское, а Наполеон грозился восстановить Польшу в границах до первого раздела в 1772 г. Другой проблемой была Османская империя. Наполеон рассчитывал сохранить ее как противовес России, а император Александр имел свои виды на Константинополь. Наполеон, судя по всему, рассчитывал загнать «русского медведя» подальше в сибирские леса. П. А. Толстой, русский посол в Париже в 1807-1808 гг., писал царю: «Взгляды Бонапарта на наш счет очевидны. Он хочет сделать из нас азиатскую державу, столкнуть нас к нашим старым границам...» [4; 8]. Отношения начали обостряться. В 1810 году Александр подписал новый таможенный тариф, которым, по сути, объявил «таможенную войну» Франции. В том же году наполеоновские войска оккупировали герцогство Ольденбургское, что со стороны Наполеона также являлось нарушением Тильзитского мира. К 1810-му году стало ясно, что русско-французская война неизбежна. Оба императора начали подготовку.

Всё это время Наполеона не оставляла идея захвата британских колоний в Индии. В 1808-м году в письме к Александру Наполеон говорит об уязвимости англичан, но не получает согласия на сотрудничество. Тогда, как показал российский историк В. М. Безотосный, французская агентура тайно проникает в Российскую империю и добирается до Оренбурга, чтобы выяснить, какие пути ведут в Индию. Помимо этого, заключается франко-персидский договор о свободном проходе и осуществляется топографическая съемка путей через Персию. В письме к Нарбонну Наполеон рассказывает о своем многолетнем стратегическом плане: «представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключен мир или же он пал жертвой дворцового заговора... и скажите мне, разве есть средство закрыть путь отправленной из Тифлиса Великой французской армии и союзным войскам к Гангу?» [1; 82]

Резюмируем, каковы, по мнению современных историографов, реальные причины вооружённого конфликта между Российской империей и наполеоновской Францией: борьба Наполеона за мировой рынок колониальных товаров; возникшая под действием многочисленных факторов личная неприязнь Александра к Наполеону; проект индийского похода, который хотел реализовать французский император; стремление Наполеона ограничить территориальный рост Российской империи, в том числе для того чтобы та не мешала осуществлению «наполеоновских планов» по созданию объединённой Европы.

Таким образом, проанализировав современные историографические подходы к

объяснению причин войны 1812 г., мы можем утверждать, что Отечественная война не была результатом одного конфликта, а стала, напротив, следствием сложного переплетения геополитический, экономических и личных противоречий двух императоров. Исследования последних лет показывают, что войну 1812 г. нельзя считать неизбежным следствием Тильзитского мира, поскольку она являлась логичным продолжением борьбы двух амбициозных политиков за установление собственной системы глобального мирового порядка.

Литература:

1. Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году / В. М. Безотосный. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2005. – 256 с.

2. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика / В. М. Безотосный. – Москва: Вече, 2012. – 432 с.

3. Кросби-Арнольд М. Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию / М. Кросби-Арнольд; перевод с английского А. Ю. Терещенко // Французский ежегодник 2013. – Т. 45: "Русская кампания" Наполеона: события, образы, память. – Москва, 2013. – С. 33–60.

4. Рей М. Идеологические и геополитические цели и последствия войны 1812 года / М. Рей // Французский ежегодник 2013. – Т. 45: "Русская кампания" Наполеона: события, образы, память. – Москва, 2013. – С. 6–17.

5. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон / Н. А. Троицкий. – Москва: Высшая школа, 1994. – 303 с.

6. Трошин Н. Н. Континентальная блокада и Россия / Н. Н. Трошин // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международной научной конференции. – Москва, 2010. – С. 278–297.

7. The Cambridge history of the Napoleonic Wars: in 3 volumes. Volume 1: Politics and diplomacy / edited by A. Forrest, P. H. Wilson. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. – 622 p.

Бронникова Регина Юрьевна
Bronnikova Regina Yurievna
магистрант
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

CONDITIONS FOR FORMING SOCIAL COMPETENCE IN YOUTH SCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы по формированию коммуникативных навыков у младших школьников с интеллектуальными нарушениями, а также какие условия для этого созданы у обучающихся в специальных (коррекционных) школах. Какое влияние имеет сенсорная комната для младших школьников с интеллектуальными нарушениями. Описывается специфика общения младших школьников с интеллектуальными нарушениями легкой степени, направления коррекционно педагогической работы по формированию коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста. Доказывается, что общение играет важную социальную роль в жизни детей с интеллектуальными нарушениями.

Abstract. The article discusses the formation of communicative skills in primary school students with intellectual disabilities, as well as the conditions created for this purpose in special (correctional) schools. It describes the specifics of communication in primary school students with mild intellectual disabilities, as well as the areas of correctional pedagogical work aimed at developing communicative skills in students for successful socialization. The article argues that communication plays an important social role in the lives of children with intellectual disabilities. Keywords: students, social development, communication, intellectual disabilities, communication features, special education, conditions.

Ключевые слова: школьники, социальное развитие, общение, интеллектуальные нарушения, особенности коммуникации, специальное образование, условия, сенсорная комната.

Keywords: schoolchildren, social development, communication, intellectual disabilities, communication features, special education, conditions, the sensory room.

Общение – это важнейший вид человеческой деятельности, одно из основных условий для развития ребёнка, для формирования его личности, направленное на познание и оценку самого себя посредством других людей. Современная социально педагогическая и коррекционная практика опирается на психолого-педагогические исследования, которые теоретически обосновывают сущность и значимость коммуникативных умений в развитии младших школьников с интеллектуальными нарушениями. Основу многих исследований составляет концепция деятельности, разработанная В.В. Давыдовым, А.В. Запорожцем, А.Н. Леонтьевым, Д.Б. Элькониным

и др. В ее русле М.И. Лисина, Т.А. Репина, А.Г. Рузская определяют общение как коммуникативную деятельность, которая способствуют психическому развитию ребенка. Проблемами формирования коммуникативных умений у детей младшего школьного возраста с интеллектуальными нарушениями занимались такие ученые, как Л.С. Выготский, С.Д. Забрамная, А.Р. Маллер, Л.М. Шипицина и др. Среди зарубежных авторов можно выделить У. Кристен, Л. Нюканен, Х. Рюкле и другие. У большинства людей процесс общения происходит без ка ких-либо трудностей. Однако есть категория, которая не может использовать речь для полноценного общения: несовершенство умений, связанных с использованием речи как средства общения является характерной особенностью учащихся с интеллектуальными нарушениями (О.К. Агавелян, Р.И. Лалаева, В.Г. Петрова, Е.И. Разуван и др.). У младших школьников с интеллектуальными нарушениями эмоции отличаются нестабильностью. Эмоциональные реакции ученика бедны, их проявления носят негативный характер, что устойчиво влияет на все формы социальных контактов с окружающими людьми. Дети с интеллектуальными нарушениями не обладают необходимым уровнем социальной зрелости, являющейся одним из важнейших этапов готовности к обучению: у них отсутствует потребность в общении со сверстниками, умение контролировать свое поведение, а также способность исполнять роль «ученика» в ситуации школьного обучения. В младшем школьном возрасте детям с легкой степенью интеллектуальных нарушений трудно поддерживать беседу, так как они не всегда хорошо понимают собеседника. У них отмечается слабость мотивации, снижение потребности в речевом общении, нарушено смысловое программирование речевой деятельности, создание внутренних программ речевых действий. Исправление недостатков общения у младших школьников с интеллектуальными нарушениями происходит медленно и неравномерно. При всём многообразии основных компетенций школьников, которыми они должны овладеть, являются сформированные коммуникативные навыки, что учитывается и современным образовательным стандартом. Модернизация системы специального образования в связи с внедрением ФГОС НОО для обучающихся с ограниченными возможностями и ФГОС для обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) предполагает в качестве одного из важнейших критериев эффективности учебного и воспитательного процессов формирования у младших школьников коммуникативной компетенции как основы их успешной

адаптации в обществе. Важнейшим условием обучения ребенка с интеллектуальными нарушениями по первому или второму варианту стандарта является готовность к эмоциональному и коммуникативному взаимодействию со сверстниками и педагогами. Для успешной социализации ребёнка с интеллектуальными нарушениями необходимо овладение ими определёнными жизненными компетенциями. Как показывает практика, ребёнку с такими нарушениями трудно овладеть навыками самообслуживания без специально созданных условий. Социальная адаптация учеников младших классов с интеллектуальными нарушениями - одна из основных задач коррекционной школы. Успешность подготовки к самостоятельной жизни в обществе зависит не только от приобретения ими определенных знаний по общеобразовательным предметам и профессионально-трудовой деятельности, но и от того, насколько сформированы коммуникативные умения. У детей с интеллектуальными нарушениями длительно и с большим трудом формируются потребности во взаимодействии с коллективом учеников. Есть некоторые особенности в выборе партнеров из детского коллектива для речевого общения. Учащиеся предпочитают детей одного с ними пола и без выраженных неврологических нарушений. Мы провели исследование коммуникативных навыков у младших школьников с интеллектуальными нарушениями на базе специальной (коррекционной) школы для младших школьников с интеллектуальными нарушениями в городе Новосибирске. По данным наблюдения за внеурочной деятельностью, школьники с легкой умственной отсталостью спокойно реагируют на ситуацию общения на уроке, вступают в контакт, дают краткие ответ, спрашивают учителю. Методика Г.А. Цукерман «Рукавички», направленная на проверку умения взаимодействовать в парах и выявление причин, препятствующих взаимодействию. Задача - закрасить рукавички так, чтобы они образовали пару. Результаты выполнения задания мы оценивали по нескольким критериям: умение сотрудничать и оказывать помощь друг другу. Анализ результатов показал, что во внеурочной деятельности у младших школьников с интеллектуальными нарушениями коммуникация вы страивается активней, чем в учебной, позволил сформулировать методические рекомендации по формированию коммуникативных навыков у младших школьников в условиях коррекционной школы:

1. Обучение детей с интеллектуальными нарушениями должно осуществляться в повседневной жизни путем интеграции естественных для детей видов деятельности,

главной из которых является игра. Важным назначением игры является развитие психологического и эмоционального состояния ребёнка, основных психических процессов, волевых и нравственных качеств личности, социализации. Осуществить игровую деятельность возможно в сенсорной комнате. Сенсорная комната действительно создаёт для младших школьников с интеллектуальными нарушениями особую среду, которая помогает преодолевать барьеры в общении и закладывать основы коммуникативных навыков. Её эффективность основана на сочетании расслабляющих и активизирующих стимулов, которые снижают тревожность, повышают уверенность в себе и создают позитивный эмоциональный фон.

Как сенсорная комната влияет на коммуникативные навыки:

Специально организованная мультисенсорная среда в комнате способствует развитию коммуникативных способностей за счёт комплексного воздействия на разные сферы:

- Снижение тревожности и агрессии. Расслабляющий эффект от релаксационного оборудования (мягкий свет, спокойная музыка, сухой бассейн) помогает уменьшить эмоциональное напряжение, которое часто блокирует желание общаться.
- Развитие эмпатии. В безопасной обстановке дети учатся распознавать и называть свои эмоции, а также понимать чувства других, что является основой для формирования желания помогать и поддерживать друг друга.
- Формирование мотивации к общению. Успешные совместные действия с привлекательными для ребёнка стимулами (тактильными ощущениями, световыми эффектами) укрепляют желание взаимодействовать со сверстниками.
- Обучение невербальным средствам общения. В такой среде легче осваивать и практиковать жесты, мимику, что становится базой для развития полноценной речевой коммуникации.
- Развитие навыков саморегуляции. Умение управлять своим телом и дыханием, которое формируется в спокойной обстановке, напрямую влияет на способность ребёнка спокойно вступать в диалог и контролировать импульсивные реакции.

Примеры упражнений для развития общения

Для формирования коммуникативных навыков в сенсорной комнате можно

использовать такие формы работы:

- Совместные игры с мягким модулем или в сухом бассейне. Такие активности требуют распределения ролей, согласования действий, распределения задач — всё это тренирует навыки взаимодействия.
- Игры с фиброптическими нитями или другими тактильными материалами. Они не только развивают мелкую моторику, но и побуждают детей описывать свои ощущения, что способствует вербализации эмоций и мыслей.
- Упражнения на распознавание эмоций. С помощью картинок, схем или сказочных сюжетов дети учатся называть чувства, что закладывает основу для эмпатии и диалога
- Парные или групповые задания, где успех зависит от слаженной работы. Например, один ребёнок держит элемент (мягкий модуль), другой его перемещает — это учит сотрудничеству и взаимной поддержке.

2. Работа в парах – обязательный метод работы, который необходимо начинать с первых дней обучения в начальной школе на любом уроке. Для успешной работы необходимо выполнение одного задания, тогда ребёнок может проявлять инициативу, свободно общаться. Работая в парах, дети показывают положительный результат в изучении учебного материала.

3. Организация работы в группах, обеспечивающая совместную деятельность, в которую объединяются ученики от 2 до 10 человек для выполнения учебного задания. Формируются группы по разным признакам: по желанию, по выбору «лидера», по выбору педагога, по обстоятельствам. Здесь важно не принуждать детей к групповой работе, не показывать своё отношение к ребёнку, не желающем работать в этом виде деятельности. Ещё одно правило: не требовать от детей тишины во время групповой работы, но замечание самому шумному ученику сделать необходимо. Такой вид работы позволяет ребенку с интеллектуальными нарушениями получить навыки общения, сотрудничества, взаимопомощи, учит контролировать свою работу в группе, придерживаться определённых правил.

Итак, общение играет важную социальную роль в жизни детей с интеллектуальными нарушениями. Именно оно влияет на становление их личности, способствует социализации и интеграции в группу сверстников. Только путем специального обучения и воспитания в условиях коррекционной школы можно достичь

значительных успехов в формировании коммуникативных навыков.

Литература:

1. Агавелян М.Г. Опознание невербального поведения человека умственно отсталыми школьниками: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 1998. 20 с.

2. Бойков Д.И. Общение детей с проблемами в развитии: коммуникативная дифференциация личности. Санкт-Петербург: Каро, 2005. 288 с.

3. Выготский Л.С. Основы дефектологии. Санкт-Петербург: Лань, 2003. С. 205-220.

4. Дмитриева Е.Е. Коммуникативно-личностное развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста с легкими формами психического недоразвития: автореф. дис. … д-ра пси хол. наук. Нижний Новгород, 2005. 53 с.

5. Емельянова И.А. Педагогическая технология формирования коммуникативных умений и навыков у младших школьников с нарушением интеллекта: автореф. дис. … канд. пед. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.

6. Леонтьев А.А., Психология общения. Москва: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005. 368 с. 108

7. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. Москва: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1997. 384 с.

8. Лозован Л.Я. Формирование коммуникативных способ ностей младших школьников в условиях коррекционно-развивающего обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2003. 19 с.

9. Маллаев, Д.М. Психология общения и поведения ум ственно отсталого школьника / Д.М. Маллаев, П.О. Омарова, О.А. Бажукова. Санкт-Петербург: Речь, 2009. 160 с.

10. Приказ Минобрнауки РФ от 19.12.2014 г. № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья».

Евтеева Ольга Юрьевна
Evteeva Olga Yurevna
студент
кафедра всеобщей истории
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: olga.evteeva.03@mail.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИИ

HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS OF AUTO- AND HETEROSTEREOTYPES IN THE PERCEPTION OF THE ENGLISH NATION

Аннотация. В статье рассматриваются автостереотипы - представления англичан о самих себе, а также гетеростереотипы - то, как их видят представители других народов. Автор опирается на историко-культурный подход и показывает, как формировались ключевые черты английского национального характера: сдержанность, самообладание, чувство юмора и связанные с ними внутренние противоречия. Особое внимание уделяется тому, как викторианская мораль и нормы джентльменского поведения закрепили определённые модели поведения. В разделе о гетеростереотипах в качестве примера анализируется, как англичан воспринимают американцы, и как сами британцы относятся к американцам. Автор приходит к выводу, что авто- и гетеростереотипы со временем меняются, зависят от исторической ситуации и часто оказываются неоднозначными, но их изучение необходимо для понимания проблемы важности национальной идентификации, а также механизмов межкультурного общения в условиях глобального мира.

Abstract. This article examines autostereotypes - the English people's self-perceptions and heterostereotypes - how they are viewed by people of other nations. Drawing on a historical and cultural approach, the author demonstrates the formation of key traits of the English national character: restraint, self-control, a sense of humor, and the internal contradictions associated with these traits. Particular attention is paid to Victorian morality and norms of gentlemanly behavior, that reinforced certain behavioral patterns. The section on heterostereotypes analyzes how Americans perceive the English as an example, and how the British themselves view Americans. The author concludes that auto- and heterostereotypes change over time, depend on historical context, and are often ambiguous. However, their study is essential for understanding the importance of national identity and the mechanisms of intercultural communication in a globalized world.

Ключевые слова: этнопсихология; автостереотипы; гетеростереотипы; викторианская мораль; англо-американские отношения; национальная идентичность; межкультурная коммуникация.

Keywords: ethnopsychology; autostereotypes; heterostereotypes; Victorian morality; Anglo-American relations; national identity; intercultural communication.

Научный интерес к представителям разных народов и их социально-психологическим особенностям, наиболее возрастающий в настоящее время, заставляет обратиться к одному из важнейших разделов этнологии, а именно этнической

психологии, чьей непосредственной задачей является воспроизведение специфических механизмов поведения и взаимодействия нации.

Национальные особенности как таковые не являются беспочвенным явлением, и, несмотря на некую стихийность формирования, они обусловлены определенными закономерностями и факторами. Их выявление и дальнейшая интерпретация этнографического образа невозможны без понимания того, что развитие любой социальной группы начинается с возникновения взаимоотношений и определяется их характером [3; 8-9]. Не менее важна и опора на некоторые принципы в изучении взаимодействия этноса. Наиболее важным для настоящей работы выступает принцип детерминизма, или причинной обусловленности явлений, который основывается на том, что общее представление о национальном характере того или иного народа выстраивается только на основе понимания условий, в котором этот характер формировался [3; 9-10]. Здесь нужно учитывать и многофакторность, сопровождающую эти условия. Для составления полной картины принципиально важно охватить как можно больше сфер общественной жизни, в которых фигурирует та или иная деятельность представителей этнической группы, так как любая личностная или групповая активность подкрепляется психологическим содержанием.

Сегодня, когда связи между культурами становятся все более тесными, а глобализация набирает обороты, вопрос о том, как разные этносы воспринимают друг друга, выходит на первый план. Понимание того, как народы видят самих себя и окружающих, имеет значение не только для науки, но и для успешного межкультурного общения. В данном вопросе логично будет обратиться к вопросу об этнических стереотипах. Они делятся на автостереотипы и гетеростереотипы. В автостереотипах выражено стремление этноса выделить «наиболее самобытные» [6; 216], по их мнению, черты характера, которые как правило близятся к благоприятной оценке. Гетеростереотипы же, как представления о чужом народе, строятся на основе внешнего облика, а также длительности и глубины исторических контактов [6; 216]. Именно в них накапливаются исторический опыт, общие представления и ценности, которые затем формируют в сознании народа образ «своих» и «чужих». Английская нация особенно интересна тем, что на ее примере хорошо видно, как постепенно формировалось национальное самосознание и как с течением времени оно все больше отделялось от других культур.

Географическая отдаленность способствовала тому, что англичане не считают себя частью Европейского мира и, «не смотря на интеграционные процессы, британцы предпочитают компанию американцев, австралийцев и южноафриканцев обществу европейцев» [1; 67]. Англичане себя воспринимают на порядок лучше других. Их непохожесть складывается из особенностей «изысканного» воспитания, сдержанности, самообладания. Однако такой самоконтроль, которого придерживаются многие англичане сегодня, не был типичен для «старой Англии» с довольно буйными нравами [7; 101]. Так, например, период правления Елизаветы Тюдор в XVI веке ассоциируется в истории с довольно жестокими развлечениями, показательными расправами и бесконечными дуэлями [9; 13]. Викторианская эпоха же стала для страны и ее жителей временем установления строгого морального кодекса, основанного на принципах «джентльменства», закрепления консервативных ценностей. Началось формирование «нового человека», который обладает способностью достойно вести себя в любых обстоятельствах и сохранять спокойствие. Кодекс условностей помимо того предполагал и подавление ярких эмоций как признака невежества. С течением времени такие социальные установки, насаждаемые по большей части сверху, приводят к укоренению в сознании соответствующих эталонов поведения, черты которого можно заметить у современных англичан.

Стоит еще сказать о том, что английский характер довольно противоречив. В нем сочетаются, но при этом уживаются несовместимые качества. Несмотря на внешнюю холодность, англичане признают за собой большое чувство юмора, способность к иронии над событиями и насмешливому отношению к самим себе [3; 113]. При этом их юмор часто связан с полным осознанием и принятием реальности, отражает истинное положение вещей и «тесно связан с классовыми проблемами» [8; 35]. Англичане часто высмеивают качества, свойственные тому или иному обществу и подшучивают над собственной классовой системой.

Что касается гетеростереотипов об английской культуре, исторически они начали формироваться в ходе различных посольских миссий и визитов в научных и технических целях. Англия в основном посещалась иностранными учеными, политическими изгоями, дипломатами [5; 14]. Сами же молодые и образованные англичане еще со времен Елизаветы I регулярно отправлялись в Европу с целью приобретения новых знаний и знакомства с новыми взглядами. Так как исторический

опыт взаимодействия народов формирует оценочные суждения [1; 57], закрепилось несколько разных представлений об англичанах. В качестве примера рассмотрим специфику отношений Англии и США, которые в силу своей динамики часто называют «love-hate relationship» (в переводе с англ. яз. – от любви до ненависти).

Контроль со стороны англичан до середины XVIII века порождал агрессивные настроения по отношению к нации. Отчасти этим обусловлена и прямо противоположная открытая и более дружелюбная культура американцев, которая складывалась как «ответ» на чопорность англичан. С течением времени негативно окрашенные настроения стирались, и Англия стала восприниматься в первую очередь как страна с великим прошлым. Американцы воспринимают англичан «как более культурных, интеллектуальных, воспитанных людей, чем они сами» [2; 25]. Исторически это обусловлено тем, что американцы сравнительно молодой этнос. Что же касается гетеростереотипов со стороны англичан, явно негативная оценка американцев проявилась после Второй мировой войны, когда позиции Британии ослабли, а статус ее бывшей американской колонии повысился [2; 30]. Звучали открытые заявления британцев о варварском характере американской культуры, которая распространялась с невероятной силой.

Несмотря на то, что менталитет англичан до настоящего момента представляется сложным и непонятным для остальных народов [4; 14], здоровый скептицизм по отношению к самим себе не позволяет другим смотреть на англичан свысока [5; 14]. Также иностранцы замечают вежливость и услужливость со стороны обитателей острова, несмотря на бытующий стереотип об их асоциальности. Англичане всегда с большим уважением поговорят с представителями другого народа, так как это закреплено в кодексе их поведения.

Таким образом, сложно оценить адекватность авто и гетеростереотипов нации, так как многие из них противоречивы друг другу. С течением истории, изменением политических, экономических, мировоззренческих факторов в жизни этноса меняются нормы поведения, а, следовательно, и представления. Несмотря на то, что этнические стереотипы динамичны, как и этнос [6; 216], и являются больше дополнением в этнопсихологическом портрете нации, их существование важно с точки зрения решения проблемы национальной идентификации и изучения межкультурного взаимодействия.

Национальная идентификация формирует представление о собственной культуре

и национальных ценностях, вырабатывает чувство сопричастности к истории своей страны и своего народа. Именно благодаря изучению своих «истоков» и особенностей развития закрепляется понимание человека о национально особенном в своей психологии, формируется этническое самосознание, которое в свою очередь обеспечивает понимание необходимости единства нации. Представления же о другом народе и его моральных установках, формирующиеся исторически, если не являются гарантом мирного сосуществования в полной мере, то помогают выстраивать коммуникативную связь, повышают эффективность взаимодействия, вырабатывают более подходящие условия сотрудничества в различных сферах. Учет этнопсихологических характеристик очень важен в современном мире с точки зрения процесса глобализации, в ходе которого мир становится более интегрированным, а потребность этнических общностей во взаимопомощи более актуальной.

Литература:

1. Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Межкультурная коммуникация и этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества: учебное пособие. – М.: Проспект, 2016.

2. Жукова Л.С. Образы американцев и англичан: авто- и гетеростереотипы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 24–32. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-amerikantsev-i-anglichan-avto-i-geterostereotipy (дата обращения: 30.05.2025).

3. Крысько В.Г. Этническая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.

4. Латынина М.И., Хренова Н.Ф. Национальные аспекты менталитета англичан // Инновации в науке. – 2018. – № 11 (87). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-aspekty-mentaliteta-anglichan (дата обращения: 30.05.2025).

5. Павловская А.В. Традиции: Особенности национального характера, или За что англичане любят очереди // Вокруг света. – 2003. – № 6. – С. 14–20. – URL: https://litlife.club/books/107196/read?page=18#section_7 (дата обращения: 30.05.2025).

6. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

7. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. – Донецк: Сталкер, 1997.

8. Фокс К. Англия и англичане. О чем молчат путеводители / пер. с англ. И. Новоселецкой. – М.: Рипол Классик, 2013. URL: https://litmir.club/br/?b=234585&p=7#section_16 (дата обращения: 25.05.2025).

9. Gorer G. Exploring English Character. – N.Y: Criterion Books, 1955. – URL: https://archive.org/details/exploringenglish002763mbp/page/n343/mode/2up (дата обращения: 26.02.2024).

Брукова Маргарита Олеговна
Brukova Margarita Olegovna
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
E-mail: reflecsiya@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ ДОПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ

AXIOLOGICAL APPROACH TO THE METHODOLOGY OF PRE-PROFESSIONAL MILITARY TRAINING

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные положения аксиологического подхода как методологической основы допризывной военной подготовки. Автор анализирует процесс воспитания молодежи как будущих защитников Отечества через формирование их ценностных ориентиров, им изучены основные научные труды представителей аксиологического подхода. В рамках эмпирического исследования проанализированы данные психологического обследования 239 абитуриентов, поступающих в военный вуз различных моделей допрофессиональной военной подготовки. Изучены уровни военно-профессиональной осведомленности, мотивации молодых людей, их направленность на военную службу, система ценностей. В работе выделяется мотивационный компонент допрофессиональной военной подготовки, который формирует ценностно-мотивационные качества.

Abstract. The article discusses the conceptual provisions of the axiological approach as a methodological basis for pre-conscription military training. The author analyzes the process of educating young people as future defenders of the Fatherland through the formation of their value orientations, and examines the main scientific works of representatives of the axiological approach. As part of the empirical study, the data of a psychological examination of 239 applicants entering a military university of various models of pre-professional military training were analyzed. The levels of military-professional awareness, motivation, and orientation towards military service, as well as the system of values, were studied. The paper highlights the motivational component of pre-professional military training, which forms value and motivational qualities.

Ключевые слова: аксиологический подход, ценностные ориентиры, допрофессиональная военная подготовка, мотивация, военно-профессиональная направленность, патриотизм.

Keywords: axiological approach, value orientations, pre-professional military training, motivation, military-professional orientation, patriotism.

«Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте, а такой фундамент – это патриотизм» - президент Российской Федерации Владимир Путин.

Молодёжь — основной национальный ресурс, призванный оберегать и укреплять оборонную мощь государства. Отсюда особая роль военно-патриотического

воспитания: оно должно выходить за пределы сухих фактов о военной истории и обычаях, взращивать нравственные ориентиры — преданность Родине, чувство общности, честность, готовность к самопожертвованию и служению Отечеству.

Духовно-нравственное воспитание закладывает фундамент личности: формирует мировоззрение, характер и готовность к самопожертвованию ради общенациональных целей. Оно призвано пробудить чувство долга перед Отечеством, уважение к истории, сознание гражданской ответственности и желание приносить пользу обществу. [8]

В эпоху геополитических перемен и усиливающихся угроз безопасность нации требует неотложных мер — прежде всего воспитания настоящих защитников через военно-патриотическое и духовно-нравственное образование молодёжи. От того, как мы подготовим молодое поколение, зависит прочность государства и его способность с достоинством и решительностью отстаивать национальные интересы в часы испытаний.

Главная миссия военно-патриотического воспитания — воспитать в молодёжи глубокое уважение к институтам власти и к богатому историческому наследию, пробудить в них ответственность за судьбу нации и бдительность в охране общественного порядка. Это достигается через освоение государственных символов, приобщение к традициям и воспитание готовности исполнять гражданский долг во имя защиты Отечества. [1]

Дефицит устойчивых ценностных ориентаций способен существенно затруднить освоение военной профессии и процесс профессиональной адаптации. Неопределённость ценностных ориентиров у молодёжи коррелирует со снижением мотивации в учебной и служебной деятельности: при отсутствии чёткого понимания значимости собственной роли в обществе и вооружённых силах падает склонность к систематическому труду и стремлению к профессиональному росту. Несформированность ценностной базы способствует поверхностному отношению к образовательным программам и практическим занятиям, когда приобретаемые знания и навыки воспринимаются как лишённые практической пользы. Кроме того, отсутствие твёрдых ценностных ориентиров затрудняет принятие адекватных и взвешенных решений в критических ситуациях, что может привести к негативным последствиям как для самого военнослужащего, так и для его подразделения. Следовательно, формирование устойчивой системы ценностей следует рассматривать как важнейший

компонент профессиональной подготовки военнослужащих. [3]

Допрофессиональная военная подготовка ориентирована на формирование ценностных ориентаций — патриотизма, чувства долга перед Отечеством, уважения к воинским традициям и готовности к защите государства. С аксиологической позиции это подразумевает развитие нравственно-этических установок. В ходе подготовки молодые люди накапливают практический опыт ответственности, взаимопомощи, дисциплины и уважительного отношения к старшим и командирам. Аксиологический подход придаёт анализу глубину, позволяя осмыслить механизмы становления духовно-нравственной сферы личности, её профессиональной идентификации с ролью защитника Отечества и восприятия военной службы как значимого элемента гражданской жизни.

Аксиологический подход в педагогике рассматривает систему ценностей как центральный компонент образовательного процесса. Он акцентирует внимание на формировании у субъектов обучения устойчивых ценностно-ориентированных установок и развитии нравственно-этических компетенций, направленных на обоснованное принятие моральных решений и соответствующих действий.

Главная его цель — формирование личности, способной принимать нравственно и ценностно мотивированные решения, ориентированные на общественное благо. В результате аксиологический подход способствует становлению гражданских ценностей и убеждений, необходимых для полноценного развития обучающихся и их интеграции в социум. Таким образом, аксиологическая перспектива в образовании выходит за пределы передачи фактических знаний, способствуя целостному формированию гражданских ценностей и убеждений, что имеет ключевое значение для полноценного развития обучающихся и их интеграции в социальную среду. [5]

Эффективность исполнения профессиональных обязанностей военнослужащими детерминируется качеством их подготовки и условиями образовательного процесса. Аксиологический подход рассматривает профессиональное воспитание и обучение как целенаправленный процесс трансляции и усвоения нравственных и профессиональных ценностей, которые являются ключевыми в формировании профессиональной ответственности курсантов военных вузов. При этом аксиологическая перспектива позволяет интегрировать исторические традиции и современные педагогические практики военного воспитания, ориентированные на воспитание чувства долга и

ответственного профессионального поведения, и обогатить ими содержательное наполнение разрабатываемой модели.

Анализ педагогических трудов А. В. Барабанщикова, И. А. Алехина, В. В. Деева, К. В. Евдокимова и В. И. Слободчикова выявил ряд факторов, затрудняющих формирование ценностного отношения к патриотическому воспитанию будущих офицеров. Во-первых, отмечается низкая мотивация курсантов и личного состава вуза к участию в патриотических мероприятиях: плановые 2–3 мероприятия в семестр зачастую носят формальный характер и выполняются не всегда. Во-вторых, констатируется дефицит современных патриотических кинофильмов и справочно-информационных изданий. В-третьих, фиксируется недостаточный уровень взаимодействия между руководством вуза, преподавательским составом и командирами при решении задач патриотического воспитания. В совокупности эти обстоятельства существенно снижают эффективность воспитательных мероприятий, направленных на воспитание патриотических установок у будущих офицеров.

Ценностные ориентации и мотивационные факторы служат фундаментом формирования стремления к военной службе и профессиональному обучению. Осознание значимости собственной роли в армии и её корреляция с личными ценностями усиливают вовлечённость в процесс подготовки. Кроме того, ценностно-мотивированные характеристики способствуют выработке осознанного отношения к профессиональным обязанностям и пониманию необходимости добросовестного исполнения служебных задач. [6]

А. В. Косолап в своих научных трудах исследовал ценностные ориентаций курсантов первого курса военного вуза в период специальной военной операции. По его мнению, детальная оценка структуры ценностей позволяет выйти на новый уровень понимания ценностно-мотивационной сферы как основы успешной профессионализации военнослужащего. Он рассмотрел содержательные мотивы, входящие в систему формирования военно-профессиональной мотивации курсантов вузов (личностные, профессиональные, военно-профессиональные). Автором определены условия интеграции личностных и военно-профессиональных мотивов в образовательный процесс военных учебных заведений, а также значимость феномена «патриотизм» в общей системе подготовки курсантов [4]. В работе применена концепция направленности личности, введённая С. Л. Рубинштейном, которая

рассматривается как неотъемлемая часть мотивационной сферы и дополняет понятие потребностей.

Д. М. Нуждин в своем диссертационном исследовании рассмотрел педагогические условия патриотического воспитания курсантов военного вуза В качестве ключевого результата патриотического воспитания автор выделяет формирование государственно-патриотического мировоззрения, которое он трактует как ориентацию на самореализацию и социально значимое поведение будущих офицеров. Критериями такого мировоззрения, по Нуждину, являются привязанность к семье и родному краю, служение Отечеству, стремление к обеспечению целостности и суверенитета государства, поддержание национальной безопасности и устойчивого развития, а также восприятие долга и ответственности как высшего смысла жизни и профессиональной деятельности. [7].

В рамках эмпирического исследования нами проанализированы данные психологического обследования 239 абитуриентов, поступающих в высшее военное учебное заведение. Молодых людей мы разделили в соответствии с по моделям допрофессиональной военной подготовки, которые они прошли до поступления в военный вуз. В исследовании мы рассмотрели типологию современных моделей (модель общеобразовательной подготовки (ОБЗР), модель дополнительного образования, модель специализированных образовательных организаций закрытого типа) и практик (Суворовские военные училища, кадетские корпуса и училища, школы-интернаты с первоначальной летной подготовкой, военно-патриотические организации и клубы, курс «Основы безопасности и защиты Родины» в общеобразовательных учреждениях) допрофессиональной военной подготовки. В процентном соотношении: молодые люди, прошедшие модель общеобразовательной подготовки (ОБЗР) - 65 %, модель дополнительного образования - 19 %, модель специализированных образовательных организаций закрытого типа - 16 %.

Психологическое обследование абитуриентов показало, что лица, прошедшие обучение по модели специализированных закрытых образовательных организаций, по сравнению с выпускниками других моделей характеризуются высокой коммуникативной компетентностью и быстрой установкой контактов, эффективной адаптацией к новым условиям деятельности, адекватной ситуационной ориентировкой и оперативной выработкой стратегий поведения и социализации. Как правило, они не

склонны к конфликтам, обладают высокой эмоциональной и нервно-психической устойчивостью, адекватной самооценкой и восприятием действительности, а также высоким уровнем саморегуляции и поведенческой регуляции. Функциональное состояние данной группы в период адаптации находится в пределах нормы и обеспечивает сохранение работоспособности; отмечаются высокий уровень социализации, адекватное осознание своей роли в коллективе, ориентация на соблюдение нормативных требований, высокий уровень военно-профессиональной осведомлённости, общего интеллектуального развития, мировоззренческая адекватность и выраженная направленность и мотивация к военной службе.

В процессе анализа изучалась военно-профессиональная направленность в военных училищах молодых людей, прошедшие модель общеобразовательной подготовки (ОБЗР), модель дополнительного образования, модель специализированных образовательных организаций закрытого типа, а также особенности формирования военно-профессиональной мотивации. Молодые люди из числа выпускников практики модели специализированных образовательных организаций закрытого типа значительно успешнее, чем бывшие школьники из числа гражданской молодежи адаптируются к условиям военной службы.

Курсанты с высокой военно-профессиональной мотивацией демонстрируют лучшие результаты теоретической и практической подготовки по сравнению с обучающимися, характеризующимися низким уровнем мотивации к овладению военной профессией.

Эффективность образовательного процесса и последующая профессиональная реализация во многом зависят от индивидуальных способностей, представленных как совокупность профессионально важных качеств (ПВК). Современные подходы выделяют пять основных групп ПВК: личностные, интеллектуальные, психофизиологические, физиологические и физические. Для объективной оценки профессиональной пригодности кандидатов степень сформированности этих качеств устанавливается в ходе отбора при приеме на обучение в вуз.

Анализ эмпирических данных показал, что ценностно-мотивированные показатели ПВК статистически значимо различаются у курсантов, прошедших различные модели допрофессиональной военной подготовки. В частности, уровни информированности о военной профессии, интеллектуальные способности, скорость

реакций, адаптивность и степень социализации, мотивация и адекватность мировоззренческих установок коррелируют с наличием и типом допрофессиональной подготовки. Эти результаты указывают на существенное влияние модели допрофессиональной подготовки на формирование ключевых профессионально-психологических характеристик курсантов.

Исследование выявило, что для курсантов значима гордость за принадлежность к конкретному учебному заведению и роду войск. Экскурсии в комнаты боевой славы, посещение музеев и встречи с ветеранами способствуют более глубокому усвоению воинских традиций и их сохранению, и приумножению в ходе обучения и последующей службы.

Основной методологический подход нашего исследования к допрофессиональной военной подготовке молодежи — аксиологический. В рамках этого подхода ценности рассматриваются как устойчивые убеждения, определяющие значимость как для отдельной личности, так и для общества в целом. Эти ценности выступают ориентирами, направляющими индивида в формировании жизненного пути и выборе профессии. Ценностные ориентиры, формирующие профессиональный выбор и военно-профессиональную направленность личности, включают патриотизм, чувство долга и ответственность, героизм и мужество, товарищество и взаимопомощь. [2]

Аксиологический подход в методологии допрофессиональной военной подготовки позволяет переосмыслить ценностное содержание образовательного процесса, смещая акцент с формального усвоения знаний и навыков на формирование ценностной ориентации личности, готовой к службе в Вооружённых Силах. В условиях меняющейся геополитической обстановки и повышения требований к морально-психологическим качествам военнослужащих, данный подход обеспечивает глубинную мотивацию, основу для осознанного выбора военной профессии и устойчивой приверженности долгу, чести и Отечеству.

Включение ценностных установок — таких как патриотизм, гражданственная ответственность, коллективизм, дисциплина и моральная устойчивость — в структуру обучения способствует не только профессиональной адаптации, но и личностному росту обучающихся. Он создаёт основу для гармоничного развития будущего военного специалиста, интегрируя когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты подготовки.

Таким образом, аксиологический подход выступает не просто как дополнительный методический элемент, а как системообразующий принцип, способствующий формированию целостной военно-профессиональной личности. Его реализация в образовательной практике средних учебных заведений, особенно в рамках допрофессиональной подготовки, открывает перспективы для повышения качества военно-патриотического воспитания и обеспечения преемственности между школьным образованием и военной службой.

Литература:

1. Аминчиков, В.О. Военно-патриотическое воспитание: военно -патриотическое воспитание молодёжи; духовное воспитание защитников отечества; специальная военная операция на Украине: герои и подвиги / В.О. Аминчиков — Текст: непосредственный // Омск: Материалы VI Международной научно-практической конференции, 2024. — № 4 (38). — С. 883-890

2. Гончаров, М. Н. Методологическое обоснование формируемых ценностных установок военного специалиста / М. Н. Гончаров. — Текст: непосредственный. // Ярославский педагогический вестник, 2015. — № 6. — С.147-150.

3. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. /Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков — Текст: непосредственный // Рос. Акад. образования. — М.: Просвещении, 2009. — С. 14-18

4. Косолап, А.В. Исследование ценностных ориентаций при поступлении, у курсантов первого курса военного вуза, в период специальной военной операции / А.В. Косолап — Текст: непосредственный // Красноярск: Версо, — 2023. — С. 107-108

5. Куликов, А. Ю. О психолого-педагогических подходах к изучению воинской дисциплины курсантов. / А. Ю. Куликов, А. И. Емелин. — Текст: непосредственный // ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. — Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. — С.52-57

6. Курдубова, В. В. Подходы к формированию мотивации обучающихся военных образовательных организаций высшего образования в рамках дисциплин отдельной предметной области: сборник трудов конференции. / В. В. Курдубова, Е. О. Шахвердова — Текст: непосредственный // Педагогика, психология, общество: от теории к практике. Чебоксары: ИД «Среда». — 2024. — С. 119-123.

7. Нуждин, Д.М. Педагогические условия патриотического воспитания курсантов военного вуза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: специальность 13.00.01 «Общая пелагогика, история педагогики и образования» / Нуждин Дмитрий Михайлович — Екатеринбург, 2004. — 27 с. — Текст: непосредственный

8. Чёрный С.П., Савин А.П. Педагогическая среда воспитания патриотизма в условиях трансформации системы образования // Современное педагогическое образование. 2024. № 2. С. 151-154.

Бурлака Виктория Викторовна
Burlaka Viktoria Viktorovna
магистрант
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: burlaka75@list.ru

Капустина Татьяна Викторовна
Kapustina Tatiana Viktorovna
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общепсихологических дисциплин
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

КОМПЛАЕНТНОСТЬ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО И ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПАЦИЕНТОВ

COMPLIANCE AS A MENTAL PROPERTY AND MENTAL STATE OF PATIENTS

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу комплаентности как многомерного психологического феномена. Актуальность обусловлена необходимостью разграничения комплаентности как устойчивого свойства и как ситуативного состояния, для повышения эффективности лечебного процесса. Целью является сравнительный анализ личностных и ситуативных детерминант комплаентного поведения. Рассматривается связь комплаентности с личностными характеристиками. Освещена роль внутренней картины болезни в формировании комплаентности как психического состояния. Описаны социальные факторы, влияющие на приверженность лечению - терапевтический альянс, семейное окружение, эгротогения. Прослежена эволюция моделей комплаентности – от патерналистской к партнерской.

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of compliance as a multidimensional psychological phenomenon. The relevance is due to the need to distinguish between compliance as a stable trait and as a situational state, in order to improve the effectiveness of the treatment process. The aim is to conduct a comparative analysis of the personal and situational determinants of compliant behavior. The article examines the relationship between compliance and personal characteristics. It highlights the role of the internal picture of the disease in the formation of compliance as a mental state. The article describes social factors affecting adherence to treatment, such as the therapeutic alliance, family environment, and egrotogenia. It also traces the evolution of compliance models from paternalistic to partnership-based.

Ключевые слова: комплаентность, психическое свойство, психическое состояние, внутренняя картина болезни, патерналистская модель, партнерская модель, конкорданция, приверженность лечению.

Keywords: compliance, mental property, mental state, internal picture of illness, paternalistic model, partnership model, concordance, treatment adherence.

Введение. Понятие комплаентности - ключевое в современной психологии и медицине. При этом его содержание продолжает вызывать дискуссии. Изначально трактуемое как пассивное подчинение пациента врачебным предписаниям, этот термин сегодня приобретает сложные очертания. Комплаентность не является одномерной. В ней можно выделить как устойчивые личностные компоненты, так и ситуативные. Их разграничение имеет прямое практическое значение. Потому что, комплаентность как свойство личности мало поддается коррекции, а комплаентность как состояние может быть изменена через целенаправленные психологические интервенции. Это делает возможным разработку конкретных стратегий повышения комплаентности, что особенно важно при хронических заболеваниях, где длительное соблюдение врачебных рекомендаций важный фактор благоприятного прогноза.

Интерес к проблеме комплаентности обусловлен не только теоретической сложностью. Но и высокой практической значимостью. По данным Всемирной организации здравоохранения, до 50% пациентов с различными хроническими заболеваниями не соблюдают рекомендованный режим терапии. Это приводит к снижению эффективности лечения, увеличению числа осложнений и повторных госпитализаций, что в свою очередь влечет значительные экономические потери для системы здравоохранения. Поэтому понимание механизмов формирования комплаентности и разработка методов ее повышения являются важными в современной клинической психологии и медицине.

Особую актуальность проблема комплаентности приобретает в связи с эволюцией моделей взаимодействия врача и пациента. От патерналистской (где пациенту отводилась пассивная роль) к партнерской модели, которая подразумевает активное участие пациента в принятии решений о своем здоровье. Кроме того, остается открытым вопрос терминологической точности самого понятия. Ряд исследователей используют термин adherence - приверженность) или concordance – согласие, подчеркивая этим активную, осознанную позицию пациента. В этом принципиальное отличие от пассивного подчинения, изначально заложенного в исходном термине «комплаентность».

Комплаентность – психическое состояние?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к общепсихологической теории состояний. Под психическим состоянием понимается временное, динамичное

образование, отражающее актуальную готовность индивида к определённому поведению в конкретной ситуации. В отличие от психических свойств, которые характеризуют устойчивые, повторяющиеся особенности личности, психические состояния отличаются ситуативной обусловленностью, относительной кратковременностью и обратимостью [1]. Ильин Е.П. определяет психическое состояние как «целостную характеристику психической деятельности за определённый период времени, показывающую своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» [2]. Применительно к комплаентности это означает, что в определённые моменты времени - например, на приёме у врача, после постановки диагноза или в период ремиссии - готовность пациента следовать рекомендациям может меняться. Эта позволяет говорить о комплаентности как о психическом состоянии. Веккер Л.М. подчёркивал, что психические состояния занимают промежуточное положение между психическими процессами и психическими свойствами, выступая как «фон», на котором разворачивается психическая деятельность. Таким образом комплаентность как состояние можно рассматривать «фоном», который предопределяет восприятие пациентом врачебных рекомендаций, готовность к сотрудничеству в данный момент.

Важную роль в формировании комплаентности как состояния играет внутренняя картина болезни (ВКБ). Этот понятие, введённое Лурия Р.А., описывает субъективный образ заболевания, включающий ощущения, эмоции и представления пациента о своей болезни. Характер внутренней картины болезни определяет, насколько человек готов следовать врачебным предписаниям в конкретный момент времени. Внутренняя картина болезни представляет собой сложный конструкт, включающий в себя:

- сенсорный уровень - совокупность телесных ощущений, связанных с заболеванием;

- эмоциональный уровень - переживания, вызванные болезнью (тревога, страх, надежда, отчаяние);

- когнитивный уровень - представления пациента о природе, причинах и последствиях заболевания;

- мотивационно-поведенческий уровень - готовность к активным действиям по преодолению болезни.

Каждый из этих уровней вносит вклад в формирование ситуативной комплаентности. Интенсивные болевые ощущения могут как стимулировать пациента к строгому соблюдению рекомендаций (через механизм избегания дискомфорта), так и, наоборот, снижать его способность к последовательным действиям (через механизм истощения когнитивных ресурсов). Эмпирические исследования подтверждают зависимость ситуативной комплаентности от характера ВКБ. Пациенты с гармоничным и эргопатическим типами ВКБ демонстрируют более высокий уровень ситуативной комплаентности, тогда как анозогнозический и фаталистический типы, напротив, связаны со снижением приверженности лечению [3]. Особенно ярко эта связь проявляется у пациентов, перенёсших инсульт. Осмысленная внутренняя картина болезни способствует более активному участию в реабилитационных мероприятиях, в то время как негативные убеждения ведут к пассивности и отказу от усилий [4]. Внутренняя картина болезни является динамичным образованием. Она может изменяться под влиянием информации, полученной от врача, опыта лечения, общения с другими пациентами, динамики симптомов. Это означает, что комплаентность как психическое состояние также подвержена изменениям и может быть скорректирована через целенаправленное воздействие на когнитивные и эмоциональные компоненты внутренней картины болезни.

Готовность пациента к сотрудничеству во многом определяется и его эмоциональным состоянием. Тревога, депрессия, страх, гнев - все эти переживания могут существенно влиять на комплаентность. Умеренная тревога, как показывают исследования, может способствовать повышению комплаентности, потому что побуждает пациента к активным действиям по устранению угрозы здоровью. Высокая тревога, особенно в сочетании с пессимистическими переживаниями, приводит к дезорганизации поведения, снижению способности к планированию и, как следствие, к снижению приверженности лечению. Депрессивные состояния также оказывают негативное влияние на комплаентность. Потеря интереса к жизни, пессимистическая оценка будущего ведут к пассивности и отказу от усилий по соблюдению врачебных рекомендаций. Ярко этот эффект проявляется у пациентов с хроническими заболеваниями, где длительное лечение требует постоянных усилий. Страх перед лечением, побочными эффектами, медицинскими процедурами, зависимостью от лекарств - также могут формировать мощное сопротивление лечению.

Понимание комплаентности было бы неполным без анализа её социальных детерминант. Особого внимания заслуживает роль врача как активного субъекта, формирующего условия для комплаентного поведения пациента. Как отмечается в современных исследованиях, посредством развития коммуникативной компетентности врача возможно создание терапевтического альянса, который способствует формированию приверженности пациента к терапии [5]. Именно врач, обладая навыками эффективной коммуникации, способен выстроить такое взаимодействие, в котором пациент из пассивного объекта воздействия переходит в статус активного субъекта, разделяющего ответственность за результаты лечения. Терапевтический альянс занимает центральное место среди социальных компонентов комплаентности. Это особый тип отношений между врачом и пациентом, основанный на взаимном доверии, уважении и сотрудничестве. Надежный терапевтический альянс является одним из наиболее важных предикторов высокой комплаентности. Исследования показывают, что пациенты, воспринимающие врача как партнёра, а не как авторитарную фигуру, значительно чаще соблюдают рекомендации и демонстрируют положительную динамику в лечении [6]. Важным аспектом такого взаимодействия является безоценочное принятие и конгруэнтность, которые снижают тревогу пациента и повышают его готовность к сотрудничеству [7].

Микросоциальная среда пациента - ещё один значимый фактор. В первую очередь это семья. Включённость близких в процесс лечения, их поддержка и контроль за соблюдением рекомендаций значительно повышают комплаентность [8]. Это происходит по нескольким причинам. Прежде всего, семья выполняет функцию внешнего контроля - напоминания о приёме лекарств и сопровождение на визиты к врачу снижают риск пропусков терапии, особенно у пожилых пациентов и лиц с когнитивными нарушениями. Помимо этого, семья является источником эмоциональной поддержки - забота и понимание снижают тревогу и депрессивные переживания, что повышает мотивацию к лечению. Наконец, семья участвует в формировании внутренней картины болезни пациента, транслируя установки по отношению к здоровью и лечению. Однако влияние семьи может быть и негативным. Гиперопека снижает ответственность пациента за лечение, что в перспективе ведёт к снижению комплаентности. Конфликтные отношения в семье создают дополнительный стресс, усугубляющий течение заболевания. Таким образом, семья является мощным,

но амбивалентным ресурсом комплаентности - при благоприятных условиях она усиливает приверженность лечению, при неблагоприятных становится дополнительным барьером.

Противоположным эффектом обладает так называемая эгротогения. Данный термин обозначает отрицательное психологическое воздействие одних больных на других в условиях определённой группы, ведущее к появлению новых симптомов невротического характера или усилению имеющихся [9]. Обычно это имеет место при нахождении в больничной палате, в очереди на амбулаторный прием к врачу. Проявляется этот феномен в виде напряжения, тревоги, иногда психического шока или паники.

Снижает комплаентность и феномен вторичной выгоды. Когда болезнь приносит определённые преимущества (освобождение от обязанностей, внимание близких) мотивация к выздоровлению закономерно снижается [10].

Таким образом, комплаентность как психическое состояние характеризуется определённой динамикой, которая может быть описана через изменение её уровня в зависимости от различных факторов.

Если комплаентность как психическое состояние отражает ситуативную готовность пациента к сотрудничеству, то комплаентность как психическое свойство представляет собой более устойчивую характеристику. Она проявляюется в склонности пациента к комплаентному поведению в различных ситуациях и на протяжении длительного времени.

В психологической науке под психическим свойством понимается «Категория, указывающая на известную устойчивость известных психических проявлений, присущую индивиду, на их преобладание в его психической деятельности, закреплённость и повторяемость в структуре личности» [11]. Это устойчивая характеристика личности, которая определяет типичные для данного человека способы поведения и реагирования. К основным характеристикам психического свойства относятся - устойчивость (сохранение во времени), генерализованность (проявление в различных ситуациях) и измеримость (возможность количественной оценки). Применительно к комплаентности это означает, что определенные пациенты в силу своих личностных особенностей склонны к более высокому уровню сотрудничества с врачом. Эта склонность является относительно стабильной и может рассматриваться

как личностная диспозиция.

Вопрос о том, является ли комплаентность самостоятельным свойством личности или производным других личностных характеристик, остаётся дискуссионным. Ряд исследователей рассматривают комплаентность как интегративное свойство, включающее в себя такие компоненты, как ответственность, доверие, самоэффективность и готовность к сотрудничеству. Другие полагают, что комплаентность не является самостоятельным свойством, а представляет собой поведенческий паттерн, производный от более фундаментальных личностных черт.

В современной психологии комплаентность все чаще рассматривают в рамках диспозиционального подхода. Согласно этому подходу, комплаентность - устойчивая личностная черта и совокупность установок (диспозиций), которые определяют готовность пациента соблюдать рекомендации врача.

Склонность к комплаентному поведению не является случайной, а закономерно связана с устойчивыми чертами личности. Исследования, проведённые в рамках пятифакторной модели (Big Five), выявили отчётливые корреляции между комплаентностью и отдельными личностными характеристиками [12]. Значимый вклад вносит добросовестность. Эта черта, характеризующаяся организованностью, ответственностью и самодисциплиной, предопределяет высокий уровень приверженности лечению в различных клинических выборках. Пациенты с высокими показателями по данному фактору склонны неукоснительно соблюдать предписанные схемы терапии и реже пропускают приём препаратов [13]. Доброжелательность также демонстрирует положительную связь с комплаентностью. Люди, отличающиеся доверчивостью, стремлением избегать конфликты, более охотно принимают рекомендации медицинского персонала и легче вовлекаются в диалог по вопросам лечения. Невротизм, наоборот, является фактором, который снижает комплаентность. Высокий уровень эмоциональной нестабильности, тревожности ведут к снижению приверженности терапии [14]. Этот эффект объясняется двумя механизмами - снижением общей дисциплинированности и повышенной чувствительностью к побочным эффектам лекарственных средств [15].

Связь экстраверсии и открытости опыту с комплаентностью носит более сложный характер. Данные свидетельствуют о том, что экстраверсия не является прямым предиктором комплаентности пациентов, но положительно связана с готовностью к

сотрудничеству с медицинским персоналом [16]. Открытость опыту может как способствовать приверженности, так и препятствовать ей. Это происходит, когда пациент склонен к поиску альтернативных методов лечения, выходящих за рамки медицинских рекомендаций.

Локус контроля, введённый Дж. Роттером в рамках теории социального научения, также является важной личностной характеристикой, связанной с комплаентностью. Локус контроля отражает убеждённость человека в том, насколько его поведение и его последствия зависят от него самого (интернальный локус) или от внешних обстоятельств (экстернальный локус). Исследования показывают, что пациенты с интернальным локусом контроля демонстрируют более высокий уровень комплаентности. Потому что убеждены в том, что их собственные усилия могут повлиять на исход заболевания. Такие пациенты активно ищут информацию о своём заболевании, задают вопросы врачу, стремятся понять логику назначенного лечения и несут ответственность за соблюдение режима терапии. Пациенты с экстернальным локусом контроля склонны перекладывать ответственность за результаты лечения на врача или обстоятельства. Они менее активны в поиске информации, пассивны в терапевтическом взаимодействии и демонстрируют более низкую комплаентность.

Самоэффективность (self-efficacy) - ещё одна важная личностная характеристика, оказывающая влияние на комплаентность. Это понятие введено Бандурой А. в рамках социально-когнитивной теории. Понятие самоэффективности отражает убеждённость человека в своей способности успешно выполнять конкретные задачи для достижения желаемого результата. Применительно к комплаентности можно говорить о самоэффективности в отношении лечения - убеждённости пациента в том, что он способен успешно соблюдать режим терапии, несмотря на возможные препятствия (побочные эффекты, сложность схемы лечения, нарушение привычного образа жизни). Исследования показывают, что самоэффективность является одним из наиболее сильных предикторов комплаентности. Особенно при хронических заболеваниях, требующих длительного соблюдения режима терапии. Пациенты с высокой самоэффективностью более уверены в своей способности соблюдать сложные схемы лечения, они лучше справляются с побочными эффектами, более настойчивы в преодолении препятствий и реже прекращают лечение при возникновении трудностей. Самоэффективность поддаётся целенаправленному повышению через обучение

пациента навыкам самоконтроля. Это служит основой для разработки программ повышения комплаентности.

Уровень субъективного контроля (УСК) - это конструкт, разработанный в отечественной психологии Бажиным Е.Ф., Голынкиной Е.А. и Эткиндом А.М. Он основывается на теории локуса контроля Дж. Роттера. Но, в отличие от одномерной модели Роттера, уровень субъективного контроля позволяет оценить локализацию контроля в различных сферах жизнедеятельности, включая сферу здоровья и болезни. Исследования показывают, что пациенты с высоким уровнем субъективного контроля в сфере здоровья демонстрируют более высокую комплаентность. Данные пациенты активно участвуют в лечебном процессе и лучше соблюдают рекомендации врача.

Помимо рассмотренных выше черт, существуют и другие личностные характеристики, которые оказывают влияние на комплаентность – самоконтроль, импульсивность, личностная тревожность, жизнестойкость, оптимизм и пессимизм.

За последние десятилетия понятие комплаентности претерпело существенную эволюцию. На начальном этапе господствовала патерналистская модель, в рамках которой врач воспринимался как безусловный авторитет, а пациент - как пассивный исполнитель предписаний. В этой модели комплаентность трактовалась исключительно как подчинение, а её отсутствие как непослушание или неблагодарность [17]. С развитием идей информированного согласия сформировалась модель adherence, в которой пациент уже рассматривается как субъект, имеющий право на получение информации и принятие осознанных решений. На этом этапе появились когнитивно-мотивационные модели, в частности Health Belief Model, объясняющая комплаентность через восприятие угрозы здоровью и оценку эффективности лечения. Современные исследования смещают внимание в сторону партнёрской модели (concordance). Лечебный процесс в этой модели перестаёт пониматься как одностороннее следование предписаниям специалиста и осмысляется как совместный проект, в котором пациент и врач выступают равноправными участниками. Здесь происходит разделение ответственности за постановку целей, выбор средств и реализацию плана терапии [18]. Философским основанием партнерской модели является биопсихосоциальный подход, предложенный Дж. Энгелем, который рассматривает заболевание как результат взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. Теоретической базой служит теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, согласно

которой устойчивая внутренняя мотивация к лечению формируется при удовлетворении базовых психологических потребностей [19].

Таким образом, комплаентность понятие многогранное. Это интегральный психологический конструкт, представляющий собой единство относительно устойчивой личностной характеристики (свойства) и изменчивого психического состояния. Комплаентность может реализоваться как в форме патерналистского подчинения, так и в форме партнёрского взаимодействия. Такое понимание открывает новые перспективы для дифференцированных стратегий повышения приверженности лечению. От интенсивного сопровождения пациентов с личностной предрасположенностью к низкой комплаентности до ситуативной работы с когнитивными и эмоциональными компонентами внутренней картины болезни у других пациентов.

Литература:

1. Веккер, Л. М. Психические состояния: единая теория психических процессов - М.: Смысл, 1998. - 685 с.

2. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. - СПб.: Питер, 2005 - 412 с.

3. И. В. Григорьева, В. В. Евсеенко, В. И. Григорьев, С. А. Игумнов Особенности внутренней картины болезни пациентов с артериальной гипертензией // Проблемы здоровья и экологии. - 2011. - №3 (29). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnutrenney-kartiny-bolezni-patsientov-s-arterialnoy-gipertenziey. (дата обращения: 10.05.2026).

4. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. — М.: Медицина, 1977. — 112 с.

5. Асриян О.Б. Комплаенс как результат коммуникативной компетентности врача / О.Б. Асриян // Тихоокеанский медицинский журнал. – 2016. – № 4. – https://www.tmj-vgmu.ru/jour/article/view/100.

6. Бузин В.Н., Бузина Т.С. Взаимоотношения врача и пациента в информационном обществе // Профилактическая медицина. - 2020. - 23(5). С. 11-116. https://doi.org/10.17116/profmed202023051111

7. Кешьян Л. В., Козлов П. В., Доброхотова Ю. Э. Компоненты эмпатии врача и их роль в повышении удовлетворенности пациента и эффективности лечения //

Лечебное дело. - 2023. - №1. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-empatii-vracha-i-ih-rol-v-povyshenii-udovletvorennosti-patsienta-i-effektivnosti-lecheniya. (дата обращения: 10.05.2026).

8. Браун, Дж. Семья как ресурс комплаентности при хронических заболеваниях / Дж. Браун, К. Смит // Journal of Family Psychology. – 2018. - Vol. 32, № 1. - P. 1–11.

9. Гроссман, Н. С. Эгротогения как фактор психологической дезадаптации пациентов / Н. С. Гроссман // Медицинская психология в России. - 2017. - Т. 9, № 4.

10. Климов А. В. Вторичные выгоды от заболевания и их влияние на комплаентность / А. В. Климов // Психология здоровья. – 2010. - № 3. – С. 1-12.

11. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. - Воронеж: НПО "МОДЭК", 1995. - 640 с.

12. Adachi T., Tsunekawa Y., Tanimura D. Association between the Big Five personality traits and medication adherence in patients with cardiovascular disease: A cross-sectional study // PLoS One. - 2022. - 17(12): e0278534.doi: 10.1371/journal.pone.0278534.

13. Axelsson M., Brink E., Lundgren J., Lötvall J. The influence of personality traits on reported adherence to medication in individuals with chronic disease: an epidemiolog-ical study in West Sweden // PLoS One. – 2011. – Vol. 6, № 3. – P. e17503. – DOI: 10.1371/journal.pone.0017503.

14. Linkievicz N.M., Sgnaolin V., Engroff P., Behr Gomes Jardim G., Cataldo A. Neto. Association between Big Five personality factors and medication adherence in the el-derly // Trends Psychiatry Psychother. – 2022. – Vol. 44. – P. e20200143. – DOI: 10.47626/2237-6089-2020-0143.

15. Du M., Wu Y., Wang B., Jiang M., Chen J., Hui H. Mediating effect of self-efficacy on the relationship between Big Five personality and medication adherence in Chi-nese hypertensive patients: a national cross-sectional study // Front. Psychol. – 2024. – Vol. 15. – P. 1442031. – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1442031.

16. Ситкина Е. В. Связь индивидуально-личностных особенностей пациентов и приверженности выполнению рекомендаций врача по гигиене полости рта // Вестник Московского университета. – 2019. - Серия 14. - Психология, (3), С. 141-160. https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.141

17. Лядова А.В., Лядова М.В. От патернализма к консюмеризму: смена парадигмы взаимодействия врача и пациента // Общество: социология, психология,

педагогика. - 2019. - № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-paternalizma-k-konsyumerizmu-smena-paradigmy-vzaimodeystviya-vracha-i-patsienta. (дата обращения: 10.05.2026).

18. Трушкина С.В. Вызовы современности: медицинский комплаенс, партнерские отношения, коммуникативная компетентность врача // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 4. – С. 9. doi: 10.24411/2219-8245-2018-14090

19. Деси, Э. Теория самодетерминации: макротеория человеческой мотивации / Э. Деси, Р. Райан // Canadian Psychology. - 2008. - Vol. 49, № 3. – P. 182-185.

Лубова Елена Викторовна
Lubova Elena Viktorovna
магистрант
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»
e-mail: 70226962@ online.muiv.ru

Елькина Ирина Юрьевна
Yelkina Irina Yurievna
руководитель психологической лаборатории, доцент кафедры,
кандидат психологических наук
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ВКЛЮЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ ШКОЛЫ

A SYSTEMATIC APPROACH TO THE ORGANIZATION OF INCLUSION OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH DISABILITIES TO THE GENERAL EDUCATION ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

Аннотация. В статье рассматривается проблема включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду школы с позиций системного подхода. Актуальность исследования определяется необходимостью создания целостных психолого-педагогических условий, обеспечивающих не только формальное обучение детей с ОВЗ в условиях инклюзии, но и их реальную включённость в учебную, коммуникативную и социальную деятельность. В центре внимания находится проблема преодоления мотивационных, эмоциональных и регулятивных трудностей, препятствующих успешной адаптации младших школьников с умственной отсталостью к образовательной среде общеобразовательной школы. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирической проверке эффективности системного подхода к организации включения данной категории обучающихся. В работе использован комплекс диагностических методик, направленных на изучение школьной мотивации, особенностей самооценки, уровня школьной тревожности и сформированности педагогического сотрудничества. Полученные результаты подтверждают, что системное и целенаправленное воздействие на мотивационную, эмоциональную и социально-коммуникативную сферы развития ребёнка способствует повышению уровня его включённости и адаптированности в образовательной среде школы.

Abstract. The article examines the problem of including younger students with disabilities in the general education environment of the school from the perspective of a systematic approach. The relevance of the research is determined by the need to create holistic psychological and pedagogical conditions that ensure not only the formal education of children with disabilities in conditions of inclusion, but also their real involvement in educational, communicative and social activities. The focus is on the problem of overcoming motivational, emotional and regulatory difficulties that hinder the successful adaptation of younger students with intellectual disabilities to the educational environment of secondary schools. The purpose of the study is to theoretically substantiate and empirically verify the effectiveness of a

systematic approach to organizing the inclusion of this category of students. The work uses a set of diagnostic techniques aimed at studying school motivation, the characteristics of self-esteem, the level of school anxiety and the formation of pedagogical cooperation. The results obtained confirm that the systematic and targeted impact on the motivational, emotional and socio-communicative spheres of a child's development contributes to an increase in the level of his involvement and adaptability in the educational environment of the school.
Ключевые слова: системный подход, инклюзивное образование, младшие школьники, ограниченные возможности здоровья, включённость, школьная мотивация, самооценка, школьная тревожность.

Keywords: systemic approach, inclusive education, primary school students, limited health opportunities, inclusion, school motivation, self-esteem, school anxiety.

Современный этап развития образования характеризуется устойчивым расширением инклюзивной практики, предполагающей обучение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях общеобразовательной школы [1]. При этом на практике нередко наблюдается противоречие между формальным присутствием ребёнка с ОВЗ в образовательной организации и его реальной включённостью в учебную и социальную жизнь школьного коллектива, это обуславливает необходимость поиска научно обоснованных подходов к организации инклюзивного образовательного процесса.

Особую актуальность данная проблема приобретает в отношении младших школьников с умственной отсталостью, для которых обучение в общеобразовательной среде сопряжено с трудностями мотивационного, эмоционального и социально-коммуникативного характера [8]. Недостаточная сформированность учебной мотивации, высокая школьная тревожность, неустойчивая самооценка и затруднения во взаимодействии с педагогом существенно снижают степень их включённости в образовательный процесс и затрудняют адаптацию к школьной среде [4].

В этой связи перспективным является обращение к системному подходу, позволяющему рассматривать включённость ребёнка с ОВЗ как результат взаимодействия взаимосвязанных психолого-педагогических факторов, а не как следствие развития отдельного качества или навыка. Системный подход обеспечивает целостность педагогического воздействия и создаёт условия для устойчивых позитивных изменений в развитии обучающихся [6].

В психолого-педагогической науке системный подход рассматривается как методологическое основание анализа сложных многоуровневых явлений, включающих

совокупность взаимосвязанных компонентов [3]. Применительно к проблеме инклюзивного образования данный подход позволяет рассматривать образовательную среду как целостную систему, включающую обучающегося, педагога, содержание обучения и условия взаимодействия.

В работе Г.Д. Батаевой подчёркивается социальная природа психического развития ребёнка и определяющая роль среды в формировании высших психических функций [2], эти положения имеют особую значимость при организации обучения детей с ОВЗ, для которых социальное взаимодействие выступает ведущим ресурсом компенсации нарушений развития. Развитие личности ребёнка в образовательной среде возможно лишь при условии целенаправленного педагогического сопровождения, учитывающего взаимосвязь мотивационных, эмоциональных и регулятивных процессов.

Современные исследования в области инклюзивного образования показывают, что включённость обучающихся с ОВЗ в школьную среду определяется не только академической успешностью, но и уровнем школьной мотивации, характером эмоционального переживания учебной деятельности, особенностями самооценки и качеством взаимодействия с педагогом [5]. Изолированное воздействие на один из указанных компонентов, как правило, не приводит к устойчивым положительным изменениям, что подтверждает необходимость системного подхода к организации психолого-педагогической работы [7].

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБОУ города Москвы «Школа № 2101». В исследовании приняли участие 40 младших школьников в возрасте 7–8 лет, из которых 20 детей составили экспериментальную группу (обучающиеся с умеренной степенью умственной отсталости) и 20 детей – контрольную группу (обучающиеся с лёгкой степенью умственной отсталости).

Целью исследования являлось выявление эффективности системного подхода к организации включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду школы.

Для диагностики уровня включённости обучающихся были использованы следующие методики:

Методика № 1. Определение уровня школьной мотивации – тест с 10 вопросами. Автор: Н. Г. Лусканова

Методика № 2. 2. Определение самооценки – методика «Лесенка». Автор: В. Г. Щур.

Методика № 3. Диагностика уровня школьной тревожности. Автор: Б. Филлипс.

Методика № 4. Педагогическое сотрудничество как условие познавательного развития дошкольников с ОВЗ в инклюзивном образовании. Авторы: Л.Н. Макарова, И. В. Смолярчук, С.Н. Исаева.

Обработка результатов осуществлялась с использованием количественного и качественного анализа.

Результаты констатирующего этапа исследования по методике Определение уровня школьной мотивации – тест с 10 вопросами, автор Н. Г. Лусканова показывают преобладание низких и проблемных уровней школьной мотивации. Высокий, хороший и положительный (внеучебно ориентированный) уровни выявлены у 45% обучающихся (по 15% на каждом уровне). Вместе с тем у 55% детей зафиксированы выраженные мотивационные трудности: 25% относятся к уровню неустойчивой адаптации, а 30% демонстрируют негативное отношение к школе. Полученные данные свидетельствуют о том, что более половины младших школьников экспериментальной группы испытывают затруднения в принятии учебной деятельности и роли ученика, что снижает степень их включённости в образовательную среду. В контрольной группе также доминируют сниженные показатели школьной мотивации. Уровни устойчивой учебной мотивации (первый и второй) выявлены у 30% обучающихся, положительное, но преимущественно социально ориентированное отношение к школе – у 20%. Одновременно у 50% детей диагностированы выраженные трудности мотивационной сферы: 20% находятся на уровне низкой мотивации, а 30% - на уровне негативного отношения к школе. Это указывает на недостаточную сформированность учебных мотивов у половины обследуемых и риск школьной дезадаптации.

Анализ результатов по методике «Лесенка», автор В. Г. Щур показал преобладание заниженной самооценки: низкий уровень выявлен у 60% детей. Средний и высокий уровни представлены в равной степени – по 20%. Полученные данные свидетельствуют о том, что у большинства младших школьников экспериментальной группы отсутствует уверенность в собственных возможностях, а самооценка носит неустойчивый и уязвимый характер, что может затруднять их активное включение в учебную деятельность и взаимодействие с педагогом. В контрольной группе ситуация

является более неблагоприятной: низкий уровень самооценки зафиксирован у 70% обучающихся, средний – у 10%, высокий – у 20%. Таким образом, у подавляющего большинства детей наблюдается выраженная неуверенность в себе и склонность к заниженной оценке собственных достижений. Это создаёт дополнительные барьеры для социальной и учебной адаптации в условиях общеобразовательной школы.

Результаты диагностики по методике «Диагностика уровня школьной тревожности», автор Б. Филлипс показывают высокий уровень эмоционального напряжения у значительной части обучающихся. Высокая школьная тревожность выявлена у 50% детей, средний уровень — у 20%, низкий – у 30%. Таким образом, у половины младших школьников экспериментальной группы тревожность выступает устойчивым фактором, препятствующим активному участию в учебной деятельности и снижению уверенности в собственных силах. Аналогичное распределение показателей зафиксировано и в контрольной группе: высокий уровень тревожности выявлен у 50% обучающихся, средний – у 20%, низкий – у 30%. Это указывает на массовый характер эмоциональных трудностей и подтверждает, что без целенаправленного психолого-педагогического сопровождения школьная тревожность сохраняется как значимый фактор риска снижения учебной мотивации и включённости.

Результаты констатирующего этапа по методике «Педагогическое сотрудничество», авторы Л. Н. Макарова, И. В. Смолярчук, С. Н. Исаева свидетельствуют о недостаточной сформированности навыков педагогического сотрудничества. Низкий уровень взаимодействия с педагогом выявлен у 50% детей, средний – у 30%, высокий – лишь у 20%. Большинство обучающихся испытывают трудности в принятии инструкций, проявлении инициативы и включении в совместную деятельность, что негативно отражается на их участии в образовательном процессе. В контрольной группе также преобладают сниженные уровни педагогического сотрудничества: низкий уровень зафиксирован у 40% детей, средний – у 40%, высокий – у 20%. Несмотря на несколько более равномерное распределение показателей, у 80% обучающихся наблюдаются ограничения в самостоятельности и взаимодействии с педагогом, что указывает на необходимость целенаправленной коррекционно-развивающей работы.

Данные показатели свидетельствуют о низкой степени включённости детей в общеобразовательную среду школы и подтверждают необходимость

целенаправленного психолого-педагогического воздействия.

Цель опытно-экспериментальной работы – создание психолого-педагогических условий для повышения уровня включённости младших школьников с умственной отсталостью в общеобразовательную среду школы за счёт совершенствования школьной мотивации, снижения уровня школьной тревожности, формирования адекватной самооценки и развития навыков педагогического сотрудничества.

Задачи опытно-экспериментальной работы

– способствовать формированию положительного отношения к учебной деятельности и принятию роли ученика;

– снизить выраженность школьной тревожности, возникающей в ситуациях обучения, контроля и взаимодействия с педагогом;

– создать условия для формирования более адекватной и устойчивой самооценки;

– развить готовность к педагогическому сотрудничеству, инициативность и принятие инструкций взрослого;

– обеспечить целостное воздействие на диагностируемые характеристики включённости в рамках системного подхода.

Коррекционно-развивающая программа включала 20 занятий, что является минимально достаточным количеством для получения достоверной динамики изменений диагностируемых показателей на контрольном этапе эксперимента.

Мотивационное направление было ориентировано на развитие школьной мотивации и формирование положительного отношения к учебной деятельности. В рамках данного направления использовались упражнения и игровые задания, направленные на принятие учебной задачи, осознание её цели и переживание ситуации успеха. Все задания строились таким образом, чтобы ребёнок видел результат своей деятельности и соотносил его с собственными усилиями.

Эмоциональное направление было направлено на снижение уровня школьной тревожности и формирование эмоциональной устойчивости в учебных ситуациях. В содержание занятий включались упражнения на снижение напряжения, формирование чувства безопасности, уверенности при выполнении заданий и взаимодействии с педагогом. Двигательные и телесно-ориентированные упражнения (в том числе элементы зеркальных движений) использовались не как средство мотивации, а как

способ снижения тревожности и эмоционального напряжения, что обеспечивало готовность ребёнка к дальнейшему включению в учебную деятельность.

Оценочное направление предусматривало работу по формированию более адекватной самооценки. Занятия данного блока были направлены на осознание собственных достижений, принятие ошибок как части учебного процесса и развитие способности оценивать результат своей деятельности без выраженного страха неуспеха.

Социально-коммуникативное направление было ориентировано на развитие педагогического сотрудничества. Упражнения данного блока предполагали выполнение заданий в совместной деятельности с педагогом, принятие инструкций, проявление инициативы и готовность к взаимодействию в учебных ситуациях.

Программа включала 20 занятий, в ходе которых использовались игровые упражнения, арт-терапевтические техники, элементы двигательной активности и совместная деятельность с педагогом.

Контрольный этап исследования выявил положительную динамику показателей включённости у обучающихся экспериментальной группы. Отмечено повышение уровня школьной мотивации, снижение выраженности школьной тревожности, формирование более адекватной самооценки и рост готовности к педагогическому сотрудничеству. В контрольной группе существенных изменений выявлено не было.

Результаты проведённого исследования подтверждают эффективность системного подхода к организации включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду школы. Системное воздействие на взаимосвязанные компоненты включённости позволяет создать условия для устойчивых позитивных изменений в развитии обучающихся с умственной отсталостью.

Полученные данные свидетельствуют о том, что включённость ребёнка с ОВЗ в образовательную среду формируется не за счёт развития отдельного навыка, а в результате целостной психолого-педагогической работы, направленной на мотивационную, эмоциональную и социально-коммуникативную сферы личности. Это определяет практическую значимость системного подхода и обосновывает необходимость его широкого применения в условиях инклюзивного образования.

Литература:

1. Аскер, Д. Ж. Современные проблемы инклюзивного образования младших школьников / Д. Ж. Аскер // Современные стратегии развития образования и науки: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции аспирантов, магистрантов и студентов, посвященной Году семьи, Стерлитамак, 28 марта 2024 года. – Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2024. – С. 8-10.

2. Батаева, Г. Д. Педагогическое сопровождение детей с ОВЗ в процессе подготовки к обучению в начальной школе / Г. Д. Батаева // Педагог-профессионал в школе будущего: Материалы I Всероссийской молодежной конференции, Элиста, 25 апреля 2018 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова». – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. – С. 180-188.

3. Гнездилова, Д. М. Системный подход к организации включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду школы: диагностика, Адаптация, образовательное сопровождение / Д. М. Гнездилова // Виттевские чтения - 2025: Материалы XXV Международного конгресса молодой науки, Москва, 29 апреля 2025 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2025. – С. 436-443.

4. Гнездилова, Д. М. Системный подход к организации процесса включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду / Д. М. Гнездилова // Виттевские чтения - 2024: Материалы XXIV международного Конгресса молодой науки, Москва, 26 апреля 2024 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. – С. 640-643.

5. Годовникова Л.В. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОВЗ: учебное пособие для вузов / Л.В. Годовникова. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 218 с.

6. Иванченко, В. О. Принципы инклюзивного образования в начальной общеобразовательной школе / В. О. Иванченко, В. О. Степчук // Приоритетные направления развития науки и образования в условиях формирования технологического суверенитета: Материалы международной научно-практической конференции, Донской государственный технический университет, 08–09 августа 2024 года. – Ростов-на-Дону:

Донской государственный технический университет, 2024. – С. 87-90.

7. Исмаилова, А. Р. Специфика взаимодействия младших школьников в инклюзивной среде / А. Р. Исмаилова, М. И. Даудова, Ш. И. Булуева // Новые форматы подготовки педагогических кадров для конкурентоспособной образовательной экосистемы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 04 декабря 2024 года. – Грозный: ООО "Издательство АЛЕФ", 2024. – С. 64-73.

8. Скиба, С. Е. Система работы с детьми с особыми возможностями здоровья в условиях общеобразовательной школы / С. Е. Скиба, Е. О. Филоненко // Развитие инновационного потенциала педагогов образовательных учреждений: Сборник материалов научно-практической конференции, Калуга, 08 декабря 2023 года. – Калуга: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Моя Калуга", 2024. – С. 308-312.

Судол Вадим Сергеевич
Sudol Vadim Sergeevich
аспирант
кафедра педагогики и образовательных технологий
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»
e-mail: iv@yandex.ru

СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

BLENDED LEARNING AS A DIRECTION OF TRANSFORMATION OF MODERN EDUCATION

Аннотация. В статье рассматривает смешанное обучение как одно из направления трансформации современного образования. Показано, что его значение состоит не в замене традиционных форм обучения, а в их дополнении цифровыми ресурсами, средствами обратной связи и новыми способами организации самостоятельной работы обучающихся.

Abstract. The article examines blended learning as one of the directions of transformation of modern education. The author argues that its significance lies not in replacing traditional forms of education, but in supplementing them with digital resources, feedback tools and new ways of organizing students' independent work.

Ключевые слова: смешанное обучение; цифровые образовательные среды; образовательные ресурсы; традиционные формы обучения; образовательные технологии

Keywords: blended learning; digital educational environments; educational resources; traditional forms of education; educational technologies

Современное образование развивается в условиях постоянного изменения социальных, технологических и культурных факторов. Образовательные организации уже не могут ограничиваться только традиционной передачей знаний в аудитории, поскольку обучающиеся постоянно взаимодействуют с цифровой средой, используют электронные ресурсы, онлайн-сервисы, мобильные устройства и различные формы удаленной коммуникации. В этих условиях меняются не только инструменты обучения, но и сама логика организации образовательного процесса.

Одним из актуальных направлений такой трансформации становится смешанное обучение. Его распространение связано с необходимостью соединить сильные стороны традиционного образования с возможностями цифровых образовательных технологий. При этом смешанное обучение не следует понимать, как простой перенос части учебного материала в электронную форму. Более точным является его рассмотрение как педагогически организованной модели, в которой очные занятия, самостоятельная

работа, электронные образовательные ресурсы и цифровые средства контроля образуют единую систему [2;5;13].

Актуальность обращения к смешанному обучению определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, современный обучающийся нуждается в более гибкой организации учебной деятельности. Во-вторых, возрастает значение самостоятельной работы, поскольку объем информации увеличивается быстрее, чем возможности ее полного рассмотрения на аудиторных занятиях. В-третьих, преподавателю требуется не только передавать знания, но и управлять учебной активностью обучающихся, обеспечивать обратную связь, поддерживать мотивацию и помогать в освоении сложного материала. Эти задачи трудно решать только средствами традиционного занятия [3; 7; 11].

В отечественной педагогической литературе вопросы трансформации образования рассматриваются через развитие образовательных технологий, информатизацию образовательной среды, изменение роли преподавателя и активизацию учебной деятельности обучающихся. Исследователи отмечают, что цифровые технологии сами по себе не гарантируют повышения качества образования. Их результативность зависит от того, насколько они встроены в методику обучения и насколько осмысленно используются преподавателем [8; 10; 11]. Поэтому проблема смешанного обучения заключается не в наличии электронных платформ, а в грамотной организации взаимодействия между очными и цифровыми компонентами образовательного процесса.

Смешанное обучение можно определить, как модель организации учебного процесса, при которой традиционные формы очного взаимодействия преподавателя и обучающихся сочетаются с использованием электронных образовательных ресурсов, онлайн-заданий, цифровых средств контроля и самостоятельной работы в электронной среде. Важным признаком такой модели является не только наличие цифрового компонента, но и методическая связь между аудиторной и внеаудиторной деятельностью обучающихся [2; 5; 9].

В отличии от полностью дистанционного обучения, смешанная модель сохраняет значение непосредственного педагогического общения. Очные занятия позволяют обсуждать сложные вопросы, организовывать практическую деятельность, развивать коммуникативные навыки, формировать учебную дисциплину и поддерживать

мотивацию. Цифровая часть, в свою очередь, обеспечивает доступ к материалам, возможность повторного изучения тем, выполнение интерактивных заданий, прохождение тестов и получение оперативной обратной связи. Именно сочетание этих компонентов делает смешанное обучение важным направлением развития традиционного образования.

Вместе с тем смешанное обучение не должно превращаться в механическое добавление электронных материалов к уже существующему курсу, если преподаватель просто размещает презентации, лекции и тесты в электронной среде, но не меняет структуру учебной деятельности, то реальной трансформации образования не происходит, в таком случае цифровая среда становится только хранилищем файлов. Эффективное смешанное обучение требует методического проектирования: необходимо определить, какие элементы лучше реализовать очно, какие можно перенести в цифровую среду, какие задания требуют самостоятельной работы, а какие должны обсуждаться с преподавателем и группой [3; 4; 13].

Для более наглядного представления различий между традиционной и смешанной моделями обучения можно использовать следующее сопоставление.

Таблица 1. Возможности смешанного обучения в сравнении с традиционной моделью.

Элемент образовательного процесса	Традиционная модель обучения	Смешанное обучение
Передача учебного материала	Основной материал передается преподавателем на занятии	Часть материала изучается очно, часть – с использованием электронных ресурсов
Темп освоения материала	Преимущественно единый для всей учебной группы	Возможен индивидуальный темп и повторения материала
Самостоятельная работа	Чаще организуется через домашние задания и подготовку к занятиям	Поддерживается электронными курсами, тестами и интерактивными заданиями
Обратная связь	Осуществляется на занятии или после проверки работ	Может быть оперативной за счет цифровой образовательной среды
Роль преподавателя	Источник информации,	Организатор,

	организатор занятия и контролер	консультант, координатор и наставник
Роль обучающегося	Получатель информации и исполнитель заданий	Активный участник образовательного процесса
Контроль результатов	Устный опрос, контрольные работы, зачеты, экзамены	Очные формы контроля дополняются электронными заданиями и текущей диагностикой
Доступ к материалам	Ограничен временем занятия и выданными материалами	Может быть постоянным при наличии электронной образовательной среды

Представленное сопоставление показывает, что смешанное обучение не противопоставляется традиционной модели, а напротив, оно позволяет сохранить ее сильные стороны и дополнить их новыми организационными возможностями. Очное взаимодействие остается основой педагогического процесса, но получает поддержку в виде цифровых ресурсов, электронных заданий и более гибких способов контроля, поэтому смешанное обучение следует рассматривать не как отказ от традиционного образования, а как один из способов его развития.

Важным результатом внедрения смешанного обучения становится изменение роли преподавателя, в традиционной модели преподаватель воспринимается прежде всего, как основной источник учебной информации, однако в современных условиях информация становится доступной из множества источников, и задача преподавателя постепенно смещаться в сторону отбора содержания, проектирования учебной деятельности, организации самостоятельной работы и сопровождения обучающихся. Преподаватель становится не менее значимой фигурой, но характер его деятельности меняется [6; 8; 10].

В условиях смешанного обучения преподаватель должен определить, какие темы требуют очного объяснения, какие материалы, обучающиеся могут изучить самостоятельно, какие задания целесообразно выполнить в цифровой среде, а какие лучше разобрать в аудитории, кроме того, преподаватель анализирует результаты выполнения заданий, выявляет затруднения, корректирует содержания занятий и помогает обучающимся выстраивать более осознанную учебную деятельность

Отдельного внимания заслуживает вопрос мотивации обучающихся. Цифровые

образовательные ресурсы могут повысить интерес к изучаемому материалу за счет интерактивности, наглядности, возможности самостоятельного выбора тема и разнообразия заданий, однако сами по себе цифровые среды не решают проблему мотивации, если задания формальны, перегружены или не связаны с содержанием очных занятий, обучающиеся воспринимают их как дополнительную нагрузку, поэтому цифровой компонент должен быть понятным, методически оправданным и связанным с результатами обучения [5; 9; 13].

Смешанное обучение дает возможности и для индивидуализации образовательного процесса, обучающиеся различаются по уровню подготовки, скорости освоения материала и способности к самостоятельной работе. В традиционной аудитории преподавателю. Сложно учитывать эти различия в полной мере, однако цифровая среда позволяет предложить дополнительные материалы, задания разного уровня сложности, тесты для самопроверки и индивидуальные рекомендации, это не означает полного перехода к индивидуальному обучению, но создает условия для более гибкой поддержки обучающихся [3; 4; 11].

При этом внедрение смешанного обучения связано с рядом проблем. Первая проблема – недостаточная готовности части преподавателей к методическому использованию цифровых технологий, владение электронной платформой не равно умению проектировать смешанных курс. Преподавателю необходимо понимать, как распределить содержание между очным и цифровым форматом, как организовать контроль, как обеспечить обратную связь и не перегрузить обучающихся.

Вторая проблема – недостаточная самоорганизация обучающихся. В смешанной модели возрастает доля самостоятельной работы, а значит, требуется умение планировать время, выполнять задания в срок, самостоятельно изучать материалы и обращаться за помощью при возникновении затруднений, если эти навыки не сформированы, цифровая часть курса может выполняться формально или откладываться до последнего момента, поэтому внедрение смешанного обучение должно сопровождаться развитием учебной самостоятельности [1; 6; 10].

Третья проблема связана с риском перегрузки цифровым контентом, иногда при переходе к смешанному обучению преподаватель стремится разместить в электронной среде слишком много материалов: презентации, тексты, видео, тесты, дополнительные ссылки, задания, в результате чего обучающийся сталкивается не с гибкой

образовательной средой, а с избыточным объемом информации, это снижает мотивацию и затрудняет понимание учебной логики курса, следовательно, цифровая часть должна быть не максимально объемной, а методически необходимой.

Также существует проблема с технической и организационной доступностью, для смешанного обучения необходимо иметь стабильный интернет, понятные инструкции и единые требования к выполнению заданий.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы смешанное обучение может стать хорошей альтернативой традиционному подходу, поскольку улучшает процесс обучения вне аудиторий.

В завершении можно сделать вывод о том, что смешанное обучение может стать одним из важнейших аспектов современного образования, такой подход модернизирует очное обучение и предоставляет широкие возможности, а его главная цель состоит не в замене классического образования, а в его улучшении.

Литература:

1. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс. – Москва: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002.

2. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, №5. – С. 44-64.

3. Блинов В. И., Сергеев И. С., Есенина Е. Ю., Биленко П. Н., Дулинов М. В., Кондаков А. М. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: монография – Москва: Дело, 2020.

4. Блинов В. И., Биленко П. Н., Дулинов М. В., Есенина Е. Ю., Кондаков А. М., Сергеев И. С. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения. – Москва: Перо, 2019.

5. Велединская С. Б., Дорофеева М. Ю. Смешанное обучение: технология проектирования учебного процесса // Открытое и дистанционное образование. — 2015. — № 2. — С. 20–27.

6. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. — Москва: Высшая школа, 1991.

7. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании. — Москва: Академия, 2003.

8. Кларин М. В. Инновационные модели обучения: исследование мирового опыта: монография. — Москва: Луч, 2016.

9. Плетяго Т. Ю., Остапенко А. С., Антонова С. Н. Педагогические модели смешанного обучения в вузе: обобщение опыта российской и зарубежной практики // Образование и наука. — 2019. — Т. 21, № 5. — С. 113–130.

10. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие. — Москва: Академия, 2010.

11. Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования. — Москва: ИИО РАО, 2008.

12. Роберт И. В. Толкование слов и словосочетаний понятийного аппарата информатизации образования // Информатика и образование. — 2004. — № 5. — С. 22–29.

13. Семенова И. Н., Слепухин А. В. Дидактический конструктор для проектирования моделей электронного, дистанционного и смешанного обучения в вузе // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 8. — С. 68–74.

14. Фомина А. С. Смешанное обучение в вузе: институциональный, организационно-технологический и педагогический аспекты // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 21.

15. Широколобова А. Г. Технология смешанного обучения в высшей школе на основе принципов цифровой дидактики // Самарский научный вестник. — 2024.

Насонов Даниил Андреевич
Nasonov Daniil Andreevich
магистрант
Институт истории и социальных наук
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Спирин Александр Витальевич
Spirin Alexander Vitalievich
магистрант
Институт истории и социальных наук
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ЛЮЧЕ — АКТУАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИРОНИЧЕСКОГО ПРОЗЕЛИТИЗМА В КАТОЛИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

LUCE — ACTUALIZATION OF THE STRATEGY OF IRONIC PROSELYTISM IN CATHOLIC DISCOURSE

Аннотация. Авторы статьи предлагают набросок концепта «иронического прозелитизма», который может служить дополнительной оптикой для изучения процессов медиатизации религии. Основанием для его формулировки, а также базовым источниковым материалом послужил новый талисман Юбилейного 2025 года Римско-католической церкви – маленькая девочка в желтом комбинезоне по имени Люче. Как следует из слов архиепископа Рино Фазикеллы, представившего этот талисман, образ Люче выбран с учетом стремления Ватикана взаимодействовать с «поп-культурой, которую так любит наша молодежь». Как следствие, этот образ презентуется в качестве нового символа католического паломничества и выражает собой новый вектор прозелитической политики Ватикана. В тоже же время, подобная адаптация религиозных символов к бурной дискуссии в медиапространстве среди католиков.

Abstract. In this paper, the concept of “ironic proselytism” is introduced as a novel framework for investigating the mediatization of religion. To develop this framework, as well as provide a material basis for it, the authors investigate the Catholic Church’s 2025 Jubilee mascot – a yellow raincoat-clad girl named Luce. In the words of archbishop Rino Fisichella, the official behind the mascot’s introduction, Luce’s look was chosen in accordance with Vatican efforts to appeal to “the pop culture so beloved by [Catholic] young people.” Thus, the mascot’s image is presented as a new symbol of Catholic pilgrimage and a new direction in Vatican missionary policy. At the same time, such an adaptation of religious symbols has led to a heated discussion in the media among Catholics.

Ключевые слова: секуляризация, католическая церковь, прозелитизм, профанация, культурные парадигмы, медиапространство, паломничество, Юбилейный год, Люче, Рино Фазикелла,

Keyword: secularization, Catholic Church, proselytism, blasphemy/profanation, cultural paradigms, mediaspace, pilgrimage, Catholic Jubilee, Luce, Rino Fisichella

Дискурс культурных парадигм и общая специфика постмодерна

Итак, нынешняя обстановка в общем состоянии культуры видится весьма специфической. Речь, разумеется, заходит о дискурсе культурных парадигм, среди которых исследователи чаще всего выделяют парадигму премодерна (традиции), модерна и постмодерна [4]. И хотя некоторые современные исследователи периодически пытаются обосновать возникновение принципиально новой культурной парадигмы, предлагая, в частности, такие концепты, как “метамодерн”, все-таки есть серьезные основания полагать, что принципиально состояние парадигмы постмодерна не изменилось, а все те изменения, которые можно проследить, не представляют собой ничего принципиально нового [7].

Если попытаться дать наиболее общую и краткую характеристику культурной парадигме постмодерна, из которой бы мы хотели исходить в данной работе, то можно сказать, что для нее характерно представление об отсутствии четкой категории определенности как таковой. Рассматривая состояние дел в предшествующих парадигмах, мы можем наблюдать наличие в них определенного метанарратива, который предоставляет свои условия легитимации дисурса. В премодерне, в качестве подобных метанарративов выступают мифологемы и теологемы. В рамках модерна мы можем наблюдать оппозицию традиционным культурным ценностям, но при этом модерн предлагает новые ценностные модели, такие как разум, свобода, прогресс и так далее. В свою очередь, постмодерн отвергает метанарративы и эти символические универсумы [4, с. 10-11]. Но он не предлагает четких альтернатив для построения фундамента новой реальности, порождая при этом отдельные локальные знаковые системы, которые в глобальном измерении имеют лишь относительную ценность и претензию на истинность. Пространство, которым заполнены эти знаковые системы, подменяющие абсолютную реальность, можно было бы охарактеризовать, как гиперреальность, а сами системы, как симулякры [3, с. 5-7, 31-42].

Таким образом, представления об определенности и фундаментальной истине являются условными, что в свою очередь приводит к релятивизму и нигилизму в отношении тех ценностей, которые имели место в рамках модерна и традиционной культуры.

В этой связи, начиная с эпохи модерна, можно говорить о развертывании процесса секуляризации, который представляет собой институциональное обособление

отдельных сфер жизни общества от символического универсума религиозного мировоззрения [2, с. 125-126]. Но проект секуляризации, как продукт модерна, так и не был реализован в полной мере [1], и привел лишь к структурной деформации религиозности в рамках новой культурной парадигмы, а не полному ее исчезновению. Помимо того, что релятивизм приводит к коррозии содержания вероучения большей части религий, сомнению начинает подвергаться ритуальная и этическая составляющая часть традиции. Кроме того, в этих условиях начинают возникать феномены новой религиозности, сопровождающиеся тенденцией к приватизации [15, с. 150-153]. Данную ситуацию можно описать как рынок религиозности, представленный огромным множеством нрд и культов, в частности можно вспомнить о движении «Нью-Эйдж». Это в свою очередь создает значительный простор для конкуренции с традиционной религиозностью.

Еще одним из вызовов, которые постмодерн бросает религиям, становится ирония. Сам по себе феномен иронии имел место и в эпохе модерна, и даже в традиционных культурах, однако именно в эпоху постмодерна ирония становится весьма серьезным орудием в борьбе с культурными ценностями. Во многом ирония становится абсолютной, она уже не имеет тех границ, что имела раньше. Всё подлежит сомнению, а значит всё подлежит высмеиванию и профанации. Что наиболее любопытно, иронизации подверглась даже сама ирония в своем принципе, замкнув таким образом герменевтический круг. Чаще всего, для описания такой ситуации используют понятие «постирония». Постирония представляет собой момент, когда сама ирония обретает двойное дно, и то, что кажется шуткой, оказывается чем-то вполне серьезным.

Можно сказать, что парадигмы модерна и премодерна, поскольку они имеют под собой устойчивый мировоззренческий фундамент, сохраняют четкую бинарность между истиной и ложью, а значит между серьезным и несерьезным, сакральным и профанным [9]. В свою очередь, ситуация постмодерна разбавляет само понятие истины, а значит смывает границы между тем и другим. Как нам кажется, это обстоятельство и приводит к тому, что в рамках постмодерна наблюдается постоянная

[1] Даже Питер Бергер, как один из основных авторов концепции секуляризации, в дальнейшем будет говорить о том, что его взгляды на судьбу религии в современном мире не оправдались. Это побудило его в более поздних работах писать уже о «десекуляризации» см. [25]

двусмысленность между серьезностью и иронией. Пожалуй, одним из примеров такого рода двусмыслицы может выступать феномен квазирелигиозности [26], особенно те его итерации, которые возникают вокруг популярных кинофраншиз и видеоигр.

Новые формы прозелитической деятельности в информационном пространстве

Как уже было обозначено, всё это приводит к обесценке и профанации традиционных религиозных ценностей, что очевидно не самым удачным образом сказывается на перспективах сохранения этих ценной в современном мире. Но, ключевой для нас момент заключается в том, что тонкая грань между серьезностью и иронией открывает новые горизонты для прозелитической деятельности в информационном пространстве. На примере массы медиаконтента можно наблюдать, что традиционные религиозные ценности могут распространяться и привлекать к себе внимание через изменение внешней формы посыла, который часто предстает в профанной и иронической форме, но при этом умудряется сохранять в себе ценностное содержание, попутно завлекая пользователей медиасферы в семиотическое пространство своей религиозной традиции. В качестве подобного рода примеров, можно навскидку привести следующие: наличие групп в социальных сетях с религиозными мемами, масса публикаций коротких видео в инстаграме и тик-токе на религиозную тематику, формирование различных музыкальных групп с явно религиозной тематикой, литературные произведения на религиозные темы в жанре японской манги и тд. Достаточно часто такие формы медиаконтента вызывают недоумение у ортодоксально настроенных верующих и служителей церкви, но в то же время они часто производятся и потребляются также верующими людьми, а не постмодернистами. Кроме того, в ряде случаев такой контент привлекает внимание невоцерковленных людей, которые под его влиянием могут ознакомится с некоторыми элементами православной культуры, а в некоторых случаях заинтересоваться ей настолько глубоко, чтобы стать частью православной церкви.

Итак, именно подобное распространение религиозного дискурса в медиасфере через профанацию внешней формы символа, сохраняя при этом его религиозное содержание, мы обозначаем как стратегию иронического прозелитизма.

Сразу заметим, что мы не претендуем на какую-либо точность и благозвучность обозначения того феномена, о котором идет речь. Нам бы хотелось сосредоточить свое

внимание именно на описываемом явлении, определенной стратегии по распространению единиц культурной информации, которая однозначно представлена в современной массовой культуре, но тем не менее не имеет наименования и четкой концептуализации. Нам кажется, что подобного рода стратегия достаточно хорошо представлена и за пределами собственно религиозной сферы, и в данном случае какое-либо употребление термина прозелитизм становится окончательно некорректным[2]. Но всё же в рамках этой работы мы бы хотели остановиться именно на том, как эта условная стратегия проявляет себя внутри религиозной семиосферы, поэтому в данном случае использование теологической терминологии, нам кажется более уместным.

Новый католический талисман Юбилея 2025 года. Встречайте «Люче»

Однако же, в данном случае мы хотели бы рассмотреть такой пример актуализации «иронического прозелитизма», который можно назвать стратегией в полном смысле этого слова, поскольку он однозначно содержит в себе элемент осмысленного планирования, а также является санкционированной церковной политикой католической церкви на высшем уровне. А именно, речь пойдет про новый талисман Юбилейного 2025 года Католической Церкви, представленный 28 октября 2024 года архиепископом Рино Физикеллой - маленькую девочку в желтом комбинезоне по имени Luce [20] (переводя с латыни - «свет», в дальнейшем в статье используется вариант транскрипции на русский язык - «Люче», но мы не претендуем правильность такой транскрипции). В чем же специфика данного талисмана? Наглядной иллюстрацией Люче стала небольшая пластиковая фигурка, которая стояла на столе выступающего архиепископа. Внешне Люче выполнена в стилистике аниме-персонажа. Пожалуй, данное обстоятельство и стало наиболее важным фактором медийной популярности этого образа. О том, что Люче не случайно внешне выглядит как персонаж из японской 2d анимации говорит и тот факт, что в своем выступлении Физикелла анонсировал участие Ватикана на выставке «Экспо 2025», проходящей в Осаке, где лицом католической церкви будет выступать Люче [14]. Также Люче уже

[2] На наш взгляд, одним из самых глобальных примеров подобного рода стратегии вне религиозного дискурса может быть избирательная кампания президента США Дональда Трампа в 2016 и 2024 году. Именно начиная с политической карьеры Трампа мы можем наблюдать, как политическая агитация всё больше обретает форму не серьезных выступлений на официальных мероприятиях и пресс-конференциях, а иронической клоунады в социальных сетях и имиджбордах, среди которых на первом месте стоит твиттер (популяризация которого отдельно связана с фигурой Трампа). При этом, можно констатировать, что подобная ироническая форма агитации в виде мемов и интернет-троллинга вполне успешна и заставляет людей всерьез поддерживать политика и голосовать за него на выборах. Про ключевую роль твиттера в политике США см. [5]

успела поучаствовать на итальянской выставке “Lucca Comics & Games”, посвященной современной поп-культуре, а именно комиксам, играм, фентези и аниме [См. там же].

Несмотря на несерьезный и мультяшный стиль, дизайнеры снабдили образ Люче рядом внешних атрибутов, имеющих религиозный символизм. Поскольку 2025 год объявлен Юбилейным годом католической церкви, темой которого выбрано паломничество и надежда, образ Люче пестрит в первую очередь символикой паломничества. Как следует из информации на официальном сайте маскота [9], желтый дождевик символизирует путешествие средь бурь, а цвет дождевика отсылает к цвету знамени Ватикана, кроме того на дождевике изображен значок предстоящего паломничества епархий Пезаро, Урбино и Фано, которое стартует 22 февраля 2025 года [30]. Также символом паломничества выступают грязные башмаки Люче и ее деревянный посох. Еще одной примечательной деталью являются зрачки Люче, которые выполнены в виде ракушки, которая в свою очередь является одним из главных символов католического паломничества и связана с фигурой святого Иакова [8]. На груди у девочки висят цветные четки с католическим крестом.

Как следует из слов самого архиепископа Фазикеллы, образ Люче выбран с учетом стремления Ватикана взаимодействовать с «поп-культурой, которую так любит наша молодежь» [4]. Итальянский художник Симон Легно, который стал автором образа Люче, выразил надежду, что «Люче сможет передать чувства, которые находят отклик в сердцах юного поколения», а также он поблагодарил католическую Дикастерию для Евангелизации (проректором которой по совместительству является упоминавшийся выше архиепископ), что она открывает двери для массовой культуры [20]. Таким образом, мы можем точно говорить о том, что разработка нового маскота католической церкви является вектором прозелитической политики Святого Престола, завязанным на заигрывании с современной массовой культурой.

Мы бы хотели проанализировать с одной стороны, то, какую реакцию вызвала Люче в рамках секулярного медиапространства, среди людей, которые не причисляют себя к католической церкви. С другой стороны, нам кажется весьма интересным вопрос о том, как Люче была воспринята внутри самой католической конфессии, среди простых католиков.

Итак, после того, как образ будущего маскота Ватикана был опубликован, медиапространство всколыхнулось от огромного количества творческого материала,

который стали производить пользователи различных социальных сетей. Среди площадок, где особенно много размещалось подобного контента, можно выделить такие платформы как: pinterest, pixiv, twitter (ныне известный, как “X”)[3], reddit, youtube и прочие. Также поток творчества на тему Люче коснулся и отечественных платформ – VK и Telegram. В частности, во многих популярных группах VK, посвященных аниме тематике, часто появлялись публикации с мемами и художественными артами с участием Люче, а по хештегу “#Luce” на платформе можно найти тонну тематического материала [32]. Возникли даже отдельные сообщества, посвященные исключительно ватиканскому маскоту, однако стоит отметить, что они не слишком многочисленны [29]. Разумеется, подавляющее число контент-мейкеров, как отечественных, так и зарубежных, не имеет никакого отношения к католицизму и паломничеству.

Отдельного внимания заслуживают публикации, где образ Люче интерпретируют в своем ключе представители других религиозных конфессий. Свою версию создали представители англиканской церкви, где были переделаны некоторые детали образа, но сохранена его основа [12]. На платформе “X”* свою версию Люче выложил представитель православной церкви в США, с подписью, что она «переходит в православие» [23]. Среди совсем курьезных примеров подобного семиотического дрейфа можно отметить некоторые рисунки из шиитских телеграмм-каналов, которые стали использовать Люче как маскот организации “Hezbullah”, основываясь на сочетании желтых и зеленых цветов в одежде Люче[4]. Также Люче стала довольно популярна среди культуры косплея. В социальных сетях можно найти десятки примеров того, как девушки из разных уголков мира (в том числе и из России), делают фото в образе девочки в желтом дождевике, после чего выкладывают их на своих аккаунтах [21, 22].

Дискуссия о приемлимости образа Люче в католической традиции

Среди причин дискуссии вокруг приемлемости образа Люче, как образа католической церкви в информационном пространстве, можно выделить ряд особенно острых новостей. Так, выяснилось, что автор дизайна юбилейного ватиканского маскота по совместительству занимался дизайном для организации некоторых ЛГБТ-

[3] Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории РФ.
[4] В данном случае, вместо креста на четках изображался меч Али ибн Абу-Талиба Зульфикар, а сам образ дополнялся символикой сопротивления, в частности различным огнестрельным оружием [см. примеры публикаций по: 28]

парадов[5], а также участвовал в дизайне различных секс-игрушек. В результате, сразу же после анонса Люче, стали появляться заголовки в духе: «Ватикан платит гей-прайду и создателю секс игрушек для разработки церковного талисмана» [цит. по: 31]. Разумеется, данное обстоятельство никак не могло обрадовать католическую общественность. Однако еще более страшным ударом оказалось то, что практически сразу после выхода маскота на публику, наряду с безобидными фан-артами в сети стали появляться арты эротического и откровенно порнографического содержания с участием Люче [24]. Трудно сказать, осознавали ли маркетологи Ватикана все последствия от попытки настолько плотно интегрироваться в поп-культуру. Также многих пользователей возмутили некоторые незначительные детали образа Люче. Например, многие увидели в разноцветных четках Люче цвета радуги, а следовательно – отсылку на ЛБГТ+* символику (хотя исходно цвет четок отсылал к четкам Всемирной Миссии). Еще некоторых пользователей смутило имя маскота, ведь звучание и написание “Luce” очень похоже на “Lucifer”, и оба имени происходят от одного и того же латинского корня. Однако само по себе итальянское женское имя “Luce” с Люцифером никак не связано [16].

В качестве основной платформы для дискуссии католиков вокруг нового талисмана стала социальная сеть “X” (Твиттер)*, а также некоторые католические веб-сайты, где авторы с разными позициями в небольших статьях делились своими соображениями по данной теме.

Отец Мэтью Шнайдер, будучи доктором богословия, ведет довольно активную деятельность в социальных сетях. Когда новость о юбилейном маскоте появилась в сети, Шнайдер отреагировал на это заявлением, что это выглядит «...хорошей христианской адаптацией современной культуры» [10]. Далее Мэтью в своем блоге стал всячески защищать Люче от нападок неприятелей, публиковать мемы с ее участием, даже собрал коллекцию своих любимых пользовательских артов с ней [11]. При этом священник весьма негативно отреагировал на возникновение криптовалюты с католическим талисманом и распространение порнографических материалов с ее участием, призвав защитить честь церковного маскота.

Похожую позицию разделяет главный редактор католического журнала “The

[5] Движение «ЛГБТ+» запрещено на территории России

Pillar", который заявил: «Я не думаю, что она является признаком капитуляции Церкви перед модернизмом или грубой коммерциализацией или чем-то подобным: я думаю, что она является примером того, как Церковь говорит понятными и доступными знаками и символами с миром таким, какой он есть» [цит. по: 13].

В свою очередь философ и теолг Питер Квасниевский написал достаточно объемную публикацию, где раскритиковал Ватикан за раскрутку нового молодежного талисмана. Он назвал Люче «...безвкусной, жеманной, кринжовой, меркантильной и ребяческой...», добавив, что она недостойна быть выражением «Религии Логоса» [цит. по: 25]. Он также заявил, что люди стоящие за этим маскотом, утратили веру в христианство, как серьезную религию, а Люче есть ни что иное, как профанация христианства, за которым ничего не стоит.

Схожую точку зрения разделяет консервативный теолог Джордж Вейгель [18]. В своей статье, Вейгель высоко оценивает архиепископа Фазикеллу и его вклад в организацию Юбилея 2000 года, и потому еще больше удивляется тому, что 28 октября этот же человек представил маскот, выглядящий как «мультяшный рисунок шестилетнего ребенка». Он задается вопросом, как «отупление» католицизма через превращение его в аниме способно привлечь молодое поколение к Христу?

Таким образом, можно сформулировать контуры двух противоположных позиций вокруг ватиканского талисмана:

1) Люче – хороший вариант адаптации традиционных христианских ценностей под личиной современной массовой культуры, это способно привлечь молодежь и обновить облик католической церкви;

2) Люче – абсолютная профанация христианства, под фасадом молодежной адаптации отсутствует серьезное вероучительное содержание, даже если маскот привлекает к себе внимание, смысла в нем нет. Сама суть христианства растворяется в попытке угодить современной массовой культуре.

В качестве примера усредненной позиции по данному вопросу, можно привести мнение Джона Дженнингса, доктора философии из Ирландии [27]. Автор размышляет о новом маскоте в контексте разговора об идолопоклонстве. С одной стороны, Дженнингс пишет, что если рассматривать Люче исключительно как маркетинговый инструмент, способствующий привлечению внимания к паломничеству, то реализация проекта кажется ему весьма успешной. С другой стороны, автор ставит вопрос: если

талисман притянет к себе внимание паломников, то когда дети приедут в Ватикан, «...будут ли они искать там Папу Франциска или Люче...» [цит. по: 27].

Но, пожалуй, самым одиозным выражением дискуссии вокруг Люче может выступить юмористическая статья на сайте “Catholic Bard” за авторством некоего Марка Уилсона. Автор начинает с перечисления главных врагов Католической Церкви, среди которых Нерон, Арий, мусульмане-завоеватели, викинги и коммунисты, но Церкви удавалось преодолеть все невзгоды «До сегодняшнего дня» [цит. по: 19]. Новый Разрушитель Церкви предстает в виде безобидной девочки в желтом капюшоне. Далее автор перечисляет 12 причин, по которым именно Люче сможет уничтожить католическое христианство. Так, одной из них является то, что дети, по вине Люче, начнут увлекаться аниме, посмотрят анимационный фильм Хаяо Миядзаки «Унесенные Призраками» и станут «язычниками-синтоистами». Очевидно, статья представляет собой вариант иронической апологетики против консервативных католиков, которые критикуют новый церковный талисман.

Заключение

На данной ноте попытаемся сделать некоторые выводы, на основании выше озвученного материала. С одной стороны, можно четко констатировать, что с точки зрения медийности, проект Ватикана явно удался. Но всё еще актуальным остается вопрос, пошла ли эта волна популярности на благо распространению католической веры. Ведь помимо множества восторженных отзывов со стороны молодежи, образ Люче вызвал массу скандалов и разногласий, что привело к очередному расколу внутри католической общественности. Очевидно, что пока еще рано делать какие-либо существенные выводы о результатах политики Дикастерии по Евангелизации, однако сам факт наличия дискуссий вокруг этого говорит о том, что новый маскот оставил многих людей не равнодушными по отношению к себе.

Для нас, история с образом ватиканского маскота является в первую очередь одной из первых осознанных попыток реализовать то, что мы весьма условно концептуализировали как «иронический прозелитизм». Пример Люче показывает нам, как традиционная религиозная конфессия пытается начать диалог с постмодернистской массовой культурой на ее языке, преобразуя внешнюю форму религиозного символа в несерьезный, мультяшный и попсовый вид. При этом, сама внешняя форма образа, несмотря на свою нелепость и профанность, пытается, насколько это возможно,

сохранить глубокое религиозное содержание и привлечь аудиторию в религиозную семиосферу, в данном случае, в участие в Юбилейном паломничестве 2025 года. Вне зависимости от успешности или неуспешности этой стратегии, для нас главным было обозначить факт ее существования и применения на практике.

Литература:

1. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30).

2. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер; пер. с англ. Р. Сафронова. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 208 с.

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Simulacres et simulation (1981); рус. пер. А. Качалова. — М.: Рипол-классик, 2015.

4. Бубнов Ю. А., Радугин А. А. Трансформация мировоззренческих оснований Западной культуры от премодерна до постмодерна // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-mirovozzrencheskih-osnovaniy-zapadnoy-kultury-ot-premoderna-do-postmoderna (26.12.2025).

5. Ефанова Е. В. Twitter-дипломатия в формировании внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. № 3.

6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.

7. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 6 (127). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-metamodernizm (26.12.2025).

8. Путь святого апостола Иакова // Православие.Ру. URL: https://pravoslavie.ru/54758.html (26.12.2025).

9. Семашко И. М. «Модерн» / «Постмодерн»: история контроверзы в работах Юргена Хабермаса и Жана-Франсуа Лиотара // Вестник ВолГУ. 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modern-postmodern-istoriya-kontroverzy-v-rabotah-yurgena-habermasa-i-zhana-fransua-liotara (26.12.2024).

10. Fr Matthew P. Schneider, LC (@FrMatthewLC) on X. URL: https://x.com/frmatthewlc/status/1850947412841607487?s=12&t=KDlh-wvaiNJD7aNvpt8qmg (26.12.2025).

11. Fr Matthew P. Schneider, LC (@FrMatthewLC) on X. URL: https://x.com/frmatthewlc/status/1851311157866615279?s=12&t=KDlh-wvaiNJD7aNvpt8qmg (26.12.2025).

12. From the Anglicanism community on Reddit: If Luce were an Anglican. URL: https://www.reddit.com/r/Anglicanism/comments/1gfu7f7/if_luce_were_an_anglican/ (26.12.2024).

13. I like Luce - Pillar Posts. URL: I like Luce (26.12.2025)

14. Is the Vatican's New Anime-Inspired Mascot a 'Major PR Victory' or 'Deeply Evil'? - artnet. URL: Is the Vatican's New Anime-Inspired Mascot a 'Major PR Victory' or 'Deeply Evil'? (26.12.2024)

15. Luckmann Th. Nachtrag // Die Unsichtbare Religion. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. Пер. Е. Костровой, И. Забаева. Центр фундаментальной социологии, 2014.

16. Luce: El Camino de Culture Wars - Catholic Bard [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Luce: El Camino de Culture Wars (26.12.2025)

17. Luce Vatican — Official Mascot of Vatican Jubilee 2025. URL: https://www.lucevatican.com/ (дата обращения: 26.12.2025).

18. "Luce," Mascot of Dumbed-Down Catholicism // George Weigel. URL: https://www.georgeweigel.com/luce-mascot-of-dumbed-down-catholicism/ (дата обращения: 26.12.2024).

19. Meet Luce The Destroyer of the Catholic Church: A Satire - Catholic Bard. URL: Meet Luce The Destroyer Of The Catholic Church: A Satire | A Satirical Look At All The Fuss About Luce The New Vatican Mascot (26.12.2025)

20. Meet "Luce": The Vatican's cartoon mascot for Jubilee 2025 // Catholic News Agency. URL: https://www.catholicnewsagency.com/news/260129/meet-luce-the-vatican-s-cartoon-mascot-for-jubilee-2025 (дата обращения: 26.12.2025).

21. Neneko. X. URL: https://x.com/neneko0814/status/1856632803523240222?s=61&t=KDlh-wvaiNJD7aNvpt8qmg (дата обращения: 26.12.2025).

22. Neneko. X. URL: https://x.com/neneko0814/status/1868299848925282679?s=61&t=KDlh-wvaiNJD7aNvpt8qmg (дата обращения: 26.12.2025).

23. Nicholas Reynolds (@ashtonreynoldss) on X. URL: https://x.com/ashtonreynoldss/status/1851868642972925963?s=61&t=KDlh-wvaiNJD7aNvpt8qmg (26.12.2025).

24. Online Pranksters Give Vatican's Anime Mascot "Luce" a Lewd AI-Generated Makeover // The New York Sun. URL: https://www.nysun.com/article/online-pranksters-give-vaticans-anime-mascot-luce-an-unholy-ai-generated-makeover (26.12.2025).

25. Peter Kwasniewski (@DrKwasnievski) on X. URL: https://x.com/drkwasniewski/status/1851951987702522300?s=12&t=KDlh-wvaiNJD7aNvpt8qmg (26.12.2025).

26. Rudy D., Greil A. Is Alcoholics Anonymous a Religious Organization?: Meditations on Marginality // Sociological Analysis. 1988. № 50.

27. Statues, Idolatry and Luce // Dr. John Jennings. URL: https://www.catholic365.com/article/43982/statues-idolatry-and-luce.html (26.12.2025).

28. Telegram. URL: https://t.me/khomeinichan/16815 (дата обращения: 26.12.2025).

29. The ultimate Luce fandom. VK. URL: https://vk.com/lucefandom (26.12.2025).

30. Un viaggio molto speciale Giubileo 2025. URL: Pellegrini di speranza | Giubileo 2025 (26.12.2025)

31. Vatican pays gay pride and sex toys artist to design Jubilee mascot // Catholic Vote. URL: https://catholicvote.org/vatican-pays-gay-pride-and-sex-toys-artist-to-design-jubilee-mascot/ (26.12.2025).

32. VK. URL: https://vk.com/feed?q=%23Luce&section=search (26.12.2025).

33. Who Is ‘Luce’?—The Anime Mascot Of The Catholic Church, Explained - Forbes.URL: Who Is ‘Luce’?—The Anime Mascot Of The Catholic Church, Explained (26.12.2025)

Горохов Михаил Антонович
Gorokhov Mikhail Antonovich
магистрант
ФГАОУ ВО «Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)»
e-mail: magorokhov_research@gmail.com

СЛОВО КАК ФОРМУЛА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПРИ ОСВОЕНИИ ПОНЯТИЙ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

WORD AS A FORMULA: ETYMOLOGICAL SUPPORT IN MASTERING THE CONCEPTS OF HIGHER MATHEMATICS

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантической непрозрачности научных терминов в техническом образовании. Показано, что этимологический разбор, исторический контекст и подбор альтернативных названий способствуют преодолению первичного непонимания и забывания учебного материала. Предложена методика систематического включения этимологической поддержки в лекционные и семинарские занятия. На примере ключевых терминов высшей математики продемонстрирована техника глубинного семантического разбора. Статья адресована преподавателям технических дисциплин и может служить дидактическим руководством.

Abstract. The article addresses the issue of semantic opacity of scientific terms in technical education. It demonstrates that etymological analysis, historical context, and the selection of alternative terms help students overcome initial misunderstanding and retain learning material. The author proposes a technique for systematic integration of etymological support into lectures and seminars. Using key terms from higher mathematics as examples, the paper demonstrates the technique of deep semantic analysis. The article is addressed to educators in technical disciplines and can serve as a didactic guide.

Ключевые слова: профессиональный тезаурус, методика преподавания математики, дидактика, этимология, семантизация термина, история математики, понимание, запоминание

Keywords: professional thesaurus, mathematics teaching methods, etymology, term semantization, didactics, history of mathematics, understanding, retention

Введение

Преподаватели технических наук знакомы с такой ситуацией: студент читает определение термина, перечитывает его несколько раз, но ясность не приходит. Слова «производная», «детерминант», «якобиан» остаются набором звуков, за которыми не стоит конкретного образа. Даже если студент принимает определение на веру и запоминает его для экзамена, через несколько недель обнаруживается, что термин выпадает из памяти. Особенно трудности возникают с эпонимами — названиями в честь учёных — и с иноязычными кальками, которые не ассоциируются ни с какими знакомыми словами в русском языке.

Между тем почти любой научный термин обладает этимологическим значением — тот буквальный смысл, который закладывался при его создании. Со временем он часто стирается, но его всегда можно восстановить. Когда студент узнаёт, что «интеграл» происходит от латинского integralis (целостный) и родственно слову «интеграция», а «линейный» восходит к латинскому linea (льняная нить), термин перестаёт быть формальным обозначением и обретает собственную историю, логику и внутренний контекст.

Цель данной статьи — обосновать и продемонстрировать методику этимологической поддержки как инструмента, снижающего первичное непонимание и предотвращающего последующее забывание абстрактных технических терминов. Статья имеет теоретико-методический характер и содержит собрание этимологических разборов ключевых терминов, а также алгоритм их внедрения в учебный процесс.

Почему этимология работает

С точки зрения психологии обучения, слово, лишённое этимологического контекста, запоминается как набор звуков без внутреннего смысла. Такое слово удерживается только за счёт механического повторения и относительно быстро забывается. Напротив, если слово включено в сеть ассоциаций, оно получает множество смысловых опор в памяти. Этот эффект известен в когнитивной психологии как глубина обработки (depth of processing) [6]: чем больше смысловых связей устанавливается при первом знакомстве с понятием, тем прочнее оно закрепляется в долговременной памяти.

Л.С. Выготский подчёркивал, что значение слова — это единица речевого мышления, а развитие понятий идёт через понимание взаимосвязей между словами [2]. Этимологический разбор делает восприятие термина осознанным: студент видит, из каких значимых частей тот собран, какие родственные слова существуют в русском и других языках, какую метафору или историю в себе несёт.

Дж. Лакофф и Р. Нуньес в книге «Откуда взялась математика» показали, что даже абстрактные математические понятия основываются на телесном опыте и метафорах [3]. Например, латинское vector означает «носитель, перевозчик» (от глагола vehere — везти, нести) — вектор действительно «переносит» точку в пространстве, однако этот образ редко раскрывается в учебных курсах. Греческое homos (равный, подобный) и morphe (форма, облик) в термине «гомоморфизм» указывают на отображение,

сохраняющее алгебраическую структуру и заданные на ней операции, то есть буквально переносят «форму» с одного множества на другое. Этимологическое восстановление этой внутренней логики делает абстрактный математический объект более конкретным и запоминаемым.

Наконец, знакомство с альтернативными названиями — как историческими, так и современными синонимами — расширяет смысловое поле термина. Каждое из них акцентирует различные аспекты одного понятия: например, «флюксия» у Ньютона подчёркивает динамику изменения, тогда как «производная» — логическое происхождение. Чем больше таких смысловых граней открывается студенту, тем точнее и глубже он осваивает содержание термина.

Разбор терминов: этимология, история, альтернативы

В этом разделе последовательно разбираются ключевые термины линейной алгебры и математического анализа. Для каждого термина приводится этимологическая цепочка — от наиболее раннего зафиксированного корня до современного значения, — указываются альтернативные названия, поясняется, почему в языке закрепился именно данный вариант. Каждый разбор завершается кратким методическим комментарием, раскрывающим, какие именно смысловые опоры этот анализ создаёт для студента.

Линейная алгебра

Алгебра происходит от арабского «аль-джабр» — «восстановление, соединение частей в целое». Буквально — «вправление костей». Арабские математики IX века (в первую очередь аль-Хорезми) применили это слово к операции переноса отрицательных членов уравнения за знак равенства: перелом равновесия «исцелялся» восстановлением цельности [1]. Позже «аль-джабр» стало обозначать всю науку о решении уравнений.

Слово «линейная» восходит к праиндоевропейскому корню līno- — лён [4]. В латыни linum — лён, linea — льняная нить. Древние строители использовали натянутую нить для разметки, поэтому со временем слово linea стало обозначать прямую линию. В русский язык термин вошёл при Петре I. В математике же «линейный» означает «относящийся к первой степени», то есть описывающий прямые, пропорциональные зависимости.

Таким образом, историческое название «линейная алгебра» объединяет две яркие метафоры: «вправление» уравнений и геометрию натянутой нити. Сегодня эта наука

изучает векторные пространства, матрицы и линейные отображения — всё, что подчиняется строгим законам пропорциональности.

Математический анализ

Исторически математический анализ назывался «анализом бесконечно малых» или «исчислением бесконечно малых» — исследование переменных величин через бесконечно малые приращения.

Слово «анализ» происходит от греческого analysis — разложение, расчленение (противоположность — синтез, соединение). В античной математике анализом называли метод решения задач путём разложения сложного на простое. В XVII–XVIII веках, с появлением дифференциального и интегрального исчисления, термин приобрёл новое значение — систему операций с бесконечно малыми. В XIX веке, после работ Коши и Вейерштрасса, «математический анализ» закрепился как название дисциплины, охватывающей дифференциальное и интегральное исчисление, теорию рядов и функций.

В названии сохранилась метафора расчленения: анализ разлагает целое на бесконечно малые элементы, чтобы затем, через интегрирование (синтез), собрать их в целое. Дифференцирование и интегрирование — две стороны одного процесса.

Дифференциал

Термин «дифференциал» введён Г.В. Лейбницем в конце XVII века [9]. Происходит от латинского differentia — разность, различие. Глагол differre — различать, разносить — состоит из приставки dis- (раз-) и корня ferre (нести). Тот же корень ferre присутствует в английских словах transfer (переносить), offer (предлагать), reference (отсылка).

Сам Лейбниц называл дифференциал «бесконечно малой разностью». Обозначение dx — это «разность по x» в предельном переходе.

Производная

Термин «производная» ввёл Ж.Л. Лагранж в конце XVIII века в работе «Théorie des fonctions analytiques» (1797). Он говорил о «функции, производной от другой функции», то есть полученной из неё [8]. В русском языке «производный» означает «выведенный, полученный из другого».

Альтернативные названия: Ньютон использовал термин «флюксия» (от лат. fluxio — течение), подчёркивая динамический аспект изменения; Лейбниц говорил о

«дифференциальном отношении»; также встречается название «мера изменения». В математической литературе закрепился вариант Лагранжа.

Интеграл

Термин «интеграл» введён Иоганном Бернулли и поддержан Лейбницем в конце XVII века [5]. Происходит от латинского integralis — «относящийся к целому, служащий для восстановления целого». Integralis образовано от integer — целый, нетронутый (отрицательная приставка in- + корень tag- «касаться»: in-tag — «не-тронутый», то есть не разделённый на части). Интегрирование — восстановление целого из частей.

Знак интеграла ∫ — вытянутая буква S от латинского summa (сумма): интеграл есть сумма бесконечно малых частей, объединяемых в целое.

Альтернативные названия: в переписке Лейбница и Бернулли обсуждался вариант «сумма всех значений»; Ньютон использовал термин «флюэнта» (текучая величина). В математической литературе закрепился «интеграл» — он акцентирует результат, получение целого.

Матрица

Термин «матрица» ввёл Дж. Сильвестр в 1850 году [10]. Латинское matrix означает «матка», «источник» — от mater (мать). Сильвестр употребил это слово, чтобы подчеркнуть, что матрица «порождает» определители, миноры и другие объекты. Альтернативное название: в английском языке использовалось слово array (упорядоченный ряд, таблица), однако в математической литературе закрепился именно термин «матрица» — он акцентирует порождающую роль прямоугольной таблицы чисел. Понимание этой метафоры помогает студенту воспринимать матрицу как объект, который порождает новые математические величины, а не просто как таблицу.

Детерминант (определитель)

Термин «детерминант» происходит от латинского determinare — ограничивать, определять. Глагол состоит из приставки de- (от-) и корня terminus (граница, межевой камень). Тот же корень, что в слове «термин» — граница значения. Детерминант — это число, которое «определяет» судьбу матрицы: если оно равно нулю, матрица вырождена и необратима; если отлично от нуля — матрица обратима. Более того, детерминант показывает, во сколько раз матрица растягивает (или сжимает) пространство.

В русском языке закрепилась калька «определитель», образованная от глагола «определять». Оба названия показывают, что это число, которое определяет свойства матрицы.

Якобиан (матрица Якоби, определитель Якоби)

Немецкий математик Карл Густав Якоб Якоби (1804–1851) в 1841 году опубликовал работу De determinantibus functionalibus («О функциональных определителях»), в которой систематически исследовал определители, составленные из частных производных [7]. Термин «якобиан» ввёл английский математик Дж. Сильвестр в 1852 году — в честь Якоби, признавая его приоритет в этой области [11].

В современном употреблении «якобиан» может обозначать как саму матрицу Якоби (таблицу частных производных), так и её определитель (в случае квадратной матрицы). Геометрически определитель Якоби показывает, во сколько раз меняются масштабы и как меняется ориентация пространства при замене переменных.

Оптимизация

Слово «оптимизация» происходит от латинского optimus — «наилучший» (тот же корень лежит в основе слова «оптимизм»). В самом общем смысле оптимизация — это поиск наилучшего решения из возможных вариантов.

В бизнесе оптимизация означает улучшение процессов (сокращение времени, устранение лишних шагов) или снижение издержек при сохранении качества. В математике — это поиск минимума или максимума функции. В машинном обучении — подбор параметров модели, при котором ошибка минимальна.

Этимология (от optimus — наилучший) прямо указывает на главное: оптимизация всегда направлена на выбор лучшего варианта из доступных.

Методика внедрения: этимологическая поддержка на занятии

Описанный подход не требует перестройки учебного плана — достаточно систематически выделять несколько минут при введении каждого нового понятия. Предлагаемый алгоритм состоит из четырёх шагов:

1. Введение понятия. Преподаватель даёт стандартное определение по программе.

2. Этимологическая справка. На слайде или доске появляется краткая лексическая выжимка: корень слова, однокоренные слова в русском и иностранных языках, буквальный перевод. Шаг занимает 1-2 минуты.

3. Исторический контекст. Две-три фразы о том, кто, когда и почему предложил данное название. При наличии альтернативных наименований их также стоит кратко упомянуть.

4. Семантическая карта. Параллельно с объяснением студенты фиксируют в тетрадях лаконичную схему: в центре — сам термин, вокруг — ассоциации, метафоры и синонимы. Полученный конспект становится надёжной опорой для дальнейшего повторения.

Пример карточки для термина «детерминант»:

- Центр: Детерминант
- Лепестки: determinare (лат.) — определять; terminus — граница; определяет коэффициент растяжения пространства; альтернативное название: определитель.

Для самостоятельной работы эффективны мини-задания: например, «восстановить логику названия» для новых понятий или «найти русские слова с тем же латинским корнем». Подобные упражнения развивают профессиональное языковое чутьё и учат студентов осознанно воспринимать незнакомую терминологию.

Ожидаемые дидактические результаты

Опора на теорию глубины обработки информации, концепцию Л. С. Выготского о значении слова как единице речевого мышления, а также на идеи Дж. Лакоффа и Р. Нуньеса о воплощённом характере математического познания [3] позволяет прогнозировать следующие дидактические эффекты:

1. Снижение когнитивного барьера при введении термина. Знакомые корни и лексические параллели помогают студенту связать новое абстрактное понятие с уже известными словами, что значительно облегчает его первичное восприятие.

2. Повышение прочности запоминания. Включение термина в сеть смысловых ассоциаций обеспечивает его сохранение в долговременной памяти даже при эпизодическом использовании.

3. Развитие профессионального мышления. Студенты начинают самостоятельно анализировать новые термины, задаваясь вопросами о происхождении, что способствует глубинному пониманию материала.

4. Профилактика интерференции (смешения понятий). Этимологическая и историческая индивидуализация каждой дефиниции помогает четко разграничивать близкие по звучанию или контексту научные категории.

В перспективе целесообразно создать электронный «Этимологический справочник по дисциплине» — ресурс, встроенный в LMS-курсы, где по каждому ключевому термину будет приведена справка по предложенному шаблону.

Заключение

Научный термин — это свёрнутая смысловая структура, в которой закодированы история открытия, логика называния и метафора, связывающая абстракцию с человеческим опытом. Раскрытие этой структуры в учебном процессе превращает термин из формального препятствия в осмысленную опору для понимания.

Этимологическая поддержка — малозатратный методический инструмент с высокой дидактической эффективностью. Она не требует перестройки учебного плана, занимает минимальное время на занятии и одновременно работает на понимание и усвоение материала. Предложенные в статье разборы могут быть непосредственно использованы преподавателями в курсах высшей математики и нейросетевых технологий; сама статья представляет собой готовый дидактический материал.

Литература:

1. Аль-Хорезми. Математические трактаты. — Ташкент: Фан, 1964. — 464 с.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.

3. Лакофф Дж., Нуньес Р. Откуда взялась математика: как разум воплощает идеи. — М.: Кабинетный учёный, 2011. — 512 с.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1986–1987. — Т. 2. — С. 504.

5. Bernoulli J. Opera Omnia. — Lausanne & Geneva, 1742. — Vol. 1. — 484 p.

6. Craik F.I.M., Lockhart R.S. Levels of processing: A framework for memory research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. — 1972. — Vol. 11. — No. 6. — P. 671–684.

7. Jacobi C.G.J. De determinantibus functionalibus // Journal für die reine und angewandte Mathematik. — 1841. — Bd. 22. — S. 319–359.

8. Lagrange J.L. Théorie des fonctions analytiques. — Paris, 1797. — 263 p.

9. Leibniz G.W. Nova Methodus pro Maximis et Minimis // Acta Eruditorum. — 1684. — P. 467–473.

10. Sylvester J.J. On a New Class of Theorems // Philosophical Magazine. — 1850. — Vol. 37. — P. 363–370.

11. Sylvester J.J. On the Theory of Determinants // Philosophical Magazine. — 1852. — Vol. 4. — P. 134–140.

Съедина М.Ю.
Sedyna M. Yu.
доцент кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

МЕТОДИКА ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ИНТЕГРАЦИИ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ В ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ

A METHOD OF PROCESS-ORIENTED CONTROL FOR INTEGRATION OF GENERATIVE NEURAL NETWORKS IN DESIGN EDUCATION

Аннотация. Масштабное внедрение технологий искусственного интеллекта в креативные индустрии предопределяет необходимость кардинального пересмотра устоявшихся академических парадигм и методологических подходов к формированию компетенций у студентов творческих направлений. В публикации рассматривается методика внедрения ИИ-инструментов в традиционную дисциплину «IT технологии и компьютерная графика» для студентов бакалавриата направления «Графический дизайн». Учитывая текущие инфраструктурные вызовы, предлагается опереться на отечественное программное обеспечение, что гарантирует полную импортонезависимость образовательной среды. Базой для учебного процесса выступают российские нейросети Kandinsky и GigaChat от Sber AI, а также Шедеврум от YandexART. Практическую ценность работы составляют три конкретных методических задания — от концептуального проектирования товарной упаковки до создания комплексной айдентики крупных мероприятий и иллюстрирования многополосных книг, а также сквозная шкала и матрица критериев процессно-ориентированного оценивания соавторства человека и машины.

Abstract. The large-scale implementation of artificial intelligence technologies in the creative industries necessitates a fundamental revision of established academic paradigms and methodological approaches to developing students' competencies in creative fields. This publication examines a methodology for integrating AI tools into the traditional discipline of "IT Technologies and Computer Graphics" for undergraduate students majoring in Graphic Design. Given current infrastructural challenges, it is proposed to rely on domestic software, which guarantees complete independence from imports for the educational environment. The educational process is based on Russian neural networks Kandinsky and GigaChat from Sber AI, as well as Shedevroom from YandexART. The practical value of this work is provided by three specific methodological tasks—from conceptual design of product packaging to the creation of complex identities for major events and illustrations for multi-page books—as well as an end-to-end scale and criteria matrix for process-oriented assessment of human-computer collaboration.

Ключевые слова: высшее дизайн-образование, бакалавриат, графический дизайн, компьютерная графика, генеративные нейросети, промпт-инжиниринг, книга процессов (Process Book), плагиат стилей (Style Borrowing), сквозная шкала и методика оценивания.

Keywords: higher design education, bachelor's degree, graphic design, computer graphics, generative neural networks, prompt engineering, process book, style borrowing, end-to-end scale and assessment methodology.

Введение

Актуальность темы. Эволюция генеративного искусственного интеллекта (ИИ) автоматизировала до половины задач графического дизайна от подбора референсов до эскизирования. Это повышает конкурентоспособность специалиста, но обучение в вузах, по дисциплинам, связанным с компьютерной графикой, часто ориентированно только на ручную работу в графических пакетах.

Свою очередь, это вызывает дидактическое противоречие: индустрия требует от специалиста нейросетевой грамотности, а учебные программы замкнуты на ручном моделировании [1, 2]. Модернизация процесса образования требует новых оценочных средств, исключающих механическую генерацию, и способствующих формированию системного мышления. Проблема заключается в недостатке методик содержательной постановки задач и критериев оценки степени соавторства человека и генеративных алгоритмов.

Причем указанная трансформация напрямую затрагивает традиционные ролевые функции профессорско-преподавательского состава. Экспертиза концептуального мышления вместо привычной проверки репродуктивных навыков — именно к такому шагу подталкивает преподавателя ситуация, когда технические процедуры визуализации частично забирает себе алгоритм. В данных обстоятельствах как раз и востребовано проектирование инновационных образовательных сценариев. Только они способны перевести стихийное освоение ИИ-инструментов в русло контролируемой профессиональной деятельности, жестко подчиненной законам реального проектного процесса.

Обзор. Дискуссии об ИИ в творческих вузах динамичны. Так, с одной стороны, существует беспокойство за академическую честность. В данном контексте обоснован подход Дж. Барлетта и М. Камбы [3], обязавших студентов вести протоколы генераций в книгах процессов (Process Book). С другой стороны, Т. Чиу [5] предлагает оценивать метакогнитивные навыки, критический отбор выдачи ИИ и его личную защиту студентом.

В отечественном поле А. В. Булатова [6] настаивает на дидактической легитимизации ИИ. Роль генеративных алгоритмов в обучении изобразительному искусству на художественно-графических факультетах детально исследована А. О. Булыгиной [7]. Однако исследователи отмечают трудности внедрения современных

технологий в процесс обучения. Так, А. Е. Самарина и Д. А. Бояринов [8] зафиксировали критическое расхождение в ценностных ориентирах: со стороны студентов есть желание изучать ИИ, а педагоги испытывают дефицит методических инструментов, что подтверждают материалы О. В. Зинюк, обосновавшей необходимость модернизации компьютерного компонента обучения [9]. Наличие указанных дидактических пробелов диктует острую необходимость в проектировании единой измерительной системы.

Материалы и методы исследования

В основу работы положены принципы деятельностной концепции. В этом ракурсе совместное творчество человека и машины трактуется как чисто интеллектуальный акт, полностью противоположный механическому копированию. Авторы опираются на концепцию проектно-технологического обучения в дизайне [10], координирующую связь замысла и технологии воплощения.

Эксперимент проходил на кафедре «Дизайна и ДПИ» МГИК в 2024–2026 гг. Выборку составили 20 студентов 1–2 курсов направления «Графический дизайн». Обучение строилось на отечественных инструментах Kandinsky и Шедеврум, а также платформе Nano Banana.

Выбор указанного программного комплекса обусловлен необходимостью моделирования реальных производственных условий, с которыми будущие специалисты столкнутся на отечественном рынке визуальных коммуникаций. В ходе проведения педагогического эксперимента особое внимание уделялось формированию у студентов навыков промпт-инжиниринга. Это потребовало предварительного освоения обучающимися профильной терминологии на стыке искусствоведения, теории композиции и компьютерной графики. Использование российских ИИ-платформ позволило также выявить специфику генерации кириллической типографики, что послужило дополнительным стимулом для развития у студентов навыков ручной шрифтовой графики и цифровой постобработки дефектов.

Инструментом контроля стал процессно-ориентированный метод на основе книги процессов. Он включает три обязательных уровня контроля со стороны профессорско-преподавательского состава:

1. Верификация авторства, требующая фиксации первоначальных концептуальных эскизов, промежуточных слоев и этапов пошаговой компьютерной постобработки.

2. Проверка промпт-грамотности, включающая детальный лингвистический анализ текстовых запросов, выставленных параметров, весов и списка негативных промптов.

3. Рефлексивный компонент, оформленный в виде письменной аргументации студента при селекции промежуточных результатов и исправления визуальных артефактов ИИ.

Результаты исследования

Результатом работы стало внедрение триады методических заданий:

Задание №1. Проектирование серии упаковок трех товарных позиций. Задача — удержание стилистического единства бренда при вариативности ИИ. Пайплайн включал составление ТЗ, генерацию образа в Kandinsky и GigaChat, масштабирование, апскейлинг и сборку на мокапах.

Задание №2. Моделирование фирменного стиля мероприятий. Создавался визуальный образ события и сувениров. Для исключения пространственных деформаций первичный макет чертился вручную, затем переносился в ИИ с инструментами контроля кадра и дорисовывался.

Задание №3. Многополосное издание (объем 16 полос). В центре внимания — верстка тематического арт-бука, где цифра имитирует традиционную графику. Здесь студентам пришлось выполнять функции технических редакторов. Их главной задачей стало принудительное встраивание хаотичного ИИ-массива в жесткие рамки книжной архитектоники и допечатных стандартов среды Adobe InDesign.

Внедрение описанной триады учебных заданий позволило проследить эволюцию проектного мышления студентов от простого к сложному. Если на этапе проектирования товарной упаковки доминировал метод итеративного подбора визуальных метафор, то верстка многополосного арт-бука потребовала от обучающихся жесткого подчинения сгенерированного растрового массива законам модульных сеток и архитектоники книги. Каждый этап выполнения проектов фиксировался в индивидуальных отчетах, что позволило преподавательскому составу осуществлять непрерывный мониторинг проектной деятельности и верифицировать индивидуальный творческий вклад.

Для оценки соавторства человека и ИИ разработана система критериев и дескрипторов:

1. Качество промпт-дизайна (20 %). Оценивается точность формулировок, профессиональная терминология, управление весами и негативными промптами.

2. Итеративность и управление процессом (20 %). Анализу подлежит пошаговое развитие концепта. Студент обязан зафиксировать всю цепочку изменений в книге процессов, что полностью доказывает осознанность проектирования и исключает случайный выбор картинки.

3. Доля индивидуального авторского вклада (25 %). Экспертизе подлежит глубина ручной доработки растрового массива. Здесь преподаватель оценивает, как автор исправлял различные логические сбои нейросети. Студентам приходится вручную задействовать маски, а также выстраивать тонкую цветокоррекцию непосредственно в графических редакторах.

4. Шрифтовая культура и архитектоника (20 %). Этот параметр контролирует качество интеграции текстовых блоков. Оценке подлежит самостоятельная работа с кириллической типографикой, где студент должен продемонстрировать осознанный подбор шрифтовых пар для готовой ИИ-графики.

5. Проектное и этическое обоснование (15 %). Пункт подразумевает жесткое соответствие проекта рамкам технического задания, общую этическую чистоту работы и обязательную проверку на отсутствие латентного плагиата стилей.

Обсуждение результатов

Апробация охватила два семестра 2025/2026 учебного года. На выходе средний балл внутри группы был на отметке 15,3 из 20. Финальный срез мнений показал отличные результаты: понятность предложенной шкалы оценивания подтвердили 82% участвовавших в опросе студентов, так же, 74% респондентов сделали акцент на качественном скачке в развитии собственной насмотренности.

Освоение промпт-дизайна обеспечило более глубокое понимание законов академической композиции. Также классифицирован комплекс деструктивных паттернов, где ключевое место занимает латентный плагиат стилей [11].

В ходе педагогических наблюдений были вскрыты специфические технологические уловки обучающихся. К ним относятся скрытый промптинг, представляющий собой многоступенчатую генерацию через промежуточный референс без упоминания первоисточника в финальном текстовом запросе. Использование ассоциативных терминологических синонимов, когда имена охраняемых авторским

правом художников намеренно заменяются на названия связанных с ними коммерческих брендов или исторических течений. А также механическое копирование готовых чужих промптов из открытых онлайн-библиотек без очистки исходных метаданных авторов [4]. Своевременно корректировать подобные недостатки удавалось в аудитории, где студенты практиковали совместный компаративный анализ и открытый разбор каждой рабочей сессии.

Именно формат коллективного разбора студенческих сессий в аудитории позволяет оперативно вскрывать такие ошибки, как скрытый промптинг, за счет этого навыки самоконтроля развиваются в разы быстрее, а преподавателю удается вовремя перенаправить усилия авторов на аналитическую работу. Чтобы защитить академическую честность, в рамках данного исследования фокус был смещен с финального рисунка на аудит промежуточных шагов генерации. Собранные факты доказывают очевидное. Привычное техническое исполнение наконец-то уступило место осознанному управлению алгоритмами.

Заключение

В современной реалии привычное техническое исполнение должно быть дополнено концептуальным планированием, которое становится сегодня ядром в профиле компетенций бакалавра, что продиктовано стремительным развитием генеративных моделей. Выстроить объективный контроль в этих условиях позволяет метод книг процессов, который не просто подтверждает авторство студента, но и останавливает бессистемную конвейерную генерацию картинок за счет обязательной рефлексии. Опыт внедрения платформ Kandinsky и YandexART наглядно доказал жизнеспособность импортозамещения в творческом образовании. При этом сбои российских нейросетей при отрисовке кириллицы принесли неожиданную дидактическую пользу, заставив студентов вручную осваивать правила классической шрифтовой культуры.

Литература:

1. Crompton H., Burke D. // International Journal of Educational Technology in Higher Education. — 2023. — Vol. 20, No. 1. — Article 22.

2. Коренева Е. П. Использование нейросетей и искусственного интеллекта в обучении студентов-дизайнеров // Universum: филология и искусствоведение. — 2025. — № 2 (128). — С. 20–25.

3. Bartlett K. A. Generative Artificial Intelligence in Product Design Education: Navigating Concerns of Originality and Ethics / K. A. Bartlett, J. D. Camba // International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence. — 2024. — Vol. 8, № 5. — P. 45–56.

4. Зеленова Ю. И., Манаева С. В. Творчество нейросетей: риски и возможности для современных дизайнеров // Бюллетень науки и практики. — 2023. — Т. 9, № 6. — С. 474–482.

5. Chiu T. K. F. Future research recommendations for transforming higher education with generative AI // Computers and Education: Artificial Intelligence. — 2024. — Vol. 6. — Article 100197.

6. Булатова А. В. Использование нейросетей в дизайн-образовании / А. В. Булатова, Н. И. Журавлева, С. В. Мельникова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2025. — № 2 (65). — С. 107–113.

7. Булыгина А. О. Роль генеративных нейросетей в обучении искусствам студентов художественно-графических факультетов // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 78–3. — С. 44–47.

8. Самарина А. Е. Использование нейросетей для генерации изображений в обучении студентов при работе с цифровым дизайном / А. Е. Самарина, Д. А. Бояринов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — № 12. — С. 72–86.

9. Зинюк О. В. Повышение эффективности компьютерного компонента дизайн-образования на базе использования нейросетей // Высшее образование для XXI века: Высшая школа России в условиях глобальных вызовов, рисков, угроз. Доклады и материалы XIX Международной научной конференции. — Москва, 2024. — С. 203–207.

10. Лаврентьев А. Н. Визуальные коды и алгоритмы в графическом дизайне как отражение программированного формообразования в эпоху нейросетей / А. Н. Лаврентьев, С. К. Емельяненко // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. — 2024. — № 2-2. — С. 12–21.

11. Сысоев П. В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. — 2024. — № 2 (33). — С. 31–53.

Паюсов Арсений Николаевич
Paiusov Arseniy Nikolaevich
аспирант кафедры психологических наук
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ, ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО

TECHNOLOGIES OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF STUDENTS FAMILY MEMBERS OF PARTICIPANTS OF THE SMO

Аннотация. В статье рассматриваются особенности психолого-педагогической поддержки студентов из семей участников специальной военной операции (СВО). Описаны основные направления и технологии работы, направленные на сохранение психологического здоровья, формирование стрессоустойчивости и развитие социальной адаптации.

Abstract. This article examines the specifics of psychological and pedagogical support for students from the families of special military operations (SMO) participants. It describes the main approaches and techniques aimed at maintaining psychological health, developing stress resilience, and promoting social adaptation.

Ключевые слова: психолого-педагогическая поддержка, психологическое здоровье, студенты, адаптация, тревожность, эмоциональный интеллект.

Keywords: psychological and pedagogical support, psychological health, students, adaptation, anxiety, emotional intelligence.

Актуальность

В условиях современной социальной нестабильности особое значение приобретает задача сохранения психологического здоровья студенческой молодежи. В группе риска оказываются студенты, чьи семьи напрямую затронуты событиями специальной военной операции (СВО). Эти молодые люди нередко сталкиваются с повышенным уровнем тревожности, эмоциональной нестабильностью, чувством неопределенности и социальной изоляцией.

Образовательная среда вуза становится для них не только местом обучения, но и пространством психологической поддержки. В связи с этим, все большую актуальность приобретают технологии психолого-педагогического сопровождения, позволяющие создать условия для гармоничного развития личности и профилактики эмоциональных нарушений.

На сегодняшний момент система образования переживает непростое время:

социальные, экономические и политические изменения напрямую отражаются на психоэмоциональном состоянии молодого поколения. Особенно уязвимой социальной группой оказываются студенты, чьи родственники и близкие вовлечены в события СВО. Учебная среда для них становится не только пространством получения профессиональных навыков, но и является важным ресурсом психологической поддержки.

В связи с этим, приоритетной является задача по разработке и внедрению комплексных мер психолого-педагогической поддержки, направленных на сохранение и укрепление психологического здоровья данной социальной группы, а также дальнейшей адаптации и развития в новой среде.

Материалы и методы

В целях были выявления основных направлений и технологии работы, направленных на сохранение психологического здоровья студентов, членов семей участников СВО использованы следующие методы: сравнительно-аналитический метод для выявления современных технологий поддержки студентов, анализ психолого-педагогической литературы по проблеме психологического здоровья.

Исследование

Студенты, чьи родители или близкие участвуют в боевых действиях, нередко испытывают эмоциональное напряжение, тревожность, чувство неопределенности и повышенную утомляемость. Подобные состояния могут сопровождаться снижением учебной мотивации, трудностями в коммуникации и нарушением социальной адаптации. Стоит подчеркнуть, что подобные проявления не говорят о личностных недостатках студента, а являются естественной реакцией на длительный стресс.

Кроме того, для таких студентов характерны гипертрофированная восприимчивость к мнению окружающих, глубокая внутренняя неуверенность в собственных силах, острая необходимость в надежных взаимоотношениях со взрослыми. Несмотря на это, многие из них склонны скрывать свои переживания, демонстрируя видимость эмоциональной стабильности. Такая защитная реакция усложняет выявление реальных психологических проблем. Именно поэтому перед педагогическим коллективом ставится важнейшая задача по созданию необходимой среды, в которой студент сможет почувствовать безопасность и поддержку, не боясь быть неправильно понятым. Только в такой среде студенты смогут преодолеть

внутренние защитные механизмы и получить необходимую помощь и поддержку.

В условиях повышенного эмоционального напряжения и социальной неопределенности студенты особенно нуждаются в системной психолого-педагогической поддержке и психологической помощи.

Пригода А.В. в своем исследовании определяет психологическую помощь, как «процесс предоставления информации о психоэмоциональном состоянии человека, выявление причин и механизмов конкретных психологических реакций по результатам диагностики и симптомам, а также позитивное воздействие на психику с целью гармонизации психики и здоровья и улучшения качества жизни» [1, с. 42]. Мамайчук И.И. и Ильина М.Н рассматривают педагогическую поддержку как «особый вид педагогической деятельности, основной целью которого является помощь в саморазвитии, в решении жизненных и образовательных проблем, передача средств разрешения внутренних и внешних конфликтов, установления отношений, самоопределения» [2, с. 98]. Исследование Молодцова Т.Д и Пташинского И.А. фокусирует внимание на том, что «обязательным условием психолого-педагогической поддержки являются отношения, сформированные на доверии, сотрудничестве, уважении и т.д. Именно в таких взаимоотношениях студент может раскрыться, поведать о своих проблемах, а преподаватель, работающий в парадигме поддержки, благодаря этому должен понять его глубинные мотивы поведения, раскрыть скрытый личный потенциал, осмыслить подлинные причины поступков формирующейся личности» [3, с.143].

Таким образом, психолого-педагогическая поддержка представляет собой комплекс мер, призванных способствовать развитию личности и повышения уровня жизни студентов. Успех данной поддержки зависит от трех составляющих: точной оценки состояния человека, оказания своевременной поддержки, а также установлению доверительных и уважительных взаимоотношений. Такой подход призван помочь студентам раскрыть свой потенциал и справиться с трудностями в учебной среде.

Практический опыт образовательных учреждений говорит о том, что требуемую эффективность демонстрирует использование комплексных взаимодополняющих технологий, направленных как на развитие личностных ресурсов, так и на эмоциональную устойчивость и социальную адаптацию. В рамках темы данного исследования, был проведен теоретических анализ релевантных источников и

выделены наиболее результативные технологии, применяемые в современной образовательной практике:

1. Технология социально-психологического сопровождения.

Эта технология предполагает создание систематического и постоянного взаимодействия между педагогом, психологом и студентом. В ее содержание входят диагностический, консультативный и коррекционно-развивающий компоненты.

Предлагаемое практическое применение:

– проведение регулярных индивидуальных бесед и экспресс-диагностики эмоционального состояния студентов;

– организация мини-групп взаимопомощи, где участники делятся личным опытом по преодолению трудностей;

– внедрение коротких психологических практик (дыхательные упражнения, релаксация, визуализация).

Ожидаемый эффект:

Реализация данной технологии оказывает существенное снижение уровня тревожности, улучшение эмоциональной регуляции и формирование чувства психологической защищенности. Студенты начинают воспринимать образовательную среду как безопасное пространство, где можно открыто говорить о переживаниях и получать поддержку без осуждения, что в свою очередь создает благоприятные условия для полноценного личностного развития и способствует более эффективной учебной деятельности.

2. Технология наставничества и тьюторского сопровождения.

Наставничество выступает в качестве ключевой роли в формировании доверительных отношений и социальной устойчивости у студентов. Влияние опытного наставника распространяется не только на помощь в академических вопросах, но и личностных: формировании жизненных целей, выстраивании коммуникаций, развитии самоорганизации.

Предлагаемое практическое применение:

– закрепление за студентами тьюторов (студентов старших курсов или преподавателей), прошедших подготовку у психолога;

– регулярные встречи тет-а-тет, в ходе которых обсуждаются личные и учебные трудности;

– совместное участие в волонтерских и творческих проектах, где создается атмосфера доверия и поддержки.

Ожидаемый эффект:

Благодаря наставничеству у студентов формируется чувство собственной значимости, снижается чувство одиночества и социальной изоляции. На фоне этого можно заметить положительную динамику, отражающуюся в росте самооценки и уверенности в своих силах. Данная динамика прослеживается, в первую очередь, в мотивации к обучению, и как следствие, успехами академической успеваемости.

3. Технология формирования поддерживающей образовательной среды.

Поддерживающая образовательная среда – это такая среда, в которой выстраивается система взаимоотношений и условий, способствующих психологическому благополучию студентов. За основу данной технологии выступает гуманистическая педагогика, которая подразумевает уважительное отношение к личности и создание требуемых условий для эмоционального комфорта.

Предлагаемое практическое применение:

– адаптация педагогических требований к потребностям студентов в зависимости от ситуации (например, возможность пересдачи экзаменов без применения санкций, индивидуальный график обучения при трудных семейных обстоятельствах);

– развитие культуры взаимной поддержки и совместной деятельности, способствующей укреплению командного духа;

– создание в учебных корпусах так называемых «зон отдыха».

Ожидаемый эффект:

Использование данной технологии в учебной среде позволяет создавать атмосферу взаимного уважения и доверия. Благодаря этому снижается уровень конфликтов, усиливается чувство общности и связи с коллективом. Студенты стараются демонстрировать свою активность и инициативность в жизни вуза, что положительно сказывается, как на самооценке, так и на эмоциональном благополучии.

4. Технология развития эмоционального интеллекта.

Под эмоциональным интеллектом подразумевается умение понимать свои эмоции и чувства, контролировать их и распознавать их у других людей. Для студентов, которые постоянно переживают тревогу и стресс, развитие этого навыка играет важную роль в повышении личностной устойчивости и преодолении жизненных трудностей.

Предлагаемое практическое применение:

– тренинги по распознаванию и выражению эмоций, упражнения «Мое настроение», «Эмоциональная карта дня»;

– игры и кейсы на развитие эмпатии и понимания чувств других людей;

– практики самоанализа (рефлексивные заметки).

Ожидаемый эффект:

В результате этого происходит развитие навыков контроля импульсивных реакций, умение конструктивно выразить свои эмоции и построить эффективное общение с окружающими. Повышается способность самоконтроля и устойчивости к стрессовым ситуациям, что впоследствии приводит к снижению эмоциональной напряженности в учебной среде.

5. Технология арт-терапии и символического самовыражения.

Благодаря данной технологии студенты могут безопасно самовыражаться через творчество – изобразительное искусство, музыку, танцы, фотографирование. Такой подход особенно подойдет тем, кому трудно говорить о собственных чувствах.

Предлагаемое практическое применение:

– арт-терапевтические упражнения: «Цвет моего настроения», «Древо силы», «Мой внутренний мир»;

– коллективные творческие проекты, направленные на осознание личных ресурсов и поддержание самооценки (КВН, постановка театральных номеров);

– участие в музыкальных группах, хорах и др.

Ожидаемый эффект:

Использование практик арт-терапии оказывает положительное воздействие на эмоциональное состояние, способствующее высвобождению негативных переживаний. Творческая деятельность предоставляет студентам возможность самовыражения и поиска душевного равновесия.

6. Технология групповой поддержки и взаимопомощи.

Данная технология предполагает укрепление командного духа и улучшение взаимоотношения между студентами. Благодаря участию в совместных проектах и открытых дискуссиях формируется чувство общности, что особенно необходимо для студентов, переживающих непростые эмоциональные периоды.

Предлагаемое практическое применение:

– проведение групповых дискуссий, ролевых игр, тренингов командообразования;

– организация «кругов доверия» – встреч, где студенты могут поделится личным опытом и поддержать друг друга;

– участие в волонтерских движениях.

Ожидаемый эффект:

Улучшается социальная интеграция, развивается способность к сопереживанию, снижается ощущение изоляции и отчужденности. Группа для студента начинает восприниматься не как источник стресса, а как ресурс для высвобождения своих эмоций и отдачи действий, что положительно сказывается как на личном, так и на общем климате коллектива.

7. Технология психопросвещения и профилактики эмоционального выгорания.

Цель психопросвещения – дать студентам необходимые знания о природе стресса, научить методам самопомощи и заложить основы психоэмоционального здоровья.

Предлагаемое практическое применение:

– проведение лекций и интерактивных встреч, таких как «Как справиться с тревогой», «Эмоциональное выгорание» и др.;

– распространение информационных материалов, в которых будут описываться техники по саморегуляции;

– привлечение специалистов с целью проведения «недель психологического здоровья».

Ожидаемый эффект:

В процессе обучения у студентов развивается осознанное отношение к собственному состоянию, приобретаются базовые навыки стресс-менеджмента и способы самостоятельной поддержки. Такой подход ведет к росту психологической культуры и помогает предотвратить возникновение эмоциональных проблем.

Вышеописанные технологии при комплексном применении помогают обеспечить всестороннее воздействие на личность студента, способствуя:

1. Эмоциональному благополучию – уменьшается тревожность, развиваются навыки самоконтроля;

2. Когнитивному развитию – формируется осознанное отношение к своим эмоциям и поведению;

3. Социальной адаптации – совершенствуются навыки коммуникации и укрепляется чувство общности.

4. Личностному росту – обретаются жизненные ориентиры и смыслы, растет уверенность в себе, вырабатывается устойчивость к внешним стрессорам.

Предоставление комплексной психолого-педагогической помощи студентам, чьи семьи затронуты СВО, положительно влияет на их психоэмоциональное состояние и помогает в развитии личностной зрелости, ответственности и выработке активной гражданской позиции. Стоит отметить, что для обеспечения комплексной поддержки необходимо приложить совместное усилие всех членов учебной среды. Наиболее результативным подходом является взаимодействие преподавателей, штатных психологов, а также органов студенческого самоуправления. Вместе они могут разработать программы по адаптации к новой среде, проводить тематические профилактические лекции, организовать встречи и акции поддержки семей участников СВО.

Также, что все большее значение приобретает работа в группе. Нередко настроение одного человека отражается на всей учебной группе, вызывая напряжение и недопонимание. Организация групповых тренингов, направленных на развитие эмпатии, сплоченности и толерантности, способствует формированию атмосферы взаимопонимания и поддержки. Благодаря этому, поддержка оказывается не только индивидуальной, но и системной.

Не стоит забывать о том, что человек – это отдельная личность и к каждому требуется индивидуальный подход. При работе со студентами, важно учитывать не только сам факт участия близких в СВО, но и личные особенности студента, такие как темперамент, уровень стрессоустойчивости, манеру общения, жизненные цели и прочее. При индивидуальной работе можно опираться на различные подходы: когнитивно-поведенческую терапию, арт-терапию, песочную терапию, а также дыхательные техники и техники, направленные на развитие навыков саморегуляции. Положительный эффект дают практики благодарности и смыслообразования,

помогающие студентам находить позитивные моменты в трудных жизненных ситуациях и выстраивать прочную систему личностных ценностей.

Не менее важным аспектом в работе со студентами является взаимодействие между учебными учреждениями и семьями студентов, ввиду того, что психоэмоциональное благополучие во многом зависит от семейной обстановки. Со своей стороны, учебные учреждения могут устраивать совместные консультации, проводить дни открытых дверей, либо же организовывать онлайн-встречи с родителями, на которых бы обсуждались вопросы адаптации и поддержки. Такие инициативы помогают укрепить доверие между образовательной организацией и семьей, создавая единое воспитательное пространство. Ключевым фактором является уважительное отношение преподавателей к жизненным ценностям семьи и избегание оценочных суждений. Только такой подход является основой для создания взаимоуважения и выстраивания конструктивного диалога.

Если же поддержка не является системной, то негативные последствия не заставят себя ждать, к ним можно отнести: снижение мотивации к учебе, внутреннее отчуждение, развитие депрессивных состояний. Поэтому психолого-педагогическая поддержка играет не только корректирующую, но и профилактическую роль.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что использование технологий психолого-педагогической поддержки позволяет не только смягчить последствия эмоциональных трудностей у студентов из семей участников СВО, но и способствует их личностному росту. Появляется стремление к саморазвитию, готовность к взаимодействию, способность конструктивно решать возникающие проблемы. Всё это формирует основу для дальнейшего сохранения психологического здоровья и успешной социальной адаптации.

Выводы

Таким образом, в условиях современных реалий психолого-педагогическая поддержка студентов, членов семей участников СВО, становится стратегическим направлением деятельности учреждений высшего образования. Эти студенты нуждаются в уважительном, внимательном отношении, даже можно сказать заботе, в которой сочетаются профессионализм, взаимопонимание и вера в их потенциал.

Психолого-педагогическая поддержка должна быть не разовой акцией, а

системной деятельностью, направленной на сохранение психологического здоровья и развития социальной зрелости молодежи.

Психолого-педагогическая поддержка, при правильном и систематическом ее использовании, превращается в достаточно хороший метод воспитания зрелой, устойчивой личности, готовой к конструктивному взаимодействию как с обществом, так и миром в целом.

Образовательные учреждения, внедряя программы психолого-педагогической поддержки способствуют укреплению психического благополучия, формированию устойчивости к стрессу и воспитанию ответственного гражданина.

Литература:

1. Пригода А. В. Кризисная психологическая помощь родственникам военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции // Шаг в науку. 2023. №2. [Электронный ресурс]. URL https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnaya-psihologicheskaya-pomosch-rodstvennikam-voennosluzhaschih-prinimayuschih-uchastie-v-spetsialnoy-voennoy-operatsii [дата обращения 10.10.2025].

2. Мамайчук И.И., Ильина М.Н. Помощь психолога ребенку с задержкой психического развития. Научно-практическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 352 с.

3. Молодцова Т. Д., Пташинский И. А. Психолого-педагогическая поддержка дезадаптированных подростков // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2008. №1с. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskaya-podderzhka-dezadaptirovannyh-podrostkov [дата обращения: 12.10.2025].

Суворов Валерий Иванович
Valery Ivanovich Suvorov
Протоиерей, секретарь епархиального управления Архангельской епархии,
член Общественной палаты Архангельской области.

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА КАК РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

ORTHODOX CULTURE OF THE RUSSIAN NORTH AS A RESOURCE FOR EDUCATION AND PRESERVATION OF TRADITIONAL VALUES: OPPORTUNITIES FOR IMPLEMENTATION IN THE ARKHANGELSK REGION

Аннотация. Формирование региональной политики по реализации государственной стратегической цели сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей обладает потенциалом дискуссии. В статье рассматривается, как может быть удовлетворен актуальный запрос населения Архангельской области о соработничестве государства и Русской Православной Церкви как исторически обусловленный фактор многовековой православной культуры Русского Севера. Православная культура как понятие раскрывается через суждения протоиерея В. Зеньковского. Выносится ряд предложений о направлениях сотрудничества Правительства Архангельской области и Архангельской епархии в соработничестве по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Abstract. The formation of a regional policy for the implementation of the state strategic goal of preserving traditional spiritual and moral values has the potential for discussion. The article examines how the current demand of the population of the Arkhangelsk region for cooperation between the state and the Russian Orthodox Church as a historically determined factor in the centuries-old Orthodox culture of the Russian North can be satisfied. Orthodox culture as a concept is revealed through the judgments of Archpriest V. Zenkovsky. A number of proposals are being made on areas of cooperation between the Government of the Arkhangelsk Region and the Arkhangelsk Diocese in collaboration to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values.

Ключевые слова: государственная политика, сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, взаимодействие гражданского общества и государства, взаимодействие государства и церкви, православная культура Русского Севера, социальное партнерство государства и религиозных организаций, Общественная палата Архангельской области.

Keywords: state policy, preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, interaction between civil society and the state, interaction between the state and the church, Orthodox culture of the Russian North, social partnership between the state and religious organizations, Public Chamber of the Arkhangelsk Region.

Обсуждение темы сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей вызывает определенное отношение к традиционным религиям и христианским конфессиям. Зачастую именно в этом общем поле идет обсуждение всех

аспектов государственной политики. Это естественная реакция и позиция, поскольку всем абсолютно очевиден контекст. Пункт 6 Основ государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей гласит:

«Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию».[1]

Подобная формулировка содержится во введении к Основам государственной культурной политики:

«В формировании системы ценностей России особую роль сыграло православие. Ислам, буддизм, иудаизм, другие религии и верования, традиционные для нашего Отечества, также внесли свой вклад в формирование национально-культурного самосознания народов России. Ни вероисповедание, ни национальность не разделяют и не должны разделять народы России».[2]

В соответствии со статистическими данными, руководствуясь докладом Общественной палаты Архангельской области о развитии институтов гражданского общества за 2026 год можно найти подтверждение важных общественных оценок и ожиданий. Областная Общественная палата предлагает обратить внимание на оценку жителями Архангельской области значения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Общественники предлагают вывод, о том, что в анализе ответов респондентов выделяются «три базовых смысловых ядра: семья и воспитание; моральные нормы и уважение; традиция и преемственность». Непосредственно следующим выводом является то, что, для населения Поморья «религиозные и патриотические смыслы дополняют общее представление о традиционных духовно-нравственных ценностях». [3] К этому выводу эксперты приходят через оценку: «Значимым компонентом восприятия традиционных нравственных ценностей является

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 (ред. от 04.03.2026) // "Собрание законодательства РФ", 14.11.2022, № 46, ст. 7977.
[2] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 (ред. от 17.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.12.2014, № 52 (часть I), ст. 7753.
[3] Доклад о состоянии и развитии институтов гражданского общества в Архангельской области за 2025 год. Духовно-нравственные ценности как основа гражданского общества.
https://opao.ru/upload/iblock/2c7/zbnm807gevoyh003e0ks20h36euxtl1m/Doklad-OPAO-2025.pdf / с. 7

религиозная интерпретация (в первую очередь православная). Для части респондентов религия и церковь выступают источником нравственных норм («заповеди», «Библия», «вера»)».[4]

Ответы очевидны, т.к. большинство жителей Архангельской области относят себя к православному вероисповеданию, являются наследниками более чем тысячелетней православной культуры. Данный факт подчеркивает актуальность проведения исследований и оценок, а также внесения предложений эффективного и целостного использования этого ресурса в целях реализации государственной политики.

Актуальным считаю рассмотреть то, насколько может быть востребован населением дискурс обсуждений соработничества государства и Церкви в спектре затрагиваемых вопросов.

Хотелось бы в докладе дать возможность оценить риски такого взаимодействия, чтобы в дальнейшем отточить инструментарий внутренней политики в Архангельской области.

В России идея сотрудничества Церкви и государства глубоко исторически и духовно обусловлена. Доктринальный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» говорит об этом вполне определенно и задает основу взаимодействия ведущей традиционной конфессии с органами государственной власти. В пункте III.8. декларируется, что «государство, в том числе светское, как правило, осознает свое призвание устроять жизнь народа на началах добра и правды, заботясь о материальном и духовном благосостоянии общества. Поэтому Церковь может взаимодействовать с государством в делах, служащих благу самой Церкви, личности и общества. (…) Для Церкви такое взаимодействие должно быть частью ее спасительной миссии, объемлющей всестороннее попечение о человеке. (…) Церковь призвана принимать участие в устроении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, и объединять соответствующие усилия с представителями светской власти». [5] Таким образом, доктрина Русской Церкви устанавливает, во-первых, возможность для Церкви взаимодействовать с государством, заботясь о благополучии общества. Во-вторых, само взаимодействие называется частью миссии самой Церкви, а в-третьих, - это участие должно быть видимо во всех областях, где это возможно. Яркий

[4] Там же. С.7
[5] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви URL:https://www.patriarchia.ru/article/105101

императив соработничества на протяжении десятилетий истории новой России стремится реализоваться во многих добрых делах, нацеливая общество на консолидацию.

Одной из мощных и доказано плодотворных площадок обсуждения и выработки общей повестки соработничества Церкви, общества и государства является Международная общественная организация «Всемирный Русский Народный Собор» (ВРНС). В свое время полемика на площадках ВРНС также нашла отражение в решениях Соборов, подчеркивающих необходимость постановки задачи духовного просвещения и воспитания.

Резолюция XI ВРНС «Богатство и бедность: исторические вызовы России» 05-07.03.2007 декларировала: «Знания о Православии — органическая, неотъемлемая часть отечественной культуры. Наше молодое поколение должно, наконец, получить доступ к неисчерпаемому кладезю православного духовного и нравственного наследия, которого нас пытались лишить в годы тоталитарного атеизма». [6] (…)

«Собор согласен с мнением, высказанным Общественной палатой Российской Федерации, суть которого заключается в том, что изучение детьми истории и традиций своей религии рассматривается верующими россиянами в качестве обязательного элемента их этнической и культурной самоидентификации, а также мощного средства нравственного развития и формирования личности ребенка». [7]

Эти обсуждения привели к тектонического характера изменениям к подходам в образовании и воспитании, изменения законодательства, появления духовно-нравственных векторов развития и, конечно, сотрудничества с религиозными организациями, например, в рамках преподавания в школе дисциплин курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Сейчас мы справедливо относим это к признакам государственного суверенитета в сфере образования и воспитания.

Дискуссий было много. Точки над «i» расставил Указ Президента, утвердивший Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

[6] Резолюция «О преподавании Основ православной культуры в школе» / XI ВРНС «Богатство и бедность: исторические вызовы России» (5-7.03.2007) URL:https://vrns.ru/documents/xi-vrns-bogatstvo-i-bednost-istoricheskie-vyzovy-rossii-5-7-03-2007/

[7] Там же.

российских духовно-нравственных ценностей. [8] В документе стратегического планирования одним из основных организационных инструментов реализации государственной политики предусматривается «привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей».[9] Можно сказать, что государством сформированы основные принципы сотрудничества, даны соответствующие ориентиры исполнительной власти.

Однако, существует и определённая проблематика. Ощущается некая отдаленность в непосредственной практике взаимодействия с религиозными организациями государственных учреждений. Причин объективно может быть целый ряд, но верим, что это не мировоззренческое отторжение, а отсутствие разработанных совместных методик, единства понимания. Причиной можно считать неверное толкование конституционных принципов, низкий уровень компетенций, элементарной религиозной просвещенности или недостаточная открытость представителей Церкви к сотрудничеству, инертность, или еще только формирующееся взаимное доверие; сугубая осторожность, ограниченная информационная или организационная поддержка и т.д.

Для верующих людей вопрос сохранения и передачи традиций является естественным отражением искренности веры в Господа и любви к человеку. Задача передачи духовно-нравственных традиций не является искусственной формулировкой, она естественна и органична. Верующее сердце дает человеку импульс созидания и преображения себя и окружающего мира, вера, по евангельскому слову Спасителя, становится в человеке «источником воды, текущей в вечную жизнь» (Евангелии от Иоанна (глава 4, стих 14). Этот потенциал может реализовываться и сейчас, в современной жизни.

Благодатное чувство веры всегда плодотворно. Оно дает силы преодолевать внутренние и внешние препятствия, не уступать трудностям на пути духовного совершенствования. Православная вера на Русском Севере отражает опыт

[8] Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ, 14.11.2022, № 46, ст. 7977.

[9] П/п «д» п. 26 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

неоднократного *преодолевания* себя ради спасения своей души, во имя другого человека, для блага Отечества. В этом опыте отражается не материальная цель, но духовная. Под это духовное измерение выстраивается вся парадигма ценностей, весь спектр материальных потребностей. Духовно-нравственный ресурс имеет огромный потенциал и неоднократно показал в истории свою уникальную силу.

Примеры такой подвижнической жизни мы видим по всей Архангельской области в именах многих святых Архангельской земли, число которых (без соловецких новомучеников) – 96. Практически в каждом районе хранят память о прославленных святых земляках. Само имя Архангельска и Архангельской области, уцелевшее от попыток изменения, свидетельствует о небесном покровительстве Архистратига Божия Михаила (изображаемого на гербах Архангельской области и города Архангельска). Это ли не символ победы добра над злом, благочестия над пороком, жизни над смертью?!

Размышляя таким образом, мы сталкиваемся с удивительным феноменом православной культуры Русского Севера. Своей уникальностью, изменчивостью в деталях мозаичной картины, привлекающей своей самобытностью, а в основах отражающей единодушие веры и чести, она может стать для нынешних северян драгоценным опытом.

Что мы понимаем под словами «Православная культура»? Я бы предложил в данном исследовании опираться на самое широкое толкование – от религиозно-аксиологического, до географического. Такой подход выбран в связи с огромным числом обертонов этого словосочетания, отражающих наш духовный код, некую систему принципов, сформировавших парадигму традиционных духовно-нравственных ценностей.

Отвечая возможным оппонентам, хотел бы привести ряд утверждений об идее православной культуры по протоиерею Василию Зеньковскому, чтобы направить дискуссию в конструктивное русло и отмести заблуждения.

Итак, протоиерей Василий Зеньковский выделял несколько аспектов православной культуры.

- Православная культура всегда ««дышит» духом христианской свободы». Дух нравственной творческой свободы никогда не отвергает натурального миропорядка, не формирует «гнушения» всякой плотью». [10]

- Православная культура не побоялась рецепции идей языческого мира, преобразив их через веру во Христа».[11]

- Православной культурой никогда не отвергалось наличие национальных групп, они принимались от внешнего к идеалу внутреннего единства, единство одухотворялось».[12]

- Отношение к государству: православие принципиально благожелательно ко всем формам политической жизни, ощущая свою силу преображения и одухотворения. Церковь не стремится завладеть властью, «искала и будет искать – через совесть личности – преображения натурального исторического бытия».[13]

- Церковь через православную культуру действует изнутри, через преображение личности.[14]

Сами пути одухотворения «предполагают не внешнее внесение христианских идей в научную и философскую мысль, в художественное творчество и этические искания, в социальное и историческое действование, - не внешнюю ассоциацию всего этого, а внутреннюю христианизацию духовной нашей жизни и нашей активности».[15]

«Мы не можем не принимать, не любить культуру Запада, но не можем не видеть в ней «кладбище» в том смысле, что в ней погребена былая целостность и органическая собранность христианской культуры».[16]

Можно сказать, что задача наша из века в век – творчески принять этот импульс православной христианской культуры и передать его как огонь новым и новым поколениям.

Давно стало необходимым определить цели и конкретизировать задачи. Необходима установленная парадигма взаимодействия традиционных религиозных

[10] Зеньковский, Василий Васильевич (1881-1962). Смысл православной культуры / Протопресвитер Василий Зеньковский; [сост., авт. предисл. В. Л. Шленов]. — Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. — 266, [3] с.: ил. : 17 см — (Духовное наследие Русского зарубежья).; ISBN 978-5-7533-0120-8. СТР. 57
[11] См. там же. С. 58
[12] См. там же. С. 58
[13] См. там же. С. 60
[14] См. там же. С. 61
[15] См. там же. С. 65
[16] См. там же. С. 66

организаций с государством. Необходимо то, что советский политик и патриот Николай Иванович Рыжков определял как «социальное партнерство государства и религиозных организаций». Он писал: «Необходима реализация концепции социального партнерства государства и религиозных организаций. <…> Это решает серьезные проблемы как сотрудничества, так и легитимации такого сотрудничества». [17] Эти отношения «не отменяют светскости государства и нужны для достижения общего блага».[18]

О соработничестве Церкви и государства говорит Президент РФ. В.В. Путин высказал свое мнение на пленарном заседании юбилейного XXV Всемирного Русского Народного Собора в Москве 28 ноября 2023 года: «Нам нужна целостная сфера просвещения, в которой гармонично дополняют друг друга семья, система образования, национальная культура, работа детских, молодёжных, спортивных, военно-патриотических организаций, широкое движение наставничества и, добавлю, мудрое слово духовных пастырей, оно просто необходимо». [19] «Да, церковь отделена от государства, и Патриарх [Кирилл] не раз мне говорил, несмотря на это, у нас сложились уникальные отношения между церковью и государством. Что хотел бы в этой связи заметить? Но нельзя отделить церковь от общества и от человека. С этим я полностью согласен. И поэтому вновь подчёркиваю важность участия представителей всех российских традиционных религий в образовании и воспитании нашей молодёжи и, конечно же, в укреплении духовно-нравственных, семейных ценностей. Это имеет непреходящее значение, участие наших пастырей всех наших традиционных религий».[20]

Слова Президента подтверждаются эмпирически, в частности, в исследовании общественного мнения Общественной палатой Архангельской области. Выводы социологов показывают: существует запрос на социальную роль Церкви в жизни общества, присутствует оценка недостаточности деятельности Церкви. Большинство жителей Архангельской области называют себя православными верующими и доверяет традиционным религиям, подчеркивает стабильный уровень межконфессиональных

[17] Рыжков, Николай Иванович (1929-2024). Национальная идея России. Историческое развитие и современность: в 2 т.: 18+ / Н. И. Рыжков, В. А. Штыров, Е. Ю. Спицын. Т. 1. — Москва: Викор Медиа, 2024, 2024. — 453, [2], 8, 8, 8 с.: ил., цв. ил..; ISBN 978-5-902190-28-8. СТР. 212
[18] Там же.
[19] Стенограмма пленарного заседания Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 года — Президент России URL:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863
[20] Стенограмма пленарного заседания Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 года — Президент России URL:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863

взаимоотношений. Это создает предпосылки реализации сотрудничества религиозных организаций и государства по целому ряду направлений.

Огромный массив работы проводится в школах, в молодежной среде, в патриотических клубах. Всегда с особым вниманием мы оцениваем, присутствует ли в перечисленной работе смыслы и темы из православного наследия Поморья и всей России, не забыли ли мы чего-то важного.

Размышляя так, хочется спросить о целях и результатах. Мы понимаем, что оценить личность крайне сложно. Намного проще измерять в эквивалентах, неких целевых показателях. Напротив, крайне сложно – видеть результат в душе. «В душе» - это чаще всего оценка равная словам «нигде» или «никогда». Тем не менее, мы все призваны трудиться для конкретной души. Чтобы традиционные ценности стали для нее своими. В этом должен состоять воспитательный вектор совместных усилий.

Реализовать эту задачу проще, если обращаться к наследию русской православной культуры. Живые вечные евангельские и святоотеческие образы будят и согревают душу, остаются в душе и преображают ее. Дают родителю задел нравственного для формирования личности юного гражданина.

Мы знаем о целом ряде предложений сотрудничества – социального партнерства. В Архангельской епархии, как и во всех централизованных религиозных организациях Русской Православной Церкви, сформированы направления соработничества, созданы епархиальные отделы, реализующие инициативы Церкви и поддерживающие добрые начинания гражданского общества в сфере образования и дополнительного образования, сотрудничества с учреждениями культуры, социальной сферы, молодежной политики и воспитания, военно-патриотического воспитания, поддержка семей и решения вопросов демографии, духовное окормление казаков, реализация и развитие идей туризма и паломничества и т.д.

«Эти и другие направления существующей деятельности православных приходов необходимо поддерживать возможными способами. В каждом муниципальном образовании Архангельской области такая работа ведется в разной степени и, я полагаю, должна быть оценена и проанализирована муниципальной властью и общественными советами. В этом взаимодействии видится большой потенциал».[21]

[21] См. Протоиерей Валерий Суворов оценил доклад региональной Общественной палаты о духовно-нравственных ценностях

В завершении хотелось бы поделиться рядом предложений, которые, на мой взгляд, способствовали бы планомерной реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей в Архангельской области.

Необходимо обеспечить возможность кооперацийусилий по подготовке и дальнейшему общению наставников – как светских, так и духовных. Не разделять, а объединять наставничество на основе уникального единства культурной, нравственной и религиозной традиций Архангельской области.

Рассмотреть возможность создания программ профильного взаимодействия соответствующих министерств Архангельской области с епархиальными отделами образования, социального служения, по делам молодежи, комиссии по семье и демографии и т.д.

Рассмотреть региональное совместное общественно-государственное планирование мероприятий по сохранению традиционных ценностей и дальнейшее включение их в областной план.

Предлагаю сформировать общественно-церковный методический кабинет, объединяющий краеведов, историков, педагогов, наставников, священнослужителей для наполнения плана работы, для методической помощи акторам инициатив по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей.

Было бы полезным и эффективным ежегодно формировать общедоступный календарь памятных дат, событий истории и традиционной религиозной культуры Архангельской области. Важно включить день празднования Собора Архистратига Михаила 21 ноября; день славянской письменности и культуры 24 мая.

Предлагаю активно использовать инструмент социальной рекламы для укрепления традиционных ценностей.

Православная культура Русского Севера требует особо бережного отношения. Прикосновение к ней открывает источник чистой воды для многих поколений северян. По благословению Священноначалия на территории Архангельской области священнослужители и миряне готовы всемерно содействовать диалогу и формировать повестку взаимодействия с государством по актуальной теме сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Url: http://www.arh-eparhia.ru/news/560/126391/

Литература:

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 (ред. от 04.03.2026) // "Собрание законодательства РФ", 14.11.2022, № 46, ст. 7977.

2. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 (ред. от 17.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.12.2014, № 52 (часть I), ст. 7753.

3. Доклад о состоянии и развитии институтов гражданского общества в Архангельской области за 2025 год. Духовно-нравственные ценности как основа гражданского общества. https://opao.ru/upload/iblock/2c7/zbnm807gevoyh003e0ks20h36euxtl1m/Doklad-OPAO-2025.pdf / с. 7 (дата обращения: 10.05.2026).

4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви URL:https://www.patriarchia.ru/article/105101 (дата обращения: 10.05.2026).

5. Резолюция «О преподавании Основ православной культуры в школе» / XI ВРНС «Богатство и бедность: исторические вызовы России» (5-7.03.2007) URL:https://vrns.ru/documents/xi-vrns-bogatstvo-i-bednost-istoricheskie-vyzovy-rossii-5-7-03-2007/ (дата обращения: 10.05.2026).

6. Зеньковский, Василий Васильевич (1881-1962). Смысл православной культуры / Протопресвитер Василий Зеньковский; [сост., авт. предисл. В. Л. Шленов]. — Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. — 266, [3] с.: ил.: 17 см — (Духовное наследие Русского зарубежья).; ISBN 978-5-7533-0120-8.

7. Рыжков, Николай Иванович (1929-2024). Национальная идея России. Историческое развитие и современность: в 2 т.: 18+ / Н. И. Рыжков, В. А. Штыров, Е. Ю. Спицын. Т. 1. — Москва: Викор Медиа, 2024, 2024. — 453, [2], 8, 8, 8 с.: ил., цв. ил..; ISBN 978-5-902190-28-8.

8. Стенограмма пленарного заседания Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 года — Президент России URL:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863 (дата обращения: 10.05.2026).

9. Суворов В.И., протоиерей. Протоиерей Валерий Суворов оценил доклад

региональной Общественной палаты о духовно-нравственных ценностях Url: http://www.arh-eparhia.ru/news/560/126391/ (дата обращения: 10.05.2026).

Сапоцкая Юлия Владимировна
Sapotskaya Yulia Vladimirovna
магистрант
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: sapotskaya.yv@m.tgmu.ru

Капустина Татьяна Викторовна
Kapustina Tatiana Viktorovna
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общепсихологических дисциплин
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

АНАЛИЗ МЕТОДОВ И МЕТОДИК ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРИВЯЗАННОСТИ

ANALYSIS OF METHODS AND APPROACHES FOR ASSESSING ATTACHMENT

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ методов и методик, предназначенных для оценки привязанности. На основе современных исследований, рассмотрена проблема диагностики привязанности, обоснованная важностью роли детско-родительских отношений, как предиктора физического здоровья, эмоционального благополучия и социальной адаптации на всех этапах развития. Описано развитие методов диагностики привязанности в зависимости от возрастных особенностей. От лабораторных процедур наблюдения, к опросникам самоотчета, проективным, и рисуночным техникам. На основе сравнительного анализа систематизированы основные характеристики, преимущества и ограничения наиболее применяемых методик. Актуализирована проблема дефицита оригинальных отечественных диагностических инструментов. Показана продуктивность комплексного подхода, сочетающего стандартизированный опросник и проективную методику на примере комплекса методик для диагностики типа привязанности к матери ДП и ДП+.

Abstract. This article presents a theoretical analysis of methods and techniques designed to assess attachment. Based on current research, it examines the issue of attachment diagnosis, highlighting the importance of the parent-child relationship as a predictor of physical health, emotional well-being, and social adaptation at all stages of development. The development of diagnostic tools in accordance with the age-related dynamics of attachment is presented, ranging from laboratory observation procedures to self-report questionnaires, projective techniques, and drawing tests. Based on a comparative analysis, the main characteristics, advantages, and limitations of the most commonly used techniques are systematized. The issue of the shortage of original domestic diagnostic tools is highlighted. The effectiveness of a comprehensive approach combining a standardized questionnaire and a projective technique is demonstrated using the example of a set of methods for diagnosing the DP and DP+ types of attachment to the mother.

Ключевые слова: привязанность, привязанность к матери, нарушения привязанности, психодиагностика, комплексный подход, диагностика привязанности.

Keywords: attachment, attachment to the mother, attachment disorders, psychodiagnostics, comprehensive approach, attachment diagnosis.

Теория привязанности, разработанная Дж. Боулби, рассматривает привязанность как врождённую мотивационную систему, направленную на поддержание близости со значимым взрослым для обеспечения безопасности и выживания. Центральным понятием является «внутренняя рабочая модель», это стабильная система когнитивных и аффективных схем, которая формируется в ходе ранних диадических взаимодействий и определяет характер межличностных отношений на протяжении всей жизни. В современной психологии привязанности типы, выявленные М. Эйнсворт, понимаются как специфические адаптационные модели в границах нормальных отношений матери и ребёнка, тогда как дезорганизованная привязанность, напротив, не является адаптационной стратегией и говорит об отсутствии у ребёнка в стрессовой ситуации разлуки и последующего воссоединения с матерью адекватной поведенческой модели. Вместе с тем, формирование надежной безопасной привязанности является приоритетным [1]. Так как качество привязанности признано предиктором широкого спектра личностных характеристик, а также мировосприятия в целом. Актуальность систематического анализа диагностического инструментария продиктована той фундаментальной ролью, которую качество привязанности к матери играет на всех этапах онтогенеза. Многочисленные эмпирические исследования последних лет подтверждают, что тип привязанности выступает значимым предиктором физического здоровья, эмоционального благополучия и социальной адаптации. Так, Ю.Ф. Лахвич установила, что у часто болеющих детей младшего школьного возраста преобладают ненадёжные типы привязанности [2]. При этом, паттерны различаются по полу: тревожно-избегающий у девочек и тревожно-амбивалентный у мальчиков. Эта закономерность связана с материнскими стратегиями поведения. В группе детей с аллергическими заболеваниями И.А. Голованової [3] отмечается высокая доля тревожно-избегающей привязанности и дисфункциональных диадических отношений, опосредованных уровнем эмоционального интеллекта матери.

Не менее выражено влияние привязанности на когнитивное и личностное развитие. Дошкольники с надёжной привязанностью, сформированной благодаря материнскому принятию и чуткости, демонстрируют просоциальное поведение и

лучшие показатели психического здоровья, тогда как ненадёжная привязанность является предиктором эмоциональных симптомов и поведенческих трудностей (Е.В. Куфтяк) [4]. В.В. Гагай показала, что тип привязанности определяет стратегию поведения в конфликте у старших дошкольников [5], а Т.В. Вассина установила связь надёжной привязанности с учебной мотивацией и успеваемостью в младшем школьном возрасте [6]. В подростковом периоде надёжная привязанность обеспечивает благополучное протекание сепарации, развитие автономии по мнению С.В. Молчанова [7], коммуникативной компетентности и просоциальной активности (Т.В. Белашина) [8]. В то время как ненадёжные типы, особенно дезорганизованный, связаны с высокой тревожностью, дезадаптивным поведением и трудностями формирования идентичности.

Долгосрочные эффекты прослеживаются и во взрослом возрасте. Тип привязанности к матери коррелирует с уровнем эмоционального интеллекта, психологической устойчивостью, а также склонностью к тревоге и депрессии (М.В. Бурдина) [9] и даже служит предиктором комплексного посттравматического стрессового расстройства (Т.В. Капустина) [10]. Обнаружена также, межпоколенческая передача паттернов привязанности. Например, исследования Н.Н Лупенко показали, что стиль привязанности женщины к собственной матери. предсказывает качество привязанности её ребёнка [11]. Эти данные дают основание утверждать, что точная и дифференцированная оценка типа привязанности необходима не только для фундаментальных исследований, но и для раннего выявления групп риска, построения программ профилактики и психологической коррекции.

Конструкт привязанности имеет сложную многогранную структуру и возрастную динамику. Кроме того, наблюдаемое внешне поведение может не совпадать с внутренним, глубинным представлением о ней. Это делает проблему выбора подходящего диагностического инструментария актуальной. Цель данной статьи - провести сравнительный анализ методов, использующихся для оценки привязанности в современной психологии. И обосновать эффективность комплексной диагностики, сочетающей стандартизированный опросник и проективную методику, как инструмента, позволяющего получить достоверную и многомерную информацию о типе привязанности.

Проблема диагностики привязанности связанна с двумя причинами. Во-первых,

эмоциональные связи не доступны прямому наблюдению. Обнаружить их модно лишь через косвенные признаки. К ним относиться поведение, направленное на достижение и поддержание привязанности, вербальные репрезентации и символические продукты деятельности. Во-вторых, структура привязанности качественно меняется с возрастом. Если в раннем детстве поведенческие и эмоциональные компоненты слабо дифференцированы, то начиная со старшего дошкольного возраста, с развитием рефлексии и внутреннего плана действий, появляется расхождение между внешним поведением привязанности и внутренним представлением о ней. В подростковом возрасте это расхождение только усиливается, делая прямое наблюдение недостаточно надежным методом. Для диагностики требуются методы, позволяющие оценить репрезентативный уровень привязанности. Следовательно, необходим системный анализ существующих методов. Он позволит сделать обоснованный выбор диагностических инструментов.

В раннем и младшем дошкольном возрасте вербальные методы не применимы, поэтому основным методом оценки является структурированное наблюдение. «Незнакомая ситуация» М. Эйнсворт для детей 12-20 месяцев моделирует восемь эпизодов разлучения и воссоединения с матерью и классифицирует тип привязанности по четырём поведенческим шкалам. Методика прошла международную валидацию, в том числе в России (Н.Н. Авдеева, Н.А. Хаймовская) [12]. Но она обладает и некоторыми ограничениями. Например, низкая экологическая валидность, чувствительность к культуре, длительное обучение кодировщиков. Альтернативой служит Q-сортировка поведения привязанности Э. Уотерса и К. Дина для детей 1-4 лет, проводимая в домашних условиях и дающая непрерывную оценку надёжности [12]. Метод трудоёмок и без видеозаписи плохо различает ненадёжные подтипы.

Старший дошкольный и младший школьный возраст открывают возможности для опросных и проективных методов. «Шкала надёжности привязанности ребёнка к родителям» К. Кернс (KSS) в адаптации Г.В. Бурменской оценивает восприятие детьми 8-12 лет надёжности отношений с матерью или отцом, но не дифференцирует типы ненадёжной привязанности [13]. «Опросник привязанности к матери» Е.В. Пупыревой для детей 7-11 лет двухэтапно выявляет надёжность, а затем уточняет тип ненадёжной привязанности через 15 дополнительных вопросов [14].

Проективные техники позволяют обходить защиты и обращаться к

неосознаваемым слоям внутренней рабочей модели. «Рисунок гнезда», адаптированный Е.В. Куфтяк, предлагает изобразить птичье гнездо и пройти пострисуночный опрос; символика гнезда интерпретируется в категориях защиты, близости и родительской чуткости [15]. «Тест сепарационной тревоги» Н. Каплан в адаптации Г.В. Бурменской предназначен для детей 6-12 лет: на основе серии картинок, изображающих разлуку с матерью, ребёнок составляет рассказ, анализ содержания и эмоциональных реакций которого позволяет определить тип привязанности [13]. «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана адресован детям дошкольного и младшего школьного возраста. Инструкция предлагает «Нарисуй свою семью так, чтобы каждый был чем-то занят», что провоцирует проекцию внутрисемейных отношений. Г. Фьюри [12] выделила в КРС специфические графические признаки ненадёжных типов привязанности, что диагностическую ценность методики.

В подростковом возрасте развитие абстрактного мышления и перенос функций привязанности на сверстников расширяют арсенал самоотчётных опросников. «Опросник привязанности к родителям и сверстникам» (IPPA) Г. Армсдена и М. Гринберга в адаптации Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского содержит три части (мать, отец, друг) и субшкалы «Доверие», «Общение», «Отчуждение», измеряя качество не привязанности как спектр, от ненадежного к надежному [16]. Более категориальный «Опросник на привязанность к родителям для старших подростков» М.В. Яремчук через выбор из троек утверждений относит подростка к надёжному, амбивалентному или избегающему типу по отношению к каждому из родителей [17].

Взрослый возраст располагает наибольшим разнообразием опросников, основанных на двухфакторной модели (тревожность и избегание). Модифицированный «Опыт близких отношений» (ECR-R) в адаптации Т.В. Казанцевой включает 28 пунктов, демонстрирует высокую внутреннюю согласованность и ретестовую надёжность [18]. «Опросник привязанности к близким людям» (ОПБЛ) Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского содержит 30 пунктов и позволяет выделять четыре стиля по модели К. Бартоломью [16]. «Шкала взаимоотношений» (RSQ) в адаптации Т.Л. Крюковой измеряет надёжный, тревожный, избегающий и боязливый стили, используя буферные пункты для снижения социальной желательности, однако внутренняя согласованность шкал избегания и тревоги умеренна. Также некоторые вопросы сложны для понимания респондентов [19].

Особое место в отечественной психодиагностике занимает недавно разработанный комплекс методик для диагностики типа привязанности к матери ДП и ДП+ (Т.В. Капустина, Е.Е. Волкова, Р.В. Кадыров). Опросник ДП состоит из 30 утверждений с дихотомической шкалой и включает четыре шкалы: надёжный, избегающий, дезорганизованный типы и шкалу лжи; амбивалентный тип определяется как промежуточный [20].

Проективная методика ДП+ содержит 36 (16 для женского пола, 16 для мужского, 4 универсальных) изображений ситуаций взаимодействия матери и ребёнка, из которых респондент выбирает три наиболее соответствующих его детским воспоминаниям, и позволяет рассчитать суммарный балл, соотносящийся с типом привязанности. Комплекс прошёл психометрическую проверку: содержательная и конструктная валидность подтверждены экспертными оценками, ретестовая надёжность опросника и согласованность двух методик статистически значима. Сочетание осознаваемого и проективного уровней даёт возможность получить объёмную и достоверную информацию, преодолевая ограничения, присущие каждому методу по отдельности.

Для наглядного сопоставления рассмотренных инструментов составлена таблица, систематизирующая их по направленности, достоинствам, ограничениям и диагностируемым аспектам.

Таблица 1. Сравнительный анализ методик для оценки привязанности

Название методики	Направленность методики	Преимущества	Ограничения	Диагностические аспекты
«Незнакомая ситуация» (М. Эйнсворт)	Классификация типа привязанности у младенцев по поведению в стрессовой ситуации	Золотой стандарт; высокая конструктная валидность; международные нормы	Низкая экологическая валидность; зависимость от культуры; трудоёмкое обучение	Поведенческие паттерны (поиск близости, избегание, сопротивление); типы A, B, C, D
Q-сортировка поведения привязанности (Э. Уотерс, К. Дин)	Оценка надёжности привязанности в домашних условиях	Высокая экологическая валидность; непрерывное наблюдение надёжности	Большие временные затраты; сложность анализа без видео	Степень надёжности; стратегии использования матери как безопасной базы
Шкала надёжности KSS (К. Кернс;	Воспринимаемая ребёнком надёжность	Простота проведения; корреляции с	Не различает типы ненадёжной	Когнитивно-аффективный: восприятие

адаптация Г.В. Бурменская)	отношений с родителем	материнской чуткостью	привязанности; возраст 8–12 лет	доступности и отзывчивости родителя
Опросник привязанности к матери (Е.В. Пупырева)	Поэтапное определение надёжности и типа ненадёжной привязанности к матери	Выявляет конкретный тип ненадёжности; опирается на 7 показателей	Двухэтапная процедура; нет опубликованных данных о ретестовой надёжности	Эмоциональная близость, потребность в присутствии матери, принятие; тип привязанности
Опросник IPPA (Г. Армсден; адаптация Н.В. Сабельникова и Д.В. Каширский)	Качество привязанности к матери, отцу, сверстнику (доверие, общение, отчуждение)	Сравнение фигур привязанности; хорошие психометрические показатели	Не выделяет дискретные типы; не затрагивает ранний опыт	Осознаваемые установки: доверие, качество коммуникации, переживание отчуждения
Опросник ECR-R (К. Бреннан; адаптация Т.В. Казанцева)	Параметры тревожности и избегания в романтических отношениях	Высокая внутренняя согласованность и ретестовая надёжность;	Не направлен на детско-родительскую привязанность	Тревожность (страх быть покинутым); избегание (дискомфорт от близости)
Опросник ОПБЛ (Н.В. Сабельникова, Д.В. Каширский)	Два параметра и четыре стиля привязанности к близким людям	Широкая сфера применения; доказанная конвергентная дискриминантная валидность	Требует кластерного анализа; не фокусирован исключительно на матери	Стили привязанности по К. Бартоломью
Шкала взаимо-отношений RSQ (адаптация Т.Л. Крюкова)	Четыре стиля привязанности со снижением социальной желательности	Наличие буферных пунктов; включает «боязливый» стиль	Умеренная внутренняя согласованность; не рекомендована для категориальных выводов	Стили привязанности: надёжный, отстранённый, озабоченный, боязливый
«Рисунок гнезда» (Д. Кайзер; адаптация Е.В. Куфтяк)	Проективная оценка типа привязанности через символическое изображение	Обходит защиты; доступ к раннему опыту; от 5 лет до взрослости	Требует квалификации интерпретатора; ограниченная стандартизация	Образ защищённости, близости, родительской чуткости
Тест сепарационной тревоги (Н. Каплан; адаптация Г.В. Бурменская)	Определение типа привязанности через рассказ по картинкам разлуки с матерью	Стандартизированная система оценки; проективный доступ к переживаниям	Возраст 6-12 лет; требует обучения анализу нарративов	Репрезентации разлуки; способы совладания; тип привязанности A, B, C, D
Кинетический рисунок семьи (Р. Бернс, С. Кауфман)	Проективная диагностика восприятия внутрисемейных	Богатая интерпретация; графические маркеры	Требуется сочетание с другими методиками;	Эмоциональный климат в семье; признаки ненадёжной

	отношений и привязанности	ненадёжных типов по Г. Фьюри	влияние художественных навыков	привязанности
Опросник ДП (Капустина Т.В., Волкова Е.Е., Кадыров Р.В.)	Диагностика типа привязанности к матери у взрослых	Шкала лжи; быстрое заполнение; доказанная надёжность и валидность	амбивалентный тип определяет косвенно	Типы привязанности к матери: надёжный, избегающий, дезорганизованный, амбивалентный
Проективная методика ДП+ (Капустина Т.В., Волкова Е.Е., Кадыров Р.В.)	Проективная оценка типа привязанности к матери через выбор карточек	Обходит сознательные защиты; согласованность с опросником ДП; может применяться с 7 лет	Может применяться с 7 лет, но пока недостаточно эмпирических данных	Типы привязанности к матери; качественный анализ обоснования выбора

Выводы. Проведенный теоретический анализ демонстрирует, что арсенал методов для диагностики привязанности охватывает разные возрастные периоды, аспекты взаимоотношений и фигур с которыми устанавливается связь. Диагностические инструменты позволяют фиксировать, как поведенческие, так и репрезентативные компоненты данного конструкта. Для раннего детства остаются актуальными лабораторные процедуры типа «Незнакомая ситуация» и Q-сортировка. Со старшего дошкольного возраста начинают доминировать проективные методики. Для взрослых существует большое разнообразие опросников самоотчета разной направленности. В тоже время, в российской психодиагностике сохраняется дефицит оригинальных методик с полным психометрическим обоснованием. Так как, большинство инструментов являются адаптациями зарубежных аналогов, психометрические параметры которых не всегда в достаточной степени проработаны на отечественной выборке.

Комплексный подход, сочетающий стандартизированный опросник и проективную методику, обладает значительным потенчиалом. Такое сочетание позволяет получить как, объективную количественную оценку и проверку достоверности, так и обойти сознательные искажения получив доступ к глубинным слоям внутренней модели личности. Примером такого подхода является отечественный комплекс методик для диагностики типа привязанности к матери ДП и ДП+, разработанный Т.В. Капустиной, Е.Е. Волковой и Р.В Кадыровым. Авторы успешно доказали валидность и надежность методик. Дальнейшая работа по совершенствованию и расширению психометрической базы подобных диагностических инструментов,

включая их апробацию на более широких и клинических выборках, будет способствовать повышению точности дифференциальной диагностики типов привязанности и улучшению практики психологического консультирования.

Литература:

1. Авдеева, Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н.Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 7–14.

2. Лахвич, Ю.Ф. Привязанность к матери часто болеющего ребёнка дошкольного и младшего школьного возраста / Ю.Ф. Лахвич // Адукацыя і выхаванне. – 2024. – № 5. – С. 58–64.

3. Голованова, И.А. Исследование привязанности, эмоциональной регуляции и психомоторного развития в диаде «мать – ребенок с аллергическим заболеванием» / И.А. Голованова, Л.В. Павлей // Медицинская психология в России. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 14–23.

4. Куфтяк, Е.В. Привязанность к матери как предиктор психологического благополучия в младшем школьном возрасте / Е.В. Куфтяк // Образование и наука. – 2021. – Т. 23. – № 7. – С. 122–146.

5. Гагай, В.В. Зависимость способов поведения старших дошкольников в конфликтной ситуации от типа привязанности к матери / В.В. Гагай // Национальное здоровье. – 2020. – № 3. – С. 70–73.

6. Вассина, Т.В. Влияние привязанности к матери на обучение детей младшего школьного возраста / Т.В. Вассина // Мир педагогики и психологии. – 2022. – № 11. – С. 15–21.

7. Молчанов, С.В. Автономия как результат отношений: роль привязанности к сверстникам и матери в мотивации волонтерства подростков / С.В. Молчанов // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27. – № 3. – С. 89–103.

8. Белашина, Т.В. Особенности коммуникативной компетентности детей старшего дошкольного возраста в зависимости от типа привязанности к матери / Т.В. Белашина // Развитие человека в современном мире. – 2023. – № 3. – С. 65–84.

9. Бурдина, М.В. Жизнестойкость студентов с различными типами эмоциональной привязанности к матери / М.В. Бурдина // Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 142–152.

10. Капустина, Т.В. Особенности проявления комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери / Т.В. Капустина // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 5. – С. 615–624.

11. Лупенко, Н.Н. Взаимосвязь типа привязанности женщины к матери и ее отношения к своему ребенку / Н.Н. Лупенко // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-4. – С. 380–383.

12. Сабельникова, Н.В. Методы исследования привязанности в процессе возрастного развития в современной зарубежной психологии / Н.В. Сабельникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2008. – № 3. – С. 36–47.

13. Бурменская, Г.В. Методики диагностики привязанности к матери ребенка дошкольного и младшего школьного возраста / Г.В. Бурменская // Психологическая диагностика. – 2005. – № 4. – С. 5–44.

14. Пупырева, Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.16 / Е.В. Пупырева. – М., 2007. – 225 с.

15. Куфтяк, Е.В. Диагностика привязанности: методика «Рисунок гнезда»: методическое руководство / Е.В. Куфтяк. – М.: Перо, 2021. – 60 с.

16. Сабельникова, Н.В. Экспериментальная психология и психодиагностика привязанности: учебник и практикум / Н.В. Сабельникова, Д.В. Каширский. – М.: Прометей, 2025. – 452 с.

17. Яремчук, М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков / М.В. Яремчук // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 3. – С. 86–94.

18. Казанцева, Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» / Т.В. Казанцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-2. – С. 139–143.

19. Крюкова, Т.Л. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик, Т.П. Опекина. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. – 340 с.

20. Капустина, Т.В. Комплексная диагностика типа привязанности к матери: методическое руководство / Т.В. Капустина, Е.Е. Волкова, Р.В. Кадыров. – Ульяновск: Зебра, 2025. – 48 с.

Захарова Марина Владимировна
Zakharova Marina Vladimirovna
аспирант
ГАУ ДПО Новосибирской области «Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»
e-mail: lady.marina.zakharova@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИКА О ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИДЕИ

RUSSIAN PEDAGOGY ON CIVIC EDUCATION: KEY VIEWS AND IDEAS

Аннотация. В статье систематизированы взгляды отечественных педагогов на вопросы воспитания гражданственности и патриотизма. Выделены новые понятия, которые использовали педагогики как цель воспитания на разных этапах истории России. Показана преемственность становления гражданской идентичности.

Abstract. This article systematizes the views of Russian educators on the development of citizenship and patriotism. New concepts that have been used by pedagogists as a goal of education at different stages of Russian history are highlighted. The continuity of the development of civic identity is demonstrated.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, гражданская идентичность, система воспитания.

Keywords: civic consciousness, patriotism, civic identity, educational system.

Нравственнопатриотические установки в понимании гражданственности были выработаны ещё в дореволюционной педагогической традиции и определили вектор дальнейшего развития воспитательных практик.

Цель данного исследования – доказать, что взгляды отечественных педагогов на процесс воспитания гражданственности во многом отражают государственные воспитательные модели и отвечают вызовам времени.

Дореволюционная педагогика, начиная с XVIII столетия рассматривала гражданственность как качество активного члена общества, готового действовать во имя государства. При Екатерине II было принято «Генеральное Учреждение о воспитании обоего пола юношества» на основе отредактированного самой императрицей текста книги Иоганна Фельбигера «О должностях человека и гражданина» [11,13]. Для этого, по проектам И.И. Бецкого необходимо было создать учебные заведения закрытого типа для воспитания «прямых граждан» [1, с.150, 158]. А введенный термин «Сын Отечества» Н.И. Новиковым, отражал просветительские идеи воспитания нового человека, обладающего «образованным разумом» и «воспитанным

сердцем» [1, с.290, 294]. Главным методом воспитания служило наставление. Субъектами воспитания выступали государство и семья, ученик же считался объектом. По итогу страна получала законопослушных, верноподданных, добродетельных граждан.

В первой половине XIX века идея формирования «полезных отечеству граждан» начинает строиться на национальных традициях. В основе воспитания патриотизма служат «Инструкции инспектору студентов Московского императорского университета» и «Устав училищ для детей канцелярских служащих», где главной задачей становилось воспитание патриотов - полезных отечеству граждан с хорошей нравственностью [7]. Главным методом воспитания служило навязывание хорошей нравственности, где особую роль играла личность педагога - воспитателя. В.В. Измайлов, Н.И. Пирогов и В.В. Попугаев занимались просветительской деятельностью, собирая образцы для подражания в русской истории [8, с.440].

Во II половине XIX века складывается две точки зрения в понимании формирования «полезных и деятельных членов общества», следовательно – патриотов. Одна официальная, государственная, рассматривающая патриотизм как религиозно-нравственный аспект служения Отечеству на основе разработанных методик воспитывающего обучения в сочетании с навязыванием долженствования и подчинения. Тому подтверждения вышедшие при Александре II «Положения о народных училищах», «Устав гимназий и прогимназий», «Правила о церковно-приходских школах» [9, с.85-163]. Другая – прогрессивная, где живая, национальная, трудовая, просвещенная школьная среда, близкая к жизни способна воспитать «просвещенного человека-гражданина». Идеи К.Д. Ушинского, В.Я. Стоюнина заложили основы личностно-деятельностного подхода в формировании гражданственности [17, с.41-52].

На рубеже веков идеи К.Д. Ушинского и В.Я Стоюнина вошли в целостные системы воспитания, разработанные П.Ф. Каптеревым и К.Н. Вентцелем, где главным средством воспитания служила окружающая среда и личный пример взрослых [4].

Таким образом, в дореволюционной педагогике главенствовала идея гражданственности, трактовавшаяся как долг, сочетающий нравственные и патриотические начала. Ключевыми её элементами считались преданность монарху, соблюдение законов и личная нравственность — они задавали модель поведения,

ориентированную на исполнение обязанностей перед государством и Родиной. При этом правовое и политическое самосознание личности практически не развивалось. Революция 1917 года не просто сменила политический порядок — она трансформировала и педагогическую терминологию, заложив основы принципиально иной воспитательной парадигмы.

В Революционный период меняется подход к пониманию гражданственности, которая рассматривается теперь на основе документов советской власти – «Основными принципами единой трудовой школы» и Декретами Совета Народных Комиссаров как пролетарская классовая солидарность [3, с.457]. Термин «демократическая гражданственность» западного типа вводится вместо исключённого из оборота термина «патриот» и, следовательно, цель воспитания «гражданина» заключается в формировании самоотверженного бойца за победу коммунизма в стране и мире.

Нельзя не отметить особую роль Н.К. Крупской в становлении советской модели формирования «нового человека». Проанализировав зарубежный и отечественный опыт новаторов, Н.К. Крупская предложила новый термин – «социальный человек», формирование которого возможно только в сформированных молодежных пролетарских союзах [5, с.249]. Главная цель воспитателей, по мнению Н.К. Крупской, создать такую окружающую обстановку, которая смогла бы «воспитать… коллективистов, то есть людей, умеющих подходить ко всякому вопросу с точки зрения целого, умеющих работать и жить коллективно, во всем помогать друг другу» [5, с.416]. Таким образом, главными методами воспитания становятся коллективный производственный труд, введение школьного самоуправления, создание ячеек и пропаганда новых ценностей.

В Советский период патриотизм вновь начинает рассматриваться как одна из категорий гражданственности. Согласно Постановлениям СНК СССР, а после Великой Отечественной войны, Постановлениям Совета Министров для формирования советской гражданственности должны быть использованы средства формирования «советского человека» - синтез революционно-интернациональной и традиционно-патриотической тенденций в воспитании «нового человека», готового защищать социалистическое государство [18].

В этот период создается инновационная система воспитания. А.С. Макаренко внес в нее разработанную им концепцию гражданского воспитания, где гражданин – это

коллективист, обладающий эмоциональной потребностью в ощущении единения и общности, всеобщей ответственности за всех и за каждого в отдельности [6, с.13]. Ключевым фактором и средством которой считался коллектив, который определял сознательное поведение гражданина. Сложившаяся к середине XX века идеологизированная система коллективистского воспитания, однако, выработала эффективные социально-педагогические механизмы [10]. Когда деятельность государственно-партийных органов, общественно-политических организаций, средств массовой информации, образовательных, научных и культурных учреждений по формированию гражданственности и патриотизма осуществлялась как единое целое.

Таким образом к середине XX века в системе воспитания складываются 2 направления – официальное, формальное на основе идеологической константе. И гуманистическое воспитание гражданственности на основе личностного, «изнутри идущего становления». В этом направлении работал В.А. Сухомлинский, который считал, что гражданственность можно воспитать особым средством - «деятельным патриотизмом» [14].

Период «оттепели» ознаменовался зарождением в советской педагогике нового вида гражданской идентичности. Она выходила за рамки простой лояльности государству, обретая смысл как осознанная личная связь с Родиной [15]. Эта связь формировалась через гуманизацию учебного процесса, обогащаемую региональными особенностями. Система В. А. Сухомлинского, акцентировавшая внимание на эмоциональном аспекте и «внутреннем рождении гражданина», представляла собой не просто развитие идей А. С. Макаренко, а глубокий смысловой сдвиг, ставший возможным благодаря смягчению идеологического климата. Его работы, оставаясь в рамках официального партийного курса, переносили фокус внимания с декларируемого патриотизма на внутреннее чувство привязанности к народу, природе и культуре своей страны [16]. Это была попытка легитимизировать личное переживание в условиях, где доминировала коллективная идентичность. Идеи Сухомлинского активно применялись учителями, искавшими новые подходы, но могли вызывать опасения у идеологических блюстителей, что отражало внутреннюю напряженность педагогического процесса того времени.

Реформы конца 1980-х — начала 1990-х годов XX века создали объективные предпосылки для отказа от коммунистической системы воспитания. Закон «Об

образовании» 1992 года закрепил новые подходы к обучению и воспитанию, ознаменовав начало деидеологизации. Этот процесс сопровождался критикой советского педагогического опыта и поиском новой методологической базы для гражданского и патриотического воспитания, основанного на добровольном и осознанном служении Отечеству.

Научная школа В. А. Сластенина, опираясь на идеи С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского, разработала концепцию «гражданской идентичности», выделив её когнитивный, эмоциональный, ценностный и деятельностный компоненты [12, с.247]. Сластенин сформулировал принципы социально-нравственного развития, согласно которым школьник является свободным субъектом образовательного процесса, а «сформированное гражданское сознание дает возможность оценивать социальные явления и поступки с позиции интересов общества» [12, с.249]. Целью гражданского воспитания он видел формирование «гражданственности как интегративного качества личности», сочетающего внутреннюю свободу, уважение к власти, любовь к Родине, стремление к миру, чувство собственного достоинства, дисциплинированность и культуру межнационального общения. Подобно Макаренко, Сластенин подчеркивал роль социума — школы, семьи, общественных организаций — в формировании гражданской позиции школьника. Понятие «гражданственность» стало связующим звеном между советским патриотическим воспитанием и современным этапом развития «гражданской идентичности», рассматриваемой как часть социальной идентичности.

Таким образом, в советской педагогике патриотизм рассматривался как особый вид идентичности, представляющий собой ценностную ориентацию политического сознания. Эта установка направляла общественные отношения и деятельность граждан таким образом, чтобы поддерживать государственные институты. В современном дискурсе фокус смещается к концепции национально-гражданской идентичности. Она предполагает глубокое личное отождествление с гражданским сообществом, принятие ответственности за его судьбу и весь спектр связанных с этим переживаний — от гордости до разочарования [2].

Историко-педагогический анализ позволяет выделить ключевые этапы трансформации этого понятия:

- Гражданственность (до 1917 года) понималась как нравственный

долг, добродетель, сводящаяся к верности государству, законопослушанию и служению ему, с акцентом на внешнее исполнение обязанностей.

- Патриотизм (советский период до 1960-х годов) был переосмыслен как идеологически мотивированная преданность социалистическому Отечеству, партии и коллективу. Он сохранил черты предписанной нормы, но приобрёл конкретное политическое содержание как инструмент воспитания "нового человека".
- Гражданская идентичность (с 1960–1980-х годов) знаменует качественный сдвиг. Это осознанное, лично переживаемое чувство принадлежности к гражданскому сообществу, основанное на лояльности, эмоциональной связи, ответственности за судьбу страны и отождествлении с её народом. Акцент смещается с внешнего долга на внутреннее самоопределение.

Следовательно, прослеживается эволюция от гражданственности-долга и патриотизма-преданности к идентичности-принадлежности, отражающая гуманизацию педагогики и возрастание роли личности. Современное понимание гражданской идентичности, зарождавшееся в 1960–1980-е годы, предполагает осознанную, лично переживаемую связь с Родиной. Оно формируется через гуманизацию образования, смещая фокус с внешних предписаний на внутреннее самоопределение, приоритет эмоциональной связи и личного смысла, а также самостоятельное мышление и деятельное участие в жизни общества. Эти идеи, теоретически разработанные В. А. Сухомлинским и апробированные педагогами-новаторами, легли в основу современного концепта гражданской идентичности.

Литература:

1. Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. – М.: Педагогика, 1985. – 480 с.

2. Дробижева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся: ежегодник. – М., 2008. – Вып. 7. – С. 214–227.

3. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учеб. пособие для пед. учеб. заведений / под ред. акад. РАО А. И. Пискунова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – 512 с.

4. Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Каптерев; под

ред. А. М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.

5. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. / Н. К. Крупская. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957–1963.

6. Макаренко, А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. / А. С. Макаренко. – М.: Педагогика, 1983–1986.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб., 1835. – Т. 3. – Отд. 1. – Ст. 74.

8. Пирогов, Н. И. Вопросы жизни // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. / сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1987. – С. 438–446.

9. Проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1860. – Ч. 105. – Отд. 2. – С. 85–163.

10. Пушкарёва И.А. Идея патриотизма в истории советской и русской педагогики! // Все для классного руководителя. – 2011. – Пилотный №0. – С. 11–15.

11. Рождественский, С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках / С. В. Рождественский. – Т. 1. – СПб.: Сенат. тип., 1912. – 679 с.

12. Сластенин, В. А. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических вузов / В. А. Сластенин. – М.: Академия, 2002. – 576 с.

Тайлакова Татьяна Петровна
Tatyana Petrovna Tailakova
студент
АНО ВО «Московский университет «Синергия»,
директор АНО «Счастье слышать!»
e-mail: t.taylakova@mail.ru

РАВНЫЙ РАВНОМУ: РОДИТЕЛЬСКАЯ ПОДДЕРЖКА И ЛИЧНЫЙ ОПЫТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

PEER TO PEER: PARENTAL SUPPORT AND PERSONAL EXPERIENCE AS A TOOL FOR PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO FAMILIES RAISING CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENT

Аннотация. Рассмотрена модель психологического сопровождения семей с детьми с нарушением слуха, основанная на принципе «равный — равному» и личном родительском опыте. Проанализирована практическая работа проекта «Вместе с тобой 2.0» АНО «Счастье слышать!». Описаны четыре этапа помощи: горячая линия, наставничество, групповые встречи «Мамский клуб» и индивидуальное психологическое консультирование. Выделены особенности каждого этапа, показана роль личного опыта в снижении социальной изоляции семьи, уменьшении эмоционального напряжения и создании условий для социализации ребёнка.

Abstract. The paper examines a model of psychological support for families with children with hearing impairment, based on the peer-to-peer principle and personal parental experience. The practical work of the project 'Together with You 2.0' by the non-profit organization 'The Joy of Hearing!' is analyzed. Four stages of assistance are described: a hotline, mentorship, group meetings 'Moms' Club', and individual psychological counseling. The distinctive features of each stage are highlighted, and the role of personal experience in reducing family social isolation, decreasing emotional stress, and creating conditions for child socialization is demonstrated.

Ключевые слова: нарушение слуха, психологическое консультирование, родительский опыт, равный — равному, принятие диагноза, социальная адаптация, детско-родительские отношения.

Keywords: hearing impairment, psychological counseling, parental experience, peer to peer, diagnosis acceptance, social adaptation, parent-child relations

Введение

Постановка ребёнку диагноза «нарушение слуха» запускает в семье глубокий психологический кризис. По сведениям Всемирной организации здравоохранения, нарушения слуха зафиксированы у 1,6 миллиарда человек; к 2050 году прогнозируется рост до 2,5 миллиарда, включая 34 миллиона детей [1]. В России насчитывается от 13 до 23,4 миллиона людей с подобными нарушениями, около 10 % из них — дети. На учёте сурдолога в Новосибирской области состоят более 1500 детей, ежегодно

выявляется порядка 300 новых случаев тугоухости у детей. Около 90 % глухих и слабослышащих детей рождаются у слышащих родителей, не имеющих собственного опыта проживания сенсорного дефицита и не готовых к возникшим трудностям.

Сразу после сообщения диагноза мать и другие члены семьи переживают острый стресс. Т. Г. Богданова указывает, что нарушение слуха меняет всю систему психического развития ребёнка, поскольку речь служит средством общения, орудием мышления, регуляции поведения и усвоения социального опыта [2, с. 48]. Родители часто объясняют поведенческие сложности ребёнка его личностными качествами, не связывая их с сенсорным дефицитом. Это провоцирует неадекватные воспитательные реакции и рост напряжения в детско-родительских отношениях [6]. Состояние матери в этот период характеризуется растерянностью, тревогой, чувством вины, социальной изоляцией. Семья сужает круг общения, матери нередко оставляют профессиональную деятельность, а часть семей распадается под воздействием эмоциональной нагрузки [5].

При отсутствии своевременной психологической поддержки ребёнок рискует закрепиться в иждивенческой позиции, остаться в социальной и психологической изоляции. Без сформированных навыков коммуникации и принимающей семейной среды он, став взрослым, с высокой вероятностью не сможет трудоустроиться и будет зависеть от государственной помощи. Если же семья получает грамотную психолого-педагогическую помощь, ребёнка удаётся максимально социализировать: он получает образование, осваивает профессию, становится активным участником общественной жизни.

Традиционная система сопровождения семей с детьми с ОВЗ не всегда отвечает запросам родителей. И. Ю. Левченко и В. В. Ткачева подчёркивают: родители жалуются, что специалисты дают рекомендации без учёта реальной семейной ситуации [4, с. 82]. Один из самых частых запросов — потребность быть услышанным и понятым на глубоком человеческом уровне. Поэтому особую ценность приобретает участие в процессе помощи специалистов, имеющих личный опыт проживания подобной ситуации (собственные дети или близкие родственники с нарушением слуха). Такие помощники способны не только проявить профессионализм и эмпатию, но и предложить проверенные личным опытом алгоритмы действий, что значительно повышает доверие родителей и продуктивность консультативной работы.

Цель настоящей статьи — проанализировать модель психологической

поддержки, выстроенную на принципе «равный — равному» и интеграции родительского опыта.

Основная часть

Исследование проведено на базе АНО «Счастье слышать!», которая девять лет объединяет семьи с глухими и слабослышащими детьми. Проект «Вместе с тобой 2.0» апробировал поэтапную модель сопровождения, объединившую профессиональную психологическую помощь и ресурс личного опыта родителей, уже прошедших принятие диагноза и успешную абилитацию ребёнка. Ниже представлены четыре последовательных этапа и их особенности.

Этап 1. Горячая линия: первичная диагностика и установление контакта.

Первый контакт семьи с проектом происходит через горячую линию. На звонок отвечает специалист, воспитывающий ребёнка с нарушением слуха. В ходе короткой структурированной беседы выясняются диагноз, степень потери слуха, возраст ребёнка, уровень развития речи, включённость в семейную коммуникацию, а также эмоциональное состояние матери. Фактически специалист определяет, на какой стадии проживания диагноза находится семья: шока, отрицания, гнева или депрессии. Е. Г. Речицкая и Е. В. Кулакова отметили, что непонимание специалистом стадии переживания родителей становится барьером для оказания помощи [6, с. 72]. Специфика этого этапа состоит в том, что родитель с первых минут слышит голос человека, прошедшего аналогичный путь. Это разрушает барьер недоверия и страх остаться непонятым, закладывая основу для дальнейшей работы. Собранная информация служит для индивидуального подбора наставника.

Этап 2. Наставничество «равный — равному»: формирование надежды.

По итогам первого этапа для семьи подбирается наставник — более опытный родитель, чья исходная история близка к ситуации обратившейся семьи (сходные диагноз, возраст ребёнка на момент его постановки, состав семьи). Принципиальное отличие: ребёнок наставника к настоящему времени успешно осваивает образовательную программу и демонстрирует хорошую динамику в развитии речи и коммуникативных умений. Общение выстраивается по принципу «равный — равному», где опытный родитель выступает наставником. Часто контакты переходят в дружеские отношения, совместные прогулки и визиты в гости. Практика показывает, что родители, включённые в сообщества и группы поддержки, показывают значимо более низкий

уровень стресса и быстрее достигают стадии принятия по сравнению с изолированными от такой поддержки. Видя конкретный пример гармоничной, счастливой семьи с социализированным ребёнком, мать начинает верить в возможность успешного развития собственного ребёнка. Происходит трансформация убеждений: диагноз перестаёт восприниматься как окончательный исход и начинает рассматриваться как сложный, но преодолимый этап, требующий пересмотра жизненного вектора. Этот этап становится поворотным в проживании кризиса, поскольку затрагивает не только когнитивный, но и эмоциональный уровень: мать видит, что можно быть счастливой, воспитывая ребёнка с нарушением слуха.

Этап 3. «Мамский клуб»: групповая терапия и обмен опытом.

После достижения относительной эмоциональной стабилизации родитель получает приглашение на групповые встречи «Мамский клуб». Формат ориентирован на создание безопасной творческой среды. Встречи проходят в виде мастер-классов, тематических психологических бесед и иных досуговых мероприятий, подобранных с учётом интересов участниц. В процессе неформального общения происходит интенсивный обмен опытом и практическими приёмами взаимодействия с ребёнком. A. Zaidman-Zait с коллегами отмечают, что социальная изоляция выступает одним из наиболее значимых предикторов высокого родительского стресса, и её преодоление через включение в группу становится значимым терапевтическим фактором [3, с. 49]. Обязательное условие — присутствие профессионального психолога. Психолог модерирует встречи, избегая тем, способных травмировать неготовых родителей, и направляет дискуссию в конструктивное русло. Сочетание неформального досуга с профессиональной модерацией даёт участницам практическую пользу от общения без риска ретравматизации.

Этап 4. Индивидуальное психологическое консультирование: глубинная проработка.

Параллельно с наставничеством и групповой работой семья посещает индивидуальные консультации психолога, который сопровождает её весь необходимый период. Если предыдущие этапы делают акцент на эмоциональной поддержке, социальном включении и обмене опытом, то здесь реализуется углублённая проработка личных трудностей. Е. А. Савина и А. В. Веденеева показали, что когнитивно-поведенческие техники дают эффективность в снижении тревоги и депрессивной

симптоматики у родителей. Психолог помогает проработать чувство вины, тревогу о будущем, гармонизировать детско-родительские отношения, смещая фокус с дефекта ребёнка на его личностные ресурсы. Л. М. Шипицына подчёркивает: поведенческие трудности ребёнка с нарушением слуха чаще всего вызваны коммуникативным барьером, и осознание родителями этого факта само по себе снижает напряжение в семье [6, с. 162]. Индивидуальное сопровождение обеспечивает целостность психологической помощи, постепенно подводя семью к стадии подлинного принятия.

Заключение

Опыт АНО «Счастье слышать!» и проекта «Вместе с тобой 2.0» показывает, что модель психологической помощи по принципу «равный — равному» обладает рядом преимуществ. Семья с ребёнком с нарушением слуха нуждается не только в клинической и педагогической поддержке, но и в восстановлении чувства надежды. Такое восстановление становится возможным при встрече с конкретным успешным опытом другого человека. Личный опыт наставника и специалиста, имеющего ребёнка или близкого родственника с нарушением слуха, выступает незаменимым ресурсом. Он позволяет транслировать основанное на личном опыте понимание ситуации, которому родители доверяют значительно больше, чем формальным рекомендациям.

Поэтапная система от горячей линии и наставничества к групповой работе и индивидуальной терапии обеспечивает комплексное сопровождение семьи на всех стадиях принятия диагноза. В итоге мать преодолевает стресс, возвращается к социальной и профессиональной активности, формирует адекватную воспитательную позицию. Это создаёт основу для полноценной социализации ребёнка. Ребёнок получает шанс выйти из изоляции и иждивенческой позиции, стать активным гражданином, способным самостоятельно учиться, работать и реализовывать собственные стремления.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Глухота и потеря слуха: основные факты [Электронный ресурс]. // Официальный сайт ВОЗ.обращения: 05.06. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/deafness-and-hearing-loss (дата обращения: 10.05.2026).

2. Богданова Т. Г. Сурдопсихология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Т. Г. Богданова. – М.: Академия, 2002. – 224 с.

3. A. Zaidman-Zait, D. Most, R. Tarrasch. Zaidman-Zait A. The Impact of Childhood Hearing Loss on the Family: Mothers' and Fathers' Stress and Coping Resources // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. – 2016. – № 1. – P. 47–56.

4. Левченко И. Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребёнка с отклонениями в развитии: метод. пособие / И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева. – М.: Просвещение, 2008. – 239 с.

5. Ткачева В. В. Технологии психологической помощи семьям детей с ограниченными возможностями здоровья: учебник / В. В. Ткачева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 315 с.

6. Речицкая Е. Г. Психологические аспекты семейного воспитания детей с нарушениями слуха / Е. Г. Речицкая, Е. В. Кулакова. – М.: ВЛАДОС, 2019. – 206 с.

Гаранжа Анастасия Владимировна
Garanzha Anastasia Vladimirovna
старший преподаватель кафедры общей и дифференциальной психологии
Санкт-Петербургское ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»
e-mail: a.garanzha@inbox.ru

Цуканова Мария Владимировна
Tsukanova Maria Vladimirovna
студент
Санкт-Петербургское ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»
e-mail: tsukanova.mari99@gmail.com

ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСТВОМ У МАТЕРЕЙ

PERSONAL CORRELATES OF PARENTING SATISFACTION IN MOTHERS

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных коррелятов удовлетворенности материнством у российских матерей. Выявлено, что чем сильнее выражены перфекционистские установки у матерей, в частности социально-предписанный перфекционизм, копинг-стратегия избегания и установка на строгость воспитания, тем ниже общая удовлетворённость материнством и тем менее вероятно использование планирующих конструктивных стратегий совладания. Обозначены ограничения исследования и дальнейшие перспективы.

Abstract. This article presents the results of an empirical study examining the personal correlates of maternal satisfaction among Russian mothers. The findings reveal that the more pronounced perfectionistic attitudes, particularly socially prescribed perfectionism, the avoidance coping strategy, and the attitude toward strict parenting, are, the lower the overall maternal satisfaction and the less likely the use of constructive planning coping strategies. The study's limitations and future directions are outlined.

Ключевые слова: удовлетворенность материнством, интенсивное родительство, перфекционизм, родительские установки, совладающее поведение матерей.

Keywords: maternal satisfaction, intensive parenting, perfectionism, parental attitudes, maternal coping behavior.

Современные исследователи материнства наряду с дискуссиями о кризисе семьи, изменениями отношения к родительству, высокой ориентацией современных женщин на реализацию карьерных притязаний отмечают, что родительство продолжает оставаться одной из значимых сфер в жизни взрослых людей [3].

Наблюдается также трансформация родительства из естественного этапа жизненного цикла семьи в осознанный, ответственный выбор в качестве сферы самореализации, поддерживаемый демографической политикой и повышением статуса

материнства в России. Родительство воспринимается как новая сфера деятельности, освоение которой требует от родителей знаний, навыков и предполагает определенный уровень развития личности и ее вовлеченности в жизнь ребенка. Однако исследователи отмечают парадокс такой трансформации родительства. С одной стороны, родительсво может сопровождаться чувством удовлетворения от самореализации в новой роли, а с другой - повышенным родительским стрессом и чувством вины из-за несоответствия высоким требованиям [5].

В российской науке чаще всего исследуется удовлетворенность материнством, которое рассматривается как «эмоционально-оценочное восприятие матери взаимоотношений со своим ребенком, себя в роли матери и характера осуществления материнской функции» [2, с. 1227]. Данный феномен в настоящее время активно изучается в контексте интенсивного родительства [4], как совокупности установок, отражающих современный тренд на детоцентричность и высокие требования к готовности родителей к освоению новой роли. Такие требования могут активизировать перфекционистские установки личности, которые проявляются в склонности предъявлять к себе и результатам своей деятельности высокие требования [1]. Среди причин перфекционизма авторы выделяют влияние общекультурных изменений [1]. Культ успеха и высоких достижений, характерный для современного общества создают благоприятную почву для усиления перфекционистских установок, влияние которых можно проследить в разных сферах жизнедеятельности. Широко известны исследования перфекционизма в контексте трудовой деятельности [8], учебной, преимущественно на студенческих выборках [7], а также в контексте удовлетворенности жизнью в целом [6]. Существуют отдельные зарубежные исследования, которые показывают положительную связь удовлетворенности родительством с самоориентированным перфекционизмом, и отрицательную связь с социально предписанным перфекционизмом [9], однако в российской науке данные о связи перфекционизма с удовлетворенностью родительской ролью не представлены.

Цель исследования состояла в изучении личностных коррелятов удовлетворенности материнством. Предполагалось, что у матерей существует взаимосвязь между отдельными аспектами удовлетворенности материнством, спецификой перфекционизма, родительскими установками и установками на интенсивное родительство, а также предпочитаемыми копинг-стратегиями.

В исследовании приняли участие 30 матерей в возрасте от 21 до 45 лет. Из них 20% относятся к возрастной группе 21–25 лет, 26,7% — к группе 25–30 лет, 20% — 31–35 лет, 23,3% — 36–40 лет и 10% — 41–45 лет. Большинство участниц имеют одного ребенка (63,3%), 30% — двух детей, и по 3,3% — трех и четырех детей соответственно. Все мамы имели хотя бы одного ребенка раннего и дошкольного возраста. Дети у всех респондентов были физически и ментально здоровы. 90% матерей замужем, 10% в разводе. Трудоустроены 63,3% женщин, что отражает тенденцию активного участия мам в трудовой деятельности, несмотря на сочетание обязанностей по уходу за детьми. Остальные 36,7% женщин не заняты в настоящее время, что может быть связано с уходом за ребенком или другими факторами.

Методы исследования: опросник удовлетворенности материнством (Е.И. Захарова); Трехфакторный опросник перфекционизма (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова) WCQ (Способы совладающего поведения, R. Lazarus, S. Folkman, 1988, адаптации НИПНИ, 2009); Опросник установок на интенсивное родительство (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire, M.Liss et al., 2013, адаптация Ю.В. Мисиюк, А.И. Прихидько, П.С. Рогачевой, 2020–2022), Опросник PARI (Измерение родительских установок и реакций), Е.С. Шефер и Р.К. Белл, адаптированных на российской практике (Т.В. Нещерет)

Результаты и их обсуждение. Для проверки гипотезы о существовании значимых взаимосвязей между удовлетворенностью родительством и особенностями проявления перфекционизма, совладающего поведения и установок в отношении родительства был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Смирмана. Значимые взаимосвязи представлены в виде корреляционной плеяды на рисунке 1.

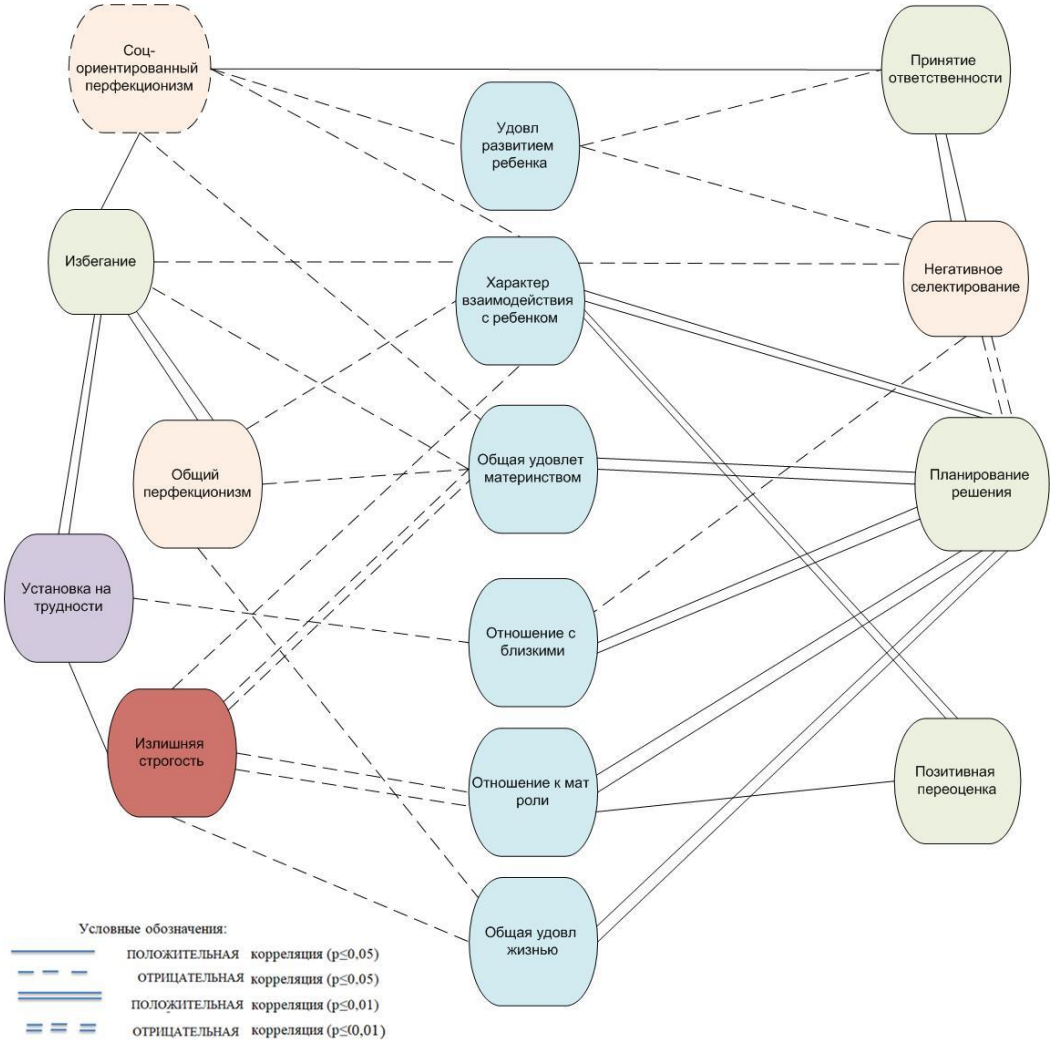


Рисунок 1. Корреляционная плеяда по всем изучаемым переменным

Перфекционизм, как и предполагалось, также показал значимые связи с удовлетворенностью материнством. Удовлетворенность развитием ребенка отрицательно связана с социально-предписанным перфекционизмом («озабоченность оценками» r=-0,374; p=0,042), что говорит о зависимости матерей от внешних оценок. Отрицательная связь удовлетворенности материнством с негативным селектированием (r=-0,459; p=0,011) говорит о том, что мамы с перфекционистскими установками в контексте взаимодействия с ребенком в большей мере склонны концентрироваться на своих несовершенствах, недостатках и ошибках, игнорирую при этом свои успехи и достижения. Эти данные приобретают особую значимость в контексте высокой социальной нормативности и давления, в том числе со стороны социальных сетей, где идеализированные образы материнства и детского развития могут усиливать субъективное чувство несоответствия внешним стандартам. Не показал значимых связей с удовлетворенностью материнством самоориентированный перфекционизм.

Полученные данные лишь частично подтверждают результаты исследования Lee et al. (2012), и в нашем исследовании это может объясняться ограниченным размером выборки или культурно-специфическими различиями.

Были выявлены тесные положительные взаимосвязи между копингом «планирование решения» практически со всеми шкалами опросника удовлетворенности материнством: характер взаимодействия с ребенком (r=0,535, p=0,002), общая удовлетворенность материнством (r=0,558, p=0,001), отношение с близкими (r=0,500, p=0,005), отношение к материнской роли (r=0,447, p=0,013); общая удовлетворенность жизнью (r=0,514, p=0,004). Таким образом, данный копинг оказался наиболее устойчиво связанным с удовлетворенностью материнством. Чем активнее мама в сложной ситуации готова анализировать ситуацию, рассматривать разнообразные стратегии решения и планомерно их реализовывать, тем выше удовлетворенность разными аспектами материнства. Планирование в данном контексте выступает как ресурс и связано с позитивным опытом материнства и жизни в целом, вероятно за счет усиления субъектности и активной позиции в отношении материнской роли. Данная стратегия не показала связи только со шкалой «удовлетворенность развитием ребенка». Вместе с тем, этот компонент отрицательно коррелирует с копингом «принятие ответственности» (r=-0,386; p=0,035). Принятие ответственности при умеренном ее использовании является адаптивной копинг-стратегией, однако в данной выборке её выраженность в контексте материнства может быть связана с усилением самокритики и чувства вины при невозможности достичь ожидаемых результатов в развитии ребёнка. В связи с этим по отношению к удовлетворённости развитием ребёнка данная стратегия может иметь менее конструктивное значение. Адаптивный потенциал показал копинг «позитивная переоценка». Данная стратегия положительно сопряжена с удовлетворенностью материнской ролью (r=0,386; p=0,035) и характером взаимоотношения с ребенком (r=0,401; p=0,028), что говорит о значимости позитивного восприятия трудностей, с которыми сталкиваются матери при освоении материнской роли и взаимодействии с ребенком.

Большинство установок на интенсивное родительство не показали значимых взаимосвязей с удовлетворенностью материнством, кроме установки на трудности родительства. Данная шкала отражает убежденность матерей, что материнство — это тяжелый труд, требующий серьезных усилий, энергии и времени. Чем сильнее мамы в

этом убеждены, тем менее они удовлетворены отношениями с близкими, меньше ощущают поддержку и признание их значимости (r=-0,371; p=0,044). Полученный результат согласуется с ранее установленными данными при апробации опросника установок на интенсивное родительство на российской выборке (Мисиюк, 2022). Установка на трудности также сопряжена с копинг-стратегией избегание (r=0,508; p=0,004), как неконструктивным способом совладания. Чем сильнее выражена установка на трудности материнства, тем чаще мамы стремятся отвлечься, уклониться от негативных переживаний, что может временно снизить эмоциональное напряжение, но в долгосрочной перспективе приводить к накоплению нерешенных проблем.

Также установка на трудности положительно связана с установкой на строгость и требовательность по отношению к ребенку (r=0,371; p=0,044). Матери, которые воспринимают материнство как трудную жизненную задачу, вероятно, применяют более жёсткие, контролирующие или требовательные родительские практики. Данная родительская установка на строгость в воспитании связана с 4 из 6 аспектов удовлетворенности материнством, что требует подробного анализа. Установка матери на излишнюю строгость отрицательно связана с удовлетворенностью взаимодействием с ребенком (r=-0,425; p=0,019), удовлетворенностью материнской ролью (r=-0,531; p=0,003), общим уровнем удовлетворенности материнством (r=-0,486; p=0,006) и общим уровнем удовлетворенности жизнью (r=-0,408; p=0,025). Это указывает на то, что более строгий, контролирующий стиль воспитания ассоциирован с меньшей удовлетворенностью характером отношений с ребенком. Отношения с ребенком могут восприниматься как менее тёплые и более дистанцированные, что может нарушать эмоциональную доступность мамы, снижая субъективную удовлетворенность материнством.

Таким образом, чем сильнее выражен общий перфекционизм, особенно социально-предписанный, чем чаще мамы прибегают к неадаптивной стратегия избегания и ориентированы на строгость в воспитании, тем ниже общая удовлетворённость материнством и тем менее вероятно использование планирующих конструктивных стратегий совладания в ситуации трудностей.

Среди ограничений исследования следует отметить его кросс-секционный характер, не позволяющий делать выводы о причинно-следственных связях, небольшой объём выборки, а также отсутствие данных о включённости отца в родительство.

Перспективы дальнейших исследований включают изучение характера взаимоотношений матери и ребёнка, их эмоциональной близости, а также роли конкретных воспитательных практик в формировании удовлетворённости материнством. Эти направления требуют применения качественных методов исследования, но могут существенно углубить понимание субъективного опыта материнства и связанных с ним ожиданий и трудностей. Кроме того, за рамками настоящего исследования осталась вовлечённость отца в родительство и её связь с удовлетворённостью материнством, а также характер супружеских отношений, который может вносить значимый вклад в удовлетворённость материнством.

Литература:

1. Гаранян Н.Г., Холмогорова, А.Б., Юдеева Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии. Консультативная психология и психотерапия, 2018. Том 26 № 3. С. 8–32. https://doi.org/10.17759/cpp.2018260302

2. Захарова Е. И. Условия удовлетворенности материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста / Захарова Е. И., Калачева Н. Ю. // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №28.

3. Захарова Е. И. Психология освоения родительства: науч. моногр. / Е.И. Захарова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 258 с. ISBN 978-5-7017-2334-2

4. Мисиюк Ю. В. Эмоционально-оценочные характеристики самовосприятия матери в контексте интенсивного родительства // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 1. С. 84–91. DOI: 10.34216/2073-1426-2022-28-1-84-91.

5. Одинцова, О. Ю. Трансформации современного родительства: психологические аспекты / О. Ю. Одинцова, Ю. В. Мисиюк. – Кострома: Костромской государственный университет, 2022. – 240 с. – ISBN 978-5-8285-1228-7. – EDN MYDOMV.

6. Тарасова Л. Е. Перфекционизм в контексте субъективного благополучия личности // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. №4 (194). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perfektsionizm-v-kontekste-subektivnogo-blagopoluchiya-lichnosti (дата обращения: 24.06.2026).

7. Холмогорова А. Б., Гаранян Н.Г, Цацулин Т.О. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование // Культурно-историческая психология. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 41–50.

8. Шарапова А.В. Перфекционизм на рабочем месте: открытия и противоречия эмпирических исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 122—130. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.202514011 URL: jmfp_2025_n1_Sharapova.pdf (Дата обращения: 24.06.2026).

9. Lee M. A., Schoppe-Sullivan S. J., Kamp Dush C. M. Parenting Perfectionism and Parental Adjustment // Personality and Individual Differences. — 2012. — Vol. 52, № 3. — С. 454–457. — DOI: 10.1016/j.paid.2011.10.047. URL: Parenting Perfectionism and Parental Adjustment - PubMed (Дата обращения: 24.06.2026).

Проскурякова Ксения Евгеньевна
Proskuryakova Ksenia Evgenievna
воспитатель высшей категории
Филиал детского сада комбинированного вида «Надежда»
Детский сад комбинированного вида № 576

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ДОУ

MODERN FORMS OF WORK WITH PARENTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и дольше всего — люди.
Из них на первом месте — родители и педагоги.
А. С. Макаренко

Аннотация. В статье освещаются актуальные аспекты организации взаимодействия дошкольных образовательных учреждений с семьями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья. Проводится анализ традиционных и инновационных подходов к сотрудничеству, способствующих росту психолого-педагогической грамотности родителей и их вовлечённости в коррекционно-педагогическую деятельность. Отдельное внимание уделяется применению цифровых технологий и интерактивных методов как эффективных средств современного взаимодействия.

Abstract. The article addresses the problem of organizing effective interaction between preschool educational institutions and families raising children with disabilities (CD) in the context of inclusive education. The relevance of the study is determined by the need to shift from formal informing of parents to their full subjective participation in the correctional and developmental process. The author analyzes traditional and innovative approaches to cooperation, identifying their advantages and limitations. Particular emphasis is placed on the potential of digital technologies and interactive forms of work (remote consultations, online workshops, multimedia libraries) as tools for enhancing parents' psychological and pedagogical competence and reducing their emotional stress. The conclusion substantiates that the integration of innovative methods into the system of interaction between preschool institutions and families not only increases parental engagement, but also improves the overall effectiveness of correctional work.

Ключевые слова: инклюзивное обучение, дети с ограниченными возможностями здоровья, дошкольное образовательное учреждение, сотрудничество с родителями, инновационные формы работы, психолого-педагогическая компетентность.

Keywords: inclusive education, children with disabilities, preschool educational institution, parent-teacher collaboration, correctional pedagogy, digital educational resources, psychological and pedagogical competence, interactive methods.

Введение

В числе ведущих приоритетов современной образовательной системы — гарантия

доступности и высокого качества образования для всех обучающихся, в том числе для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования подчёркивает значимость тесного взаимодействия педагогического состава с семьями воспитанников как одного из решающих факторов успешной социализации и личностного становления ребёнка. Для детей с ОВЗ семья является не только средой воспитания, но и важнейшим звеном коррекционного процесса, поскольку именно близкие люди способны поддерживать непрерывность и систематичность психолого-педагогического сопровождения. Следовательно, дошкольные образовательные учреждения (ДОУ) должны находить и внедрять такие формы контакта с родителями, которые соответствуют современным запросам и позволяют эффективно выстраивать работу с семьями, имеющими детей с особыми образовательными потребностями [6, с. 1].

1. Необходимые знания для родителей детей с ОВЗ в преодолении трудностей

Рождение или выявление у ребёнка ограничений по здоровью становится для семьи серьёзным психологическим потрясением. Чтобы оказать ребёнку действенную помощь, способствовать его социализации и компенсации нарушений, родителям требуется планомерно развивать свою психолого-педагогическую компетентность.

Первоочередная задача — смирение с установленным диагнозом. Эмоциональный путь родителей, как свидетельствует практика, проходит через несколько этапов: отрицание (постоянные визиты к разным специалистам в поисках иного заключения), агрессия (направленная на себя, супруга или врачей), самообвинение и, в итоге, эмоциональное принятие ситуации. Подобный процесс может длиться от шести месяцев до года и является естественной реакцией на психологическую травму. Рациональный подход предполагает деятельное участие в разрешении возникающих трудностей, освоение новых ресурсов и корректировку того, что поддаётся изменению, одновременно с признанием объективных ограничений. Родителям важно усвоить: возникновение нарушений у ребёнка — не их вина.

Кроме того, родителям следует знакомиться с основами специальной педагогики и психологии, а именно:

– разбираться в этиологии нарушений. Понимание биологических (родовые травмы, кислородное голодание) и социальных (педагогическая причин отклонений позволяет верно оценивать потенциал ребёнка и выстраивать адекватную стратегию

воспитания;

– овладевать коррекционными методиками. Важно осваивать конкретные упражнения для развития речи, моторики, мышления, предлагаемые специалистами (педагогом-психологом, учителем-логопедом, дефектологом), и применять их в домашней обстановке. Такие занятия требуют ежедневного и последовательного проведения — только так можно достичь значимых результатов.

Результативная поддержка ребёнка возможна исключительно при налаженном партнёрстве семьи и образовательной организации. Наиболее успешная реабилитация наблюдается в тех случаях, где родители активно сотрудничают с педагогами, психологами, логопедами, дефектологами и медицинскими работниками. Отсутствие любого из этих компонентов нередко влечёт застой в развитии и слабую положительную динамику. Доверительность, профессиональный подход и чувство ответственности сторон служат основой плодотворного взаимодействия.

2. Традиционные формы взаимодействия: от информирования к сотрудничеству

В устоявшейся практике работы ДОУ с родителями применяются как персональные, так и групповые формы, зарекомендовавшие себя с положительной стороны. Среди них — персональные беседы с профильными специалистами (логопедом, дефектологом, психологом), родительские собрания и лекционные встречи, а также дневники обратной связи, где фиксируются рекомендации по выполнению заданий дома [6, с. 2].

Опыт свидетельствует, что результативность привычных форматов ощутимо возрастает, если они обретают диалоговый характер. Родительские лектории всё чаще трансформируются в практические занятия, где участники не просто воспринимают информацию, а тренируют конкретные навыки: отрабатывают артикуляционные упражнения, осваивают приёмы стимуляции мелкой моторики, способы формирования базовых математических представлений. Благодаря такой организации родители перестают быть пассивными слушателями и превращаются в активных участников коррекционного процесса, что крайне значимо при работе с детьми, страдающими тяжёлыми нарушениями речи [5, с. 1].

3. Современные интерактивные подходы во взаимодействии с семьёй

В эпоху активного развития информационных технологий и изменения

социально-психологического портрета современных родителей педагогические команды ДОУ всё чаще обращаются к новым, нестандартным формам работы. Их ключевые черты — высокая востребованность, креативность, интерактивность и нацеленность на выстраивание неформальных, доброжелательных отношений [6, с. 1].

3.1. Проектная деятельность как инструмент объединения

Организация совместных творческих проектов, вовлекающих родителей, детей и педагогов, превращается в действенный инструмент формирования единого образовательного поля. В рамках таких проектов проводятся художественные выставки, тематические мероприятия, общественно значимые акции, разнообразные конкурсы. Родители принимают участие на каждом этапе — от зарождения замысла до подведения итогов, что позволяет им глубже осознавать образовательные цели и ощущать себя частью общего дела [6, с. 3]. Такое сотрудничество даёт содержательный и качественный результат для всех вовлечённых сторон.

В условиях современных геополитических вызовов всё более значимыми становятся совместные образовательные проекты, направленные на речевое развитие детей сквозь призму регионального культурного контекста. Подобные инициативы помогают формировать у детей задатки гражданского самосознания, патриотические чувства и систему базовых ценностей, знакомят с историей страны, культурой родного края и народными традициями. Совместная работа позволяет параллельно решать коррекционные задачи, укреплять детско-родительские связи и расширять кругозор ребёнка [1, с. 1].

3.2. Досуговые мероприятия и экскурсионные программы

Одним из самых убедительных способов сближения семьи и дошкольного учреждения признаны совместные досуговые мероприятия. Литературно-музыкальные гостиные, театрализованные постановки, праздничные программы, приуроченные ко Дню матери или Дню защитника Отечества, обеспечивают атмосферу эмоциональной близости и включённости всех участников [6, с. 3].

Особого упоминания заслуживают «экскурсии выходного дня» — формат, позволяющий детям, родителям и педагогам провести время в неформальной обстановке. Для ребёнка с ОВЗ, испытывающего коммуникативные трудности и сложности в социальной адаптации, присутствие родителя служит источником уверенности и защищённости, что значительно облегчает знакомство с окружающим

миром. Визиты в музеи, театры, парки при участии работников ДОУ активизируют познавательный интерес и обогащают социальный опыт [6, с. 3–4].

3.3. Мастер-классы как способ трансляции практических умений

Мастер-классы строятся по принципу «я знаю и готов поделиться», создавая обстановку открытости и сотворчества. На таких занятиях педагоги представляют родителям оригинальные методы воспитания и обучения, фокусируясь не только на всестороннем развитии, но и на отработке отдельных умений: стимуляции моторики, развитии творческих способностей, знакомстве со средствами альтернативной коммуникации. Родители, получив новые навыки, могут использовать их дома, что позволяет сохранять непрерывность коррекционной работы [6, с. 3].

3.4. Сторителлинг как инновационный приём

Перспективной инновацией является технология «Сторителлинг» — конструирование повествований с применением наборов картинок или кубиков. Данный подход активно внедряется в практику работы с детьми с тяжёлыми нарушениями речи, поскольку в игровой форме способствует развитию связной речи, воображения и креативности. Вовлечение родителей в сочинение историй увеличивает коррекционный эффект и превращает занятие в увлекательное совместное времяпрепровождение [5, с. 1].

4. Цифровые средства в системе общения с родителями

Цифровизация образования создаёт дополнительные возможности для быстрого и качественного общения с родителями, особенно если они не имеют возможности регулярно посещать дошкольное учреждение.

Дистанционные консультации стали востребованным форматом, позволяющим логопедам, дефектологам и психологам оказывать профессиональную поддержку семьям удалённо. Это особо актуально для семей, живущих в отдалённых местностях или стеснённых во времени [1, с. 1].

Родительские группы в мессенджерах применяются для распространения оперативных новостей, методических материалов и организации обратной связи. Такой формат гарантирует быстрое информирование и постоянное поддержание контакта [6, с. 3].

«Инклюзивный букридер» представляет собой еженедельный фото- или видеоотчёт в закрытых сообществах, где педагоги с разрешения родителей публикуют

заметки об успехах детей. Фиксация положительных изменений позволяет формировать позитивное отношение к воспитательно-образовательному процессу [2, с. 1].

Кроме того, применяются «Почтовый ящик» и «Телефон доверия» для анонимных обращений родителей, что даёт возможность выявить действительные проблемы и запросы, о которых семьи стесняются говорить открыто [6, с. 3].

5. Специфика взаимодействия с родителями в инклюзивных группах

Работа с родителями в группах комбинированной направленности, где совместно занимаются как дети с типичным развитием, так и дети с ОВЗ, требует особой тактики. Необходимо одновременно поддерживать семьи детей с особыми потребностями и воспитывать толерантное отношение у родителей всех остальных воспитанников. С этой целью организуются тренинговые и практические занятия, на которых обсуждаются особенности развития детей с ОВЗ и совместно ищутся варианты эффективного взаимодействия [2, с. 1].

Создание объединений родителей из разных групп, объединяющих семьи детей с ОВЗ и семей с нормативным развитием, обогащает родителей опытом, расширяет социальные контакты и убеждает их в том, что они не остаются один на один со своими трудностями. Семейные марафоны в игровом формате учат детей и взрослых сотрудничеству в группе, способствуют развитию инициативы и самостоятельности, укрепляют доверие между всеми сторонами образовательного процесса [3, с. 1].

Заключение

Нынешние формы сотрудничества с родителями детей с ОВЗ являют собой гибкую, постоянно эволюционирующую систему, соединяющую испытанные временем технологии и новаторские решения. Основная тенденция — переход от однонаправленного информирования к диалогу и партнёрству, строящимся на принципах открытости, доверия и взаимной ответственности.

Использование цифровых инструментов повышает доступность и оперативность оказания помощи, а интерактивные техники (проекты, мастер-классы, круглые столы, клубные часы для детей и родителей, сторителлинг) придают взаимодействию содержательность и личностную значимость. Продуманное сочетание классических и нетрадиционных форм позволяет педагогам ДОУ не только увеличивать психолого-педагогическую грамотность родителей, но и выстраивать единое сообщество «ребёнок — педагог — семья», что становится обязательным условием полноценной

социализации и развития ребёнка с ограниченными возможностями здоровья.

Литература:

1. Варлашова, И. А. Методический семинар для учителей-логопедов и учителей-дефектологов ДОУ: «Разработка новых, эффективных форм взаимодействия с родителями для поддержки ребенка с ОВЗ вне занятий, включая онлайн-консультации» [Электронный ресурс] / И. А. Варлашова. — Режим доступа: http://cdik-center.ru/nashi-meropriyatiya/projects/1927/ (дата обращения: 29.06.2026).

2. Инклюзивное образование как фактор личностного развития ребёнка с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://urok.1sept.ru/publication/206727 (дата обращения: 29.06.2026).

3. Косилова, Ю. А. Практика инклюзивного образования в дошкольной организации: адаптация, взаимодействие, развитие [Электронный ресурс] / Ю. А. Косилова. — Режим доступа: https://infourok.ru/praktika-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-doshkolnoj-organizacii-adaptaciya-vzaimodejstvie-razvitie-8185188.html (дата обращения: 29.06.2026).

4. Косяк, Е. Н. Заседание районного методического объединения учителей-логопедов дошкольных образовательных учреждений по теме «Работа с семьёй ребёнка — дошкольника с ОВЗ в условиях ФГОС» [Электронный ресурс] / Е. Н. Косяк. — Режим доступа: https://ds-novopushkinskoe-r64.gosweb.gosuslugi.ru/nash-detskiy-sad/novosti-i-sobytiya/zasedanie-rayonnogo-metodicheskogo-obedineniya.html (дата обращения: 29.06.2026).

5. Савкина, Н. С. Учителя-логопеды ДОУ Ленинского и Балаклавского районов обсудили актуальные вопросы взаимодействия с семьями детей с ОВЗ [Электронный ресурс] / Н. С. Савкина. — Режим доступа: https://www.sev-iro.ru/news/3258.html (дата обращения: 29.06.2026).

6. Чубукова, И. В. Современные формы коммуникаций педагогов и родителей детей с ОВЗ в ДОУ [Электронный ресурс] / И. В. Чубукова. — Режим доступа: https://infourok.ru/sovremennye-formy-kommunikacij-pedagogov-i-roditelej-detej-s-ovz-v-dou-7586404.html (дата обращения: 29.06.2026).

Ступникова Лада Владимировна
Stupnikova Lada Vladimirovna
доцент кафедры английского языка
ФГБЮОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»
e-mail: stlada07@gmail.com

ОШИБКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE ERRORS IN TRANSLATING ENGLISH LEGAL TEXTS INTO RUSSIAN: TYPOLOGY, CAUSES AND RISK MINIMIZATION STRATEGIES

Аннотация. В статье рассматриваются системные ошибки, допускаемые инструментами искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетевыми системами машинного перевода при переводе англоязычных юридических текстов на русский язык. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выделяются основные типы ошибок, анализируются их причины и потенциальные правовые последствия. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия прямых терминологических соответствий между правовыми системами общего права и континентального права. Обосновывается вывод о необходимости обязательного постредактирования ИИ-переводов специалистами в области права и разработки специализированных обучающих наборов данных для юридической доменной области.

Abstract. The article discusses systemic errors made by artificial intelligence (AI) tools and neural machine translation systems when translating English legal texts into Russian. Based on an analysis of domestic and international research, the study identifies the main types of errors and analyzes their causes and potential legal consequences. Particular attention is given to the lack of direct terminological correspondences between common law and continental law systems, as well as to the architectural features of large language models. The study substantiates the necessity for mandatory post-editing of AI-generated translations by legal professionals and the development of specialized training datasets for the legal domain.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридический перевод, машинный перевод, юридический дискурс, ошибки перевода, большие языковые модели, постредактирование, англо-русский перевод.

Keywords: artificial intelligence, legal translation, machine translation, legal discourse, translation errors, large language models, post-editing, English-Russian translation.

Введение

Внедрение инструментов искусственного интеллекта и нейросетевого машинного перевода в юридическую практику открывает значительные возможности для оптимизации работы с юридическими документами. Автоматизация перевода нормативных актов, контрактов и судебных материалов ускоряет рабочие процессы, снижает затраты и повышает доступность юридической информации. Такие системы,

как Google Translate, Yandex Translate, DeepL и ChatGPT, сегодня широко используются как в профессиональной среде, так и в образовательном процессе.

Однако, как справедливо отмечает П. Джампьери, «точность в переводе общего языка не обязательно распространяется на точность в переводе юридического языка» [Giampieri, 2026, p. 145]. Юридический перевод — один из самых сложных видов перевода, требующий соблюдения предельной точности и грамотности. Малейшая ошибка может привести к серьёзным правовым последствиям: от признания договора недействительным до искажения показаний в судебном процессе.

Особую актуальность данная проблема приобретает в паре языков английский → русский, где глубокие расхождения между правовыми системами (общее право и континентальное право) создают дополнительные сложности, с которыми ИИ-системы не в состоянии справиться без участия человека-эксперта. Как подчёркивается в исследовании С.Г. Ушакова, «особо незаменимой остаётся роль переводчика-человека при переводе объёмных текстов, где важна стандартизация терминов и иных понятий» [Ушаков, 2025, с. 72].

Цель настоящей статьи — систематизировать типичные ошибки ИИ при переводе юридических текстов с английского на русский язык, выявить их причины и предложить стратегии минимизации рисков.

1. Типология ошибок ИИ в юридическом переводе (английский → русский)

В рамках написания данной статьи было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого из англоязычных юридических текстов было выделено 45 предложений, содержащих юридическую терминологию, и осуществлён их перевод на русский язык с помощью Google Translate. Результаты показали, что 44% переводов содержали ошибки, требующие постредактирования. Среди наиболее частотных типов ошибок — ошибочный перевод, неточный перевод и буквальный перевод. Эти данные согласуются с результатами исследования, представленного на конференции TC45, где также отмечается высокий процент ошибок при нейросетевом переводе юридических текстов [TC45, 2023].

Анализ результатов исследования, научной литературы и практических кейсов позволяет выделить три основные категории ошибок, допускаемых системами ИИ при переводе юридических текстов с английского языка на русский.

1.1. Терминологические ошибки.

Наиболее распространённый тип ошибок связан с неспособностью ИИ-систем корректно интерпретировать юридическую терминологию в контексте. Как отмечает П. Джампьери, все автоматизированные переводы «не содержат ссылок на системно-обусловленную терминологию и системно-специфические правовые принципы» [Giampieri, 2026, с. 154]. ИИ-системы не способны однозначно идентифицировать термины (особенно многозначные слова) в контексте.

Классическим примером ошибочного перевода является перевод английского термина “consideration” — ключевого понятия англо-американского договорного права, которое часто ошибочно переводится как «рассмотрение» вместо правильного «встречное удовлетворение». Аналогично “bail” (залог) систематически переводится как «выкуп». “Discovery” в процессуальном контексте трактуется как «открытие» вместо «раскрытие доказательств», а “execution” вне контекста переводится как «казнь», хотя в договорном праве означает «исполнение». Особую сложность представляют термины-словосочетания. “Power of attorney” (доверенность) может быть переведена как «власть адвоката», “quiet enjoyment” (беспрепятственное пользование в аренде) как «тихое наслаждение», а “to serve a notice” (вручить уведомление) как «обслужить уведомление».

Особую сложность для ИИ представляют термины, не имеющие прямых аналогов в российской правовой системе. Юридические документы живут в экосистеме понятий, а не просто слов. Термины вроде consideration, estoppel или tortious liability не имеют прямых аналогов в русском праве. ИИ не учитывает расхождения в правовых системах. Л.Н. Беляева отмечает, «возможности нейросетевого машинного перевода ограничены тем, что алгоритмы оперируют статистическими закономерностями распределения слов, а не правовыми доктринами» [Беляева, 2025, с. 79]. ИИ не сопоставляет контекст исходного документа с реалиями конкретной правовой системы (например, англо-американской и континентальной), что приводит к смысловым искажениям.

1.2. Смысловые ошибки, обусловленные грамматическими и контекстуальными особенностями юридического дискурса.

Особую опасность представляют ошибки, связанные с передачей модальности. В английском языке различие между модальными глаголами “shall” (обязательство) и “may” (право) является критическим для юридических документов. ИИ-системы часто смешивают эти значения, переводя “shall” как «будет», а “may” как «может», что меняет

юридический режим всего документа. ИИ переводит “The Seller shall deliver” как «Продавец поставит» вместо «Продавец обязан поставить», а “If the Buyer fails to pay, the Seller may terminate the contract” как «Если покупатель не заплатит, продавец может прекратить договор» вместо «Если покупатель не заплатит, продавец вправе расторгнуть договор».

Часто наблюдаются ошибки при переводе отрицательных конструкций. Например, “The defendant is not liable unless negligence is proven” было переведено как «Ответчик не несёт ответственности, если халатность не доказана» вместо «Ответчик несёт ответственность только при условии доказанности халатности». ИИ часто путает смысл, создавая неоднозначность: то ли ответственность наступает при отсутствии халатности, то ли наоборот.

Иногда ИИ использует буквальный перевод. Предложение “The burden of proof lies with the claimant” (Бремя доказывания лежит на истце) было переведено как «Бремя доказательства лежит с истцом». Неверный предлог может быть воспринят как указание на то, что истец должен что-то «делать» с бременем, а не несёт его. В судебной практике это критично.

1.3. Ошибки в переводе названий документов, институтов и органов

Наиболее распространённый тип ошибок связан с буквальным переводом составных частей названия без учёта исторического контекста и устоявшихся традиций. “The Act of Settlement 1701” (Акт о престолонаследии) может быть переведён как «Акт об урегулировании» или «Акт о поселении».

Особую сложность представляет перевод названий судебных органов, где даже устоявшиеся варианты могут вводить в заблуждение. “High Court of Justice” (Высокий суд Англии и Уэльса) переводится ИИ как «Высокий суд справедливости».

В странах англо-американской правовой системы широко распространены неофициальные наименования государственных органов, которые вытесняют официальные в повседневном и даже юридическом дискурсе. Английский парламент (UK Parliament) часто называют Westminster. Однако буквальный перевод ИИ «Вестминстер» без пояснения утрачивает отсылку к месту заседаний.

1.4. Ошибки при переводе больших текстов.

При переводе больших текстов ИИ часто не придерживается единообразия при переводе. Один и тот же термин на протяжении документа может переводиться по-

разному. Например, “claimant” в одном абзаце переводится как «истец», а в другом – «заявитель», а “contract” может переводиться как «контракт», «договор» и «соглашение» в рамках одного документа.

Как отмечает С.Г. Ушаков, «особо незаменимой остаётся роль переводчика-человека при переводе объёмных текстов, где важна стандартизация терминов и иных понятий» [Ушаков, 2025, с. 74]. Автор аргументированно обосновывает невозможность полной замены переводчика-человека машиной в юридической сфере.

2. Причины ошибок ИИ в юридическом переводе

2.1. Отсутствие специализированных обучающих данных.

Юридический язык представляет собой особый регистр со своей терминологией, синтаксическими конструкциями и стилистическими нормами. Общие термины часто переводятся неправильно из-за отсутствия специализированных обучающих данных. Большинство ИИ-моделей обучаются на текстах общего назначения, а не на специализированном юридическом дискурсе. Из-за этого при оценке полисемичных слов ИИ выбирает наиболее частотное, общеупотребительное значение, а не узкоспециализированное юридическое.

Юридические тексты перегружены причастными оборотами, инфинитивными цепочками, однородными членами и вводными конструкциями. При обработке предложений объемом в 50–100 слов ИИ «теряет» грамматическую связь между главным субъектом (например, Исполнителем) и его конкретным обязательством в конце синтаксической конструкции, путая права одной стороны с обязанностями другой.

2.2. Отсутствие критического мышления и правовой экспертизы

ИИ-системы не способны оценивать правовые последствия своих переводов. Современные исследователи отмечают, что даже современные нейросетевые системы не способны заменить человека-переводчика в юридической сфере. Они не различают обязательство (shall) и право (may), не учитывают иерархию норм и не осознают различий между правовыми системами. Как подчёркивается в работе С.Г. Ушакова, «невозможность полной замены переводчика-человека машиной в юридической сфере обусловлена, прежде всего, отсутствием у ИИ понимания правовой логики и последствий своих решений» [Ушаков, 2025, с. 78].

3. Правовые последствия ошибок ИИ-перевода

Без проверки человеком ошибки, допущенные ИИ, могут остаться незамеченными и привести к серьёзным правовым последствиям. Среди наиболее опасных последствий:

· недействительность договоров из-за искажения существенных условий;

· судебные ошибки при неверном переводе показаний или доказательств;

· отказ в патентовании из-за неадекватного перевода формулы изобретения;

· иски о профессиональной халатности против юристов, использовавших непроверенные ИИ-переводы;

4. Стратегии минимизации рисков

4.1. Обязательное постредактирование специалистами

Человеческий контроль и юридическая экспертиза остаются центральными для гарантии высокого качества и надёжности результатов юридического перевода.

К. В. Комиссаров рассматривает постредактирование как новую компетенцию переводчика, которая включает в себя технологические навыки и когнитивную деятельность по работе с машинным переводом [Комиссаров, 2025, с. 116].

Постредактирование должно выполняться специалистами, владеющими как английским языком, так и российским правом. Постредактирование превращает черновик, созданный ИИ, в юридически состоятельный документ. Оно включает в себя исправление терминологических неточностей и обеспечение единообразия терминов на всём протяжении текста, устранение смысловых искажений, вызванных непониманием контекста, адаптацию перевода к правовой системе страны-реципиента (например, замена понятий общего права на функциональные аналоги в континентальном праве). Без участия эксперта-юриста, владеющего обоими языками и правовыми реалиями, перевод ИИ не только теряет точность, но и создаёт прямые юридические риски: от недействительности договоров до судебных ошибок. Таким образом, постредактирование выступает обязательной гарантией надёжности, превращая ИИ из источника опасности в эффективный вспомогательный инструмент.

4.2. Использование RAG-систем вместо прямого перевода

Retrieval-Augmented Generation (RAG) — в переводе с английского «генерация с дополнением из поиска» — представляет собой архитектурный подход, который принципиально меняет принцип работы больших языковых моделей при решении задач перевода. В отличие от традиционных моделей, которые полагаются исключительно на

«внутреннюю» память, сформированную на этапе обучения, RAG-система в момент получения запроса сначала осуществляет поиск релевантной информации во внешней базе знаний (корпусе документов), а затем использует найденные фрагменты как контекст для генерации ответа. Принцип работы RAG строится на трёх последовательных этапах: извлечение (retrieval) — поиск в базе данных документов, релевантных запросу; дополнение (augmentation) — включение извлечённой информации в промпт в качестве контекста; и генерация (generation) — формирование ответа моделью на основе запроса и предоставленного контекста.

Использование RAG-систем позволяет сохранить точность исходных данных. При этом в промпте задаётся правило: «Отвечай на русском, используя термины российского права».

4.3. Гибридная модель перевода.

Исследователи всё чаще приходят к выводу, что оптимальным является совместный подход, интегрирующий эффективность и точность ИИ с экспертизой человека-переводчика и юриста. Как отмечает П. Джампьери, «человеческий контроль и юридическая экспертиза остаются центральными для гарантии высокого качества и надёжности результатов» [Giampieri, 2026, С. 158].

А. В. Чураков считает, что эффективное внедрение технологий требует гибридного подхода, где ИИ используется для первичной обработки, а финальный аудит осуществляет переводчик.

Заключение

Ошибки искусственного интеллекта при переводе англоязычных юридических текстов на русский язык представляют собой системную проблему, обусловленную архитектурными особенностями LLM, отсутствием специализированных обучающих данных, расхождениями между правовыми системами общего права и континентального права, а также отсутствием у ИИ способности к критическому осмыслению правовых последствий своих решений.

Переводы юридических текстов, выполненных нейросетевыми системами, содержат ошибки, требующие постредактирования. Терминологические неточности, смысловые искажения, ошибки в переводе названий документов, институтов и органов могут привести к серьёзным правовым последствиям — от недействительности договоров до судебных ошибок и исков о халатности.

В настоящее время ИИ-инструменты не могут рассматриваться как полностью надёжное средство юридического перевода. Их использование должно сопровождаться обязательным постредактированием специалистами в области права и лингвистики. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку специализированных обучающих наборов данных для юридической доменной области, создание методов автоматической верификации юридических ссылок и интеграцию корпусных данных в процесс постредактирования.

Литература:

1. Анализ ошибок нейросетевого машинного перевода: юридическая сфера (англ.-рус.) // Материалы 45-й международной конференции «Перевод и компьютер» (TC45). — Люксембург, 2023.

2. Беляева Л. Н. Нейросетевой машинный перевод в профессиональной деятельности юриста: возможности и пределы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2025. — № 215. — С. 78–89.

3. Джампьери П. Оценка качества искусственного интеллекта и машинного перевода в юридическом переводе // AboutWords. — Университет Камерино, 2026. — С. 143–159.

4. Комиссаров К. В. Постредактирование машинного перевода (PEMT) как новая компетенция переводчика // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 4. — С. 115–126.2.

5. Ушаков С.Г. Опыт использования больших языковых моделей в переводе крупных официально-деловых текстов // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2025. Т. 18. № 4. С. 66–89. DOI: 10.55959/MSU074-6636-22-2025-18-4-66-89.

6. Чураков А. В. Могут ли машины хорошо переводить юридические тексты? Проблемы автоматизации юридического консалтинга // Юридический вестник. — 2024. — Т. 9, № 1. — С. 54–61.

Тегай Дарья Евгеньевна
Tegay Daria Evgenievna
студент
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Гайдай Антон Сергеевич
Gaidai Anton Sergeevich
старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: netparoley@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ У СОТРУДНИКОВ МЧС

THE RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS AND LOCUS OF CONTROL IN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA EMPLOYEES

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи механизмов психологической защиты и локуса контроля у сотрудников пожарно-спасательной службы МЧС (N=38). Выявлено, что наиболее выраженным защитным механизмом является отрицание, наименее — регрессия. По локусу контроля преобладает интернальность в области достижений и экстернальность в производственных отношениях. Корреляционный анализ (Спирмен) показал значимые связи: отрицательная корреляция интернальности с реактивным образованием, положительная — интернальности в неудачах с интеллектуализацией. Гипотеза о связи интернальности с высшими защитами подтвердилась частично. Результаты могут быть использованы в программах психологического отбора и сопровождения сотрудников МЧС.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between psychological defense mechanisms and locus of control among employees of the fire and rescue service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (N=38). It was revealed that the most pronounced defense mechanism is denial, while regression is the least pronounced. In terms of locus of control, internality prevails in the area of achievements, whereas externality dominates in professional relations. Correlation analysis (Spearman's rank correlation coefficient) revealed significant relationships: a negative correlation between internality and reaction formation, and a positive correlation between internality in failures and intellectualization. The hypothesis about the relationship between internality and higher (mature) defense mechanisms was partially confirmed. The results can be used in psychological selection and support programs for Ministry of Emergency Situations of Russia' employees.

Ключевые слова: психологическая защита, локус контроля, интернальность, экстернальность, сотрудники МЧС, профессиональный стресс, психологическая адаптация.

Keywords: psychological defense, locus of control, internality, externality, Ministry of Emergency Situations of Russia' employees, occupational stress, psychological adaptation.

Профессия сотрудника пожарно-спасательной службы МЧС относится к категории экстремальных и сопряжена с постоянным психоэмоциональным напряжением, высокой ответственностью за жизни людей и непосредственным столкновением с травматическими событиями. Пожарные-спасатели систематически испытывают воздействие профессионального стресса, что подтверждается исследованиями, фиксирующими у большинства из них повышенные уровни стресса и формирование синдрома эмоционального выгорания [11]. В то же время ряд авторов отмечает достаточно высокий уровень нервно-психической устойчивости у данной категории специалистов, позволяющий им успешно противостоять негативным проявлениям профессионального стресса [4], что указывает на наличие сложных компенсаторных механизмов регуляции психики.

Особую актуальность проблема приобретает в свете современных кадровых вызовов. В условиях возрастающего объема задач наблюдается снижение профессионализма личного состава на фоне кадрового дефицита, обусловленного высокой психологической ценой профессии. До 10% новобранцев покидают пожарную охрану в течение первых трех лет службы, причем ключевым фактором является психологическая неготовность, проявляющаяся после столкновения с тяжелыми чрезвычайными ситуациями. В связи с этим одной из важнейших мер профилактики профессиональной дезадаптации выступает качественный профессиональный психологический отбор. Как отмечает И.В. Иванихина, специфика деятельности противопожарной службы актуализирует необходимость расширения знаний о механизмах психологической защиты сотрудников, что позволит разработать эффективные пути профилактики и коррекции адаптационных процессов [5].

Особый интерес в контексте профессиональной адаптации и стрессоустойчивости представляет локус контроля — показатель, отражающий субъективную оценку человеком причин происходящих с ним событий [17]. Предполагается, что сочетание определенных механизмов психологической защиты с интернальным локусом контроля может выступать предиктором успешного совладания со стрессом у сотрудников МЧС. Однако эмпирических исследований, напрямую исследующих взаимосвязь этих

феноменов на выборке пожарных-спасателей, недостаточно, что и определяет проблемное поле данной работы.

Цель исследования – выявить и описать взаимосвязь механизмов психологической защиты и локуса контроля у сотрудников МЧС.

Объект исследования: механизмы психологической защиты.

Предмет исследования: корреляционная взаимосвязь механизмов психологической защиты и локуса контроля у сотрудников МЧС.

Гипотеза исследования: интернальный локус контроля сотрудников МЧС положительно коррелирует с выраженностью высших (зрелых) механизмов психологической защиты.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на психоэволюционной теории механизмов психологической защиты Р. Плутчика и Г. Келлермана [16], а также на теории локуса контроля Дж. Роттера [17] в адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной и А.М. Эткинда [1].

Механизмы психологической защиты: понятие и классификации

Понятие «психологическая защита» было введено З. Фрейдом и первоначально трактовалось как врожденный механизм, активизирующийся в экстремальной ситуации для снятия напряжения, обусловленного конфликтом между сознательным и бессознательным. Основные функции защит, согласно классическому психоанализу, — избегание или овладение угрожающим чувством и сохранение самоуважения [15].

В современной психологии одной из наиболее разработанных является психоэволюционная теория Р. Плутчика и Г. Келлермана, которая составляет теоретико-методологическую основу нашего исследования. Согласно данной концепции, защитные механизмы являются производными от базовых эмоций и выполняют адаптивную функцию. Р. Плутчик выделяет восемь базовых защитных механизмов, соотнесенных с восемью базовыми эмоциями: отрицание (принятие), вытеснение (страх), регрессия (удивление), компенсация (печаль), проекция (отвращение), замещение (гнев), интеллектуализация (ожидание) и реактивное образование (радость) [16]. Важно отметить, что Р. Плутчик и Х. Конте разделяют защиты на примитивные (отрицание, вытеснение, регрессия, проекция, замещение) и высшие (компенсация, реактивное образование, интеллектуализация) [6]. Данное различение является ключевым для нашего исследования, поскольку мы предполагаем

связь именно зрелых защит с интернальным локусом контроля.

В отечественной психологии феномен защит рассматривался Ф.В. Бассиным как реальное психическое явление, имеющее операциональные перспективы для научного исследования [2], а также Б.Д. Карвасарским, который подчеркивал нормальность и адекватность адаптивных реакций [8].

Таким образом, в рамках данной работы мы опираемся на классификацию Р. Плутчика, разделяя механизмы психологической защиты на примитивные и зрелые, и рассматриваем их как бессознательные адаптивные реакции, направленные на снижение эмоционального напряжения в стрессогенных ситуациях.

Локус контроля как интегральная характеристика личности

Термин «локус контроля» был введен Дж. Роттером в рамках теории социального научения [17]. Согласно данной концепции, локус контроля представляет собой устойчивую личностную характеристику, отражающую склонность человека приписывать ответственность за события своей жизни либо внешним факторам (экстернальный локус), либо собственным действиям и способностям (интернальный локус). Дж. Роттер рассматривал локус контроля как универсальный и неизменный к различным типам ситуаций конструкт, формирующийся в процессе социализации через накопление опыта подкреплений.

В исследованиях К. Муздыбаева показано, что экстерналы характеризуются большей тревожностью и подавленностью, тогда как интерналы обнаруживают более высокий уровень осмысленности жизни [12]. Вместе с тем ряд авторов (О.Б. Симатова, Д.В. Карась) подчеркивают, что тотальная интернальность во всех сферах жизни не является однозначно благоприятной: она может приводить к гиперболизированному чувству вины и психосоциальной дезадаптации в ситуациях объективной неудачи [7, 13]. В таких случаях адекватный уровень экстернальности позволяет снизить напряжение и сохранить психическое равновесие.

Многочисленные исследования подтверждают положительную корреляцию интернального локуса контроля с уровнем ответственности и социальной зрелостью. При этом отмечается, что локус контроля не тождественен ответственности, поскольку является более широким конструктом, отражающим общую атрибутивную стратегию личности.

Особенности психологических защит и локуса контроля у сотрудников МЧС

Профессиональная деятельность сотрудников пожарно-спасательной службы МЧС характеризуется постоянным воздействием экстремальных факторов, что актуализирует изучение адаптивных механизмов личности, включая психологические защиты и локус контроля.

Данные о локализации контроля у пожарных-спасателей неоднозначны. Е.В. Корнюшина выявила, что более половины обследованных сотрудников МЧС обладают амбивалентным (смешанным) локусом контроля, четверть — экстернальным, и лишь наименьшая часть — интернальным. При этом профессиональное выгорание чаще встречается у экстерналов и реже — у интерналов [9]. В других исследованиях показано преобладание интернального локуса контроля у сотрудников МЧС, что связывается с их целеустремленностью, ориентацией на самореализацию и серьезным отношением к служебным обязанностям [14].

И.В. Иванихина, рассматривая возможности профотбора кандидатов на экстремальные профессии, приходит к важному выводу: сотрудники с высоким интернальным локусом контроля, будучи ответственными и компетентными в благоприятных условиях, в экстремальных ситуациях склонны к гиперболизированному чувству личной вины, что может приводить к нарастанию психологических защит и профессиональному выгоранию. Напротив, экстерналы легче переживают травмирующие ситуации, поскольку не возлагают на себя ответственность за произошедшее [5]. Этот парадокс подтверждает тезис о неоднозначности интернальности для экстремальных профессий.

Наиболее значимой для нашего исследования является работа Д.М. Кошечкиной и Е.В. Беловол, в которой установлено, что взаимосвязь локуса контроля и механизмов психологической защиты носит комплексный характер. Лица с интернальным локусом контроля чаще используют зрелые защиты (компенсацию, интеллектуализацию, реактивное образование), демонстрируют более высокую осознанность и активное копинг-поведение. Для экстерналов, напротив, характерно преобладание примитивных защит (отрицание, проекция) и склонность к избегающему поведению [9].

Таким образом, теоретический анализ позволяет предположить, что у сотрудников МЧС с интернальным локусом контроля будут преобладать высшие (зрелые) механизмы психологической защиты. Однако исследований, непосредственно изучающих данную взаимосвязь на выборке пожарных-спасателей, недостаточно, что

определяет актуальность нашего эмпирического исследования.

Выборка и процедура исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе пожарно-спасательных частей (ПСЧ) г. Владивостока — № 9, 10 и 21. Выборку составили 38 сотрудников мужского пола в возрасте от 21 до 50 лет со стажем профессиональной деятельности от 0,5 до 23 лет. Критерием включения в выборку являлось непосредственное участие в тушении пожаров и ликвидации чрезвычайных ситуаций, то есть регулярное столкновение с жизнеугрожающими факторами. В связи с этим разделение по должностному статусу (пожарный, старший пожарный, начальник караула) не производилось.

Исследование проводилось в очной форме в утренние часы во время плановых учебных занятий сотрудников. Предварительно было получено согласие руководителей подразделений. Респондентам разъяснялся конфиденциальный характер тестирования и его научно-исследовательские цели. Среднее время заполнения методик составило 30 ± 10 минут.

Для диагностики механизмов психологической защиты и локуса контроля использовались следующие методики, выбранные на основе их надежности, валидности и соответствия цели исследования.

Методика 1. «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) в адаптации Л.И. Вассерман и соавт. [3]

Опросник основан на психоэволюционной теории Р. Плутчика и Г. Келлермана и предназначен для оценки выраженности восьми основных механизмов психологической защиты. Методика содержит 97 утверждений, ответы на которые фиксируются по дихотомической шкале «да — нет». Подсчет производится по восьми шкалам, соответствующим защитным механизмам: отрицание, вытеснение, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация и реактивное образование. Результаты переводятся в процентильные показатели, позволяющие оценить уровень выраженности каждого механизма: низкий (0–24), средний (25–74) и высокий (75–100 процентиль). В соответствии с классификацией Р. Плутчика и Х. Конте [7], в рамках данного исследования к примитивным защитам отнесены: отрицание, вытеснение, регрессия, проекция, замещение; к высшим — компенсация, интеллектуализация, реактивное образование. Надежность методики (по данным ретестирования) составляет 79%.

Методика 2. «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда [1]

Опросник разработан на основе шкалы локуса контроля Дж. Роттера и адаптирован в НИИ им. В.М. Бехтерева. В отличие от оригинальной шкалы, рассматривающей локус контроля как универсальную характеристику, методика УСК предполагает многомерный профиль, дифференцированный по типам социальных ситуаций. Опросник содержит 44 пункта, сбалансированных по направленности (интернальность/экстернальность), эмоциональному знаку (позитивные/негативные ситуации) и лицу высказывания.

Методика позволяет выделить 7 шкал:

- Ио — общая интернальность (генерализованный показатель);
- Ид — интернальность в области достижений (успехи, позитивные события);
- Ин — интернальность в области неудач (негативные события);
- Ис — интернальность в семейных отношениях;
- Ип — интернальность в производственных отношениях;
- Им — интернальность в межличностных отношениях;
- Из — интернальность в отношении здоровья и болезни.

В настоящем исследовании использовался вариант А опросника с ответами по 6-балльной шкале от «-3» (совершенно не согласен) до «+3» (полностью согласен). Полученные результаты переводятся в стены. Показатели опросника имеют удовлетворительные характеристики надежности и конструктной валидности.

Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между локусом контроля и механизмами психологической защиты использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s). Выбор данного непараметрического метода обусловлен небольшим объемом выборки и отсутствием строгого нормального распределения по ряду показателей. Статистическая обработка проводилась с использованием пакета программ SPSS Statistics. Уровень значимости принимался равным $p \leq 0,05$. Дополнительно применялись методы описательной статистики (средние арифметические, стандартные отклонения) для характеристики распределения показателей в выборке.

Результаты исследования

На первом этапе эмпирического исследования была проведена диагностика механизмов психологической защиты с использованием методики «Индекс жизненного стиля» (ИЖС). Наиболее выраженным механизмом психологической защиты в выборке сотрудников МЧС является Отрицание (средний процентиль — 82%). Высокий уровень отрицания выявлен у 30 из 38 респондентов (79%). Наименее выраженным оказался механизм Регрессии (средний процентиль — 29%), высокий уровень которого зафиксирован лишь у 2 сотрудников (5%).

Распределение по остальным защитным механизмам выглядит следующим образом:

- Вытеснение: высокий уровень — у 16 человек (42%), средний — у 17 (45%), низкий — у 5 (13%).
- Компенсация: высокий уровень — у 13 человек (34%), средний — у 13 (34%), низкий — у 12 (32%).
- Проекция: высокий уровень — у 6 человек (16%), средний — у 18 (47%), низкий — у 14 (37%).
- Замещение: высокий уровень — у 4 человек (11%), средний — у 18 (47%), низкий — у 16 (42%).
- Интеллектуализация: высокий уровень — у 18 человек (47%), средний — у 18 (47%), низкий — у 2 (6%).
- Реактивное образование: высокий уровень — у 5 человек (13%), средний — у 20 (53%), низкий — у 13 (34%).

Высокая выраженность отрицания у сотрудников МЧС может быть объяснена спецификой профессиональной деятельности: механизм отрицания позволяет субъективно снижать степень угрозы, интерпретировать опасную ситуацию как менее значимую, что способствует снижению психоэмоционального напряжения и сохранению работоспособности в экстремальных условиях. Низкая выраженность регрессии, напротив, отражает требования профессии, в которых импульсивность и снижение волевого контроля недопустимы.

Таким образом, в структуре психологических защит сотрудников МЧС доминирует отрицание (примитивная защита), а выраженность высших (зрелых) защит — компенсации, интеллектуализации и реактивного образования — варьируется: интеллектуализация представлена преимущественно на высоком и среднем уровне,

тогда как компенсация и реактивное образование чаще находятся на среднем и низком уровнях.

Анализ локуса контроля у сотрудников МЧС

Диагностика локуса контроля проводилась с использованием методики УСК. Результаты по основным шкалам представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение сотрудников МЧС по типам локуса контроля (N=38)

Шкала	Экстернальный, n (%)	Амбинальный, n (%)	Интернальный, n (%)
Общая интернальность (Ио)	8 (21%)	10 (26%)	20 (53%)
Интернальность в достижениях (Ид)	3 (8%)	3 (8%)	32 (84%)
Интернальность в неудачах (Ин)	15 (39%)	7 (19%)	16 (42%)
Интернальность в производственных отношениях (Ип)	26 (68%)	9 (24%)	3 (8%)

По шкале общей интернальности более половины сотрудников (53%) демонстрируют интернальный локус контроля, что свидетельствует о склонности воспринимать большинство значимых событий как результат собственных действий и нести за них ответственность. Амбинальный тип выявлен у 26% респондентов, экстернальный — у 21%.

Наиболее выражена интернальность в области достижений (84%): сотрудники склонны приписывать свои успехи собственным усилиям и способностям. В области неудач распределение почти равномерное: 42% интерналов, 39% экстерналов, что может отражать адаптивную стратегию защиты самооценки.

Наиболее низкие показатели интернальности зафиксированы по шкале производственных отношений — лишь 8% сотрудников считают себя ответственными за организацию своей деятельности и отношения в коллективе, тогда как 68% демонстрируют экстернальный локус. Данный результат объясняется спецификой работы пожарно-спасательных подразделений: деятельность носит выраженный командный характер, а исход оперативных действий зависит от множества объективных, неподконтрольных индивиду факторов (скорость распространения огня, задымленность, поведение пострадавших и т.д.).

Корреляционный анализ взаимосвязи психологических защит и локуса контроля

Для проверки гипотезы о взаимосвязи интернального локуса контроля с высшими механизмами психологической защиты был проведен корреляционный анализ по Спирмену. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Значимые корреляционные связи между показателями УСК и ИЖС (N=38)

Шкалы УСК	Защитный механизм	Коэффициент корреляции (r_s)	Уровень значимости (p)
Общая интернальность (Ио)	Реактивное образование (H)	-0,420	0,01
Интернальность в достижениях (Ид)	Реактивное образование (H)	-0,447	0,01
Интернальность в неудачах (Ин)	Интеллектуализация (G)	+0,325	0,05

Примечание: все остальные корреляции статистически незначимы.

Выявлены следующие значимые взаимосвязи:

1. Отрицательная корреляция между общей интернальностью и реактивным образованием (r_s = -0,420, $p \leq 0,01$). Чем выше уровень общей интернальности (убежденность в собственном контроле над событиями), тем менее выражен механизм реактивного образования (преобразование неприемлемых импульсов в социально одобряемые противоположности). Объяснение данной взаимосвязи, вероятно, связано с профессиональной средой: в экстремальных ситуациях трансформация негативных переживаний (страх, гнев, раздражение) в демонстративно позитивные реакции может быть дезадаптивной, нарушать дисциплину и порядок выполнения оперативных задач.

2. Отрицательная корреляция между интернальностью в достижениях и реактивным образованием (r_s = -0,447, $p \leq 0,01$). Сотрудники, приписывающие свои успехи собственным действиям, реже прибегают к формированию реакции — вероятно, потому, что их стратегия совладания со стрессом ориентирована на активное управление ситуацией, а не на подавление и маскировку собственных эмоций.

3. Положительная корреляция между интернальностью в области неудач и интеллектуализацией (r_s = +0,325, $p \leq 0,05$). Чем более сотрудник склонен считать себя ответственным за неудачи и ошибки, тем более он использует интеллектуализацию —

уход от эмоционального переживания в рациональные построения, снижение значимости ситуации. Данная взаимосвязь имеет выраженный адаптивный смысл для профессии пожарного-спасателя: ошибка в этой профессии может стоить жизни, и способность к «рациональному отстранению» от травмирующего опыта предотвращает развитие чувства вины, сохраняет ресурсы для дальнейшей деятельности.

Первоначальная гипотеза исследования предполагала, что интернальный локус контроля сотрудников МЧС положительно коррелирует с высшими механизмами психологической защиты. Данная гипотеза подтвердилась частично: выявлена положительная корреляция между интернальностью в области неудач и интеллектуализацией (относится к высшим защитам). Однако в отношении компенсации и реактивного образования положительных корреляций с интернальностью не обнаружено. Более того, реактивное образование демонстрирует отрицательную связь с интернальностью, что требует дополнительного изучения и может отражать специфику профессиональной деятельности МЧС.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что гипотеза о наличии положительной взаимосвязи интернального локуса контроля с высшими механизмами психологической защиты подтвердилась частично — только в отношении интеллектуализации и интернальности в области неудач. Выявленные отрицательные связи интернальности с реактивным образованием требуют дальнейшего изучения и, вероятно, отражают специфику профессиональной среды, в которой трансформация негативных переживаний в противоположные может быть дезадаптивной.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных при разработке программ профессионального психологического отбора и психологического сопровождения сотрудников МЧС. Результаты могут способствовать прогнозированию поведенческих реакций кандидатов в стрессогенных ситуациях и своевременной профилактике профессиональной дезадаптации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с увеличением выборки, включением дополнительных психодиагностических методик и проведением лонгитюдных наблюдений для оценки динамики взаимосвязей психологических защит и локуса контроля в процессе профессионального становления.

Литература:

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–158.

2. Бассин Ф.В. О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 118–126.

3. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. и др. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1998. 48 с.

4. Емельянова О.М. Психологические аспекты профессионального стресса сотрудников МЧС с различным стажем работы // Психология стресса и совладающего поведения. 2021. С. 60–62.

5. Иванихина И.В. О возможностях и ограничениях применения методики «Уровень субъективного контроля» в целях профессионального отбора к деятельности, проходящей в экстремальных условиях // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: материалы IV Международной научно-практической конференции. М.: АГПС МЧС России, 2020. С. 25–31.

6. Каменская В.Г. Психология конфликта. Психологическая защита и мотивации в структуре конфликта: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2025. 150 с.

7. Карась Д.В. Теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности как психологического феномена // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64. С. 24–48.

8. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. М.: Медицина, 1985. 303 с.

9. Корнюшина Е.В. Профессиональное выгорание и уровень притязаний у работников МЧС России с разным локусом контроля // Пожарная и аварийная безопасность. 2021. № 2 (21). С. 76–82.

10. Кошечкина Д.М., Беловол Е.В. Взаимосвязь локуса контроля и механизмов психологической защиты // Психология XXI века: материалы Международной научной конференции. СПб., 2022. С. 112–115.

11. Куликова Т.И. Влияние профессионального стресса на психическое здоровье сотрудников пожарной службы МЧС // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6. № 4. С. 153–157.

12. Муздыбаев К. Психология ответственности. М.: Либроком, 2017. 248 с.

13. Симатова О.Б. Особенности локуса контроля студентов с различным порядком рождения в семье // Гуманитарные науки. 2019. № 1 (45). С. 143–152.

14. Шимченко Д.В. Влияние локуса контроля сотрудников МЧС на оценку опасных ситуаций // Молодежная наука: тенденции развития. 2018. № 2. С. 45–51.

15. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defense. London: Hogarth Press, 1977. 203 p.

16. Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. Ego Defenses: Theory and Measurement. New York: Wiley, 1995. 340 p.

17. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80. № 1. P. 1–28.

Самсонов Даниил Алексеевич
Samsonov Daniil Alekseevich
студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций
магистерская программа «Реклама и связь с общественностью»
направление «Медиабизнес»
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: Danya090602@mail.ru

ФРЕЙМИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК

FRAMING AS AN INSTRUMENT OF SOCIAL CONTROL: AN EPISTEMOLOGICAL AND ETHICAL ANALYSIS OF CONTEMPORARY COMMUNICATIVE PRACTICES

Аннотация. Статья представляет социально-философский анализ фрейминга как инструмента социального контроля. Актуальность обусловлена цифровой трансформацией медиа, где структурирование информации приобретает скрытый манипулятивный потенциал. Цель – выявить двойственную природу фрейминга: необходимый эпистемический механизм познания одновременно выступает средством управления сознанием. Методология синтезирует теории фреймов (Гофман, Энтман) с социальной эпистемологией и этикой коммуникации. Показано, что фреймы конституируют социальную реальность, задавая границы возможного знания. Введено понятие «эпистемической несправедливости фрейминга». Предложены три критерия различения легитимного и манипулятивного фрейминга: прозрачность, информированное согласие/возможность отказа, отсутствие систематического исключения альтернатив. Анализируется дилемма благонамеренной манипуляции (nudging). В цифровой среде алгоритмы (фильтрующие пузыри, эхо-камеры) усиливают контрольный потенциал фрейминга, создавая условия для надзорного капитализма. Вклад статьи – в разработке концептуальных оснований критики технологий управления сознанием и определении направлений институциональных контрмер.

Abstract. The article offers a socio-philosophical analysis of framing as an instrument of social control in contemporary communicative practices. The relevance is determined by the digital transformation of the media environment, where technologies of directed information structuring acquire a hidden manipulative potential. The aim is to reveal the dual nature of framing: a necessary epistemic mechanism of cognition and coordination simultaneously acts as a tool of consciousness management. The methodology is based on a synthesis of classical frame theories (E. Goffman, R. Entman) with approaches from social epistemology and communication ethics. The results show that frames not only organize perception but constitute social reality, setting the boundaries of possible knowledge. The concept of “epistemic injustice of framing” is introduced to capture situations where an imposed interpretation excludes the subject from epistemic authority. Three operational criteria are proposed for distinguishing legitimate from manipulative framing: transparency, informed consent / possibility of refusal, and the absence of systematic exclusion of alternatives. The dilemma of “benevolent manipulation” (nudging) is examined. In the digital environment, algorithmic systems (filter bubbles, echo chambers) enhance the control

potential of framing, creating conditions for surveillance capitalism. The contribution of the article lies in developing conceptual foundations for the critique of consciousness management technologies and identifying directions for institutional countermeasures.
Ключевые слова: фрейминг, социальный контроль, эпистемическая несправедливость, манипуляция сознанием, И. Гофман, Р. Энтман, социальная реальность, фильтрующие пузыри, эхо-камеры, надзорный капитализм.

Keywords: framing, social control, epistemic injustice, manipulation of consciousness, E. Goffman, R. Entman, social reality, filter bubbles, echo chambers, surveillance capitalism.

Введение

Стремительное развитие цифровых коммуникаций порождает новые формы воздействия на сознание, требующие философской рефлексии. Фрейминг – механизм отбора и презентации информации, направляющий интерпретацию событий, – становится ключевым инструментом такого воздействия. Вопрос о том, как знание организует социальное взаимодействие и как власть использует знание для контроля, находится в центре современной социальной философии.

Проблематизация фрейминга восходит к работам И. Гофмана [1], который ввёл понятие фрейма для анализа организации повседневного опыта. Однако в эпоху, когда информация становится главным ресурсом власти, философское осмысление фрейминга приобретает особую остроту.

Цель статьи – социально-философский анализ фрейминга в двух измерениях: эпистемологическом (как фрейминг конституирует знание) и этическом (как связан с манипуляцией и нарушением автономии). Основной вопрос: является ли фрейминг нейтральным механизмом познания или он неизбежно несёт контрольный потенциал, требующий критической рефлексии.

Методология основана на синтезе классической теории фреймов [1; 2] с подходами социальной эпистемологии [6] и этики коммуникации [3; 4], сочетает философский анализ с данными социологии и медиаисследований.

Основная часть

Теория фреймов представляет собой исследовательскую программу, объединяющую различные дисциплинарные традиции [9]. Ирвинг Гофман определил фреймы как «принципы организации, которые управляют событиями и нашим субъективным вовлечением в них» [1, с. 10–11]. Ключевая идея: восприятие реальности всегда опосредовано фреймами, отвечающими на вопрос «Что здесь происходит?» [1].

Гофман различал первичные рамки (делающие аспект реальности осмысленным) и трансформации (намеренные модификации, например, розыгрыш или мошенничество) [1]. Важно, что у Гофмана фреймы одновременно конституируют реальность и могут использоваться для её искажения [1].

Роберт Энтман перенёс фрейм-анализ в область медиа и политической коммуникации, предложив операциональное определение: фрейминг – это выбор аспектов воспринимаемой реальности и их акцентирование в тексте для продвижения определения проблемы, причинной интерпретации, моральной оценки и решения [2]. Энтман выделил четыре функции фрейма [2].

Различие: для Гофмана фреймы – когнитивные схемы повседневного взаимодействия [1]; для Энтмана – инструменты целенаправленного воздействия элит [2]. В нашем исследовании эти подходы дополняют друг друга: манипулятивный потенциал фрейминга максимален именно тогда, когда он скрыт за естественностью повседневного познания [1; 2; 9].

Эпистемологический анализ выходит за рамки вопроса «как фреймы организуют знание?» к вопросу «как фреймы определяют, что считается знанием в обществе?» [6]. Фреймы не просто организуют восприятие, но активно участвуют в производстве социальной реальности [7]. Как отмечают исследователи, «образ мира конструируется не тогда, когда человек наблюдает мир, а прежде всего в процессе коммуникации» [7, с. 28]. Фрейминг выступает как механизм онтологизации интерпретации – превращения частной точки зрения в объективную характеристику реальности [7].

Ключевая теоретическая проблема – «фрейм-проблема» в социально-эпистемической трактовке: как индивид определяет релевантные рамки интерпретации и как эти рамки могут быть систематически ограничены извне [6; 9]. Именно здесь раскрывается контрольный потенциал фрейминга: ограничивая пространство возможных интерпретаций, субъект управления сужает поле возможного знания [6; 8].

В цифровую эпоху фрейминг всё больше смещается на уровень фонового знания – того, что принимается как само собой разумеющееся. Скрытый социальный контроль осуществляется через фоновое знание, которое выступает ресурсом матричного управления [8]. Поскольку опыт в цифровом мире подвержен систематической манипуляции, неявное восприятие нормальности может быть целенаправленно изменено, причём сам субъект может не осознавать принуждения [8].

Особую значимость приобретает понятие эпистемической несправедливости, введённое Миранда Фрикер [3]. Фрикер определяет её как «ущерб, наносимый способности быть познающим субъектом» [3, с. 1], выделяя свидетельскую несправедливость (отказ в доверии) и герменевтическую несправедливость (дефицит интерпретативных ресурсов) [3]. Применительно к фреймингу мы говорим о герменевтической несправедливости второго порядка [3; 6]: навязываемая интерпретативная рамка систематически исключает альтернативы, лишая субъекта не только информации, но и языка для формулирования иной позиции [3; 6]. Это позволяет ввести понятие «эпистемической несправедливости фрейминга» [3; 6].

Этический анализ задаёт нормативный вопрос: при каких условиях фрейминг морально допустим, а когда становится формой несправедливого обращения? [3; 6]. Ключевая проблема – совместимость намеренного структурирования интерпретации с уважением к автономии личности [4; 6].

В цифровой среде алгоритмические системы социальных сетей действуют как «фабрики фреймов», классифицируя пользователей и подбирая контент для максимизации вовлечённости [8]. Пользователь часто не осознаёт, что его восприятие формируется непрозрачными алгоритмами [8]. Это создаёт ситуацию, которую Ш. Зубофф назвала «надзорным капитализмом»: корпорации используют данные для целенаправленного манипулирования выборами и убеждениями [4, с. 8–15].

Особого внимания заслуживает дилемма «позитивной манипуляции» (nudging) [8]. «Подталкивающие» дизайны (напоминания о здоровье, подсказки об экологичном поведении) могут использоваться во благо [8], но даже благонамеренное манипулирование подрывает автономию, если остаётся скрытым [4; 8]. Консенсус в этической литературе склоняется к тому, что ключевым критерием является прозрачность и возможность отказа [5; 10].

Для операционализации этического анализа предложим три критерия различения легитимного и манипулятивного фрейминга [3; 6; 8].

Критерий 1: Прозрачность (эпистемическая гигиена). Этичный фрейминг не скрывает своей интерпретативной природы, оставляет «следы» конструктивности (оговорки, ссылки на альтернативы). Манипулятивный фрейминг стремится стать невидимым, представить частную интерпретацию как объективную данность [3; 8].

Критерий 2: Информированное согласие и возможность отказа. Этичный

фрейминг предполагает, что адресат либо дал согласие на направление его восприятия, либо имеет возможность в любой момент отказаться и обратиться к альтернативам. Манипулятивный фрейминг, особенно в цифровой среде, лишает этой возможности, создавая «эхо-камеры» и «фильтрующие пузыри» [5; 10].

Критерий 3: Отсутствие систематического исключения альтернатив. Этичный фрейминг может акцентировать одну интерпретацию, но не блокирует доступ к иным и не стигматизирует их сторонников. Манипулятивный фрейминг стремится к монополии на интерпретацию, вытесняя альтернативы из публичного пространства [3; 6; 8]. В пределе – «фреймовый тоталитаризм», когда господствующий фрейм делает иные понимания социально невидимыми [8].

Особую сложность представляют случаи благонамеренного фрейминга (для защиты от дезинформации, пропаганды здоровья). С позиций деонтологической этики (Кант, Фрикер) любая манипуляция, даже благонамеренная, подрывает автономию и недопустима [3]. С позиций консеквенциализма она может быть оправдана, если позитивные последствия перевешивают, но возникают вопросы: как измерить ущерб автономии? Кто определяет благо? Как избежать «скользкой дорожки» к тотальному контролю? [4; 8].

Мы принимаем позицию дискурсивной этики (Хабермас, Апель): фрейминг этически приемлем только в условиях симметричного распределения шансов выдвигать и оспаривать интерпретации [6]. Поскольку в реальных иерархиях это условие редко выполняется, бремя доказательства лежит на применяющем фрейминг – он должен показать, что его практика не нарушает эпистемического суверенитета адресата [3; 6].

В политической сфере фрейминг становится инструментом влияния на восприятие реальности, особенно в условиях информационной войны [2; 9]. Выбор ракурса направляет интерпретацию, меняет предикат контекста. В демократических обществах конкурентный фрейминг может способствовать рефлексии, но существуют «красные линии»: недопустимы фреймы, разжигающие ненависть, основанные на лжи или эксплуатирующие уязвимость групп [5; 10]. В авторитарных режимах фрейминг превращается в инструмент производства постправды и подавления инакомыслия [4; 8]. В надзорном капитализме фрейминг встроен в архитектуру платформ, манипуляция становится структурным условием [4].

Ответственность за манипулятивный фрейминг лежит на создателях фреймов

(политиках, журналистах, разработчиках). Однако в цифровой среде возникает «ответственность без виновного» [4; 8]. Необходимы институциональные контрмеры [5; 8; 10]:

- повышение алгоритмической грамотности населения [5];
- этический аудит алгоритмов независимыми органами [8; 10];
- юридические ограничения (запрет deepfake в политической рекламе) [4];
- развитие альтернативных медиа и практик контр-фрейминга [10].

Цифровая трансформация создаёт принципиально новую ситуацию [8; 10]. Во-первых, алгоритмы действуют как непрозрачные «фабрики фреймов», персонализируя контент [8]. Во-вторых, возникает диффузный фрейминг – фреймы создаются не только профессионалами, но и пользователями и автоматическими системами, что делает влияние более тотальным, но фрагментированным [8]. В-третьих, кумулятивный фрейминг – многократное повторение одного фрейма в разных контекстах усиливает эффект «иллюзии правды» [10]. Чем чаще пользователь сталкивается с интерпретацией, тем более правдоподобной она кажется, независимо от обоснованности [10].

В этих условиях традиционные механизмы противодействия (критическое мышление, проверка источников) оказываются недостаточно эффективными из-за скорости распространения и алгоритмической изоляции [5; 8].

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Двойственная природа фрейминга. Фрейминг – необходимый эпистемический механизм, без которого невозможны познание и социальная координация [1; 2]. Однако эта же необходимость создаёт уязвимость: фрейминг неизбежно несёт контрольный потенциал, который при определённых условиях превращается в инструмент скрытого управления сознанием [4; 8]. Эпистемическая амбивалентность требует постоянной критической рефлексии [6; 9].

2. Эпистемологический итог. Фрейминг не просто транслирует знание, но конституирует его, задавая границы познаваемого [7; 8]. Введение понятия «эпистемической несправедливости фрейминга» позволяет зафиксировать случаи, когда навязываемая рамка исключает субъекта из эпистемического авторитета, лишая его языка для альтернативной позиции [3; 6].

3. Этические критерии и дилеммы. Различение допустимых и недопустимых

форм фрейминга должно опираться на три критерия: прозрачность, информированное согласие/возможность отказа, отсутствие систематического исключения альтернатив [3; 6; 8]. Благонамеренный патерналистский фрейминг создаёт серьёзную дилемму: даже при позитивных последствиях он подрывает эпистемический суверенитет [4; 8]. Предпочтительна позиция дискурсивной этики, требующая симметричных возможностей выдвигать и оспаривать интерпретации [6].

4. Цифровые вызовы. Алгоритмические системы качественно усиливают эффекты фрейминга, создавая фильтрующие пузыри, эхо-камеры и кумулятивное воздействие [5; 8; 10]. В условиях надзорного капитализма манипуляция становится структурным условием функционирования среды [4]. Традиционные механизмы противодействия недостаточны [5; 8].

Перспективы дальнейших исследований включают: разработку стратегий повышения алгоритмической грамотности [5]; создание этических стандартов и независимого аудита алгоритмов [8; 10]; институциональное развитие альтернативных медиа и контр-фрейминга [10]; философское обоснование нормативных границ фрейминга в публичной коммуникации [3; 6].

Фрейминг остаётся вызовом для нормативной теории демократии, этики коммуникации и эпистемологии цифрового общества. Ответ требует системной работы на уровне образования, права и технологического дизайна.

Литература:

1. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

2. Энтман Р. Фрейминг: toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51–58.

3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

4. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 208 p.

5. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. – New York: Penguin Press, 2011. – 304 p.

6. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the

New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.

7. Никифоров А.Л. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 6, № 4. – С. 5–17.

8. Мантуров О. С. Фреймирование и рефрейминг как стратегии конституирования реальности / О. С. Мантуров // Социемы. — Екатеринбург, 2015. — № 21. — С. 52–65.

9. Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов / В. С. Вахштайн. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 334 с. — ISBN 978-5-94380-117-4.

10. Шевчук А.В. Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 5. – С. 11–53.

11. Aitken A. Frames as pre-signal context: using a semiotic framing approach to explain how prior experiences shape present interpretations of control signals // Semiotica. – 2024. – Vol. 2024, No. 258. – P. 1–24.

12. Karagiannopoulos Y., Stamatiadis-Bréhier A. Social kind realism as relative frame manipulability // Philosophical Studies. – 2024. – Vol. 181. – P. 1583–1606.

13. Hartmann D., Wang S.M., Pohlmann L., Berendt B. A systematic review of echo chamber research: comparative analysis of conceptualizations, operationalizations, and varying outcomes // Journal of Computational Social Science. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – P. 45–72.

14. Miller T.G. Philosophical Issues in Goffman’s Sociology. – PhD Thesis. – University of Southampton, 1995. – 310 p.

15. Kahl P. The Epistemic Architecture of Power: How Knowledge Control Sustains Authority in Social Structures. – 2nd ed. – PhilArchive, 2025. – 290 p.

Ковальчук Наталья Александровна
Kovalchuk Natalia Aleksandrovna
магистр психологии, педагог психолог,
МАОУ СОШ № 36, г. Владимир
e-mail: kovalchuknataliya1963@gmail.com

научный руководитель
Великова Светлана Анатольевна
Velikova Svetlana Anatolevna
кандидат психологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
e-mail: ya.velikova68@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ О ФИЗИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МЛАДЕНЦА

TO THE PROBLEM OF THE PHYSICAL DEVELOPMENT OF THE BABY

Аннотация. Аннотация. В работе затронута проблема современности – физическое развитие младенца. Указывается ряд факторов, влияющих на физическое развитие и здоровье малыша, здоровье родителей, их образ жизни, экология, опыт врачей. Предлагается возможные способы решения проблемы физического развития младенца. Также указывается выраженность по значимости указанных факторов среди различных слоев населения, обладающих средний общим или средним специальным образованием, а именно первокурсники гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Н.Г и А.Г. Столетовых, одиннадцатиклассники МАОУ СОШ №36 г. Владимира, средний медицинский персонал Областной детской клинической больницы, родители младенцев. Причем, опрос пап и мам проходил раздельно. Ответы пары родителей были идентичными, их считали за один.

Abstract. The work touches upon the problem of modernity – the physical development of the infant. A number of factors affecting physical development and health, parental health, ecology, and the experience of doctors are indicated. Possible ways of solving the problem of physical development of an infant are proposed. The significance of these factors is also indicated among various segments of the population with secondary general or specialized secondary education, namely, first-year students of the Humanities Institute of Vladimir State University named after N.G. and A.G. Stoletov, eleventh-graders of Secondary School No. 36 in Vladimir, nursing staff of the Regional Children's Clinical Hospital, and parents of infants. Moreover, fathers and mothers were surveyed separately. The responses of pairs of parents were identical and were counted as one.

Ключевые слова: физическое развитие, младенец, родители, ребенок, факторы, здоровье.

Keywords: physical development, infant, parents, child, factors, health.

Здоровье детей – это одна из важнейших ценностей любого общества. Этим занималась медицина испокон веков. По данным ВОЗ: «Здоровье - **здоровье — это** состояние полного физического, душевного и социального благополучия». Однако,

особенности современности в научном, культурном, историческом аспектах обуславливают здоровье как комплексную проблему. Решением которой призвана заниматься психология, педагогика, экология и др. науки. Об этом говорили А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Ю.П. Лисицын, В.В. Рубцов, Д.И. Фельдштейн и др.

Педагогическая аксиома о том, что в младенчестве, а именно от рождения до года физическое развитие предопределяет интеллектуальное, эмоциональное, волевое, коммуникативное слышала чуть ли не каждая мама. Однако, каким будет физическое развитие ребенка зависит от ряда факторов.

Во-первых, родители. Здоровый родитель – здоровый ребенок, Кроме того, генетики утверждают, что на физическое развитие влияет возраст мам и пап. Чем моложе мама и чем старше папа. Тем вероятность рождения физически развитого младенца выше по сравнению с тридцати-сорокалетними родителями. Образ жизни, который ведут жаждущие ребенка также играет большую роль. Гинекологи говорят лучше вести 35-летнюю женщину соблюдающую здоровый образ жизни, чем иметь дело с 16-20- летней девушкой, пробывшей легкие наркотики, а именно вейпинг, сигареты, спиртное.

Во-вторых, экология. Засилье гаджетов, близость высоковольтных линий электропередач, шум, городская среда с обилием углекислого и других выхлопных газов не способствуют здоровью и физическому развитию юных жителей планеты Земля.

В-третьих, опыт врачей. Ведущих беременность и принимающих роды играют чуть ли не ведущую роль. Человеческий ребенок самый слабое и беззащитное существо из всех существующих млекопитающих детёнышей. Беременная женщина еще и капризна, и эмоционально неустойчива, и подозрительна. И лишь опыт врачей акушеров-гинекологов позволяют не только успокоить роженицу, но и правильно назначить процедуры и препараты. Так, своевременно пропитые лекарства «Курантил», «Актовигин» в будущем могут способствовать активности головного мозга у малыша. Систематические прогулки на свежем воздухе способствуют повышению и нормализации гемоглобина как у мамочки, так и у новорожденного.

К сожалению, о том, что к физическому развитию ребенка надо готовиться родители понимают лишь, когда отсутствуют у родившегося малыша физические проявления – нет комплекса оживления, не сидит, не ползает, не стоит, а ребенок весит

8 - 13 кг, таскать его тяжело. Происходит это примерно к 2-8 месяцам жизни малыша. Эйфория от «маленького гномика» проходит. Начинается беготня по медицинским специалистам: хирургам, ортопедам, неврологам, терапевтам. А выписываю они одно – занятия физическими упражнениями: массаж, зарядка, плаванье, ванны в сочетании с ноотропами и ежедневными прогулками на свежем воздухе в любую погоду.

Данная проблема приобрела такой огромный масштаб, что ученым - медикам пришлось сдвинуть нормы физического развития в сторону увеличения возраста. Так, 20-30 лет назад, у ребенока сидение должно быть в 6-7 месяцев, ползанье - в 7-8 месяцев, прямохождение - в 8-12 месяцев [2; 3]. Если были отклонения от возрастных норм, считалось задержкой моторного развития. В настоящее время. согласно пирамиде моторного развития Г.М. Лупандиной нормой считается, если ребенок сидеть, ползать начинает к 9 месяцам, а ходить начинает к полутора годам [5].

Анализ литературы показывает, что среди факторов, влияющих на здоровье, выделяют уровень развития системы здравоохранения, социально-экономические условия, наследственность, климат, экология. Адаптируя под нашу выборку анкету, и не противореча первоисточникам, мы выделили из фактора «Развития системы здравоохранения» - «Опыт врачей», из социально-экономических условий - «Образ жизни родителей». О наследственности свидетельствовал фактор «Здоровье родителей». А климат и экологию мы свели в единый фактор «Экология», поскольку обычный человек не может влиять на климатические условия природной среды, в которой живет. В тоже время влияние человека на экологию окружающей среды на лицо, от зашумленности, загрязнения водных, воздушных ресурсов страны до различных по видам катастроф, социогенной, техногенной и др.

Мы опросили 20 молодых пар, не имеющих высшего образования, и 40 первокурсников гуманитарного института ВлГУ, 40 учащихся 11-х классов МАОУ СОШ №36 г. Владимира, 10 медиков со средним специальным образованием, какие из 4 факторов (здоровье родителей, образ жизни родителей, экология, опыт врачей) влияют на здоровье и развитие ребенка (физическое, умственное, эмоциональное, волевое, коммуникативное) и попросили проранжировать их от большего влияния к меньшему. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ранжирование факторов, влияющих на здоровье младенца

	родители	студенты	школьники	медсестры
здоровье родителей	3	3	3	3
образ жизни родителей	4	1	4	2
экология	2	4	1	4
опыт врачей	1	2	2	1

Примечание: ранжирование от более значимого показателя к менее значимому

Анализ таблицы 1 показывает средний балл значимости влияния показателей на здоровье младенца. Так результаты опроса родителей показывают, что они ответственность за здоровье младенца перекладывают на других лиц или обстоятельства. На лицо эгоистичная позиция.

У студентов, выражен познавательный интерес. Они ратуют за знания, поэтому ведущие места занимают показатели «Опыт врачей» и «Образ жизни родителей». Первокурсники, как бы, отождествляют свой образ жизни с образом жизни родителей ребенка.

Изучение учебных дисциплины «Биология», медицинских тем в курсе «ОБЖ» в школе обуславливает первостепенность и важность факторов «Экология» и «Опыт врачей».

Средний медицинский персонал наиболее адекватно, по сравнению с другими группами, расставил приоритеты. Их ранжирование совпадает с нашей точкой зрения.

Ведущие места занимает фактор «Опыт врачей». На третьем месте - «Здоровье родителей». Значимость остальных факторов варьируется в зависимости от социального статуса испытуемого и рода деятельности.

Таким образом, лица, имеющие в своих руках профессию, работающие, ставят в приоритет знания, опыт, умения специалистов, их профессионализм. К ним мы отнесли родителей, пап и мам, и средний медицинский персонал. Однозначно на первое место выдвигают фактор «Опыт врачей». Учащиеся, одиннадцатиклассники и первокурсники, «Опыт врачей» отодвигают на второе место, предоставляя пьедестал изучаемому материалу, акцентируя свою социальную значимость. Это факторы «Экология» и «Образ жизни родителей», соответственно. Следовательно, факторы - уровень развития системы здравоохранения, социально-экономические условия, наследственность, экология влияют на здоровье малыша, что подтверждают данные литературных источников.

На основании вышеизложенного предлагаем преподавателям физической культуры, биологии, ОБЖ, химии, экологии и др. усилить актуальность преподаваемых дисциплин, а именно объяснять юношам и девушкам, что существуют в организме процессы, формируемые при жизни, и передающиеся по наследству. Например, объём максимального потребления кислорода развивается на уроках физической культуры, плаванье, лыжных прогулках и т.д. От него зависит и выживаемость мамы в родовой деятельности, в полостных операциях, а также показатель гемоглобина как у родильницы, так её ребенка, раскрытие лёгких малыша, функционирование всех рефлексов, желудочно-кишечного тракта. Другой пример, интеллект. Получение образования, систематическая тренировка памяти, мышления и других познавательных процессов характерологических аспектов личности, способностей фундаментируют интеллектуальные составляющие родителей, обуславливают развитие будущих детей [1]. Следовательно, знакомство и понимание учащимися и студентами актуальности выполняемых физических упражнений способствует закладыванию высоких показателей физического развития будущего поколения страны. Стимулирование мотивации учебной и трудовой деятельности родителей полагает высокое умственное развитие будущих детей.

Литература:

1. Великова С.А., Ткаченко Е.С., Супагина Т.К. Одаренные: Ч.2 программно-методический комплекс «Социально-психологическое формирование подростка»: Учебное пособие /С.А. Великовой, Е.С. Ткаченко, Т.К. Супагиной – Владимир: Владим.гос. ун-т, 2004г –С.24-31. - ISBN:5-89368-466-4

2. Кулагина И.Ю Возрастная психология (Развитие ребенка отрожденпия до 17 лет): Учебное пособие/И.Ю. Кулагиной – М: Изд-во РОУ, 1996 – С.62. - - ISBN: 5-204-00081-Х

3. Лазарев, М. Л. Воздействие психологических факторов на физическое здоровье детей: специальность кандидат психологических наук «19.00.13»: Автореферат на соискание кандидата педагогических наук / Лазарев, М. Л.; МГПУ. — Москва, 1997. — 25 с.

4. Лич. П Младенец и ребенок: От рождения до пяти лет/ М.И. Лисина, Е.В. Бодрова – М: Педагогика- Пресс, 1992г. – С 63-162. - - ISBN:5-7155-0591-7.

5. Лупандина –Болотова Г.С. Сидеть, ползать, ходить/ О. Морозовой – Р/нД: Феникс, 2021г – 127с - ISBN: 978-5-222-33050-0.

6. Фельдштейн Д.И. Проблемы формирования личности растущего человека на новом историческом этапе развития общества// Образование и наука. 2013. № 9 (108). [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-lichnostirastusc hego-cheloveka-na-novom-istoricheskom-etape-razvitiya-obschestva?ysclid =mr 0f 3c 6p27458163487 (дата обращения 30.06.2026г).

Калимуллин Адель Маратович
Kalimullin Adel Maratovich
соискатель

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ И МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

DEVELOPMENT OF CIVIC-PATRIOTIC QUALITIES AND MOBILIZATION READINESS OF UNIVERSITY STUDENTS BY MEANS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY LIBRARY

Аннотация. В условиях современной трансформации системы высшего образования Российской Федерации приоритетным направлением государственной политики становится обеспечение национальной безопасности через укрепление духовно-нравственных основ общества. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи перестало быть исключительно идеологической задачей, превратившись в стратегический ресурс развития государства. Мобилизационная готовность студентов, понимаемая как комплексная характеристика личности, включающая правовую грамотность, физическую и психологическую подготовленность, а также глубокое осознание гражданского долга, требует новых педагогических подходов. Традиционные методы лекционного воздействия часто оказываются недостаточно эффективными для формирования внутренних убеждений. В этом контексте образовательная среда университетской библиотеки выступает уникальным инструментом, способным интегрировать информационные, культурные и социальные ресурсы для целенаправленного воспитания гражданина и защитника Отечества. Библиотека современного вуза эволюционировала из пассивного хранилища знаний в активный центр коммуникации, где формируются ценностные ориентации и социальный опыт студентов. Использование потенциала библиотечного пространства позволяет реализовать принципы непрерывности и системности в патриотическом воспитании, создавая условия для добровольного погружения молодежи в историко-культурный контекст страны.

Abstract. The article explores the potential of the university library educational environment in forming civic-patriotic qualities and mobilization readiness among students. The authors analyze the transformation of the modern university library into a multifunctional center for socio-cultural and patriotic education. Special attention is paid to the integration of library resources into the system of extracurricular activities aimed at preparing youth for military service and civil defense. The study presents an analysis of effective formats such as interactive historical exhibitions, document-based quests, and discussion platforms hosted within library spaces. Statistical data on student engagement and changes in their attitude towards military service are provided. The results demonstrate that a systematic approach to utilizing the library environment significantly contributes to the development of civic identity, legal awareness, and psychological resilience among students. The article proposes a model for integrating library activities into the overall strategy of patriotic education in higher education institutions.

Ключевые слова: гражданско-патриотические качества, мобилизационная готовность, образовательная среда библиотеки, высшее образование, студенческая

молодежь, патриотическое воспитание, информационная культура, социализация личности, университетская библиотека.

Keywords: civic-patriotic qualities, mobilization readiness, library educational environment, higher education, student youth, patriotic education, information culture, personality socialization, university library.

Проблема формирования гражданско-патриотических качеств и мобилизационной готовности студентов является одной из наиболее острых в современной педагогике высшей школы. Сущность данного процесса заключается не только в передаче знаний об истории страны и основах военной службы, но и в формировании устойчивой внутренней позиции, основанной на любви к Родине, уважении к ее законам и готовности к защите государственных интересов. Мобилизационная готовность в широком смысле включает в себя способность личности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, действовать в команде и брать на себя ответственность в критических ситуациях. Эти качества невозможно сформировать исключительно в рамках аудиторных занятий по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» или «История России». Требуется создание особой образовательной среды, которая бы стимулировала самостоятельную познавательную активность и эмоциональное вовлечение студента.

Университетская библиотека обладает всеми необходимыми характеристиками для выполнения этой роли. Она располагает уникальными фондами редких изданий, архивными документами, мультимедийными ресурсами, а также предоставляет комфортное пространство для дискуссий и групповой работы. Однако потенциал библиотеки часто остается нераскрытым из-за отсутствия четкой методологии интеграции библиотечных услуг в систему военно-патриотического воспитания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных моделей взаимодействия библиотек с подразделениями по воспитательной работе и кафедрами военного обучения. Эффективное использование библиотечной среды позволяет преодолеть разрыв между теоретическими знаниями и практическими установками студентов, превращая абстрактные понятия патриотизма в личностно значимые ценности.

Теоретические основы формирования гражданственности и патриотизма в системе высшего образования подробно раскрыты в трудах отечественных ученых.

Фундаментальный вклад в разработку концепции личностно-ориентированного воспитания внес И.А. Зимняя, чьи работы позволяют понять механизмы интериоризации социальных норм студентами. Ее идеи о ключевых компетенциях служат базой для понимания того, как патриотизм может быть рассмотрен как профессионально-личностное качество будущего специалиста [1]. Проблематику патриотического воспитания в контексте современных вызовов исследует А.С. Нефедова, которая считает, что «профессиональная подготовка будущих специалистов в высших учебных заведениях представляет собой сложную по структуре, многокомпонентную педагогическую модель, необходимо уделять особое внимание воспитанию студентов, так как в процессе профессионального становления будущего специалиста происходит активное осмысление и осознание социальной позиции и ответственности» [2, с. 74].

Роль библиотеки и превращение ее в многофункциональный центр, удовлетворяющий разнообразные потребности населения в творчестве, досуге и информации рассматриваются И.А. Соловьевой, Н.С. Алексеевым. Авторы доказывают, что «сегодня библиотеки – это современные многопрофильные социокультурные центры, которые должны формировать у молодого поколения интерес к традиционным российским духовно-нравственным и культурным ценностям на основе разнообразных молодежных практик» [3, с. 187].

Вопросы подготовки молодежи к военной службе и формирования их правовой культуры рассматриваются в исследованиях О.А. Беляевой, которая акцентирует внимание на том, что это организованный, целенаправленный процесс воздействия на конкретную личность [4].

Современные университетские библиотеки активно трансформируют свои услуги, ориентируясь на запросы в сфере гражданско-патриотического воспитания. Одним из ключевых направлений является создание специализированных зон «Патриот» или «Гражданин», где сосредоточены материалы по истории государства, военному праву, биографии героев России и литература по основам обороны страны. Доступ к таким ресурсам организован таким образом, чтобы стимулировать самостоятельное изучение темы. Студенты могут не только читать книги, но и работать с оцифрованными архивными документами, письмами с фронта, что создает эффект сопричастности к истории.

Библиотеки становятся центрами проведения интерактивных мероприятий, таких как исторические реконструкции на основе документальных источников, встречи с участниками боевых действий и представителями поисковых отрядов. Эти события позволяют студентам увидеть живые примеры служения Отечеству, что оказывает сильное эмоциональное воздействие. Важную роль играют дискуссионные площадки, организованные в библиотеке, где обсуждаются вопросы геополитики, национальной безопасности и этики воинского долга. Модерация таких дискуссий сотрудниками библиотеки и преподавателями помогает студентам формировать аргументированную позицию и развивать навыки критического мышления.

Цифровые технологии расширяют возможности библиотечной среды. Создание виртуальных музеев боевой славы, онлайн-квестов по истории военных конфликтов и мобильных приложений с тестами на знание государственной символики делает процесс воспитания более привлекательным для цифрового поколения. Библиотека также сотрудничает с военными комиссариатами, предоставляя пространство для информационных дней призывника, где студенты могут получить квалифицированные консультации по вопросам отсрочек, льгот и прохождения службы. Таким образом, библиотека выступает связующим звеном между государством и молодежью, обеспечивая прозрачность и доступность информации о военной службе.

Образовательная среда университетской библиотеки играет ведущую роль в формировании гражданско-патриотических качеств благодаря своей способности сочетать информационную насыщенность с коммуникативной открытостью. В отличие от строго регламентированной аудиторной среды, библиотека предлагает пространство свободы выбора, что способствует добровольному принятию ценностей патриотизма. Студент сам выбирает литературу, участвует в мероприятиях и определяет глубину своего погружения в тему, что повышает эффективность усвоения материала.

Библиотечная среда способствует развитию социальной активности студентов через волонтерские программы, связанные с сохранением исторической памяти, оцифровкой документов и помощью ветеранам. Участие в таких проектах формирует чувство личной ответственности за сохранение культурного наследия страны. Кроме того, библиотека предоставляет возможности для развития лидерских качеств, так как многие мероприятия требуют организации и координации усилий студенческих групп.

Интеграция библиотечных ресурсов в учебный процесс по предметам

гуманитарного и социального цикла усиливает воспитательный эффект. Преподаватели используют библиотечные фонды для проведения семинаров и практикумов, что позволяет студентам работать с первоисточниками и формировать собственное мнение на основе фактов. Такая практика развивает интеллектуальную независимость и гражданскую зрелость. Библиотека также выступает платформой для межкультурного диалога, что важно для формирования толерантности и единства многонационального народа России. Образовательная среда библиотеки становится катализатором процессов становления личности гражданина и патриота.

Для оценки динамики изменения отношения студентов к вопросам военной службы и гражданской ответственности в результате участия в библиотечных программах были проведены социологические опросы.

Таблица 1. Динамика изменения уровня информированности студентов о правовых аспектах военной службы после посещения библиотечных правовых консультаций (2023–2025 гг.)

Год	Процент студентов с низким уровнем знаний (%)	Процент студентов со средним уровнем знаний (%)	Процент студентов с высоким уровнем знаний (%)
2023	45	40	15
2024	32	48	20
2025	18	42	40

Данные таблицы демонстрируют существенный рост доли студентов с высоким уровнем правовой грамотности. Это свидетельствует об эффективности работы библиотечных правовых центров и их востребованности среди молодежи. Повышение информированности напрямую коррелирует со снижением страха перед призывом и формированием осознанной готовности к службе.

Эффективность различных форматов библиотечной работы в формировании патриотических качеств оценивалась по степени вовлеченности студентов и качеству обратной связи.

Таблица 2. Сравнительный анализ эффективности форматов библиотечных мероприятий по формированию гражданско-патриотических качеств

Формат мероприятия	Уровень вовлеченности (по 5-балльной шкале)	Влияние на эмоциональную сферу	Влияние на когнитивную сферу
Лекции с приглашенными экспертами	3.2	Среднее	Высокое
Интерактивные выставки	4.8	Очень высокое	Среднее

с VR-технологиями			
Документальные квесты по архивным материалам	4.5	Высокое	Высокое
Дискуссионные клубы «Гражданин и Закон»	4.1	Высокое	Очень высокое

Анализ показывает, что интерактивные и дискуссионные форматы вызывают наибольший отклик у студентов. Сочетание эмоционального воздействия (через VR и личные истории) с интеллектуальной работой (квесты и дискуссии) дает наилучший результат в формировании целостного патриотического мировоззрения.

Психологическая готовность к мобилизации включает в себя стрессоустойчивость и уверенность в своих силах. Библиотечные тренинги и группы поддержки способствуют улучшению этих показателей.

Таблица 3. Изменение показателей психологической устойчивости студентов после участия в цикле библиотечных программ «Защитник» (N=250)

Показатель	До начала программ (средний балл)	После завершения программ (средний балл)
Уровень тревожности перед призывом	4.2	2.8
Уверенность в знании своих прав	2.5	4.1
Готовность к выполнению гражданского долга	3.1	4.3

Снижение уровня тревожности и рост уверенности в своих правах подтверждают терапевтический и просветительский эффект библиотечных программ. Студенты чувствуют себя более защищенными и информированными, что положительно сказывается на их общей мобилизационной готовности.

В связи с этим, мы можем утверждать, что образовательная среда университетской библиотеки представляет собой мощный ресурс для формирования гражданско-патриотических качеств и мобилизационной готовности студентов. Интеграция библиотечных услуг в систему воспитательной работы вуза позволяет создать непрерывный процесс развития личности, основанный на знаниях, эмоциях и действиях. Перспективы развития этого направления связаны с дальнейшей цифровизацией контента, расширением партнерских связей с общественными организациями и углублением исследовательской работы по оценке долгосрочного эффекта библиотечного воспитания. Только комплексный подход, объединяющий усилия всех участников образовательного процесса, позволит подготовить поколение молодых людей, осознающих свою ответственность перед страной и готовых к ее

защите.

Литература:

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 128 с.

2. Нефедова А.С. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2018. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-studentov-v-sovremennom-vuze-1 (дата обращения: 14.07.2026).

3. Соловьева И.А., Алексеев Н.С. Библиотека как пространство социокультурного взаимодействия с молодежью // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2025. №2 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biblioteka-kak-prostranstvo-sotsiokulturnogo-vzaimodeystviya-s-molodezhyu (дата обращения: 14.07.2026).

4. Беляева О.А. Подготовка к воинской службе как педагогическая проблема // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2015. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-k-voinskoy-sluzhbe-kak-pedagogicheskaya-problema (дата обращения: 14.07.2026).

5. Гребенюк Е.В. Технологии патриотического воспитания в высшей школе. – СПб.: Питер, 2021. – 204 с.

6. Лутовикина М.А. Самообразование и самовоспитание будущего учителя. – М.: Академия, 2020. – 312 с.

7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп.).

8. Концепция развития воспитания в сфере общего образования в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена приказом Минпросвещения России от 31.07.2020 № 373.

9. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические произведения: В 5 т. Т. 3. Методика воспитания коллектива. – М.: Просвещение, 2019. – 672 с.

Dreifeld Oksana Viktorovna
Дрейфельд Оксана Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: filoxenia@mail.ru

ЭСТЕТИКА «ВОПЛОЩЁННОГО ЧТЕНИЯ»: РЕЦЕПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. НАБОКОВА

THE EMBODIED AESTHETICS OF READING: RECEPTIVE STRATEGIES IN THE WORKS OF V. NABOKOV

Аннотация. Актуальность. Изучение телесности в практике чтения приобрело важное значение в литературной и эстетической теории, особенно в рамках феноменологической эстетики и эстетики. Произведения Владимира Набокова представляют собой уникальный случай для исследования того, как перцептивные и телесные аспекты восприятия участвуют в творческом процессе и в восприятии текста читателем.

Цель. В данной статье рассматривается, как поэтика произведений Набокова интегрирует погружение в восприятие и аналитическую отстранённость, конструируя «идеального читателя», который воспринимает словесные образы и физически взаимодействует с художественным текстом.

Материалы и методы. Корпус текстов включает прозу и поэзию Набокова («Тяжелый дым», «Первое стихотворение», «Большая Медведица» и «Бабочка»), проанализированные с помощью методов сравнительного литературоведения, стилистического анализа и интерпретации.

Результаты. Исследование выявляет две ступени вовлечения читателя во взаимодействие с набоковским текстом: начальное погружение — первый этап чтения, характеризующийся контактом с пространственно-временными образами набоковского текста, сенсомоторной стимуляцией и ритмической настройкой, которая может влиять на дыхание и телесные реакции читателя в процессе чтения; аналитическая отстраненность — этап перечитывания, позволяющий создать эстетический синтез представленной текстом реальности

Использование Набоковым ритмических, синтаксических и графических приемов создает визуальные метафоры, такие как эффект «трепещущих крыльев» в стихотворении «Бабочка». Эти особенности формируют сенсорный резонанс и вовлекают читателя в активное сотворчество.

Заключение. Эстетические стратегии Набокова позиционируют телесное вовлечение как существенный, а не случайный компонент литературного опыта. Сочетая мнемонические, сенсорные и когнитивные приемы, его произведения культивируют усиленную форму эстетического восприятия, в которой читатель становится соавтором. Данное исследование демонстрирует, что синтез перцептивного погружения и аналитической дистанции у Набокова превращает чтение в динамичный, телесный акт, объединяя интеллектуальную интерпретацию с телесным участием и подтверждая материальные и аффективные измерения литературы.

Abstract. Relevance. The study of embodiment in reading practices has gained prominence in literary and aesthetic theory, particularly within phenomenological aesthetics and somaesthetics. Vladimir Nabokov's works present a unique case for exploring how intellectual and corporeal dimensions of perception interact in both literary creation and reception.

Purpose. This article examines how Nabokov's poetics integrate perceptual immersion and analytical detachment, constructing an "ideal reader" who engages imaginatively and physically with the artistic text.

Materials and Methods. The corpus includes Nabokov's prose and poetry (Heavy Smoke, The First Poem, The Big Dipper, *and* The Butterfly) analyzed through comparative literary study, stylistic analysis, and phenomenological-aesthetic interpretation.

Results. The research identifies a dual-mode model of readerly engagement: Initial immersion - the first reading stage, characterized by absorption into the spatiotemporal structure of the text, sensorimotor simulation, and rhythmic attunement that can affect breathing and bodily tempo; analytical detachment - the rereading stage, enabling reflective distance and aesthetic synthesis.

Conclusion. Nabokov's aesthetic strategies position bodily engagement as an essential -not incidental - component of literary experience. By aligning mnemonic, sensory, and cognitive channels, his works cultivate an intensified form of aesthetic perception in which the reader becomes a co-creator. This study demonstrates that Nabokov's synthesis of perceptual immersion and analytical distance transforms reading into a dynamic, embodied act, merging intellectual interpretation with corporeal participation, and reaffirming the material and affective dimensions of literature.

Ключевые слова: телесная эстетика, Владимир Набоков, соматическое вовлечение, литературное восприятие, феноменология чтения, телесное познание, временные телесные эффекты, сотворческое чтение, русская поэзия Набокова

Keywords: embodied aesthetics, Vladimir Nabokov, somatic engagement, literary reception, phenomenology of reading, corporeal cognition, temporal embodied effects, co-creative reading, Nabokov's Russian poetry

Introduction

Vladimir Nabokov's creative practice is characterized by a profound interest in the role of the reader in the process of aesthetic communication. Nabokov not only theorized readerly activity in essays such as "Good Readers and Good Writers" and "The Art of Literature and Common Sense", but also performed the role of the reader himself in his lectures on Russian and Western literature, and further explored the reader as a character in his own fiction. In doing so, he constructed metaliterary frameworks that reflect on and dramatize the act of reading within fictional worlds.

In his university lectures, Nabokov encouraged his audience to develop what he called the "art of reading," which he understood as a proper, intimate, and imaginative engagement with the text. At the same time, he emphasized the importance of ***enjoyment*** in the act of

reading — what he famously called “reading with the spinal cord.” This notion reveals his attention to the pre-reflective, embodied nature of aesthetic response, and his interest in the phenomenological and even physiological dimensions of literary reception.

As early as the 1920s, émigré critic Gleb Struve noted the unusual fusion in Nabokov’s early prose between linguistic virtuosity, hypersensitive visual perception, and an exceptionally vivid memory – what Struve called a “mysterious, almost uncanny fusion of perception and inscription.” (Adamovich, 1997: 249) Similarly, Mikhail Kantor remarked on the exhaustion he experienced while reading Nabokov’s fiction, due to the author's obsessive insistence on transferring sensory experience to the reader (Kantor, 1997: 236-237). Even critical voices such as Georgy Adamovich and Georgy Ivanov recognized the almost physical pleasure elicited by Nabokov’s prose.

This integration of the sensory into the creative act – this emphatic unity between the “inner” (memory) and the “outer” (sensory, bodily perception) – forms a hallmark of Nabokov’s aesthetic world, as noted by both critics and scholars. In the twentieth century, this phenomenon has been explored in various disciplinary frameworks: in philosophy (notably by Maurice Merleau-Ponty (Merleau-Ponty, 1992), who emphasized the bodily basis of perception), in the psychology of art (where affective embodiment is seen as the ground of imaginative experience), in aesthetics (particularly through the lenses of embodied aesthetics and somaesthetics), and in linguistics (in studies of sensory metaphors).

Nabokov himself frequently reflected on the role of sensory experience in literary creation. In a review of Ivan Bunin’s poetry, for instance, he described what he saw as the “essence of poetic feeling” as “the purest, most divine emotion a person can feel while looking at the fresco of the world, listening to its sounds, breathing its smells, absorbing its heat, dampness, cold.” (Nabokov, 1997: 37) Sensory perception is here positioned as the starting point of artistic transformation: “by perceiving the harmony of light in nature, the poet transforms it into a harmony of sound, as though preserving the same sequence, observing the same order.”

This “embodied spirit,” immersed in the materiality of the world, according to Nabokov, defines not only the writer or poet, but also the reader. As Nina Berberova noted, “Nabokov not only wrote in a new way – he also taught how to read in a new way.” **(**Yanovsky, 1997, 189). In prescribing the reading process, Nabokov insists on the importance of not only intellectual but also bodily participation: “The qualities of good reading are that you read a

book not only with your mind but with your spinal cord... A tingle in the spine really tells you that the author is communicating emotion, and you are receiving it.” (Nabokov, 1997: 164)

One of the significant corporeal metaphors of reading employed by Vladimir Nabokov – and one that also resonates throughout cultural history – is the metaphor of reading as pleasure, as sensual enjoyment. This trope presents the literary text as an object of sensory "consumption" and gustatory "delight." The tradition can be traced back to the Bible, where the prophet Ezekiel recounts a divine address: “Son of man, feed thy belly, and fill thy bowels with this roll that I give thee. Then did I eat it; and it was in my mouth as honey for sweetness” – a scroll to be eaten, sweet “as honey” on the tongue. Centuries later, Niccolò Machiavelli evoked a similar metaphor when he compared reading to a royal feast:

“In the evenings I return home and go into my study. On the threshold, I take off my workday clothes, covered in mud and dust, and put on regal and courtly garments. Thus appropriately attired, I enter the courts of ancient men. Welcomed by them, I partake of the food that is truly mine, and for which I was born.”

In Nabokov’s novel Invitation to a Beheading, the act of reading is likened to the consumption of a delicacy, serving as a source of both pleasure and sensuous gratification:

“So then – we are nearing the end. True, there remains the untouched part of the unfolded novel, which we gently fingered in the midst of this luscious reading, instinctively checking how much was left (and always our fingers were delighted by its calm, reassuring thickness) – but suddenly, without warning, that thickness proved pitifully thin: a few swift downhill minutes of reading – and... dreadful! A heap of cherries, glowing red and stickily black before us, had suddenly turned into individual berries: that one, scarred, has rotted; and this one is shriveled, dried around its pit.” (Nabokov, 2021:4)

Here, the reader’s sensual enjoyment of the text is replaced by disappointment as the book draws to a close – the “instinctive checking” of what remains becomes a physical gesture of embodied participation in the reading process.

These examples of reflection emphasize that for Nabokov, the pleasure of reading is inherently phenomenological and embodied: it is a gustatory, decelerated experience that precedes any analytical processing. However, as Russian philosopher and literary theorist V. F. Asmus (Asmus, 1961) has observed aesthetic pleasure does not0 arise in spite of the difficulty of reading but rather because of it – through the resistance of form, the complexity of artistic convention, and the demand to “draw toward oneself” an unfamiliar system of

values. In his essay “Good Readers and Good Writers,” Nabokov introduces the opposition between the “gloomy reader” and the “radiance of the book,” underscoring the necessity of both physiological and cognitive adjustment in perception, whereby the text demands a visual effort – a “focusing” on an alien worldview.

Thus, reading as pleasure is inextricably linked with mental and physical exertion, with immersion in otherness, where bodily delight is inseparable from the labor of imagination and sensuous participation. This model unites taste, perception, resistance, and interpretation into a coherent receptive strategy.

Statement of the Problem

Despite the abundance of literary and philosophical studies devoted to Vladimir Nabokov’s oeuvre, the specific authorial strategies aimed at stimulating the reader’s sensory perception and receptive engagement with literary texts remain insufficiently explored. While the centrality of the reader in Nabokov’s aesthetic theory is widely acknowledged, this role is often examined either within the framework of interpretative function or as the target of authorial manipulation. In contrast, the phenomenon of the reader’s sensory involvement – their corporeal and perceptual co-participation in the act of reading – requires dedicated analysis.

It is necessary to investigate which artistic devices and narrative strategies Nabokov employs to elicit pre-reflective, bodily-sensory responses from the reader, and how this aesthetic orientation is reflected both in his meta-reflective commentary on the reading process (in essays, lectures, and annotations) and in the poetics of his fictional works.

Particular interest lies in Nabokov’s meta-literary texts, in which acts of perception and imagination are embedded within the narrative structure and become objects of representation. These texts demonstrate how literary form can model an ideal mode of readerly engagement – visually alert, corporeally involved, and capable of experiencing pleasure in the very process of reading.

Accordingly, the present study aims to identify and describe the strategies of artistic modeling of readerly experience in Nabokov’s works, with a particular focus on the sensory and corporeal dimensions of perception and participation in the act of reading.

Theoretical Framework

A key concept governing the reader’s behavior in Vladimir Nabokov’s receptive aesthetics is the notion of “pleasure/enjoyment derived from the text.” The hedonic aspect of

reading constitutes a complex concept within receptive aesthetics and the phenomenology of reading, implying that literary reception involves a sensuous experience. This experience is grounded in an affective response that engages the reader in interaction with the text, generating a certain tension, anticipation, a sense of internal participation, and physical arousal – followed by the resolution of this tension. For Nabokov, pleasure in reading does not appear as an external byproduct of the act of reading but rather as a prerequisite and a form of immersion necessary for a full-fledged readerly reception.

Certain concepts developed in twentieth- and twenty-first-century theory are applicable to this interpretation of readerly perception. First, Roland Barthes's concept of jouissance serves as a relevant theoretical tool, particularly as distinguished from plaisir in his 1973 essay Le plaisir du texte. Barthes associates the productivity of such a readerly response as jouissance with the awakening of psychophysiological tension within the reader, leading to a loss of orientation and a departure from habitual, automated perception, producing aesthetic shock and enjoyment. Like Aristotle's catharsis, Barthes's jouissance is not a purely intellectual process, as it is based on affects that manifest directly in the reader's bodily state (trembling, numbness, tears, irregular breathing being some symptoms of such agitation).

Furthermore, the theory of Embodied Reading is highly pertinent to the stated problematics. This theory elucidates how literary texts activate bodily responses in readers during the act of reading (Mangen, 2016; Zwaan and Taylor, 2006). For example, Sklar et al. demonstrated in their study how texts with fragmentary structures, verbs naming bodily activities, and synesthetic images literally activate brain areas responsible for movement, speech, and breathing (Sklar et al., 2012; Funch 2012). Embodied reading relies on enactive narratology, which asserts that the meaning of a text is formed through the interaction of body, experience, and text, sustaining the process of meaning-making not only on a reflective level but also on a corporeal-sensory one.

In post-Soviet structuralism, Vladimir Podoroga developed a theory of bodily phenomenology, within which the notion of psychomimesis plays a significant role (Podoroga, 1993: 10–11). Podoroga conceptualized the body as radically heteronomous, perpetually influenced by the Other (text, discourse, speech). Psychomimesis refers to the process of bodily response, including the reader's bodily imitation of visual and corporeal metaphors represented in the text, which evoke somatic tension in response to events or to textual devices such as pauses, repetitions, rhythm, and breaks. Podoroga's idea of utilizing the resources of

imagination and mimetic reading to “share the rhythm of the read” aligns closely with Nabokov’s receptive conceptions.

Thus, the theoretical framework that clarifies the perceptual aspects of reading and the pleasure of reading in Nabokov’s poetics encompasses concepts that demonstrate how pleasure emerges from a combination of perceptual and intellectual work, wherein the reader, overcoming the resistance of the text, gains the capacity for deep empathy, catharsis, and bodily-emotional upheaval. These include Barthes’s jouissance, Podoroga’s ideas of psychomimesis (experiential engagement), and the embodied reading paradigm, which focuses on how the text initiates not only understanding but affective involvement and bodily response across all levels of receptive activity.

This study employs a comprehensive interpretative approach that integrates methods of philological analysis, phenomenological hermeneutics, and elements of reader-response theory. The primary aim is to identify the artistic strategies within the text that activate the reader’s embodied and sensory perception, thereby shaping a distinctive receptive disposition grounded in aesthetic pleasure, embodied involvement, and psychomimetic participation.

The investigation of Nabokov’s authorial concepts of creative reception is based on his essays, lectures, and interviews, while the identification of textual strategies is conducted using a selection of Nabokov’s poetic works (including The Butterfly, Dimensions, and others).

To detect textual elements that elicit a bodily-emotional response in the reader, we isolate fragments that: (1) foreground the activity of the sensory organs (vision, hearing, touch, etc.); (2) contain descriptions that evoke sensual perception or somatic reaction; and (3) emphasize imaginative immersion into the fictional world or depict how a concrete, sensuous image provokes a responsive reaction from either the reader or a character within the text.

The selection of these fragments is determined by the need to examine how perceptual mechanisms embedded in literary texts affect the reader. The mechanisms under consideration include:

1. Sensorimotor simulation – the description of bodily, sensory, or motor experiences during reading activates the same neural networks in the reader as those engaged during actual perception or action (Barsalou, 2008);

2. Affective bodily memory – through the textual display of affects, bodily schemas associated with specific emotions or states are recognized and reactivated (Casey, 2000; Fuchs, 2012);

3. Interoception – the awakening of internal bodily sensations through reading, such as muscle tension, increased heart rate, changes in breathing rhythm and depth, tear production, etc.;

4. Somatic imagination – descriptions of touch, temperature, and texture stimulate the reader's somatic imagination by appealing to tactile sensitivity (Green, Brock, 2000), among others.

This is a qualitative study grounded in the following methodological principles:

1. Slow reading (close reading) of Nabokov's literary and critical texts to identify representations of embodied perception, gustatory and sensory metaphors, and their role in shaping the reader's experience;

2. Narratological analysis, which aims to uncover narrative structures that model corporeal reader involvement – such as decelerated rhythm, synesthetic imagery, fragmented composition, repetition and pause, and verbal devices that simulate the perception of time and space;

3. Intertextual and metareflexive analysis, applied to Nabokov's essays, lectures, and interviews, in which he reflects on the processes of reading and writing, thereby proposing a model of ideal readerly response. These texts are treated as paradigmatic sources of the author's receptive aesthetics;

4. Comparative-analytical approach, used to verify and generalize findings by comparing specific techniques across different works by Nabokov, including both critical and literary texts.

Discussion

An analysis of Vladimir Nabokov's works that contain reflections on the nature of literary creativity reveals a staged model of his creative strategy. n Nabokov's conception, the creative act begins with an intense perception of external reality – primarily corporeal-sensory, and especially visual. At the initial stage, the capacity of perception to "disjoin" becomes essential: to break free from culturally fixed representations and to liberate the object from its habitual meanings. Such perception is made possible through a particular mode of contemplation that arises at the threshold of consciousness – during states of sleep, half-sleep, hallucination, or meditative concentration. These transitional states grant access to an estranged, unfamiliar phenomenality of the surrounding world, which is perceived as though for the first time.

In the essay The Art of Literature and Commonsense**,** Nabokov describes this stage as the initial phase of the creative process, wherein the object is stripped of its utilitarian function and linguistic fixity, appearing instead in an altered perspective – outside its predetermined semantic shell (Nabokov, 1996: 70). Nabokov characterizes this state as a kind of "reptilian torpor," emphasizing the physiological basis of the experience: a temporary "switching off" of the subject's bodily interaction with the physical world and a focused attention on pure visual phenomenality, observed as an object that simultaneously belongs to both the real and the imagined realms.

A literary representation of this stage in the creative process is offered in Nabokov's short story The Vane Sisters (in Russian: Tyazhëlyi dym / "Heavy Smoke"), where a character lying motionless on a couch observes the uncanny transformations of the surrounding world into an imagined reality. The very first sentence of the story registers the moment of the protagonist's transition into an altered perceptual state:

"When, almost all at once, the row of lamps hanging above the street lit up as far as Bayerischer Platz, everything in the unlit room shifted slightly off its lines under the influence of the street beams, which first of all took an impression of the pattern on the muslin curtain." (Nabokov)

This shift in the contours of objects, caused by the refracted light, models a transformation of the perceptual environment: physical reality seems to reconfigure itself according to the new logic of imagined perception. This effect can be interpreted as an activation of sensorimotor simulation mechanisms – where the described visual metamorphoses draw the reader into simulating the protagonist's perceptual experience, thereby transferring perception from an external mode to a corporeally imagined dimension.

The gradual "adjustment" of vision ("As soon as the eye grasped the mechanism of these metamorphoses…") illustrates not merely the operation of imagination but the development of a specific perceptual optics that enables the character-as-creator to perceive the everyday space as a landscape of imagination – a domestic cosmos, a graphic mirage. This visual transformation of the world is not facilitated by optical instruments (the protagonist puts aside his pince-nez), but rather by a bodily gesture – squinting – which marks the transition to an altered mode of perception. This moment may be interpreted through the lens of somatic imagination, wherein microgestures of the body (e.g., changes in the tension of the eye muscles) become the conditions for the activation of imaginal reality.

As a result of this sustained visual focus, an imagined maritime landscape gradually emerges, superimposed upon the interior space of the room. Its manifestation is linked not only to visual metaphor but also to the rhythm and composition of the narrative – the fluid syntax and deliberately slowed tempo of description encourage the reader's interoceptive involvement. A sense arises of movement within a fluid, unstable space in which the boundaries between the character's body and the imagined world are dissolved.

The creative-receptive potential of this state is revealed most vividly in the closing moments of the episode, where the protagonist experiences himself as a boundless body capable of flowing into other objects: "his hand, for instance, could be the alleyway on the other side of the house, and his spine – the ridge-shaped cloud stretching across the sky…" This passage describes a state in which the protagonist is likened to a jellyfish – an emblem of corporeal dissolution that opens the path to a multiplicity of forms and to a sensuous infinitude.

The next stage of the creative process involves the synchronization of perceptual impulses with unconscious memory traces:

"A passerby is whistling some tune at the very moment you notice the reflection of a branch in a puddle, which in turn – and simultaneously – evokes the memory of moist green leaves and warbling birds in an overgrown garden, and an old friend suddenly steps out of the past, smiling and folding a wet umbrella." (Nabokov, 1996: 71)

Present sensations elicit mnemonic associations, forming a multilayered, affectively charged structure. Nabokov refers to this experience as "a relatively simple type of spiritual excitation" (ibid.), which arises from the superimposition of auditory, visual, and tactile impressions. For instance, the perceptual unity of vivid impressions: auditory (the whistled melody), visual, and – partly – tactile (the impression of "wet leaves" triggered by the reflection of a branch in the puddle: the shimmering surface of the water evokes the sensation of smooth, glossy foliage after rainfall). These impressions are processed instantaneously at the level of embodied perception. What follows is the internal work of consciousness: kinesthetic impressions merge with mnemonic ones. The memory of "moist green leaves" (the sensory impression of color and shine) and "warbling birds" (the heard trill and the tactility suggested by the word zalivayushchiesya – "warbling," but retaining an inner connection to something flowing or drenched) leads to the culminating association of the "overgrown garden" (an impression of sensory density, of a space saturated and enclosed), which in turn

triggers the sudden appearance of an “old friend” (“overgrown” → “forgotten” → “an old friend with a wet umbrella,” “long deceased,” emerges from the enclosure of oblivion).

At this level, the internal work of consciousness begins to take shape as a creative impulse. Imagination is activated as a productive force, and the subject enters a state of inward concentration. In Nabokov’s conception, inspiration is not merely a moment of ecstatic rapture, but a sequential recapture – a reconstruction of the image, and a transition toward the structural, sonic, and visual organization of the text. Within this framework, the bodily component assumes particular significance: inspiration is defined as “an impulse arising at the intersection of corporeal and intellectual experience.”

A key element in this process is a particular form of embodied inhabiting of the emerging world and text, which are perceived as an organically unified structure inseparable from the subject of their creation. The fictional world appears as an imagined space with its own landscape, within which the author functions as a mythopoetic demiurge: he “names the objects,” “maps the world,” and establishes the internal logic of that world. The final stage is the formation of aesthetic distance: the author begins to perceive the created text as an external, completed object—available for perception and reflection. Just as a genetic code contains the developmental plan of an organism, so too the initial impulse of a literary work holds its structural potential, which becomes manifest in the process of writing:

“(…) however unconscious the activity of his brain may have been during the immersion in creation, the final result represents the outcome of a specific plan, contained in the initial creative impulse, just as the development of an organism is encoded in the genes of the germ cell.” (Nabokov, 1996: 72)

Nabokov intensifies the metaphorical model of literary genesis as the birth of a living organism through erotic connotations: he associates inspiration with erotic ecstasy not only in his critical writings, but also in his own poetic work. An illustrative example is his poem “Вдохновение – это сладострастье…” (Nabokov, 1991):

Вдохновенье – это сладострастье
человеческого «я»:
жарко возрастающее счастье, -
миг небытия.
Сладострастье – это вдохновенье
тела, чуткого, как дух:

ты прозрел, ты вспыхнул на мгновенье, -
в трепете потух.

Но когда услада грозовая
пронеслась, и ты затих, -
в тайнике возникла жизнь живая:
сердце или стих…

Thus, the model of creative activity described above is based on a transition from perceptual immersion to analytical detachment. This structure of creativity resonates with contemporary approaches in phenomenological aesthetics and somaesthetics, which emphasize the mnemonic and corporeal foundations of imagination as a key mechanism in literary creation. In this framework, a literary work is understood not merely as the result of intellectual labor, but as the transformation of a bodily, affectively experienced impulse into symbolic form.

From the perspective of the described features of the creative act, Nabokov's authorial concept presents the reader's experience as a parallel process involving two key modes: perceptual inhabitation and analytical detachment**.** The first occurs during the initial reading, when the reader immerses into the imagined world as a distinct spatiotemporal structure and undergoes a perceptual adventure. The second arises upon rereading and is associated with the formation of aesthetic distance, allowing the reader to adopt a reflective position and engage in a "completive" activity – as a co-creator capable of reconstructing the multilayered structure of the text and interpreting its semantic horizons.

However, Nabokov also describes a type of rereading typical of the so-called "naively realist" reader (Lavlinsky, 2003), in which this transition to analytical detachment does not occur. In Chapter 10 of Speak, Memory, Nabokov provides a detailed analysis of the narrator-protagonist's reading experience. Of particular importance is the visual-tactile perception of the book as a physical object, and the receptive mechanisms of bodily memory in engaging with beloved books: on the "bookshelf of memory" stands a volume "in a red calico binding," with a "title picture, whose gloss was at first veiled by a film of cigarette paper." The embodied nature of these metaphors produces a powerful effect of presence: the book is not only preserved as an image in the narrator's memory but remains available for retrieval, as if he could reach out and take it down from an imaginary shelf.

This transfer of the book from the imagined into the real is supported by the description of physical contact: the reader's breath touches the cigarette paper covering the book's illustration, causing it to lift. This small material interaction conveys the reader's anticipation of what lies ahead – the exhalation, stronger than usual due to excitement, gently stirs the thin sheet. In this moment, the threshold between imagination and physical experience is subtly blurred, illustrating how Nabokov foregrounds corporeality even in the seemingly abstract domain of reading.

From contact with the physical object – the book – the narrator transitions into the imagined world generated by it. The illustration on the cover produces a transfer effect, a projection of landscape that, in the course of reading, is supported not only by visual-tactile contact (such as the sensation of prickly cacti in the Texan chaparral) but also by a fusion of bodily perception across two spatial domains – the superimposition of the Texan plain onto the forests of St. Petersburg. Here, bodily memory again plays a crucial role, as the narrator focuses on physical "anchors" that connect the environment of a St. Petersburg estate with that of the Texan steppe. Tactile and visual perceptions are employed to construct this connection: the sharp sensation of "stings" and the visual brightness of "feathered arrows," both present in the book and reenacted in the boys' games inspired by its plot; as well as the embodied feeling of fatigue, generated by imagined adventures ("worn out by our exploits in the Vyra chaparral, we lay down on the grass and began to talk about women").

In this context, the reader's imagination, according to Nabokov, must become an active element in the reception of a literary text, commensurate with the author's own imaginative effort. "Since the author has employed his imagination in writing the book, it is only right and fair that the reader should use his imagination too," Nabokov insists in his essay The Art of Literature and Common Sense**.** However, he draws a clear distinction between different types of readerly imagination: that of the "naive" reader, who becomes wholly immersed in the fictional world through emotional projection, and that of the ideal, wise Reader, who is able to combine perceptual involvement with analytical detachment.

The first type of imagination is oriented toward personal projection and identification: the reader emotionally aligns himself with particular situations, characters, or fragments of the text that evoke his own past or familiar life experiences. This could take the form of a "situation reminiscent of something that has happened to us or someone we know," or the recollection of "a certain region, landscape, or way of life dear to us as part of our past" (Nabokov, 1998:

26). However, as emphasized in Good Readers and Good Writers, “the worst thing a reader can do is to identify himself with a character in the book.” (Item) This type of perception corresponds to the first stage discussed earlier – perceptual immersion – but in its most naive form, without transitioning to a reflective or critical mode of engagement.

In contrast to this, genuine aesthetic perception presupposes an “impersonal” imagination, manifesting itself in the ability to maintain distance and to experience the work as an integrated artistic structure:

“One should remain aloof, taking pleasure in this aloofness, and from there – delighting to the point of passion, shedding tears and shivering – contemplate the inner weave of the masterpiece” (Nabokov, 1998: 27).

This stance corresponds to the second stage – analytical detachment – which enables the reader to assume a co-creative position. At this point, the function of rereading becomes essential: through rereading, the “participating and creating” reader moves beyond naïve consumption of the text and approaches the very “excess of vision” possessed by the artist.

Thus, the task of the ideal reader is not to “wander through some remote regions of space and time,” but rather to comprehend the nature of creative writing itself: “to grasp the individual magic of the writer, to study his style, imagery, the structure of his novels or poems.” This entails a shift of attention from the narrated event to the event of narration – from the represented to the act of representation as the object of aesthetic contemplation. For Nabokov, the success of aesthetic perception is also tied to the bodily experience of reading – a particular physical reaction that marks the immediacy of the encounter with true art:

“To enjoy that magic, the wise reader reads the book not with his heart, not so much with his brain, but with his spine. It is there that occurs the telltale tingle, though we must remain slightly detached, with a gentle distance.” (Item: 29)

Thus, for Nabokov, aesthetic reading involves a dynamic oscillation between two poles: from immediate, perceptual inhabitation to an analytical, corporeally and emotionally charged detachment that enables deep reading and co-participation in the artistic act.

Nabokov’s interest in the synthesis of prose and poetic speech also warrants close attention (Nabokov, 1997: 167-168). This synthesis is realized in many of his texts, which employ the prose form of artistic narration while simultaneously representing the creative process of poetic production. In certain works, Nabokov achieves a temporal embodied effect, in which rhythm, syntax, and punctuation dictate changes in the reader’s breath and reading

tempo. A striking example of such textual construction can be found in the short stories “Heavy Smoke” and “The First Poem.” The latter text was included in Nabokov’s autobiography Conclusive Evidence (1951) as Chapter 11, though it was initially intended for separate publication in a literary journal (Nabokov, 1996: 48–56).

In “The First Poem,” the central event is the narrator’s auto-reconstruction of his first creative experience. The narrative incorporates an ironic retrospective assessment by the adult writer toward the poetic attempt of his younger self. This irony arises from the fact that the young poet fails to capture a subtle perceptual impression – his experience of a summer thunderstorm and a rainbow – through what Nabokov, in his lectures, called a “transparent word” (Nabokov).

Instead, the poem ends in a “fatally rhymed line concluding with roses, or birches, or storm” (emphasis in the original), whereby “certain feelings were linked to certain surroundings not by free personal will but by the faded ribbon of tradition” (Nabokov, 1996: 52). The creative naiveté of the young versifier is not only criticized, but also surpassed by the narrator. This overcoming is articulated in the narrator’s virtuoso integration of rhythmicized lines into the prose of the autobiographical narrative – for example: “Я писа́л, распласта́вшись, на э́том дива́не”. These inserted lines compensate for the earlier poetic failure by offering an aesthetically resonant and precise rendering of the summer storm and rainbow within the prose narrative itself: “за па́рком, над паря́щими поля́ми, / возни́кла ра́дуга”.

In the short story “Heavy Smoke,” the appearance of such rhythmized lines is closely tied to the central depicted event – the almost physical, embodied birth of a poetic text. The creative act is described through metaphors of “intrauterine” growth, “labor contractions,” a “creative burden,” and the physical tension experienced by the protagonist. The moment of inspiration is accompanied by a series of somatic states: the artist figure freezes, listens inwardly for a “jolt in the soul,” loses awareness of the external world, and forgets why he approached the desk – so deeply is he immersed in the nascent emergence of the text within him. The poem is likened to a living organism, and the emerging line to seaweed swaying in the water, slowly unfurling, oscillating in a poetic rhythm.

As a result, individual elements of external reality – filtered through the consciousness of the creative character – begin to acquire the structure of poetic lines not only through rhythm, but also through assonance and alliteration (e.g., “течение теней”; “под влиянием

уличных лучей”; “сквозь слепое зыбкое стекло”; “не хотел отделиться от милого тлена,” and others).

Thus, the reception of “Heavy Smoke” entails the reader’s immersion into the rhythm of the text. The marine landscape introduced from the opening lines establishes an image-semantic field of fluidity, which is not merely depicted but perceptually embodied in the reader’s experience through the flowing of sounds into one another and the gentle swaying motion produced by the rhythmization of the prose.

A sensorimotor simulation effect arises as readers encounter bodily and kinetic descriptions – such as the swaying of seaweed, movement as if through water, the holding of breath during the experience of internal contractions. These activate neural networks in the reader’s brain that mirror those engaged in actual perception of motion or sensation. The reader’s immersion in the text is intensified through affective bodily memory: somatic schemas corresponding to the described states (such as longing, tension, shivering) are recognized and emotionally re-enacted.

Interoceptive responses – numbness, slowed movement, sensations of heaviness or warmth—become part of the embodied co-experience of the text. Tactile and thermal imagery (smoke, moisture, wet leaves, warm rhyme) plays a crucial role in stimulating the reader’s somatic imagination. Equally significant is the effect of temporal embodiment: syntax, punctuation, and rhythm within certain fragments organize the tempo of reading, producing physical changes in breathing and heartbeat—the reader inhales during pauses, quite literally “breathing” in sync with the text.

Through this constellation of mechanisms, the story is perceived not merely as a narrative, but as a sensual, corporeal event that draws the reader into the very process of poetic creation.

Another important example of an authorial strategy aimed at activating reader perception is Vladimir Nabokov’s use of rhythmic and graphic structures in his poetry, which go beyond traditional sound patterns to create visual and tactile images. The scholar Fedotov noticed that in the poem “The Great Bear” (“Bolshaya Medveditsa”), the rhythmic pattern – constructed on iambic meter with dropped stressed syllables and pyrrhics (weakened stresses) – visually replicates the contour of the Big Dipper constellation. Fedotov demonstrated how according to the poet’s intent, the imagined graphic image is conveyed acoustically: each star

is actualized through a pyrrhic foot or, in Nabokov's terminology, a 'semi-stress'." (Fedotov, 2014).

This phenomenon can be viewed as the creation of a "graphic image of poetry," where sound and visual organization complement each other, forming a multidimensional aesthetic experience. It is known that Nabokov was interested in Andrei Bely's method of "rhythmograms" and preferred to "see" the sound structure of a poetic text. This is evidenced by the manuscripts of his analytical studies preserved in American libraries (Fig. 1).

By foregrounding the graphic configuration of the signifier, the poet transforms the external, materially visual aspects of the poetic line into semantically charged elements that convey information about the poem's signified content. As a result, the spoken word is perceived as a material phenomenon — akin to a pictorial image that plastically embodies a sonic melody. This reveals the author's deliberate strategy regarding the reception of his own works: his poetics activate the reader's sensory and corporeal co-participation in the process of literary perception, including through analytical procedures aimed at interpreting the rhythmic structure of poetic texts—an engagement that demands a certain degree of skill from the reader.

In Nabokov's poem "Razmery" ("Dimensions," 1923), both the "strategy of composition" and the "strategy of reading" are described in a metapoetic manner, with particular attention to the rhythmic and graphic structuring of the text as a crucial element of its reception.:

Люби тройные отсветы лазури
Эгейской – в гулком дактиле; отметь
Гекзаметра медлительного медь
И мрамор, - и виденье на цезуре. (Nabokov, 1991: 334)

The culmination of reflective reader comprehension is the construction of the text's rhythmic schema. In the poem "The Butterfly" (1917–1922), a complex structure of shaped verse is presented, in which the hexameter with "free" caesuras in the odd lines forms a graphic contour resembling a butterfly (Fig. 2).

The particular regularity of the caesuras in the even lines, which divide the lines exactly in half, creates a rhythmic "halving" that corresponds to the butterfly's wingbeats—folding and unfolding—reinforced by the expressive sound of the lines:

“Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья / То припадая к коре, то обращаясь к лучам.**”**

Thus, the rhythmic and graphic organization of the poem becomes a means of modeling both the image and the emotional state, engaging the reader in a multilayered perceptual process.

Together, these examples demonstrate that Nabokov employs rhythmic and graphic devices to form a distinctive reading strategy, which unites intellectual understanding with visual and corporeal engagement. This strategy creates a complex aesthetic experience wherein the reader becomes an active participant in the artistic process, experiencing the text on both a bodily and sensory level. The analysis of these structures supports the hypothesis that sensory and bodily involvement of the reader must be regarded as key elements of the authorial strategy and the reader’s aesthetic reception.

The caesura, functioning as a pause and a “breath” during the oral performance of the poem, plays an important role in the primary sensuous and bodily reception of the text. It allows for the synchronization of breathing and intonation, enhancing the effect of a living interaction with the poetic image. Upon rereading, the emotional-sensory perception is supplemented by intellectual reflection, enabling the reader to analyze the metrical structure in detail and to construct a graphic schema of the poem. Such an approach broadens the possibilities of perception and intensifies aesthetic pleasure.

Conclusion

The combination of methods employed has enabled us not only to identify the presence of the bodily aspect in Nabokov’s poetics but also to trace how this orientation models the ideal type of reader – one who actively perceives, imagines, and is somatically engaged with the world of the artistic text. Of particular significance in this context is the poem “The Butterfly,” where visual and rhythmic metaphors, the cartography of the wings as a “grand” world, and the focusing of the reader’s attention on minute details activate diverse modes of perception and create the effect of a multidimensional reality. It is undoubtedly necessary to continue research to determine which of the identified receptive effects occur during initial reading and which manifest upon rereading.

Readerly experience in Nabokov’s conception is structurally comparable to the creative act itself and involves a complex dynamic between perceptual involvement and analytical detachment. Reading emerges as a bodily-cognitive process in which the mechanisms of “body

memory," visual-tactile sensations, and spatial transformations – arising at the intersection of the real and the imaginary – play a crucial role. Even in instances where the reader remains within the bounds of "naïve" reception, the act of reading assumes qualities of creative interaction with the text, generating a unique internal landscape of experience. At the same time, it is precisely the capacity for aesthetic reflection and the imaginative "completion" of the text – both as a physical and semantic object – that brings the reader closer to the position of a co-creator, capable of reproducing the "inner weave of the masterpiece" at the level of artistic perception.

References:

1. Adamovich G. Solitude and Freedom. In: Nabokov: Pro et Contra. St. Petersburg, 1997, 249–260.

2. Asmus V. F. Chtenie kak trud i tvorchestvo [Reading as labor and creativity]. In: Voprosy literatury [Questions of Literature], 1961, No. 2, 36–46.

3. Barsalou L. W. Grounded cognition. In: Philosophical Transactions of the Royal Society B, 2008, 363(1499), 811–821. DOI: https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0319.

4. Casey E. S. Remembering: A Phenomenological Study. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 624 p.

5. Fedotov O. I. Mezhdu Motsartom i Sal′eri (o poeticheskom dare Nabokova): monografiia [Between Mozart and Salieri (On the Poetic Talent of Nabokov): Monograph]. M.: Flinta; Nauka, 2014. 400 p.

6. Fuchs T., Koch S. C. Embodied affectivity: on moving and being moved. In: Phenomenology and the Cognitive Sciences, 2014, 13(4), 673–696. DOI: https://doi.org/10.1007/s11097-014-9347-5.

7. Fuchs T. Body memory and the unconscious. In: Journal of Analytical Psychology, 2012, 57(1), 109–131. DOI: 10.1111/j.1468-5922.2011.01904.x.

8. Green M. C., Brock T. C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives. In: Journal of Personality and Social Psychology, 2000, 79(5), 701–721. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.5.701.

9. Kantor M. Bremia pamiati [The burden of memory]. In: Nabokov: Pro et Contra, 1997, 236–237.

10. Lavlinskii S. P. Tekhnologiia literaturnogo obrazovaniia: Kommunikativno-deiatel′nostnyi podkhod [The Technology of Literary Education: Communicative-Activity Approach]. M.: INFRA-M, 2003. 384 p.

11. Mangen A. What hands may tell us about reading and writing. In: Educational Theory, 2016, 66(4), 457–477. DOI: https://doi.org/10.1111/edth.12183.

12. Nabokov V. Stikhotvoreniia i poemy [Poems and Verses]. Moscow: Sovremennik, 1991.

13. Merleau-Ponty M. Eye and Mind. Moscow: Art Publ., 1992. 36 p.

14. Nabokov V. Iskusstvo literatury i zdravyi smysl [The Art of Literature and Common Sense]. Trans. N. Ermakova. In: Zvezda, 1996, No. 11, 65–74.

15. Nabokov V. “Pervoe stikhotvorenie” [The First Poem]. Trans. M. Malikova. In: Zvezda, 1996, No. 11, 48–56.

16. Nabokov V. Review of Ivan Bunin. Selected Poems. In: Nabokov: Pro et Contra, St. Petersburg, 1997a, 29–32.

17. Nabokov V. Two Interviews from the collection Strong Opinions. In: Nabokov: Pro et Contra, St. Petersburg, 1997b, 134–164.

18. Nabokov V. O khoroshikh chitateliakh i khoroshikh pisateliakh [On Good Readers and Good Writers]. In: Lektsii po zarubezhnoi literature. Trans. M. Mushinskaya. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publ., 1998, 23–33.

19. Nabokov V. V. Priglashenie na kazn′ [Invitation to a Beheading]. M.: Izdatel′stvo AST, 2021. 180 p.

20. Podoroga V. A. Fenomenologiia tela [Phenomenology of the Body]. M.: Ad Marginem, 1995. 254 p.

21. Sklar A. Y., Levy N., Goldstein A., Mandel R., Maril A., Hassin R. R. Reading and doing not necessarily go hand in hand: Passive reading of action-related verbs does not trigger somatosensory cortex activity. In: NeuroImage, 2012, 63(2), 771–778. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2012.07.037.

22. Yanovsky V. From the book Champs-Élysées. A Book of Memory (a documentary work). In: Nabokov: Pro et Contra, St. Petersburg, 1997, 189–193.

23. Zwaan R. A., Taylor R. J. Seeing, acting, understanding: motor resonance in language comprehension. In: Journal of Experimental Psychology: General, 2006, 135(1), 1–11. DOI: https://doi.org/10.1037/0096-3445.135.1.1.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Шерашенкова Екатерина Алексеевна
Sherashenkova Ekaterina Alekseevna
кандидат педагогических наук, доцент кафедры юриспруденции
Смоленский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Федоскин Николай Николаевич
Fedoskin Nikolay Nikolaevich
кандидат педагогических наук, доцент кафедры юриспруденции
Смоленский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: nnfedoskin@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ

ON THE ISSUE OF PROSECUTORIAL RESPONSE MEASURES IN CASES OF ENFORCEMENT OF LEGISLATION ON MINORS AND YOUTH

Аннотация. В статье анализируются надзорные функции прокуратуры за исполнением законодательства о несовершеннолетних гражданах. Россия является социальным государством, в котором обеспечивается государственная поддержка и защита детства. В Конституции Российской Федерации закреплены нормы о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, что выражается в создании государством условий, способствующих всестороннему развитию несовершеннолетних. Провозглашение норм в Основном законе, не является гарантом эффективной правовой защиты несовершеннолетних. Авторы считают, что прокурорский контроль за правоприменением в сфере защиты интересов несовершеннолетних и молодежи выступает важным инструментом предупреждения преступных действий и восстановления законности.

Abstract. The article analyzes the supervisory functions of the Prosecutor's office for the implementation of legislation on minors. Russia is a social state in which state support and protection of childhood are provided. The Constitution of the Russian Federation establishes the norms that children are the most important priority of Russian state policy, which is reflected in the creation by the State of conditions conducive to the comprehensive development of minors. The proclamation of norms in the Basic Law is not a guarantee of effective legal protection of minors. The authors believe that the prosecutor's control over law enforcement in the field of protecting the interests of minors and youth is an important tool for preventing criminal acts and restoring the rule of law.

Ключевые слова: прокурорский надзор, профилактика преступности, права детей, полномочия прокурора, право на образование.

Keywords: prosecutorial supervision, crime prevention, children's rights, prosecutor's powers, right to education.

Вопросы защиты прав несовершеннолетних и осуществление контроля за исполнением законодательства в данной сфере, одна из главных задач прокуратуры. Социальный контроль над несовершеннолетними выступает одним из ключевых средств защиты детей и подростков, несовершеннолетних, который должен осуществляться непрерывно [1, с.81].

Прокуратура наделена полномочиями в сфере надзора и должна немедленно реагировать на любые проявления насилия в отношении несовершеннолетних, незамедлительно «пресекать физическое, сексуальное и психологическое насилие, что входит в компетенцию органов прокуратуры» [2, с.84].

Прокурор, владеющий широким комплексом полномочий в области защиты прав несовершеннолетних, осуществляет надзор за соблюдением законодательства по указанной тематике, применяя надзорные, уголовные, гражданско-правовые и иные законные способы для выявления и пресечения нарушений. В случаях обнаружения не соответствующих закону актов инициирует их обжалование, вносит представления об устранении выявленных недостатков, а также о привлечении виновных к дисциплинарной или административной ответственности. При выявлении признаков преступлений уголовного характера инициирует уголовные дела. Исполнение процессуальных полномочий прокурора предусматривает самостоятельное обращение с исками о лишении родительских прав, отмене усыновления, возвращении ребенка и защите жилья и в иных случаях в соответствии с действующими нормами права. Рост числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в частности террористических действий, связанных с проведением СВО - обусловливает усиление прокурорского контроля за законностью уголовного судопроизводства с учетом специфики ответственности данной категории лиц.

Полномочия прокурора – это «совокупность прав, которыми он обладает как государственный служащий, обладающий законным основанием и наличием определенных полномочий и оснований» [3].

В научных кругах отсутствует единое понимание понятия «правовые средства прокурорского надзора». Так, Б.В. Коробейников рассматривает их как совокупность

полномочий прокурора, реализуемых в надзорной практике, разделяя их на средства выявления правонарушений и средства устранения и предупреждения правонарушений. По совокупности, к средствам правового надзора следует отнести «конкретные способы исполнения полномочий, установленных законом, направленных на обнаружение, пресечение и предупреждение нарушений закона» [4, с.23]. В юридической науке выдвигается мнение, согласно которому все правоохранительные меры и процессуальные действия, применяемые прокурором, изначально носят превентивный, предупредительный характер. Как правило, прокурорские полномочия в сфере реагирования выходят за рамки только лишь восстановления законности. Кроме того, существуют иные полномочия, реализация которых одновременно обеспечивает и устранение нарушений, и применение к виновным меры наказания. Точки зрения, касающиеся предмета прокурорского контроля, различаются, однако в Федеральном законе о прокуратуре РФ назван предмет надзора – осуществление надзора за соблюдением Конституции РФ [5] и законов федерального уровня, а объектом выступают органы и издаваемые ими нормативно-правовые акты.

Прокурорское представление о ликвидации нарушений права относится к полномочиям, которые представляют профилактическую функцию. Как правило, это представление содержит требования о наложении дисциплинарных взысканий, иногда материального характера, на виновных лиц. Необходимо также выделить особую группу надзорных полномочий прокурора, встречающуюся в нескольких правовых сферах и обозначаемую как согласительные полномочия, поскольку она предполагает обязательное согласие прокурора на совершение определенных действий.

В качестве объекта надзора выступает соблюдение законов, регулирующих вопросы несовершеннолетних, охватывающих воспитательную деятельность с детьми и подростками, а также трудовые, жилищные и иные правовые отношения. Работники прокуратуры обязаны осуществлять контроль за реализацией функций лицами и органами, которым предписано законом их выполнение. Обеспечение исполнения закона – задача прокурора в рамках прокурорского надзора. В ходе надзорных мероприятий прокуроры задействуют полномочия, предусмотренные для каждой отдельной надзорной сферы. В ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» даны четкие формулировки целей и задач назначения надзора за деятельностью прокурорских органов, сформулированные именно в данном законе «О

прокуратуре РФ» [6].

По указанию Генерального прокурора от 13.12.2011 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере несовершеннолетних и молодежи» определены приоритетные направления деятельности в данном направлении: основные задачи сформулированы следующим образом:

1) усилить качество и результативность прокурорского надзора в области исполнения законодательных норм по предупреждению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних;

2) усовершенствовать механизм прокурорского контроля для надежной защиты прав несовершеннолетних и молодежи;

3) разработать и внедрить согласованные меры, осуществляемые в сотрудничестве с органами власти и общественными институтами по предотвращению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и молодежи, и охране их прав [7].

Прокуратура реализует меры реагирования, позволяющие восстанавливать права несовершеннолетних, обеспечивая их защиту и предотвращать нарушения норм права. Особое значение имеет обязательное участие прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств об избрании мер пресечения (заключение под стражу, домашний арест, залог) и в процедуре согласования следственных действий, разрешаемых судом.

При избрании меры пресечения для несовершеннолетних повышенное внимание обращается на неукоснительное следование положениям ч. 2 ст. 108 УПК РФ: содержать под арестом подростков можно исключительно при условии привлечения их к уголовной ответственности по инкриминируемым им деяниям, отнесенным законом к категории тяжких и особо тяжких преступлений, а также при наличии достаточных оснований, связанных с совершением в их адрес уголовных правонарушений тяжкого и особо тяжкого характера, а в уголовно-процессуальных отношениях, затрагивающих подозреваемых и обвиняемых, относящихся к категории несовершеннолетних, подвергнутых ответственности за преступления средней тяжести, применяют данную меру только по исключительным мотивам[8]. В судебном рассмотрении прокурор согласовывает с руководством прокуратуры или его заместителем мотивированное мнение об оправданности ходатайства об избрании меры пресечения.

Прокурорам субъектов РФ предоставлено право заслушивать в собраниях прокуратур субъектов отчеты и пояснения лиц, занимающих руководящие должности и иных уполномоченных государственных служащих о мерах по обеспечению законности, защищающей права несовершеннолетних. Фактически, в области прокурорского контроля находится нормативно-правовая база двух уровней – как федерального, так и регионального субъектов федерации, например, Закон Смоленской области № 94-з от 10 июля 2014 года «О патриотическом воспитании в Смоленской области» [9], а также многочисленные нормативные документы, регламентирующие образовательные и воспитательные процессы. Это обстоятельство является важной характеристикой системы правового регулирования, действующей в обозначенной сфере.

Таким образом, обеспечить качественное планирование и эффективное организационное сопровождение надзора за несовершеннолетними, обеспечить контроль за соблюдением законов о молодежи и детях, невозможно без постоянного мониторинга нормативных актов на региональном уровне, без четкой организации информационно-аналитического сопровождения и оперативного получения данных о деятельности контролирующих органов и учреждений, без объективного анализа текущих тенденций детской преступности и своевременного выявления фактов беспризорности и нарушений среди несовершеннолетних. Только на основании всестороннего изучения конкретной обстановки можно обоснованно определить последовательность, приоритеты и направления планирования проверочных и профилактических мероприятий с целью повышения их результативности.

Литература:

1. Хасанов Т.Р., Салихова Е.И. Прокурорский надзор по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, как гарантия обеспечения их прав // Евразийская адвокатура. 2022. № 3 (58). С. 81-84.

2. Семёнов А.А. Организация процесса прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере образования // StudNet. 2022. № 5. С. 83-90.

3. Владимиров С.В. Прокурорский надзор: учебное пособие / С.В. Владимиров. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. – 83 с.

4. Буторин Л.А. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Монография / Л.А. Буторин, О.Л. Буторина – М.: Проспект, 2023. С. 184

5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

7. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // http://pravo.gov.ru

8. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

9. Закон Смоленской области от 10.07.2014 N 94-з (ред. от 26.09.2024) «О патриотическом воспитании в Смоленской области» // «Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области», 11.07.2014, № 6 (часть IV).

Карновская Арина Николаевна
Karnovskaya Arina Nikolaevna
студент
Институт экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

научный руководитель
Долгих Екатерина Алексеевна
Dolgikh Ekaterina Alekseevna
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры статистики
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Аннотация. в работе анализируется социально-экономическое положение Сибирского федерального округа. На основе данных Росстата исследуются макроэкономические показатели, рынок труда и качество жизни населения. Особое внимание уделено характеристике неравномерности регионального развития, сырьевой ориентации экономики, а также инфраструктурных и демографических ограничений. По итогам анализа выделены основные проблемы и предложены методы их решения.

Abstract. the paper analyzes the socio-economic situation in the Siberian Federal District. Based on data from Rosstat, the paper examines macroeconomic indicators, the labor market, and the quality of life for the population. Special attention is given to the unevenness of regional development, the resource-based nature of the economy, and the infrastructure and demographic constraints. The paper identifies the main challenges and proposes solutions.

Ключевые слова: Сибирский федеральный округ, региональная экономика, качество жизни, устойчивое развитие, безработица.

Keywords: Siberian Federal District, regional economy, quality of life, sustainable development, and unemployment.

Введение

В современных условиях устойчивое социально-экономическое развитие регионов выступает одним из ключевых приоритетов государственной политики. Сибирский федеральный округ (СФО) занимает около 30% территории Российской Федерации и играет стратегическую роль в обеспечении страны энергетическими, минеральными и лесными ресурсами. В состав округа входят 10 субъектов, существенно различающихся по природно-климатическим условиям, отраслевой структуре и уровню социального развития. При этом географическая удалённость,

суровый климат и высокая ресурсная специализация экономики формируют специфические вызовы для пространственного развития и качества жизни населения.

По данным Росстата, в I полугодии 2025 года в СФО сохраняются разнонаправленные тенденции: с одной стороны, растут инвестиции в основной капитал и объёмы строительства, с другой – снижается промышленное производство, а средние доходы населения остаются на 19% ниже общероссийского уровня. Наличие столь контрастных процессов указывает на необходимость системного анализа не только текущих значений макроэкономических индикаторов, но и глубинных структурных диспропорций, сдерживающих развитие округа.

Вместе с тем в существующих исследованиях преобладает либо фрагментарный анализ отдельных показателей, либо общее описание ресурсного потенциала СФО без увязки с конкретными количественными оценками дифференциации субъектов. Это создаёт противоречие между потребностью органов власти и управления в комплексном понимании регионального развития и отсутствием аналитического обзора, который выделял бы основные проблемы и предлагал пути их решения.

Цель исследования состоит в выявлении основных проблем социально-экономического положения Сибирского федерального округа и формулировке предложений для их решения.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. проанализировать динамику основных макроэкономических показателей СФО;

2. оценить состояние рынка труда и уровень жизни населения в разрезе субъектов округа;

3. выявить степень межрегиональной неравномерности и структурные особенности экономики;

4. систематизировать ключевые проблемы и сформулировать рекомендации по их решению.

Объект исследования – экономика и социальная сфера Сибирского федерального округа.

Предмет исследования – количественные и качественные характеристики социально-экономического положения СФО. [3]

Результаты исследования

По данным Росстата за I полугодие 2025 года, оборот организаций СФО составил

15,1 трлн рублей, что составляет 106,7% к соответствующему периоду 2024 года (табл. 1). Это говорит о сохранении положительной динамики экономической активности в округе, хотя темпы роста также остаются умеренными. Индекс промышленного производства округа составил 97,2% к I полугодию 2024 года, что указывает на снижение объемов промышленного производства. Особенно заметен спад в добывающей промышленности (96,5%) и обеспечении электроэнергией (95,6%). В то же время обрабатывающие производства показали лучшую динамику (98,2%), хоть и не достигли прошлогодних показателей. СФО все равно не достигает средних темпов по стране, так как общероссийский индекс промышленного производства составляет 101,4%.

Инвестиции в основной капитал за I полугодие 2025 года составили 1737 млрд рублей. В общероссийском объеме доля округа инвестиций равна 10,8%. Инвестиционная структура иллюстрирует преобладание собственных средств организаций (72,6%), при этом доля средств федерального бюджета всего 2,4%.

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели СФО в I полугодии 2025 г.)

Показатель	Единица измерения	Значение	% к I пол. 2024 г.	Доля в РФ, %
Оборот организаций	Трлн руб.	15,1	106,7	-
Индекс промышленного производства	-	-	97,2	-
Инвестиции в основной капитал	Млрд руб.	1 737	109,8	10,8
Оборот розничной торговли	Млрд руб.	2 757	103,1	9,5
Объем работ по виду деятельности «Строительство»	Млрд руб.	843,9	105,8	11,5

Источник: Составлено автором по материалам [7]

Промышленная структура округа, как и прежде характеризуется высокой долей добывающих отраслей. СФО обеспечивает 13,2% производства электроэнергии, 12,6% общероссийской добычи полезных ископаемых и 8,7% обрабатывающих производств. Объем отгруженной продукции добывающей промышленности составил 1669 млрд рублей, однако по сравнению с предыдущим годом он снизился до 84,9%, что связано с падением мировых цен на сырьевые товары и сокращением объемов добычи. В то же время обрабатывающие производства демонстрируют рост: объем отгруженной продукции достиг 3547 млрд рублей (108,5% к прошлому году). Это говорит о постепенной, хотя и медленной, диверсификации экономики округа.

По данным выборочного обследования, во II квартале 2025 года численность

рабочей силы в Сибирском федеральном округе достигла 8,3 млн человек, что составило 61,2% от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше. Количество безработных, рассчитанное по методологии МОТ, было равно 234,6 тыс. человек, а уровень безработицы зафиксирован на отметке 2,8%. Наиболее остро проблема безработицы проявляется в Новосибирской области и Алтайском крае, где число безработных достигает 39,9 и 39,2 тыс. человек соответственно. Доля этих двух субъектов по численности безработных составляет 33,7% от значения по федеральному округу в целом (табл. 2).

Средняя продолжительность поиска работы в Сибирском федеральном округе составляет 4,6 месяца. При этом доля граждан, находящихся в поиске работы 12 месяцев и более, равна 12,1%, что свидетельствует о наличии хронической безработицы.

Таблица 2. Показатели безработицы и средней заработной платы по субъектам Сибирского федерального округа в I полугодии 2025 г.

Субъект	Численность безработных, тыс. чел.	Доля безработных, в % от численности безработных СФО	Средняя з/п (руб.)	Индекс з/п (% к аналогичному периоду прошлого года)	Реальная з/п (% к аналогичному периоду прошлого года)
Республика Алтай	5,5	2,3	69170	118,7	107,4
Республика Тыва	6,5	2,8	75341	114,0	104,1
Республика Хакасия	3,4	1,4	78561	115,6	104,5
Алтайский край	39,2	16,7	61059	118,5	106,9
Красноярский край	30,9	13,2	101577	111,3	100,6
Иркутская область	33,8	14,4	94318	111,8	102,0
Кемеровская область	31,2	13,3	81882	109,6	99,1
Новосибирская область	39,9	17,0	83303	116,5	105,0
Омская область	27,2	11,6	70446	114,8	103,4
Томская Область	17,1	7,3	83941	112,3	101,8

Источник: Составлено автором по материалам [7]

Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций СФО достигла 84138 рублей, увеличившись на 13,2% по сравнению с I полугодием 2024 года. Однако с учетом инфляции реальная заработная плата выросла всего на 2,4%. По общероссийским показателям средняя заработная плата составляет 96216 рублей. Как можно заметить, неравномерность экономического развития отражают существенные различия в уровне оплаты труда между регионами. Наиболее высокие зарплаты зафиксированы в Красноярском крае (101577 руб.) и Иркутской области (94318 руб.), благодаря развитой добывающей и обрабатывающей промышленности. Наименьший

уровень доходов – в Алтайском крае (61059 руб.) и Республике Алтай (69710 руб.). Среднедушевой денежный доход населения СФО составил 52993 рубля в месяц, что на 19% ниже среднероссийского уровня (65351 руб.). Это указывает на существенные различия между регионами в СФО по сравнению с центральными регионами страны.

Сибирский федеральный округ характеризуется явным неравенством входящих в него субъектов в уровне социально-экономического развития. К наиболее развитым субъектам относятся Красноярский край, Новосибирская и Иркутская области, обладающие диверсифицированной промышленной базой, развитой транспортной и научно-образовательной инфраструктурой. В то же время Республики Тыва, Алтай и Алтайский край сталкиваются с глобальными проблемами: слабая инвестиционная привлекательность, высокая безработица, низкий уровень участия в рабочей силе, миграционный отток населения. Именно из-за выявленных проблем данные регионы во многом зависят от трансфертов из федерального бюджета. [2]

Главной особенностью экономики СФО остаётся сырьевая база. Федеральный округ обеспечивает значительную долю общероссийской угольной добычи, производства алюминия и предоставлению лесоматериалов. Структура промышленного производства выявляет преобладание добывающих отраслей, в то время как высокотехнологичные и инновационные производства недостаточно развиты.

Вызовы пространственного развития СФО во многом обусловлены ограничениями инфраструктуры. Изношенность транспортных и энергетических сетей, недостаточная цифровизация экономики и социальной сферы сдерживают рост производительности труда и активности инвестиций. [1]

В это же время наблюдается положительная динамика в строительной отрасли. Объём работ по виду деятельности «Строительство» составил 843,9 млрд рублей (105,8% к предыдущему году). Введено в эксплуатацию 5,3 млн кв. метров жилья (107,4% к I полугодию 2024 года), что указывает на активизацию жилищного строительства. [5]

Демографическая ситуация все также остаётся сложной. К основным проблемам относится: естественная убыль населения, отток молодёжи в крупные города и другие регионы страны.

Потребительские цены в округе за I полугодие 2025 года выросли на 4,2% по отношению к декабрю 2024 года, а значительный рост обозначен в категориях

продовольственных товаров (6,3%) и услуг (6,6%), что снижает покупательную способность населения и негативно влияет на уровень жизни.

На основе анализа данных о социально-экономическом положении СФО за I полугодие 2025 года можно выделить ключевые проблемы:

1. снижение объемов промышленного производства (индекс равен 97,2%). В связи с конъюнктурой мировых сырьевых рынков особенно заметно спад отразился в добывающих отраслях;

2. низкая доля высокотехнологичных производств, сохраняющаяся сырьевая направленность экономики и недостаточная диверсификация;

3. межрегиональные различия в уровне экономического развития, доходов населения и качества жизни;

4. контраст в уровнях доходов населения по сравнению с среднероссийскими показателями (на 19%). Данная проблема влияет на снижение социальной стабильности и способствует миграционному оттоку;

5. инфраструктурные ограничения: изношенность транспортных сетей, недостаточная цифровизация, высокие логистические издержки;

6. демографические вызовы: сокращение численности населения, старение, отток квалифицированных кадров.

Для решения указанных выше проблем, можно предложить следующие решения:

- стимуляция равномерного распределения активов: поддержка обрабатывающих производств, развитие несырьевых отраслей, создание индустриальных технопарков, внедрение инновационных технологий в традиционные отрасли;

- выравнивание межрегиональных различий: поддержка депрессивных регионов, стимулирование малого и среднего предпринимательства, развитие туристического потенциала;

- повышение качества жизни населения. Увеличение реальных доходов, улучшение доступности и качества здравоохранения, образования, социальных услуг, развитие жилищного строительства – все это поможет уменьшить отток населения, поднять рождаемость и сократить смертность в регионах;

- координация федеральной и региональной политики: совершенствование механизмов межбюджетных отношений, повышение эффективности использования средств федерального бюджета, а еще развитие межрегионального сотрудничества. [6]

Заключение

В первом полугодии 2025 года социально-экономическая ситуация в Сибирском федеральном округе складывалась неоднозначно. Позитивные сдвиги проявились в увеличении объёмов инвестиций, активном развитии строительного сектора и росте номинальных доходов жителей. Вместе с тем регион сталкивается с рядом устойчивых проблем: продолжается снижение промышленных показателей, сохраняется упор экономики на добычу сырья, заметна существенная разница в уровне жизни между субъектами округа, а средние показатели всё ещё отстают от общероссийских.

Для планомерного развития региона федеральным и региональным властям необходимо более согласованно работать. Важно не только вкладывать деньги из бюджета, но и привлекать бизнес, внедрять новые технологии и помогать местным жителям реализовывать свой потенциал. Если последовательно заниматься улучшением дорог, строительством новых объектов, поддерживать разные отрасли экономики и делать жизнь людей комфортнее, Сибирский федеральный округ сможет более активно развиваться, привлекая рабочую силу и усиливая свои позиции на фоне других регионами страны. [4]

Литература:

1. Долгих Е.А. Статистический анализ занятости и безработицы в Российской Федерации: специальность 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук – Москва, 2010. – 197 с.

2. Ефимова Е.Д. Анализ проблем социально-экономического развития Сибирского федерального округа // Самоуправление. – 2025. – № 2(145). – С. 16-25. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82347944 (дата обращения: 12.02.2026)

3. Мурашов Р.Ю. Тенденции пространственного развития регионов Сибирского федерального округа на современном этапе // Шестнадцатые байкальские социально-гуманитарные чтения: Материалы чтений, Иркутск, 06 апреля 2023 года. – Иркутск:

Иркутский государственный университет, 2024. – С. 229-234. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=65695280 (дата обращения: 12.02.2026)

4. Шарыбар С.В., Степаненко В.Е. Региональная социально-экономическая асимметрия: подходы и оценки (на примере Сибирского федерального округа) // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2025. – № 3. – С. 326-329. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80621711 (дата обращения: 14.02.2026)

5. Министерство экономического развития Российской Федерации. Социально-экономическое положение России. Основные показатели развития за январь-ноябрь 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/4b4b37e79b65a6a49631c42f39e327e2/2025_12_03.pdf (дата обращения: 16.02.2026)

6. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс]. URL : http://sfo.gov.ru/okrug/ (дата обращения: 16.02.2026)

7. Социально-экономическое положение Сибирского федерального округа в I полугодии 2025 года: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2025. – 140 с. - [Электронный ресурс]. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sibir_fo_2k-2025.pdf (дата обращения: 16.02.2026)

Абдувахобова Нозима Азамджоновна
Abduvakhobova Nozima Azamjonovna
студент
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

научный руководитель
Долгих Екатерина Алексеевна
Dolgikh Ekaterina Alekseevna
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры статистики
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДАХ-МИЛЛИОННИКАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ECONOMIC SITUATION IN CITIES WITH A POPULATION OF ONE MILLION

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ социально-экономического развития городов-миллионников. Проанализированы основные подходы к исследованию и оценке социально-экономического развития городов и регионов. Определены факторы, оказывающие существенное влияние на развитие городов-миллионников, выявлена зависимость величины ВРП на душу населения как показателя уровня социально-экономического развития от таких условий, как наличие у города выхода к морю, развитой транспортной инфраструктуры, благоприятных климатических условий.

Abstract. The article provides a comparative analysis of the socio-economic development of cities with a population of one million. The main approaches to research and assessment of socio-economic development of cities and regions are analyzed. The factors that have a significant impact on the development of cities with millions of inhabitants have been identified, and the dependence of GRP per capita as an indicator of the level of socio-economic development on conditions such as access to the sea, developed transport infrastructure, and favorable climatic conditions has been revealed.

Ключевые слова: стратегическое планирование, ВРП, государственное управление, факторы развития, региональная экономика, кластерный анализ.

Keywords: strategic planning, GRP, state regulation, development factors, regional economics, cluster analysis.

Введение

В условиях стремительной глобализации и усиливающейся пространственной дифференциации социально-экономического развития роль городов-миллионников в национальной экономике претерпевает фундаментальную трансформацию. Эти мегаполисы перестают быть просто крупными населенными пунктами и превращаются в сложные, динамичные узлы, концентрирующие человеческий капитал, финансовые

потоки и инновационный потенциал. [2] Именно в их границах формируются новые рынки, определяются векторы технологического прогресса и закладываются основы для модернизации всей государственной региональной политики. В связи с этим возникает острая необходимость в объективной оценке их конкурентоспособности и выявлении универсальных закономерностей, отделяющих успешные модели развития от стагнирующих.

Представленное исследование посвящено сравнительному анализу социально-экономического положения городов с населением от одного до двух миллионов человек. Следует отметить, что из выборки исключены столицы с целью минимизации влияния уникальных столичных функций и дополнительных бюджетных вливаний. Такой подход позволяет сфокусироваться на объективных факторах, определяющих экономическую мощь и устойчивость крупных городских агломераций в условиях глобальной конкуренции. В качестве основного индикатора эффективности выступает валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, анализ которого позволяет проследить его зависимость от качества транспортной инфраструктуры, географического положения и других ключевых условий. [3]

Целью исследования является проведение сравнительного анализа городов-миллионников. Для достижения этой цели исследуются существующие подходы к оценке социально-экономического положения, определяются основные критерии анализа и проводится группировка городов в соответствии с выявленными закономерностями.

Результаты исследования

Анализ данных по городам-миллионникам мира демонстрирует существенную зависимость данного показателя от качества транспортной и логистической инфраструктуры. Так, наличие развитой железнодорожной сети является наиболее весомым фактором: среди 158 исследуемых городов 132 (около 80%) обладают железнодорожным сообщением, и их средний ВРП на душу населения составляет 25581 доллар США. В то же время для группы из 26 городов, не имеющих такой инфраструктуры, аналогичный показатель равен всего 6268 долларам, что почти в четыре раза ниже. Это свидетельствует о том, что железнодорожный транспорт выступает не просто средством передвижения, а фундаментальным каркасом, обеспечивающим связанность рынков, мобильность рабочей силы и эффективность

логистики [9].

Вторым по значимости конкурентным преимуществом является наличие международного аэропорта. В выборке насчитывается 105 городов с воздушным сообщением, чей средний ВРП достигает 28970 долларов на душу населения. Для сравнения, в группе из 53 городов без международных авиалиний этот показатель составляет лишь 9394 доллара, что в три раза меньше. Сочетание железнодорожного и воздушного транспорта создает синергетический эффект: в мире существует всего 29 городов, обладающих одновременно обоими видами инфраструктуры, и именно они демонстрируют наивысший уровень экономического развития со средним ВРП на душу населения в 48287 долларов.

Географическое положение также играет важную роль. Исторически сложилось так, что доступ к морским путям способствовал росту мегаполисов. В исследуемой совокупности лишь 49 городов (30% от общего числа) имеют выход к морю или крупный речной порт (как, например, Монреаль). Их средний ВРП составляет 33709 долларов, что почти вдвое превышает показатель городов без выхода к морю (17321 доллар). Однако при отсутствии других видов транспорта этот фактор не способен обеспечить сопоставимый уровень благосостояния. [9]

Сравнительный анализ российских городов-миллионников на фоне мировых аналогов выявляет как общие тенденции, так и специфические вызовы. В качестве типичного представителя отечественной урбанизации рассматривается Новосибирск. Он входит в кластер из 56 городов без выхода к морю, но с развитой транспортной инфраструктурой. При этом лишь в 26 городах из этой группы ВРП на душу населения превышает новосибирский показатель (7027 долларов), что помещает его в нижнюю часть рейтинга данной категории. Более того, климатический фактор оказывает дополнительное давление: в городах с климатом мягче новосибирского средний ВРП составляет 65338 долларов, тогда как в городах со схожими суровыми условиями – около 40242 долларов. [4]

Статистическое описание российских городов-миллионников по итогам 2024 года отражает неоднородную и во многом противоречивую динамику их социально-экономического развития. С одной стороны, на уровне страны сохраняется тенденция естественной убыли населения, с другой — крупнейшие городские центры демонстрируют рост численности жителей. Ключевую роль здесь играет миграционный

фактор: приток населения компенсирует демографические потери и в ряде случаев обеспечивает чистое увеличение численности.

Подобная ситуация во многом обусловлена агломерационными эффектами. Крупные города аккумулируют рабочие места, образовательные учреждения и развитую социальную инфраструктуру, формируя устойчивые точки притяжения для внутренней миграции. В результате положительное миграционное сальдо не только сглаживает отрицательные значения естественного прироста, но и становится основным источником демографического роста.

Характерным примером выступает Новосибирск. По состоянию на начало 2025 года численность его постоянного населения составила 1633,9 тыс. человек. Естественная убыль достигла 4549 человек, что объясняется превышением числа умерших (19913) над числом родившихся (15364). Однако миграционный прирост в размере 7914 человек обеспечил итоговый положительный баланс населения.

Аналогичные процессы, но с более выраженным положительным эффектом, наблюдаются в Казани и Краснодаре. В этих городах миграционный приток существенно превышает масштабы естественной убыли, формируя устойчивую демографическую базу для расширения городской экономики и пространственного развития. Данные тенденции напрямую связаны с уровнем экономической активности: более емкие и диверсифицированные рынки труда стимулируют приток населения, что, в свою очередь, усиливает экономический рост. Таким образом, формируется эффект взаимного усиления между демографическими и экономическими процессами. [4]

С точки зрения промышленного потенциала Екатеринбург и Новосибирск сохраняют позиции ключевых индустриальных центров. Объем отгруженной продукции по чистым видам деятельности здесь достигает соответственно 1,12 трлн и 627,2 млрд рублей. При этом в Екатеринбурге доминирует обрабатывающая промышленность, на которую приходится 942,99 млрд рублей. [5] Уфа, напротив, демонстрирует иную структуру экономики: значительная часть ее валового продукта формируется за счет добычи полезных ископаемых (390,96 млрд рублей), что отличает ее от большинства других городов-миллионников. [8]

Высокий уровень потребительской активности подтверждается показателями розничной торговли. Так, в Краснодаре оборот розничной торговли достигает 608,66 млрд рублей, что заметно превышает аналогичные значения в Екатеринбурге (506,28

млрд руб.) и Новосибирске (452,73 млрд руб.). Это свидетельствует о значительном платежеспособном спросе и высокой роли потребительского сектора в экономике города.

Показатели доходов населения и жилищного строительства также позволяют судить о качестве городской среды. Наиболее высокий уровень среднемесячной заработной платы зафиксирован в Екатеринбурге (101607 рублей), тогда как в Новосибирске он составляет 93123 рубля, оставаясь на сопоставимом уровне. Инвестиционная активность наиболее выражена в Казани (452,9 млрд рублей) и Екатеринбурге (361,37 млрд рублей), что указывает на высокий интерес бизнеса к данным территориям.

Дополнительным индикатором привлекательности городов выступают объемы ввода жилья. Абсолютным лидером является Краснодар, где ежегодный ввод приближается к 3 млн кв. метров. В уральско-сибирском макрорегионе значительные объемы строительства демонстрируют Екатеринбург (1,48 млн кв. м), Казань (1,42 млн кв. м) и Новосибирск (1,53 млн кв. м). Высокая строительная активность в этих городах косвенно отражает устойчивый спрос на жилье и позитивные ожидания девелоперов относительно дальнейшего развития рынка. [9]

При анализе экономической динамики через показатель валового регионального продукта необходимо учитывать методологические ограничения. Расчеты ВРП, как правило, осуществляются в текущих ценах и не всегда корректируются на инфляцию, что снижает сопоставимость показателей во времени. Тем не менее темпы его роста остаются информативным индикатором, позволяющим судить о структурных изменениях в экономике, включая динамику производительности, занятости и инвестиционной активности. [4, 6]

Не меньшее значение имеет и состояние инфраструктуры, которая во многом определяет реальную привлекательность города для бизнеса и жителей. Развитая транспортная сеть, доступность социальных объектов и качественная городская среда напрямую коррелируют с объемом инвестиций и уровнем жизни. В городах-миллионниках сегодня уделяется заметное внимание вопросам благоустройства, экологии и транспортной доступности, однако системные проблемы сохраняются почти повсеместно. В Москве и Санкт-Петербурге, при всей масштабности инфраструктурных проектов, остро стоят заторы и высокий уровень загрязнения

воздуха. В то же время Казань и Ростов-на-Дону, по ряду оценок, демонстрируют более сбалансированную модель развития, где нагрузка на транспортные системы не столь критична, что делает эти города удобными как для ведения бизнеса, так и для повседневной жизни [1].

Дальнейшее развитие городов-миллионников будет определяться не столько масштабом вливаемых средств, сколько качеством управленческих решений и их адресностью. Универсальные рецепты здесь вряд ли сработают: каждый из этих центров имеет собственную отраслевую специализацию, демографический профиль и набор инфраструктурных ограничений. В связи с этим приоритетом становится не просто наращивание бюджетных расходов, а выработка точечных мер с учетом локальной специфики – будь то развитие транспортных узлов, поддержка исследовательских кластеров или модернизация городской среды. Эффективность таких решений напрямую зависит от синергии трех сторон: муниципальной власти, предпринимательского сообщества и общественных институтов. Именно их совместная работа способна превратить разрозненные инициативы в системные проекты, обеспечивающие не только текущий экономический рост, но и устойчивое повышение качества жизни горожан в долгосрочной перспективе. [7]

Литература:

1. Анимица Е.Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // Ars Administrandi. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krupneyshie-goroda-rossii-v-kontekste-globalnyh-urbanizatsionnyh-protsessov (дата обращения: 12.06.2026).

2. Антипин И.А. Мегаполис: формирование и развитие в старопромышленном регионе // Управленец. 2020. №5–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/megapolis-formirovanie-i-razvitie-v-staropromyshlennom-regione (дата обращения: 12.06.2026).

3. Глебова И.С. Оценка управленческой деятельности в городах-миллионниках современной России с помощью метода ранжирования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-upravlencheskoy-deyatelnosti-v-gorodah-millionnikah-sovremennoy-rossii-s-pomoschyu-metoda-ranzhirovaniya (дата обращения: 12.06.2026).

4. Глинский В.В., Серга Л.К. Города-миллионники как основа экономического роста региона // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/goroda-millionniki-kak-osnova-ekonomicheskogo-rosta-regiona (дата обращения: 12.06.2026).

5. Голованов Е.Б., Башарова Д.М. Оценка уровня экономической уязвимости регионов с учетом фактора конкурентоспособности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-ekonomicheskoy-uyazvimosti-regionov-s-uchetom-faktora-konkurentosposobnosti (дата обращения: 12.06.2026).

6. Долгих Е.А. Статистический анализ занятости и безработицы в Российской Федерации: специальность 08.00.12 "Бухгалтерский учет, статистика»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук – Москва, 2010. – 197 с.

7. Ефимова М.Р., Долгих Е.А. Особенности инновационного поведения российского бизнеса в современных условиях // Вестник университета. – 2012. – № 3. – С. 108-112. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17784555

8. Левина В.В. Бюджетные параметры крупнейших городов и их влияние на экономическое развитие регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetnye-parametry-krupneyshih-gorodov-i-ih-vliyanie-na-ekonomicheskoe-razvitie-regionov (дата обращения: 12.06.2026).

9. Новоселов А.С., Фалеев А.В. Сравнительный анализ социально-экономического развития городов-миллионников // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-gorodov-millionnikov (дата обращения: 17.06.2026).

Попова Виктория Андреевна
Popova Victoria Andreevna
студент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Степанов Максим Викторович
Stepanov Maxim Viktorovich
студент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Горборуков Александр Николаевич
Gorborukov Aleksandr Nikolaevich
студент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

научный руководитель
Кузнецов Александр Александрович
Kuznechov Alexandr Alexandrovich
кандидат юридических наук
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

THE DEATH PENALTY AS A PUNISHMENT: TRENDS, LIMITATIONS, AND PROSPECTS FOR APPLICATION

Аннотация. В статье рассматривается смертная казнь как исключительная мера уголовного наказания в контексте современных правовых, социальных и этических тенденций. Анализируются подходы различных государств к применению смертной казни, включая тенденции к ее отмене или сохранению, а также влияние международных стандартов в области прав человека. Особое внимание уделяется соотношению смертной казни с принципом права на жизнь, закрепленным в международных правовых актах, и проблеме гуманизации уголовной политики. Исследуются ограничения применения данной меры наказания, включая процессуальные гарантии, а также аргументы сторонников и противников ее сохранения. Делается вывод о постепенном сокращении сферы применения смертной казни в современном мире и усилении роли международного права в регулировании данного института, при сохранении его дискуссионного характера.

Abstract. The article examines the death penalty as an exceptional measure of criminal punishment in the context of modern legal, social, and ethical trends. It analyzes the approaches of various states to the use of the death penalty, including the trends towards its abolition or preservation, as well as the influence of international human rights standards. Special attention is given to the relationship between the death penalty and the principle of the right to life, which is enshrined in international legal acts, and the issue of the humanization of criminal policy. The article explores the limitations of the use of this punishment, including procedural guarantees, as well as the arguments of supporters and opponents of its

preservation. The article concludes that the scope of the death penalty is gradually decreasing in the modern world, and the role of international law in regulating this institution is increasing, while its controversial nature remains.
Ключевые слова: смертная казнь; уголовное право; наказание; право на жизнь; права человека; гуманизация права; международное право; уголовная политика; ограничения применения; судебная практика.

Keywords: death penalty; criminal law; punishment; right to life; human rights; humanization of law; international law; criminal policy; restrictions on the use of the death penalty; judicial practice.

Одной из самых широко обсуждаемых проблем в области права является проблема применения смертной казни.

Пожалуй, ни один из вопросов юриспруденции не привлекает к себе столь бурного внимания общественности, как допустимость, правомерность и целесообразность применения такого вида наказания за преступления. На протяжении нескольких столетий этот острый вопрос привлекает внимание не только правоведов, но и социологов, политиков, философов, общественных деятелей, а также рядовых граждан.

Несмотря на непрекращающиеся дискуссии, а также огромное количество научных трудов, публикаций, на текущий момент нет единого подхода к целесообразности применения смертной казни на современном этапе развития общества.

В последние десятилетия развернулась целая кампания по устранению смертной казни как правового института во всем мире, как несоответствующего основным ценностям развитого общества, где высшей ценностью является жизнь человека. О масштабности этого проекта свидетельствует тот факт, что в 2003 году ООН учредила Всемирный день борьбы со смертной казнью (он отмечается 10 октября) по инициативе Всемирной коалиции по запрету смертной казни.

Особую актуальность приобретает исследование феномена смертной казни в нашей стране на фоне участившихся призывов к отмене моратория на ее применение в Российской Федерации в связи с выходом России в 2022 году из Конвенции Совета Европы о защите прав человека [1].

Допустимо ли применение смертной казни и каковы основные аргументы ее

[1] О выходе России из Совета Европы. Источник:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/?ysclid=lpqtrqng1x87639519

сторонников и противников, насколько гуманно применение такого наказания и есть ли эффективные альтернативные меры, а также каковы перспективы применения смертной казни в нашем государстве – рассмотрим в данной работе.

Допустимо ли применение смертной казни на современном этапе развития общества и каковы основные аргументы в ее пользу и против?

Размышляя о первом поставленном вопросе, я буду опираться на следующие виды аргументов: определение понятия, исторические и юридические факты. Сперва обратимся к статистике.

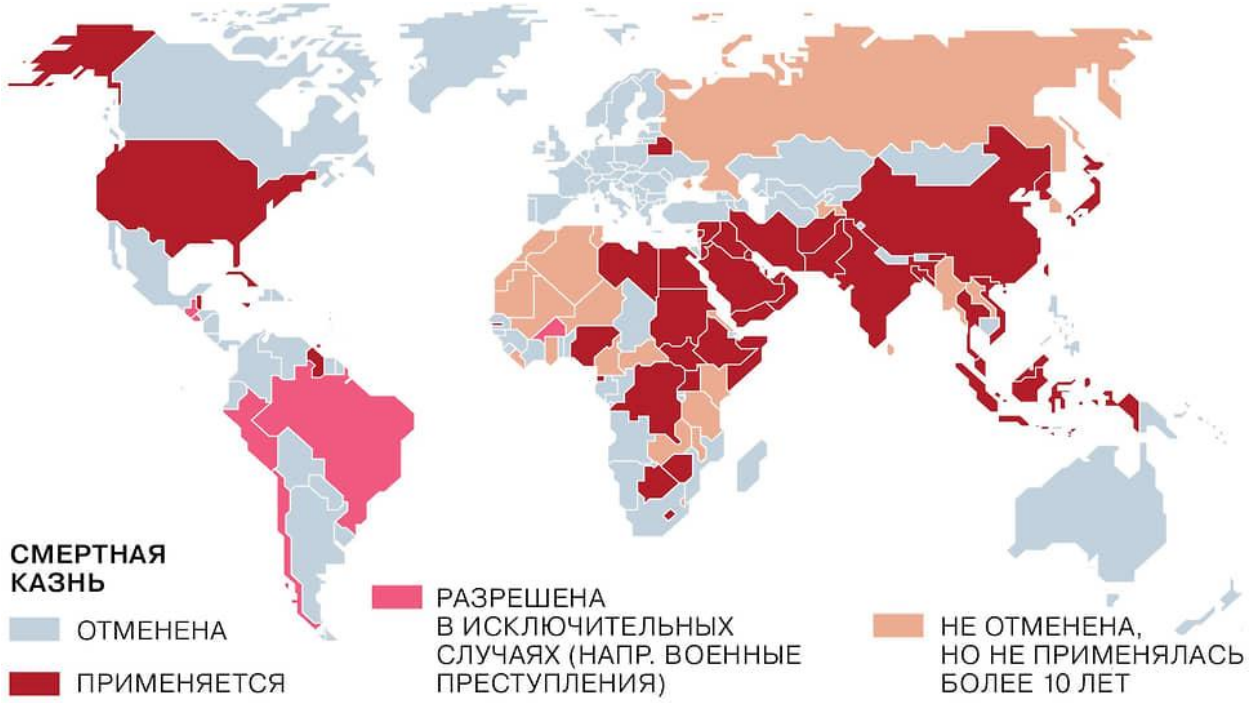
Последние несколько лет международная организация Amnesty International отмечает рост числа приведенных в исполнение смертных приговоров суда. По данным агентства, ежегодно публикующего доклад о казнях[2], в 2022 году были казнены в 20 странах мира не менее 883 человек, что на 53% больше, чем годом ранее. В 2021 году в 18 странах приведены в исполнение минимум 579 смертных приговоров, рост к 2020 году - 20%. Для сравнения, в 2015 году были казнены минимум 1600 человек в 25 странах, это стало рекордным показателем с 1989 года[3]. [9]

Подавляющее большинство казней (более 80%), по данным Amnesty, приходится на Иран, Саудовскую Аравию, Египет и Сирию. [9]. Сюда же можно отнести Китай, Вьетнам и Северную Корею, где соответствующие данные официально не раскрываются. В Саудовской Аравии, Северной Корее и Иране большинство казней проходит публично.

В то же время общее количество стран, применяющих данный вид наказания, неуклонно сокращается. По состоянию на декабрь 2022 года в 112 странах мира смертная казнь отменена в качестве наказания за любые преступления, а в 9 странах — за общеуголовные преступления. Стоит отметить, что есть страны, вернувшие смертную казнь после отказа от нее. Это Непал, Филиппины (впоследствии отменили повторно), Папуа — Новая Гвинея (на практике не используется) и Гамбия.

Ниже мы наглядно можем увидеть, в каких странах применяется смертная казнь[4].

[2] Источник: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/05/death-penalty-2022-executions-skyrocket/
[3] Источник: https://rg.ru/2022/05/24/v-mire-rastet-chislo-smertnyh-prigovorov-i-kaznej.html
[4] Источник: https://www.kommersant.ru/doc/5986941 16.05.2023



Таким образом, с каждым годом все большее количество государств считает смертную казнь недопустимым видом наказания.

Теперь рассмотрим понятие смертной казни. Уголовный Кодекс РФ определяет смертную казнь как исключительную меру наказания [2].

С точки зрения уголовного права целями наказания согласно статье 43 УК РФ являются восстановление социальной справедливости, предотвращение новых преступлений и исправление осужденного. Достигаются ли эти цели применением высшей меры наказания?

При выборе меры наказания необходимо руководствоваться принципом социальной справедливости. По теории немецкого философа Канта, смертная казнь необходима и обязательна для общества согласно принципу равного воздаяния. Смертная казнь за убийство – «необходимое, справедливое и равноценное наказание за преступление против естественного права на жизнь другого человека» [12].

И в то же время целью наказания является исправление преступника, однако смертная казнь физически уничтожает его, соответственно, исключает возможность исправления конкретной личности.

Целью смертной казни является лишь «устрашение возмездием», считает А.В.Хорев [11]. Она исключает возможность реабилитации, требует ресурсов и является признаком культуры насилия. Г. Б. Романовский подчеркивает: «Нельзя государству самоутверждаться за счет жизней собственных граждан» [8]. Луценко С.А.,

аналитик Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН, член Экспертного совета Комитета Госдумы РФ по обороне в своей статье отмечает, что «институт смертной казни является по своей сути правовым атавизмом, поскольку он не может обезопасить подозреваемого от судебных ошибок и ненадлежащего судебного разбирательства» [6].

Судебная ошибка – сильнейший аргумент противников смертной казни. Бывший директор ФСИН Калинин Ю.И. заметил: «Слишком большое количество ошибок говорит за отмену высшей меры наказания». Существует масса подобных примеров. Так, широкую огласку получила история с расстрелом в 1982 году Александра Кравченко за преступление против 9-летней девочки, в убийстве которой спустя несколько лет признался серийный убийца А.Чикатило. Кравченко в результате проведения расследования был признан невиновным.

Достаточно убедительным доводом является также тот факт, что применение смертной казни не оказывает существенного влияния на уровень преступности, что доказывают проведенные исследования [10]. Отчасти это можно объяснить тем, что большинство страшных преступлений совершается импульсивно либо зависит от психического состояния преступника, предупредить такие преступления смертной казнью не представляется возможным.

Еще одним аргументом против практики приводят порождение новых, порой более тяжких преступлений. Известны случаи, когда убийца, стремясь избежать наказания, убивал не только жертву, но и свидетелей [10]. В 1961 году в СССР ввели смертную казнь за изнасилование, в итоге таких преступлений стало меньше, но выросла доля изнасилований, сопряженных с убийством.

Не менее весомым аргументом выступает дегуманизация общества. Существование смертной казни исключает полную неприкосновенность человеческой жизни как основополагающий принцип общественной морали и нравственности. В обществе, где есть смертные приговоры, кто-то должен приводить их в исполнение. Чем же они отличаются от убийц?

Однако, по данным исследований Фонда «Общественное мнение» [5], в России сторонников смертной казни значительно больше ее противников. 69% опрошенных россиян считают допустимыми смертные приговоры.

Их основные аргументы:

– мягкость пожизненного заключения;

– угроза безопасности для общества: заключенный может совершить побег или выйти на свободу;

– несправедливость пожизненного заключения с экономической точки зрения: содержание одного заключенного обходится государству дороже, чем содержание школьного учителя. По сути родственники жертв оплачивают жизнь убийцам своих родных;

– угроза самосуда;

– смертная казнь является сдерживающим фактором. Спорный момент, но, например, режиссер Шахназаров убежден, что это действенный метод в борьбе с преступностью: «…когда в самолете в Сингапур мне дают памятку, что за владение наркотиками полагается смертная казнь, я знаю, что в этой стране нет проблемы наркомании…» [10].

Какие же существуют альтернативы смертной казни?

Возможно ли замена данной меры на ту, что в такой же степени способствует достижению целей наказания?

На практике чаще всего применяется пожизненное лишение свободы или лишение свободы на длительный срок. Подавляющее большинство государств закрепили пожизненное лишение свободы как альтернативу смертной казни.

Пожизненное лишение свободы рассматривается как более гуманная мера, поскольку она дает преступнику возможность изменить мировоззрение и ценностные ориентиры. Однако может ли такое наказание исправить преступника и сделать его полезным для общества? Отбывая длительные сроки в изоляции от привычной социальной среды, осужденные чаще всего деградируют, личность большинства из них подвергается необратимым изменениям. Зачастую у них повышается степень конфликтности, утрачиваются перспективы и, соответственно, всякая мотивация к исправлению.

Существует также мнение, что пожизненное лишение свободы гораздо мучительнее не только для самих преступников, но и для родственников потерпевших, которые часто не считают такое наказание достаточно справедливой карой.

Каковы перспективы применения смертной казни в России?

В России смертная казнь на законодательном уровне закреплена в Конституции

«…в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни…» [1]. УК РФ устанавливает такое наказание за убийство, геноцид, а также посягательство на жизнь лиц определенных категорий. Предусмотрены альтернативные наказания.

Последняя смертная казнь в РФ была приведена в исполнение 2 сентября 1996 года. В том же году ее применение остановлено Указом Президента РФ №724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [3]. В 1999 году Постановлением КС РФ от 02.02.1999г. установлен мораторий на вынесение смертных приговоров. Определением КС РФ № 1344-О-Р от 19.11.2009 года признана невозможность применения смертной казни [13,14]. КС обосновал своё решение длительным ее неприменением, вследствие чего в РФ сформировались устойчивые гарантии граждан не быть подвергнутым смертной казни.

Вопрос об отмене моратория на смертную казнь периодически поднимается в обществе после резонансных преступлений.

Президент России 7 декабря 2022 года отметил, что его «позиция относительно возвращения смертной казни в РФ не изменилась»5, он не считает нужным применение исключительной меры наказания.

13 ноября 2023 г. позиция России о неприменении смертной казни вновь была подтверждена на 44-й сессии рабочей группы Совета ООН по правам человека. Замминистра юстиции РФ А.Логинов в Национальном докладе [4] отметил: «В России действует более строгий по сравнению с международным стандартом правовой режим неприменения смертной казни, основанный на положениях Конституции РФ… происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни»[6].

Заключение

Рассмотрев вопрос применения смертной казни в современном обществе, можно сделать справедливый вывод, что этот вид наказания является самой спорной мерой государственного принуждения. Проблема смертной казни вряд ли получит однозначное решение в ближайшее время.

С одной стороны, ее сторонники утверждают, что она является эффективным

[5] Источник: https://www.rbc.ru/politics/07/12/2022/6390b3c99a79474fb074e6ab?ysclid=lpqtq937mt117269499
[6] Пункт 97 Национального доклада, представленного в соответствии с п.5 Приложения к Резолюции 16/21 Совета ООН по правам человека от 14.11.2023

способом наказания для особо тяжких преступлений, может служить предупреждением для потенциальных преступников, а также является формой морального возмездия за совершенные преступления.

С другой стороны, существует ряд проблем, связанных с ее использованием. Среди них возможность ошибочного осуждения, недостаточная эффективность как средства предупреждения преступлений, а также нравственные соображения.

Во многих странах мира на сегодня смертная казнь юридически закреплена, и в большинстве случаев это не противоречит общественному мнению. В то же время можно уверенно утверждать, что человечество последовательно движется к ее заметному ограничению.

Россия – среди тех стран, где смертные приговоры не назначаются и не исполняются. В нашей стране действует бессрочный мораторий. Тем не менее, смертная казнь в РФ легализована, и в случае крайней необходимости вполне может быть введена вновь.

Таким образом, вопрос использования смертной казни остается актуальным и требует серьезного обсуждения и анализа. Решение о ее применении должно быть основано на научных данных и международных стандартах прав человека.

Литература:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. №25.

3. Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // Собрание законодательства РФ, 20.05.1996. №21.

4. Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 Приложения к Резолюции 16/21 Совета ООН по правам человека от 14.11.2023 // [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/ files/1-doklad-rf-upo-2023.pdf (дата обращения 30.11.2023)

5. Исследование Фонда «Общественное мнение»: Отношение к смертной казни. // [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285?ysclid=lprfn8r090181411644 (дата обращения 30.11.2023)

6. Луценко С.И. Институт смертной казни как правовой атавизм. // Современное право. 2018. №1. Страницы в журнале: 128-133 [Электронный ресурс]. URL: https://sovpravo.press/stati/institut-smertnoj-kazni-kak-pravovoj-atavizm (дата обращения: 30.11.2023).

7. Новикова Л.В., Калиновская Т.А. Смертная казнь: за и против // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: https://scienceforum.ru/2017/article/2017035900?ysclid=lpppqvjxwa17157433 (дата обращения: 30.11.2023)

8. Романовский Г.Б. Смертная казнь как вид уголовного наказания // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т.4, №4 (16). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-kak-vid-ugolovnogo-nakazaniya/viewer (дата обращения: 30.11.2023).

9. Статистика смертной казни по месяцам // [Электронный ресурс]. URL: https://www.capitalpunishmentuk.org/world.html

10. Тороков, Д.А. Смертная казнь: за и против // Д.А. Тороков. —NovaInfo, 2013. № 15. [Электронный ресурс]. URL: https://novainfo.ru/article/1751 (дата обращения: 30.11.2023).

11. Хорев А.В. Смертная казнь в современном праве: статистика и тенденции ее развития. // Общественные науки. Право. 2015 № 2(34) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-v-sovremennom-prave-statistika-i-tendentsii-ee-razvitiya/viewer (дата обращения: 30.11.2023)

12. Яловая В. Н. Казнь как наказание за убийство // [Электронный ресурс]. https://wiselawyer.ru/poleznoe/21532-kazn-nakazanie-ubijstvo (дата обращения: 10.05.2026).

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР"

Уголовнопроцессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях" в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. 08 февраля. № 6. Ст. 867.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2009. 30 ноября. № 48. Ст. 5867

Зуев Александр Владимирович
Zuev Aleksandr Vladimirovich
студент
Саратовская православная духовная семинария
Саратовской Епархии Русской Православной Церкви
e-mail: azuev586@gmail.com

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A LARGE FAMILY AS A VALUE GUIDELINE IN THE CONTEXT OF THE DEMOGRAPHIC CRISIS IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена анализу демографического кризиса в современной России и роли многодетной семьи как ценностного ориентира в его преодолении. Рассматриваются социально-экономические и мировоззренческие причины снижения рождаемости, трансформация семейных ценностей в условиях индивидуализации общества. Особое внимание уделяется духовно-нравственному потенциалу православной традиции, её влиянию на формирование устойчивого отношения к браку, родительству и многодетности. Обосновывается необходимость сочетания государственных мер поддержки с укреплением ценностных оснований семейной жизни. Делается вывод о том, что православные семейные ценности могут служить значимым ресурсом для укрепления института семьи и улучшения демографической ситуации в России.

Abstract. The article analyzes the demographic crisis in modern Russia and the role of large families as a value guideline in overcoming it. The author examines socio-economic and ideological causes of declining birth rates, as well as the transformation of family values under conditions of increasing individualization. Special attention is given to the spiritual and moral potential of the Orthodox tradition and its influence on shaping attitudes toward marriage, parenthood, and large families. The necessity of combining state support measures with strengthening the value foundations of family life is substantiated. The conclusion is drawn that Orthodox family values can serve as a significant resource for strengthening the family institution and improving the demographic situation in Russia.

Ключевые слова: демографический кризис, многодетная семья, семейные ценности, православие, репродуктивное поведение, институт семьи, духовно-нравственные ориентиры, государственная семейная политика.

Keywords: demographic crisis, large family, family values, Orthodoxy, reproductive behavior, family institution, spiritual and moral guidelines, state family policy.

Введение.

Демографическая ситуация в современной России продолжает оставаться предметом серьёзной общественной и научной дискуссии. Несмотря на меры государственной поддержки семьи и материнства, показатели рождаемости в последние годы не демонстрируют устойчивого роста. Одновременно сохраняются процессы

старения населения, сокращения численности жителей отдельных регионов и уменьшения доли молодых возрастных групп. Всё это позволяет рассматривать демографический кризис не как временное явление, а как одну из долгосрочных проблем развития российского общества.

При этом причины сложившейся ситуации нельзя сводить исключительно к экономическим трудностям. Безусловно, материальное положение семьи влияет на решение о рождении детей, однако демографические процессы во многом определяются системой ценностей, господствующей в обществе. Ещё П. А. Сорокин отмечал, что кризис семьи тесно связан с разрушением традиционных нравственных ориентиров и ослаблением устойчивости брачных отношений [1, 65–79]. Семья перестаёт восприниматься как безусловная жизненная ценность и всё чаще рассматривается через призму личного комфорта и индивидуальных интересов.

Современная культура во многом ориентирует человека на достижение личного успеха. Получение образования, профессиональная реализация, карьерный рост и материальное благополучие становятся приоритетами, которым нередко подчиняются семейные планы. В результате создание семьи откладывается на более поздний возраст, а рождение нескольких детей начинает восприниматься как серьёзное ограничение привычного образа жизни. Подобные тенденции характерны не только для России, но и для большинства развитых государств [2].

Исследователи обращают внимание на то, что трансформация семейных установок сопровождается изменением самого отношения к браку. Всё более распространённым становится представление о семье как о союзе, существующем до тех пор, пока он отвечает ожиданиям супругов. Такая модель существенно отличается от традиционного понимания брака как долговременного и ответственного союза мужчины и женщины. Как следствие, увеличивается число разводов, растёт нестабильность семейных отношений, а репродуктивные планы молодых людей становятся менее определёнными [3, 545–560].

Дополнительное влияние оказывает и процесс индивидуализации общества, подробно описанный У. Беком. По его мнению, современный человек всё чаще оказывается освобождённым от традиционных социальных связей, однако одновременно несёт всё большую ответственность за собственный жизненный выбор [4]. В этих условиях вопросы брака, рождения детей и семейной ответственности всё

чаще становятся предметом индивидуального решения, а не следованием укоренившимся общественным нормам.

Социологические исследования показывают, что для значительной части россиян семья по-прежнему остаётся одной из важнейших жизненных ценностей. Однако представления о желаемом числе детей заметно изменились по сравнению с предыдущими поколениями. Наиболее распространённой стала ориентация на одного или двух детей, тогда как многодетность всё ещё воспринимается как исключение, а не как социальная норма [5, 61–73].

Таким образом, демографический кризис следует рассматривать не только как результат экономических или социальных трудностей. Он отражает более глубокие изменения, происходящие в сфере ценностей и семейной культуры. Именно поэтому поиск путей его преодоления предполагает обращение не только к мерам материальной поддержки семьи, но и к вопросам сохранения традиционных представлений о браке, родительстве и ответственности за будущие поколения.

Основной раздел.

Трансформация семейных ценностей и условия возрождения многодетности.

Вопрос о преодолении демографического кризиса неизбежно приводит к обсуждению семейных ценностей. Государство может создавать благоприятные экономические условия, разрабатывать меры поддержки родителей, совершенствовать систему социальной помощи. Однако решение о рождении ребёнка принимается не на уровне государственных программ, а внутри семьи. Именно поэтому демографические процессы во многом зависят от тех представлений о браке, родительстве и семейном счастье, которые существуют в обществе.

В последние десятилетия в общественном сознании произошли заметные изменения. Семья продолжает сохранять высокую значимость для большинства россиян, однако меняется понимание её места в системе жизненных приоритетов. Если ранее создание семьи и рождение детей воспринимались как естественные этапы взросления человека, то сегодня они всё чаще рассматриваются как один из возможных жизненных сценариев [6, 128–152].

Подобная трансформация оказывает непосредственное влияние на репродуктивное поведение населения. Молодые люди стремятся получить образование, построить профессиональную карьеру, достичь материальной независимости. Само по

себе это не является негативным явлением. Вместе с тем семейные планы нередко откладываются на неопределённый срок, а желаемое число детей постепенно сокращается. В результате многодетность начинает восприниматься как исключение из общего правила, хотя исторически именно она являлась характерной чертой российской семьи [7, 89–97].

Исследователи обращают внимание на то, что современная семейная политика сталкивается с определёнными ограничениями. Финансовая поддержка способна смягчить часть трудностей, связанных с воспитанием детей, однако её возможности не безграничны. Материальное благополучие далеко не всегда приводит к росту рождаемости. Напротив, опыт ряда экономически развитых государств показывает, что высокий уровень жизни сам по себе не гарантирует преодоления демографического спада [8, 61–73].

В этой связи всё большее значение приобретает ценностное измерение семейной жизни. Речь идёт прежде всего о формировании уважительного отношения к материнству и отцовству, восстановлении общественного авторитета семьи, укреплении межпоколенческих связей. Семья не может устойчиво развиваться исключительно как частный проект отдельных людей. Она выполняет важнейшую общественную функцию, обеспечивая преемственность поколений и сохранение культурных традиций.

Особое место занимает вопрос общественного восприятия многодетности. В современном информационном пространстве образ успешного человека зачастую связывается с профессиональными достижениями, карьерным ростом и высоким уровнем потребления. Между тем родительский труд редко получает сопоставимое общественное признание. Подобный дисбаланс постепенно формирует представление о семье как о второстепенной сфере жизни. В этих условиях важной задачей становится популяризация положительного образа семьи с несколькими детьми, основанного не на идеализации, а на осознании её социальной значимости.

Немаловажную роль играет и сохранение преемственности семейных традиций. Именно в семье ребёнок впервые получает представления о любви, ответственности, взаимопомощи и заботе о ближних. Ослабление этих связей отражается не только на внутрисемейных отношениях, но и на состоянии общества в целом. Поэтому укрепление института семьи следует рассматривать как одно из необходимых условий

долгосрочного демографического развития России.

Таким образом, перспективы возрождения многодетности связаны не только с совершенствованием механизмов государственной поддержки, но и с укреплением ценностных оснований семейной жизни. Без формирования устойчивого положительного отношения к семье, родительству и воспитанию детей достижение долгосрочных демографических целей представляется затруднительным.

Православные семейные ценности и перспективы возрождения многодетности.

Обсуждение перспектив возрождения многодетности в современной России неизбежно выводит исследователя к вопросу о духовно-нравственных основаниях семейной жизни. Экономические меры способны создать благоприятные условия для рождения и воспитания детей, однако они не могут заменить те ценностные ориентиры, которые определяют отношение человека к браку, родительству и семейной ответственности. Именно поэтому в условиях демографического кризиса особое значение приобретает обращение к традиционным представлениям о семье, сформировавшимся в отечественной культуре.

На протяжении веков важнейшую роль в формировании семейных идеалов русского народа играло православие. После принятия христианства семья стала восприниматься не только как социальный институт, но и как особая форма духовного единения людей. Брак рассматривался как союз, основанный на любви, верности и взаимной ответственности супругов перед Богом и друг перед другом [9]. Такое понимание семейной жизни способствовало формированию устойчивых брачных отношений и укреплению авторитета семьи в общественном сознании.

В православной традиции особое внимание уделяется воспитанию детей. Рождение ребёнка рассматривается как дар Божий и одновременно как ответственность, возлагаемая на родителей. В связи с этим деторождение понимается не исключительно как частное решение супругов, а как важная составляющая семейного служения. Подобный взгляд на семью принципиально отличается от подходов, в которых дети воспринимаются прежде всего через призму материальных затрат или возможных ограничений личной свободы [10].

Следует отметить, что православное учение не устанавливает обязательной модели семьи и не связывает её благополучие исключительно с количеством детей. Вместе с тем открытость супругов к рождению новой жизни традиционно

рассматривается как естественное проявление любви и доверия Божественному Промыслу. Именно поэтому многодетность на протяжении длительного времени оставалась характерной чертой семейного уклада в православной среде.

Важное значение имеет и представление о семье как о «малой церкви». Данный образ получил широкое распространение в православной богословской традиции и подчёркивает особую роль семьи в духовном становлении личности. Именно в семье человек впервые знакомится с опытом любви, послушания, взаимопомощи и жертвенности. Здесь закладываются нравственные ориентиры, которые впоследствии оказывают влияние на его отношение к окружающим людям и обществу в целом [11].

В современных условиях Русская Православная Церковь не только сохраняет богословское учение о семье, но и практически поддерживает семейные ценности через просветительские проекты, работу с молодёжью и помощь нуждающимся семьям. Это укрепляет в обществе представление о значимости брака, материнства и отцовства.

Однако возрождение многодетности невозможно силами одной Церкви — необходима совместная работа государства, общества и религиозных организаций. Православие обладает мощным духовным и культурным потенциалом, который помогает формировать положительное отношение к семье и рождению детей.

Заключение.

Таким образом, православные ценности, основанные на любви, ответственности и взаимопомощи, остаются важным ресурсом для укрепления семьи и преодоления демографических проблем в России. Демографический кризис в современной России представляет собой сложное явление, корни которого лежат не только в экономической сфере, но и в области мировоззренческих установок и ценностных ориентаций. Трансформация семейных ценностей, индивидуализация общества и изменение репродуктивных установок приводят к снижению рождаемости и ослаблению института семьи.

Преодоление кризиса требует комплексного подхода, сочетающего меры государственной поддержки с укреплением духовно-нравственных оснований семейной жизни. Православная традиция, с её учением о браке как о божественном установлении, о семье как о «малой церкви» и о родительстве как о служении, обладает значительным потенциалом для формирования устойчивого положительного отношения к многодетности. Обращение к этому потенциалу, наряду с совместными

усилиями государства, общества и религиозных организаций, может способствовать возрождению многодетности как социальной нормы и улучшению демографической ситуации в России.

Литература:

1. Сорокин П. А. Кризис современной семьи: социологический очерк // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.

2. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2010.

3. Троцук И. В., Парамонова А. Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3. С. 545–560.

4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

5. Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 61–73.

6. Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. № 4. С. 128–152.

7. Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 89-97.

8. Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 61–73.

9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XII. Проблемы биоэтики. X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности.

10. Филарет (Дроздов), святитель. Учение о христианском браке и семье.

11. Иоанн Златоуст. Творения. Беседы на Послание к Ефесянам. Беседа XX.

Корсунов Евгений Олегович
Korsunov Evgeniy Olegovich
аспирант
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕТОДОВ К СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ

REGULATION OF YOUTH CONSUMPTION IN THE DIGITALIZATION CONTEXT: FROM ADMINISTRATIVE METHODS TO SOCIAL ARCHITECTURE

Аннотация. В статье рассматриваются изменения потребительского поведения молодого поколения в условиях цифровизации общества. Анализируются ограничения, относящиеся к традиционным методам запрета, и обосновывается потребность в формировании безопасной цифровой среды.

Abstract. This article examines changes in the consumer behavior of the younger generation in the context of the digitalization of society. It analyzes the limitations associated with traditional prohibitive methods and substantiates the need to create a safe digital environment.

Ключевые слова: потребление, молодежь, цифровизация, регулирование, социальная архитектура, административные методы, развитие технологий, реклама и право, коммуникация, безопасная среда.

Keywords: consumption, youth, digitalization, regulation, social architecture, administrative methods, technological development, advertising and law, communications, safe environment.

Введение. Ускоренные темпы развития информационно-коммуникационных технологий в последние годы значительно повысили вовлеченность российской молодежи в цифровую жизнь. Глобальная виртуальная среда становится пространством, в котором протекают процессы социализации молодого человека, без которого он часто не представляет своей жизни. Традиционные методы безопасности теряют свою эффективность, в связи с этим возникает необходимость в разработке новых методов к регулированию, направленные на развитие критического мышления у молодежи.

Ускоренные темпы развития информационно-коммуникационных технологий в последние годы значительно повысили вовлеченность российской молодежи в цифровую жизнь. Глобальная виртуальная среда становится пространством, в котором протекают процессы социализации молодого человека, без которого он часто не представляет своей жизни. Текущие статистические данные свидетельствуют об

исключительно высокой степени цифровой интеграции молодого поколения. В частности, уровень проникновения сети «Интернет» среди лиц в возрасте от 15 до 24 лет в настоящее время стабильно превышает 90%, что делает эту демографическую группу основными пользователями и бенефициарами расширяющейся российской цифровой инфраструктуры. Кроме того, данные, опубликованные Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2023 г., показывают, что примерно 95% молодых россиян ежедневно выходят в Интернет преимущественно через мобильные устройства и платформы социальных сетей.[5]

В настоящее время регулирование молодежного потребления в Российской Федерации основывается на системе нормативных правовых актов, определяющих принципы государственной молодежной политики, защиты персональных данных и ограничения распространения информации, способной причинить вред несовершеннолетним. К числу таких механизмов относятся:

- установление возрастных ограничений (ст. 11 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»)[1];

- контроль за рекламой, направленной на несовершеннолетних (ст. 6 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»)[2];

- ограничение доступа к отдельным видам контента (ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»)[3];

- профилактика противоправного и деструктивного поведения молодежи (Раздел V. Распоряжение Правительства РФ от 23.06.2025 N 1620-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года»)[4].

Административные методы регулирования направлены прежде всего на минимизацию наиболее опасных форм цифрового воздействия. Так, например, законы

[1] Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1.
[2] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12.
[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №31 (часть I).
[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.06.2025 № 1620-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508255/ (дата обращения: 08.05.2026).

требуют маркировать рекламу, ограничивать скрытую рекламу и защищать личные данные пользователей на цифровых платформах. В ряде зарубежных стран дополнительно вводятся ограничения на использование данных несовершеннолетних в целях таргетированной рекламы и устанавливаются требования к обязательной верификации возраста пользователей. Так, в штате Калифорния требуется явное согласие подростков 13-15 лет на продажу данных или таргетированную рекламу, а в Делавэре и Коннектикуте эти нормы распространяются и на 16-17-летних. Законы Мэриленда и некоторых других штатов запрещают таргетированную рекламу и продажу персональных данных несовершеннолетних, ограничивают сбор информации и требуют бороться с «тёмными паттернами» - элементами дизайна, которые побуждают пользователя необдуманно совершать покупку[5]. Отдельные штаты США дополнительно предусматривают обязательную проверку возраста пользователей, а также ограничивают возможность использования персональных данных несовершеннолетних в рекламных коммуникациях.

Вместе с тем практика показывает, что одних только административно-правовых мер уже недостаточно для полноценного регулирования цифрового потребления молодежи. Связано это прежде всего с тем, что деятельность крупных цифровых платформ носит трансграничный характер, тогда как национальное законодательство разных государств существенно отличается по содержанию и механизмам применения. В результате единые ограничения фактически действуют лишь в пределах отдельных юрисдикций.

Дополнительные сложности возникают из-за стремительного развития алгоритмических систем персонализации. Современные механизмы цифрового маркетинга способны адаптироваться к поведению пользователя практически в реальном времени, поэтому традиционные запретительные меры нередко оказываются менее эффективными, чем предполагалось изначально.

Следует учитывать и то обстоятельство, что формальные ограничения сами по себе не формируют у молодых пользователей навыков осознанного потребления информации. Несмотря на существование возрастных ограничений и различных подростки остаются активными участниками цифровой среды. Алгоритмы

[5] Шарахина Л.В. Корпорация-гражданин как субъект социальной архитектуры: анализ российского цифрового медиапространства // Litera. №. 8. 2025. С. 68-69.

рекомендаций анализируют поведение каждого пользователя и предлагают контент, который соответствует его интересам, предпочтения и привычкам. Это позволяет социальным сетям сделать ленту пользователя более релевантной и привлекательной.

В этих условиях потребление в интернете перестает быть эпизодическим и постепенно становится частью повседневной коммуникации. Персонализация позволяет интернет-магазинам и платформам предлагать покупателям подходящие товары, услуги и рекламные предложения, что значительно повышает удовлетворенность пользователей и способствует увеличению продаж. Подобные механизмы действительно повышают удобство сервисов, но одновременно с этим усиливают влияние платформ на процесс принятия потребительских решений.

Отдельного внимания заслуживает распространение цифровых подписок и автоматических платежей. На практике пользователи нередко продолжают оплачивать сервисы, которыми фактически уже не пользуются. Для молодого поколения это особенно актуально, поскольку многие финансовые операции совершаются автоматически и не всегда находятся под постоянным контролем[6].

Кроме того, постоянное взаимодействие с алгоритмически подобранным контентом способствует формированию схожих моделей потребления и усиливает зависимость от цифровых сервисов. В результате снижается способность критически оценивать рекламную информацию и самостоятельно определять потребности. В связи с этим возрастает значение механизмов, направленных не только на ограничение отдельных рисков, но и на развитие навыков осознанного и ответственного поведения в цифровой среде.

Концепция социальной архитектуры направлена на развитие критического мышления, цифровой грамотности и ответственного потребления. Бизнес должен внедрять этичный маркетинг и прозрачность алгоритмов. Практическим примером являются сервисы родительского контроля и безопасного поиска, формирующие навыки ответственного поведения. [6]

Одним из наиболее распространенных решений в данной области является сервис «Kaspersky Safe Kids» («Касперский - защита детей»), предназначенный для

[6] Гарькина О.В. Цифровые технологии и их влияние на ценностные ориентиры молодежи // Гуманитарные ведомости ТГПУ
им. Л. Н. Толстого. Т. 2. №. 3 (51). 2024. С. 25.

мониторинга и контроля интернет-активности несовершеннолетних пользователей. При этом основной акцент делается не на полном запрете цифрового взаимодействия, а на создании безопасной среды, в которой подросток постепенно учится самостоятельно регулировать свое поведение в интернете. В 2024 году специалисты «Лаборатории Касперского» провели исследование цифровых интересов несовершеннолетних, согласно результатам, около 21% запросов детей на YouTube были связаны с музыкальным контентом, более 17% - с блогерами и игровыми лидерами мнений, а еще свыше 10% приходилось непосредственно на игровой контент. Эти данные демонстрируют высокий уровень вовлеченности молодежи в цифровую среду и подтверждают необходимость использования инструментов, способных минимизировать риски манипуляторного воздействия и цифровой зависимости[7].

Другим примером реализации социальной архитектуры выступает использование «Семейного режима» поисковой системы Яндекс. Данный инструмент предназначен для фильтрации поисковой выдачи и автоматического ограничения доступа к контенту, содержащему материалы для взрослых, сцены насилия, информацию о наркотических веществах и иной потенциально опасный контент. В отличие от классических административных ограничений, сервис функционирует как элемент цифровой среды, которая по умолчанию ориентирована на безопасное потребление информации несовершеннолетними пользователями. Функциональность системы не ограничивается только поисковой системой, при создании детского аккаунта фильтрация автоматически распространяется на другие сервисы экосистемы Яндекса, включая видео, изображения и голосового помощника Алису[8]. Тем самым, формируется комплексная цифровая среда, адаптированная под возраст пользователя и снижающая вероятность столкновения ребенка с нежелательным контентом.

По информации Яндекса, к концу 2024 года «Семейный режим» использовали более 2,1 млн уникальных пользователей, что в 2,5 раза превышает показатели предыдущего года. Подобная динамика свидетельствует о растущем общественном запросе на механизмы цифровой безопасности и подтверждает, что родители все чаще

[7] Исследование «Лаборатории Касперского»: что интересует детей в 2025 году // Блог Касперского. URL: https://www.itb.spb.ru/time-to-live-news/informatsionnaya-bezopasnost/issledovanie_laboratorii_kasperskogo_chto_interesuet_detey_v_2025_godu_blog_kasperskogo/ (дата обращения: 08.05.2026).

[8] Дети в интернете: уже 1,7 млн детских аккаунтов «Яндекс ID» и семейный режим у 2,1 млн пользователей // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/aDbg7EGxbUfLhUSa (дата обращения: 08.05.2026).

предпочитают не полный запрет использовании интернета, а создание контролируемой и безопасной цифровой среды для ребенка. [8]

Таким образом, цифровизация изменяет модели молодежного потребления, усилив влияние алгоритмов и персонализированной рекламы. Традиционные методы регулирования, основанных на запретах, становятся менее неэффективными, поэтому вспомогательным элементом становится социальная архитектура, создающая безопасную среду и развивающая у молодежи критическое мышление и медиаграмотности. Примеры «Kaspersky Safe Kids» и «Семейный режим» Яндекса показывают, что современные механизмы регулирования сочетают защиту, обучение и формирование осознанного поведения. [9]

Литература:

1. Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1.

2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №31 (часть I).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.06.2025 № 1620-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508255/ (дата обращения: 08.05.2026).

5. Величко А.И., Судоргин О.А. Динамика изменений цифровых технологий молодежной политики // Управление. Т. 13. №. 2. 2025. С. 90-100.

6. Гарькина О.В. Цифровые технологии и их влияние на ценностные ориентиры молодежи // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Т. 2. №. 3 (51). 2024. С. 23-32.

7. Демочкин Д.С. Влияние алгоритмов персонализации контента на модели медиапотребления // Вопросы медиабизнеса. Т. 1. №. 3. 2022. С. 23-26.

8. Дети в интернете: уже 1,7 млн детских аккаунтов «Яндекс ID» и семейный режим у 2,1 млн пользователей // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/aDbg7EGxbUfLhUSa (дата обращения: 08.05.2026).

9. Исследование «Лаборатории Касперского»: что интересует детей в 2025 году // Блог Касперского. URL: https://www.itb.spb.ru/time-to-live-news/informatsionnaya-bezopasnost/issledovanie_laboratorii_kasperskogo_chto_interesuet_detey_v_2025_godu_blog_kasperskogo/ (дата обращения: 08.05.2026).

10. Шарахина Л.В. Корпорация-гражданин как субъект социальной архитектуры: анализ российского цифрового медиапространства // Litera. №. 8. 2025. С. 67-82.

Троян Владислав Сергеевич
Troyan Vladislav Sergeevich
магистрант
кафедра теории и истории российского и зарубежного права
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
e-mail: Apple_vizi@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE REGULATION OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Аннотация. В статье рассматривается роль международных экономических организаций в регулировании международных экономических отношений и формировании глобальной экономико-правовой политики. Особое внимание уделяется деятельности Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирной торговой организации. Анализируется их влияние на развитие государств, международную торговлю, финансовую стабильность, структурные экономические реформы и формирование международных стандартов регулирования. Отдельное внимание уделено правовым и социально-экономическим последствиям деятельности указанных организаций, включая вопросы кредитования, политики структурной перестройки, условий предоставления финансовой помощи и воздействия на национальную экономическую политику государств. В статье также раскрываются противоречия между нормами международного экономического права, международного экологического права, права прав человека и принципами устойчивого развития. На примере деятельности ВТО показывается, что либерализация торговли может вступать в конфликт с задачами охраны окружающей среды, защиты общественного здоровья, обеспечения продовольственной безопасности и реализации права на развитие. Делается вывод о необходимости согласования международных торгово-экономических правил с социальными, экологическими и правозащитными целями современного международного права.

Abstract. The article examines the role of international economic organizations in regulating international economic relations and shaping global economic and legal policy. Particular attention is paid to the activities of the World Bank, the International Monetary Fund, the Organisation for Economic Co-operation and Development, and the World Trade Organization. The article analyzes their influence on state development, international trade, financial stability, structural economic reforms, and the formation of international regulatory standards. Special consideration is given to the legal and socio-economic consequences of the activities of these organizations, including issues of lending, structural adjustment policies, conditions for the provision of financial assistance, and their impact on national economic policies of states. The article also highlights the contradictions between the norms of international economic law, international environmental law, human rights law, and the principles of sustainable development. Using the example of the WTO, it is shown that trade liberalization may come into conflict with the objectives of environmental protection, public health protection, food security, and the realization of the right to development. The article

concludes that it is necessary to harmonize international trade and economic rules with the social, environmental, and human rights objectives of contemporary international law.
Ключевые слова: международные организации, международное экономическое право, Всемирный банк, МВФ, ВТО, ОЭСР, международная торговля, устойчивое развитие, экологическое право, право на развитие.

Keywords: international organizations, international economic law, world bank, imf, wto, oecd, international trade, sustainable development, environmental law, right to development.

Всемирный банк является одной из ключевых международных финансовых организаций, оказывающих влияние на глобальные процессы развития. Он финансирует масштабные проекты, продвигает политику структурной перестройки и играет заметную роль в формировании дискурса по вопросам экономического роста. Согласно уставным документам, Всемирный банк был учреждён «для оказания помощи в восстановлении и развитии территорий государств-членов посредством стимулирования инвестиций капитала в производственные цели», а также «для содействия долгосрочному и сбалансированному росту международной торговли» [1].

Идея создания подобной организации возникла еще в 1930-х годах, и ее основной целью была стабилизация обменных курсов и регулирование международного валютного рынка. Во время Второй мировой войны как в Великобритании (план Кейнса), так и в Соединенных Штатах (план Уайта) велась работа над потенциальным уставом учреждения, которое в будущем занималось бы решением этих проблем. В 1941 году Государственный департамент США подготовил меморандум о финансовых и монетарных проблемах мировой экономики, в котором рекомендовалось немедленное создание международного фонда.

В июле 1944 года в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гэмпшир, США, состоялась конференция с участием 44 стран (включая Польшу), на которой был подписан устав Международного валютного фонда (МВФ). Устав вступил в силу 27 декабря 1945 года после ратификации 29 странами, участвовавшими в валютной конференции и предоставившими 80% уставного капитала. Устав был основан на концепции Уайта, согласно которой платежный баланс стран-членов должен был достигаться посредством проведения соответствующей экономической политики, к которой обязались страны, участвовавшие в Бреттон-Вудской конференции.

В 1947 году МВФ официально подписал соглашение с ООН, став членом в

качестве специализированной организации. Ключевые задачи МВФ включают поддержание ликвидности в международных финансовых операциях, стабилизацию финансовых рынков стран-членов и предоставление капитальной помощи для балансировки платежных балансов стран-членов. Правила Фонда для доступа к финансовым ресурсам называются условиями и требуют от страны-члена выполнения определенных условий в обмен на финансирование МВФ. Эти условия включаются в программу корректировки, которую страна-член обязуется реализовать в обмен на финансовую помощь. Согласованная с МВФ программа представляет собой комплексный план экономических реформ, реализация которого направлена на восстановление макроэкономического баланса, включая равновесие платежного баланса, а также на создание прочной основы для стабильного экономического развития. Вторым по величине финансовым институтом с глобальным охватом является базирующийся в Вашингтоне Международный банк реконструкции и развития (МБРР), также известный как Всемирный банк (ВБ). Он был основан в июле 1944 года во время Валютно-финансовой конференции Организации Объединенных Наций в Бреттон-Вудсе.

Первоначально в его состав входил 41 член с общим уставным капиталом в 10 миллиардов долларов США, хотя первоначально ратифицировали его только 28 стран. Это институт, дополняющий МВФ, что означает, среди прочего, что членство в Фонде автоматически означает признание страны в качестве участника ВБ. Основная цель Всемирного банка заключалась в оказании помощи странам в восстановлении после разрушений Второй мировой войны. В последующие годы эта миссия была значительно расширена и теперь может быть описана как широкая поддержка экономического развития государств-членов. Она включает предоставление льготных кредитов для реализации точно определенных программ и проектов развития. Важно отметить, что МБРР финансирует только проекты, инициированные правительствами стран-членов или подпадающие под официальную государственную гарантию.

По своей сути Всемирный банк функционирует как инвестиционно-кредитное учреждение, привлекая средства на финансовых рынках и направляя их в виде займов развивающимся государствам. Для этого применяются два основных правовых инструмента. Первый из них — так называемые инвестиционные кредиты, которые предоставляются на реализацию инфраструктурных, промышленных, аграрных и

социальных проектов и регулируются нормами международного публичного права. Второй механизм — кредиты на цели развития, по своей структуре близкие к системе льготного финансирования, используемой Международным валютным фондом для стран с низким уровнем дохода. В рамках «письма о политике в области развития» государство-заёмщик фиксирует перечень экономических реформ, выполнение которых является условием предоставления средств. При этом политика Всемирного банка в значительной степени продолжает опираться на принципы «Вашингтонского консенсуса» и неолиберальные установки, хотя в последние годы они дополняются требованиями в социальной и экологической сферах [2].

Всемирный банк — это крупнейшая в мире организация, занимающаяся сотрудничеством в области развития. Это специализированное учреждение Организации Объединенных Наций, преследующее две основные цели: искоренение крайней нищеты к 2030 году и укрепление всеобщего процветания (измеряемого как доход 40% населения с самым низким уровнем дохода в каждой стране).

Всемирный банк состоит из двух подразделений: Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международной ассоциации развития (МАИР). МАИР сосредоточена на развивающихся странах (странах с самым низким уровнем дохода) и финансирует проекты за счет кредитов, грантов и займов. МБРР предоставляет кредиты только странам со средним уровнем дохода и кредитоспособным развивающимся странам. Сила Всемирного банка заключается в предоставлении грантов, кредитов и относительно льготных займов, использовании своих глобальных знаний и опыта и объединении заинтересованных сторон.

Всемирный банк входит в состав Группы Всемирного банка вместе с Международной финансовой корпорацией (предоставляющей кредиты частному сектору), Многосторонним агентством по гарантиям инвестиций (предоставляющим инвестиционные гарантии от некоммерческих рисков иностранным частным инвесторам) и Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (выступающим посредником между государствами и инвесторами или между самими государствами). МБРД и МДА («настоящий» Всемирный банк) делят между собой персонал и процедуры, но не с тремя другими учреждениями.

Он предоставляет кредиты национальным и/или региональным правительствам (в случае Индии, но по масштабу они сопоставимы со странами ЕС). Правительство

реализует проекты и несет ответственность за все, что с ними связано. В случае инвестиционных проектов это включает такие вопросы, как создание проектного офиса, проведение тендеров и заключение контрактов, финансовое управление, мониторинг и оценка и т. д. Однако Всемирный банк осуществляет мониторинг реализации проекта (как минимум две миссии в год, предварительное утверждение установленных правительством условий тендера и т. д.) и оказывает техническую помощь по мере необходимости. Если проект идет не по плану, Всемирный банк может, по согласованию с правительством, внести корректировки.

Говоря о Международном валютном фонде (МВФ), следует отметить, что он реализует схожие по направленности экономические преобразования, но преимущественно через систему краткосрочного кредитования. Практика МВФ и Всемирного банка нередко оказывала отрицательное социально-экономическое воздействие на государства-получатели помощи, особенно на развивающиеся страны. Учредительные положения МВФ были выработаны в ходе Бреттон-Вудской конференции. Фонд создавался с целью поддержания стабильности международной валютной системы как основы мировой торговли и движения капитала, а также для содействия устойчивому экономическому росту и стабильности валютных режимов стран-участниц. К числу его ключевых функций относятся:

- координация и надзор за валютно-финансовыми отношениями, включая контроль за политикой обменных курсов;

- оказание финансовой помощи государствам, сталкивающимся с экономическими трудностями [3, с. 25].

Изначально МВФ задумывался как институт, помогающий странам-членам устранять дисбалансы платежного баланса и поддерживать устойчивость мировой финансовой системы. Однако современная практика его деятельности во многом отклоняется от первоначальных целей. Вместо предотвращения валютных кризисов фонд зачастую настаивает на дерегулировании трансграничных торговых и финансовых потоков, что приводит к значительным торговым перекосам и росту спекулятивных операций на финансовых рынках. В результате МВФ всё чаще подвергается критике и рассматривается как один из факторов, способствовавших долговому кризису беднейших стран, а отдельные исследователи даже выдвигают идеи о целесообразности его упразднения. Фактически фонд не только не всегда способен эффективно решать

внутренние экономические проблемы государств, но и нередко усиливает социально-экономическое неравенство в условиях глобализации.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) была основана в 1961 году. Она является преемницей Организации европейского экономического сотрудничества и развития, которая была создана в рамках плана Маршалла. В настоящее время в ОЭСР входят 38 стран, которые придерживаются принципов рыночной экономики, верховенства права и уважения прав человека.

ОЭСР проводит сравнительный анализ государственной политики, а также углубленные экономические и статистические исследования. Ее деятельность сосредоточена на следующих направлениях:

- экономические вопросы;
- жилая среда;
- государственное управление;
- борьба с коррупцией;
- международная торговля;
- сельское хозяйство;
- финансовые, налоговые и корпоративные вопросы;
- наука, технологии и инновации;
- социальная политика и образование (программа PISA);
- проблемы в области регионального развития.

Эти вопросы рассматриваются в комитетах и вспомогательных органах, где государства-члены, Секретариат и, в некоторых случаях, ассоциированные государства консультируются друг с другом.

Вопросы энергетики решаются двумя специализированными органами:

- Международное энергетическое агентство;
- Агентство по ядерной энергии, созданное в 1958 году для содействия безопасности использования ядерной энергии в мирных целях.

За последние 20 лет ОЭСР сосредоточила свои усилия на расширении аналитической работы, включив в нее все страны, выступающие за рыночную экономику. Таким образом, организация укрепляет диалог с динамично развивающимися экономиками Азии и Латинской Америки.

Глобализация, стремительные инновации и цифровизация привели к глубоким

изменениям во всем мире и представляют собой серьезный вызов политической и экономической стабильности. ОЭСР должна адаптироваться к этим новым условиям и найти свое место в глобальной системе. Для решения этих новых задач ведется работа над различными направлениями: исследование налогообложения цифровых платформ, гендерное равенство, искусственный интеллект и экономический анализ цепочек создания стоимости.

Всемирная торговая организация (ВТО) стала третьим элементом Бреттон-Вудской системы и получила мандат на формирование и контроль правил международной торговли между государствами-членами. Организация была создана в 1995 году как институциональное продолжение Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), действовавшего с 1947 года после неудачных попыток учреждения Международной торговой организации [4, с. 45].

ВТО наделена значительно более жёстким механизмом принуждения к исполнению обязательств. В рамках этой системы оценивается соответствие национального законодательства установленным торговым правилам, а в случае их нарушения автоматически применяются торговые санкции к государству-нарушителю. По сути, ВТО взяла на себя функцию глобального продвижения той же экономико-политической модели, которая ранее реализовывалась Всемирным банком и МВФ в отношении большинства стран «третьего мира».

Сторонники деятельности ВТО подчёркивают её роль в предотвращении торговых конфликтов, регулировании международной торговли и защите интересов менее развитых государств. Однако практика принятия решений нередко свидетельствует об обратном. В отдельных случаях государствам прямо указывалось на необходимость изменения положений национальных конституций из-за их несоответствия нормам ВТО. Обсуждаемые инициативы также предполагают дальнейшее расширение ограничений на торговлю товарами и запрет любой государственной политики, которая предоставляет преимущества национальным производителям или инвесторам по сравнению с иностранными, включая сферы банковских, медийных и иных услуг.

В повестку дня ВТО входят и меры, ограничивающие возможности государств обеспечивать продовольственную безопасность путём поддержки местных фермеров, а также защищать лесные и водные ресурсы от эксплуатации транснациональными

корпорациями. Ряд предложений открывает путь к приватизации таких общественно значимых сфер, как образование и здравоохранение, с передачей их под контроль глобальных корпораций.

Несмотря на заявленную цель формирования универсального набора торговых правил, ВТО фактически ограничивает способность государств проводить политику в интересах общества и при этом не обеспечивает адекватного регулирования приоритетных социальных и экономических потребностей. Данные задачи реализуются непоследовательно, поскольку международные экономические организации в целом не в состоянии в полной мере отстраниться от интересов развитых стран в пользу развивающихся и выработать по-настоящему сбалансированный и общий подход к формированию эффективной глобальной политики.

Современное международное экономическое право, в частности правила Всемирной торговой организации (ВТО), призвано обеспечивать максимально открытую и предсказуемую торговлю между странами, основанную на принципах недискриминации, свободы торговли и отсутствия необоснованных торговых барьеров. Такие правила создают правовую основу для либерализации торговли, что в свою очередь должно способствовать росту мировой экономики и повышению благосостояния. Однако на практике реализация либерализации часто вступает в противоречие с нормами международного экологического права, международного права о правах человека и принципами права на устойчивое развитие. Эти конфликты возникают потому, что экономические правила ориентированы на устранение торговых ограничений, тогда как экологические и социальные нормы часто требуют ограничений для защиты окружающей среды, здоровья людей и прав национальных сообществ, особенно коренных народов и уязвимых групп.

Одним из классических примеров таких противоречий являются споры вокруг международных мер, применённых для защиты окружающей среды, и их соответствие правилам ВТО. В рамках ВТО предусмотрено, что государства-члены имеют право принимать меры, направленные на защиту человеческой, животной или растительной жизни или здоровья, а также природных ресурсов, если такие меры соответствующим образом обоснованы и применяются недискриминационно. Однако практика показывает, что это положение (так называемые исключения GATT Article XX) применяется очень строго, и многие экологические меры, даже имеющие объективную

научную основу, могут быть признаны противоречащими торговым обязательствам. Самым известным примером такого конфликта является так называемое «дело креветок и морских черепах» (Shrimp-Turtle case), когда США ввели запрет на импорт креветок из ряда стран для защиты популяции морских черепах. Хотя цель была экологически оправданной, органы разрешения споров ВТО сочли, что способ применения запрета представлял собой необоснованную дискриминацию между странами, что нарушало торговые нормы. Применение исключений в таких случаях требует точного соблюдения множества условий, и даже экологически значимые меры оказываются под угрозой отмены.

Ещё один важный случай, демонстрирующий конфликт между экономическими правилами и экологическими целями, — это спор вокруг экспортных ограничений на редкоземельные элементы, введённых Китаем. В начале 2010-х годов Китай ограничил экспорт редкоземов, которые используются в электронной технике и оборонной промышленности, мотивируя это необходимостью защиты природных ресурсов и сохранения окружающей среды. Однако США, Европейский союз и Япония обвинили Китай в нарушении его обязательств в рамках ВТО, поскольку введённые ограничения ограничивали свободную торговлю и были направлены на защиту национальных интересов в ущерб партнёрам. ВТО в 2014 году вынесла решение против ограничений, после чего Китай отменил экспортные квоты. Этот спор чётко иллюстрирует, как экологические аргументы по сохранению ресурсов могут вступать в противоречие с экономическими обязательствами стран-членов ВТО по либерализации торговли.

Конфликты между экономическими правилами торговли и нормами, направленными на защиту общественного здоровья, также встречаются в международной практике. В 2001 году на министерской конференции ВТО была принята Дохийская декларация по Соглашению о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (TPIPS) и общественному здравоохранению. Она подтвердила, что соглашение TPIPS не должно препятствовать действиям государств, направленным на обеспечение доступа к жизненно важным лекарствам для борьбы с эпидемиями, такими как ВИЧ/СПИД. Эта декларация стала значимым шагом в защиту публичного здоровья, но только после длительных дипломатических усилий государств-членов ВТО, поскольку первоначальные нормы TPIPS в строгой форме

защищали права интеллектуальной собственности и могли ограничивать производство или импорт более дешёвых лекарств для развивающихся стран [5].

Право на развитие в международном контексте также сталкивается с барьерами со стороны правил ВТО. Либерализация торговли и снижение торговых барьеров часто воспринимаются развивающимися странами как инструмент для стимулирования экономического роста. Однако в ряде случаев обязательства по либерализации могут препятствовать политике развития, направленной на защиту национальных отраслей, создание рабочих мест и укрепление внутренней инфраструктуры. ВТО предусматривает особые и дифференцированные подходы для наименее развитых стран, предоставляя им больше времени или гибкости для выполнения торговых обязательств, но эти меры не всегда оказываются достаточными для реализации амбициозных программ устойчивого развития.

Стоит также отметить, что противоречия между экономическими и экологическими нормами усиливаются в контексте климатической политики. Международные экологические договоры, такие как Парижское соглашение 2015 года [6], направлены на сокращение выбросов парниковых газов и борьбу с изменением климата. Эти цели требуют от государств активных мер в энергетическом и промышленном секторах, которые могут вступать в противоречие с правилами ВТО, запрещающими определённые субсидии или дискриминационные меры. Уже возникали споры в Арбитражном органе ВТО по поводу так называемых «зелёных» субсидий — поддержки национальных производителей возобновляемой энергии, которые конкурируют с иностранными аналогами. Такие случаи указывают на необходимость согласования климатических обязательств и правил международной торговли.

Механизмы формирования и последующей трансформации норм международного права под воздействием экономических факторов носят комплексный и многоуровневый характер, отражая динамику взаимовлияния нормативной и хозяйственной подсистем глобального порядка. Экономические процессы в данном контексте выступают не только в качестве внешней среды, но и как активный детерминант, способный инициировать как появление новых регулятивных конструкций, так и модификацию уже существующих.

Одним из базовых механизмов является договорная институционализация, при которой изменение конфигурации мировых рынков, структуры международной

торговли или инвестиционных потоков побуждает государства к выработке согласованных правил поведения. В таких условиях нормы формируются через многосторонние и двусторонние соглашения, отражающие компромисс между конкурирующими экономическими интересами. При этом содержание договорных положений нередко предопределяется асимметрией экономической мощи участников, что проявляется в закреплении преференциальных режимов или, напротив, в установлении ограничительных обязательств.

Не менее значимым выступает механизм институциональной генерации норм, реализуемый в рамках деятельности международных организаций, таких как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд. В данном случае экономическая необходимость координации политики государств трансформируется в квазинормативные решения, стандарты и рекомендации, которые, несмотря на различную степень юридической обязательности, фактически приобретают регулятивное значение вследствие их широкого признания и практического применения.

Особую роль играет механизм эволюционной адаптации правовых норм, при котором уже действующие положения подвергаются интерпретационному переосмыслению под влиянием изменяющихся экономических реалий. Судебные и арбитражные органы, разрешая споры, фактически участвуют в «тонкой настройке» правовых предписаний, наполняя их новым содержанием без формального изменения текста. Тем самым достигается гибкость регулирования при сохранении формальной стабильности правовой системы.

В целом, международное экономическое право и международное экологическое право представляют собой сложную систему норм, каждая из которых преследует важные, но порой конфликтующие цели. Экономические нормы стремятся к расширению торговли и инвестиций, тогда как экологические нормы требуют ограничений и регулирования для защиты окружающей среды и здоровья людей. Решение этих конфликтов требует комплексных подходов, включая изменение самих торговых правил, создание механизмов учёта экологических и социальных последствий торговых мер, а также развитие многосторонних стандартов, которые учитывают баланс между свободной торговлей и устойчивым развитием. Только при таком всестороннем подходе можно обеспечить согласованность международно-правового

регулирования, минимизировать конфликты и одновременно поддерживать устойчивый экономический рост, защиту окружающей среды и права человека в глобальном масштабе.

Литература:

1. Цели и задачи Всемирного банка // Всемирный банк. – URL: https://www.vsemimyjbank.org/ru/about/history (дата обращения 14.01.2026).

2. The World Bank as an International Financial Institution HWWA, Discussion Paper № 292 Posted: 13 Sep 2014. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=588648 (дата обращения 14.01.2026).

3. Международные экономические организации: учебник для вузов / С.Н. Сильвестров; под редакцией С.Н. Сильвестрова. - М.: Изд-во Юрайт, 2020. - 246 с.

4. Полоник С.С. Тенденции в мировой экономике и перспективы развития / С.С. Полоник // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. - 2016. - № 29-1. – С. 47-53.

5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231 (дата обращения 14.01.2026).

6. Парижское соглашение от 12 декабря 2015 // СПС «Кодекс». – URL: https://docs.cntd.ru/document/542655698 (дата обращения 14.01.2026).

Осипенко Михаил Васильевич
Osipenko Mikhail Vasilievich
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: osipenko.mixail05@mail.ru

научный руководитель
Лаптева Людмила Евгеньевна
Lapteva Lyudmila Evgenievna
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ФРИДРИХСГАМСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, КАК ПРИМЕР УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЛОКАЛЬНЫМИ ПРАВОВЫМИ ТРАДИЦИЯМИ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

THE FRIEDRICHSHAM PEACE TREATY AS AN EXAMPLE OF SUCCESSFUL INTERACTION WITH LOCAL LEGAL TRADITIONS WHEN CHANGING INTERSTATE BORDERS

Аннотация. Статья посвящена Русско-Шведской войне 1808-1809 гг. и заключенному по её итогу Фридрихсгамскому мирному договору, который фактически положил начало становления независимой финляндской государственности. В контексте рассматриваемого социально-политического конфликта анализируется выстраивание русско-финляндских социальных и правовых взаимоотношений, уважение к которым привело к безболезненному переходу Финляндии во владение Российской Империи, созданию для будущего великого княжества условий для постепенного развития собственной государственности.

Abstract. The article is devoted to the Russian-Swedish War of 1808-1809 and the Friedrichsham Peace Treaty concluded as a result of it, which actually marked the beginning of the formation of independent Finnish statehood. In the context of the socio-political conflict under consideration, the author analyzes the building of Russian-Finnish social and legal relations, respect for which led to the painless transition of Finland into the possession of the Russian Empire, the creation of conditions for the future Grand Duchy for the gradual development of its own statehood.

Ключевые слова: Русско-Шведская война 1808-1809 гг., социально-политический конфликт, Фридрихсгамский мирный договор 1809 г., Российская Империя, Шведское Королевство, Финляндия.

Keywords: Russian-Swedish War of 1808-1809, socio-political conflict, Friedrichsham Peace Treaty of 1809, Russian Empire, Swedish Kingdom, Finland.

В наше время, когда в мире нарастает процесс пересмотра значения ряда ключевых событий истории, было бы уместно вспомнить о некоторых мирных договорах, которые заключались Российской империей, о том, что принесли такие

договоры народам, входящим в результате военных событий в состав нашего государства. Одним из таких событий по праву можно назвать Фридрихсгамский мир 1809 года.

1. Предпосылки начала военных действий

В 1805–1807 годах Россия и Швеция, будучи союзниками в рамках ряда антифранцузских коалиций, противостояли императору Наполеону I Бонапарту. Падение последней, IV коалиции, превращает недавних союзников в противников. Во время заключения Тильзитского мира (1807 г.) французский император убеждает российского императора в необходимости прекращения Франко-Русского противостояния, мотивируя это тем, что тогда у России появится возможность спокойно решить свои южный (борьба за проливы Босфор и Дарданеллы) и северный (опасная близость Русско-Шведской границы к столичному Петербургу) вопросы.

Вдобавок ко Франции в разрыве бывших союзников в еще большей степени была заинтересована Англия, которая всеми способами втягивала Швецию в войну против России, обязуясь направить для охраны от французского вторжения 14 000 английских солдат. Наполеон же, в свою очередь, поддерживал притязания Александра на шведские приграничные земли и обещал никаким образом не вмешиваться в этот конфликт.

Таким образом, в русско-шведской войне в начале XIX века были заинтересованы все: Швеция желала возвращения своей былой военной славы, Англия стремилась удержать Францию на материке, направив её взоры на потенциально ослабленную после предполагаемого конфликта Россию или Швецию. Франция желала видеть довольную своими северными и восточными успехами Россию-друга, или как минимум потерявшую несколько тысяч солдат Россию-врага, а также шведские порты, закрытые для английских судов. Что касается Российской Империи, то можно утверждать, что “Лукавый Византиец” Александр Павлович изначально не рассматривал мир с Наполеоном как долгосрочный, о чём, в частности, свидетельствует отказ соединить Французский и Российский престолы узами династического брака. О том же говорит возобновившиеся тайная торговля России с Англией. Завладеть землями для потенциального отступления из столицы на север, оградить себя финским щитом от Швеции, которая бы не постеснялась присоединиться к Франции, подготовить армию к

ведению войны только на одном, западном важнейшем фронте, не отвлекаясь на другие заботы - вот они, истинные цели России в этой войне[1].

2. Подход к присоединению Финляндии, как к решенному вопросу

Залог успешной военной кампании - четкая постановка её задач. В Русско-Шведской войне цели были определены максимально конкретно: полное освобождение Финляндии. Об уверенности России в удовлетворении своих потребностей говорит и манифест Александра I к русскому народу (20 марта по старому стилю 1808 год), когда от даты перехода границы в феврале и не прошло даже двух месяцев: «Страну сию, оружием Нашим покоренную, мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи, и вследствие того повелели мы принять от обывателей ее присягу на верность престолу Нашему подданство»[2]

Отдельного внимания заслуживает подготовка почвы к присоединению Финляндии к Российской Империи: в феврале 1808 года сразу после перехода границы был опубликован манифест Императора к Финскому населению о том, что правовые интересы финского населения будут удовлетворены, права, свободы и привилегии автономии сохранятся. Сразу после этого российские солдаты стали распространять прокламации, призванные убедить финнов в реальность императорских обещаний. Такие меры способствовали двум важнейшим вещам: во-первых, партизанское финское движение, которое не могло не возникнуть в тот момент, когда Финляндия стала театром военных действий, не набрало ту силу и масштаб, какой могло бы, и во-вторых, относительно спокойное принятие финским населением новой реальности - пребывания в составе Российской Империи. Для императорского двора вступление Финляндии в состав России - было вопросом времени, который, однако, не терпел задержек: это подтверждает крайнее недовольство заключенным зимой 1809 года перемирием со Шведским королем, которое было подписано Ф.Ф.Буксгевденом[3].

3. Общий обзор военной кампании, целью которой являлось не порабощение Швеции, а принуждение ее к подписанию мира. Борьба за поддержку Финляндского населения.

[1] Широкорад А.Б. Раздел VII. Русско-шведская война 1808-1809 годов / Широкорад А.Б. [Электронный ресурс] // Военная Литература: [сайт]. — URL: http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/7_01.html (дата обращения: 14.11.2025).
[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 30. 1808-1809 [Текст] — СПБ: Типография II Отделения Собственной Императорского Его Величества Канцелярия, 1830 — 146 с.
[3] Широкорад А.Б. Раздел VII. Русско-шведская война 1808-1809 годов / Широкорад А.Б. [Электронный ресурс] // Военная Литература: [сайт]. — URL: http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/7_01.html (дата обращения: 14.11.2025).

21 февраля 1808 года Российские войска переходят границу. Начало военных действий зимой было неслучайным: В Санкт-Петербурге опасались обещанной Великобританией помощи Густаву IV Адольфу в виде нескольких тысяч солдат, поэтому Александр и принял решение начать вторжение в тот период, когда северные льды не позволяли английскому флоту добраться до Скандинавского полуострова.

Если тактика Российской армии кажется понятной: как можно скорее завладеть всей территорией шведской Финляндии, то шведский план представляется не совсем обычным: на протяжении всей начальной фазы войны не вступать в масштабные сражения, выигрывая для себя и своих северных подкреплений время, удерживая планомерным отступлением и двумя неприступными крепостями (Свартхольм и Свеаборг) Россию на юге финских земель. Однако к всеобщему удивлению крепости пали практически без боя, оставив множество военных трофеев. Российское командование не преследовало отступавших, взяв только с офицеров слово, что они не возьмут оружие, если им будет приказано участвовать в сражении против Русского солдата. Местным финским солдатам выдаются российские паспорта. Вдохновившись взятием “Северного Гибралтара” войска Буксгевдена уверенно продвигаются дальше: взяты Гельсингфорс, Тавастгус, Або, русские солдаты завладевают Аландскими островами.

Тем не менее, быстрой и победоносной войны не случилось: набирает силу партизанское движение, всё успешнее дают отпор получившие подкрепления шведские войска. Параллельно непосредственно военным действиям с самого начала войны набирала обороты борьба обеих сторон за поддержку местных жителей. Шведские войска проводили агитацию, выставляя Россию захватчиком, который стремится отобрать в том числе и финские права, и свободы. Шведские военные деятели развивали партизанское движение, выдавая оружие финским крестьянам, славящимся своими охотничьими навыками. Россия, как уже было отмечено ранее, выдавала паспорта лояльно настроенным местным солдатам. Представители русских войск встречались с финской аристократией, формируя из неё делегацию, которая осенью 1808 года отправится в Петербург.

Следом за победоносным началом у Российской армии пошли проблемы: непроходимые снега и болота замедляют продвижение вперёд, возрастает число поджогов и различного рода диверсий со стороны финляндских крестьян. Был утерян

контроль даже над Аландскими островами. Только переброска войск, активная деятельность военачальников П.И.Багратиона и М.Б.Барклая де Толли привела к полному покорению Финляндии: местные военные подразделения были разбиты. Шведские войска отступили, приближение русской армии к Стокгольму убедило короля в бесполезности продолжения военных действий. 7 (19) ноября была подписана в Ольки-Йоки конвенция между Каменским и Адлеркрейцем, согласно которой шведская армия должна была отступить за реку Кемь, что и было ею исполнено к 1 декабря. Весной 1809 года в Швеции произойдет государственный переворот: к власти придёт менее военнонастроенный Карл VIII. Примерно в это же время Александр I прибудет в покоренную Финляндию. 16 марта 1809 года Александр I торжественной речью перед представителями всех сословий, собранных специально в Борго, откроет работу финляндского сейма, а вместе с тем и новую страницу финляндской истории - теперь в составе России[4].

4. Заключение Фридрихсгамского мирного договора

15 сентября 1809 года был подписан Фридрихсгамский мирный договор, согласно которому новая Русско-Шведская граница проходила по рекам Торнио и Муонио. Примечательно, что город Торнио вошёл в состав Российской Империи по той причине, что местные жители обратились к русскому царю с прошением принять их в число его подданных. Великое Княжество Финляндское присоединилось к Российской Империи не просто на особых, а на исключительных для тогдашнего государства правах. Однако иначе быть и не могло, поскольку Финляндия выходила из страны с конституционным устройством, сословным представительством в государственных органах, элементами разделения властей и отсутствием крепостной зависимости у крестьян. Более того, и крестьяне, и городское бюргерство представляли собой активную политическую силу.

Огромное влияние на императора оказал его сподвижник М.М.Сперанский[5], который убедил Александра Павловича выстраивать свою политику к Финляндии, как к максимально обособленной автономии, имеющей свои выстроенные правовые институты, общественно значимые либеральные ценности и традиции.

[4] Булатов, Ю. А. Финляндия и имперская политика Дома Романовых [Текст] / Ю. А. Булатов // Международная жизнь — 2016. — № 1. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/show/576

[5] Михаил Михайлович продолжил оказывать положительное влияние на развитие финляндской государственности и парламентаризма, в том числе занимая должность статс-секретаря по делам Финляндии (1809-1811)

5. Содержание Фридрихсгамского Мирного Договора[6] от 17 сентября 1808 года

Мирный договор 1808 г. завершил историю русско-шведских войн. В первых трех статьях фиксируется начало периода дружеских отношений между Россией и Швецией, причем последняя обязуется начать дипломатические переговоры с Норвегией, Данией и Францией, убеждая их присоединиться к континентальной блокаде. Согласно ст. 4 Шведский король и все его будущие наследники отказывались от претензий на Финляндские губернии и Аландские острова в соответствии с ранее определенной границей. Финляндскому населению “по естественным побуждениям великодушия” Александра II, гарантируется свобода вероисповедания, а также сохранение всех прав и преимуществ, которыми они обладали (статья 6). На протяжении трёх лет Финляндцы и Шведы, оказавшиеся на противоположной стороне от своих границ, могли не спеша возвращаться к своим домам, не рискуя за это время потерять свое имущество (статья 10), что очевидно облегчало положение тех Финляндцев, которые на момент установления новых границ пребывали в Швеции, но на территории уже Российской Империи имели землю. Таким людям была дарована полная свобода выбора: вернуться к своим имениям или продать их в течение трёх лет, ожидая лучшее предложение. Охранялись судами как Российской империи, так и Шведского королевства долговые обязательства, возникшие между финляндцами и шведами до передела границы (статья 15), что опять же положительно отразилось на принятии финнами новой реальности. Более того – согласно ст.17, торговые отношения между Швецией и Финляндией могли осуществляться по довоенным правилам вплоть до 1811 года, финляндцы, имеющие устойчивые торговые связи со шведами, не рисковали потерять свой источник дохода и помимо того, что сохраняли его, так ещё и получали достаточный период времени для перенастройки его на новый формат.

Текст Фридрихсгамского мирного договора свидетельствует, что обещания данные ещё финляндской депутации о неущемлении их прав и интересов на этом этапе было выполнено. По сути, финляндский предприниматель, имеющий в Финляндии движимое и недвижимое имущество, развитые торговые отношения со шведами, который на момент войны оказался в «Королевстве Трех Корон», вложив серьезную

[6] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 30. 1808-1809 [Текст] — СПБ: Типография II Отделения Собственной Императорского Его Величества Канцелярия, 1830 — 1188-1193 с.

сумму в дело своего шведского коллеги, просыпался 18 сентября 1809 года полностью защищенным в правовом отношении человеком. Все его торговые и долговые связи сохраняли актуальность, он мог спокойно заниматься делами в Швеции и в течение трёх лет вернуться в Великое Княжество Финляндское, или продать свое финское имущество и беспрепятственно переехать в Швецию. Безусловно, положения мирного договора, которые не создавали дискомфорта для аристократов из «страны озер», а наоборот создавали для них довольно комфортные условия были приняты положительно и укрепили лояльность финского населения к происходящим изменениям. [4]

6. Роль Российской Империи в становлении государственности Финляндии

Отдельного изучения заслуживает вопрос: можно ли считать нахождение и правовое положение Финляндии в составе Российской Империи унией между двумя чуть ли не обособленными друг друга, но находящимися в союзе государствами. Углубление в этот вопрос – не предмет данной работы, но само наличие такого мнения среди влиятельных исследователей говорит о характере взаимоотношений между Россией и Великим Княжеством Финляндским[7].

Тогда совсем не удивительно, что Финляндские историки начинают летоисчисление своего государства именно с 1809 года. Ведь именно русский царь даровал, так называемой, Шведской или Новой Финляндии[8] статус автономного Великого княжества под суверенитетом России. До этого около 600 лет “страна озёр” входила в состав Швеции просто как часть территории. В честь Александра I в Хельсинки названа одна из центральных улиц, возведен памятник Александру II.

Императором Александром I были созданы все условия для сохранения самобытности Финляндского княжества и всестороннего его развития: сохранены шведские законы и шведский государственный язык, лютеранская церковь, собственный сенат (сейм) и обособленная от российской финская армия. Примечательно, что российским государственным деятелям запрещалось занимать какие-либо посты в Финляндском княжестве, в то время как для самих финнов дорога для продвижения по карьерной лестнице в российской армии была открыта.

[7] Коркунов Н.М. Российское государственное право, издание шестое под редакцией и с дополнениями М. Б. Горенберга, приват-доцента С.-Петербургского Университета. // Том 1, общая часть, отдел первый, § 18. Великое княжество Финляндское URL: https://istmat.org/node/24994

[8] Старая Финляндия (Финляндская губерния) была присоединена к Новой в 1812 году.

В Финляндии успешно функционировали своя почтовая служба и органы правосудия, в 1860-е годы уже Александр II введет в Финляндии особенную денежную систему и провозгласит финский язык главным языком в княжестве наряду с шведским. Полная свобода Финляндии в своём развитии приведет к тому, что в 1906 на её территории будет введено всеобщее равное избирательное право, распространенное и на женщин. Российские самодержцы не предпринимали масштабных попыток распространить на Финляндию общеимперское законодательство вплоть до конца 1890-х годов, когда Николай II ограничил деятельность Финского сейма, ввел специальный налог в пользу императорской казны. Такие действия противоречили Конституции 1809 года, дарованной Александром I, и автономии, признанной Александром II. Серия народных выступлений вскоре вынудила Николая вернуться к старым порядкам.

Таким образом, когда Финляндия провозгласила независимость, она вступала на мировую арену страной, сохранившей и развившей свои правовые институты за время пребывания в составе Российской Империи. 108 лет в составе России позволили Финляндии поэтапно выстроить собственную государственность, полноценно подготовиться к обретению независимости. Следовательно, вполне правомерен вывод - плодотворное развитие Финляндии - прямое следствие Фридрихсгамского мирного договора [9] , который действовал до 1920 года, после чего РСФСР признала независимость Финляндии.

Литература:

1. Широкорад А.Б. Раздел VII. Русско-шведская война 1808-1809 годов / Широкорад А.Б. [Электронный ресурс] // Военная Литература: [сайт]. — URL: http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/7_01.html (дата обращения: 14.11.2023).

2. Шиляев, А. С. Финляндия в контексте конституционной политики Александра I: специальность «История России с древнейших времен до XX в.»: Диссертация на соискание магистра исторических наук / Шиляев, А. С.; СПБГУ. — Санкт-Петербург, 2014. — 3-106 с. URL:

[9] Дерябин Ю. С. Россия и становление государственности Финляндии // Современная Европа. 2009. № 4 (40). С. 5-13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-stanovlenie-gosudarstvennosti-finlyandii ; Абашева Е. А. Правовые основы формирования внешнеторговой политики России в первой четверти XIX века в отношении Швеции и Финляндии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2. С. 13-15. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_9-2_01.pdf

https://history.spbu.ru/files/departments/uchebniy/Mag_dissertacii/Schilyaev/1.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

3. Булатов, Ю. А. Финляндия и имперская политика Дома Романовых [Текст] / Ю. А. Булатов // Международная жизнь — 2016. — № 1. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/show/576 (дата обращения: 10.05.2026).

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 30. 1808-1809 [Текст] — СПБ: Типография II Отделения Собственной Императорского Его Величества Канцелярия, 1830 — 1188-1193 с.

5. Коркунов Н.М. Российское государственное право, издание шестое под редакцией и с дополнениями М. Б. Горенберга, приват-доцента С.-Петербургского Университета. // Том 1, общая часть, отдел первый, § 18. Великое княжество Финляндское URL: https://istmat.org/node/24994 (дата обращения: 10.05.2026).

6. Дерябин Ю. С. Россия и становление государственности Финляндии // Современная Европа. 2009. № 4 (40). С. 5-13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-stanovlenie-gosudarstvennosti-finlyandii (дата обращения: 10.05.2026).

7. Абашева Е. А. Правовые основы формирования внешнеторговой политики России в первой четверти XIX века в отношении Швеции и Финляндии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2. С. 13-15. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_9-2_01.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

Григорьева Дарья Сергеевна
Grigorieva Daria Sergeevna
магистрант
ФГАУО ВО «Волгоградский государственный университет»

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INFORMATION SECURITY IN BUSINESS

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу информации как ключевого актива бизнеса в условиях цифровизации. На основе судебной практики исследуется цивилистический дуализм данных и их носителя, а также классифицируются ИТ-риски: неопределенность авторства ИИ, длительность блокировок угроз и интернет-диффамация. С опорой на инструментальный подход доказано, что регулированию подлежат действия разработчиков и менеджмента, а не сами технологии, для исключения подмены свободы воли бизнеса программным кодом. Предложен алгоритм упреждающего ИТ-комплаенса на базе режимов коммерческой тайны и персональных данных в рамках баланса интересов гражданина, бизнеса и государства.

Abstract. The article provides a legal analysis of information as a key business asset in the digital economy. Based on judicial practice, it examines the civil law dualism of data and its carrier, classifying IT risks such as AI authorship uncertainty, delayed threat blocking, and online defamation. Applying the instrumental approach, the paper argues that regulation should target the actions of developers and management rather than the technology itself, preventing software code from replacing an entrepreneur's free will. An algorithm for proactive IT compliance is proposed, combining commercial secrecy and personal data protection to balance the interests of citizens, business, and the state.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, информационная безопасность, правовой риск, коммерческая тайна, бизнес-защита.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, information security, legal risk, commercial secrecy, business protection.

Современный этап развития глобального и отечественного рынков характеризуется тотальной цифровизацией, при которой информация превращается в стратегический ресурс и ключевой структурообразующий актив любого экономического субъекта [1]. Стремительное внедрение сквозных технологий, систем на основе искусственного интеллекта (ИИ) и нейронных сетей коренным образом трансформирует не только внутренние бизнес-процессы предприятий, но и архитектуру их правовой безопасности. В условиях, когда коммерческий успех организации напрямую зависит от скорости сбора, качества обработки и надежности хранения колоссальных массивов данных, традиционные подходы к обеспечению безопасности бизнеса требуют коренной институциональной и нормативной переоценки.

Актуальность исследования правовых форм и механизмов защиты информации в

предпринимательской деятельности обусловлена действием нескольких взаимосвязанных факторов:

1. Эскалация технологических и нормативных вызовов. Использование цифровых систем порождает беспрецедентные юридические риски. Отсутствие единых подходов к нормативной трактовке ИИ влечет правовую неопределенность и конфликты юрисдикций [7, с. 45]. Ситуация усугубляется тем, что правила в ИТ-сфере зачастую формулируются техническими специалистами, а не юристами, из-за чего правовые алгоритмы грешат поверхностностью, а ценностный багаж юриспруденции игнорируется в угоду прогресса.

2. Лавинообразный рост правовых споров в ИТ-сфере. Отечественная судебная практика демонстрирует резкое увеличение числа разбирательств, связанных с функционированием цифровых систем. Динамика роста дел (со 165 споров в период 2022–2023 гг. до 406 дел за последующий год) подтверждает, что бизнес регулярно сталкивается с правовыми конфликтами при внедрении ИТ-решений. При этом механистическое моделирование реальности разработчиками софта приводит к скрытой подмене свободной воли предпринимателя рамками программных матриц [5, с. 74].

3. Уязвимость традиционных правовых режимов. Классические цивилистические институты недостаточно адаптивны перед лицом новых угроз, таких как интернет-диффамация, размывание авторства при обучении нейросетей и утечки конфиденциальных сведений [1]. Своевременное блокирование порочащего контента в Сети правовыми методами малоэффективно из-за длительности процедур (от 6 до 8 месяцев), что наносит тяжелый ущерб гудвиллу компании. Это требует от бизнеса выработки упреждающих (превентивных) механизмов самозащиты в рамках института комплексной бизнес-защиты [14, с. 38].

4. Защита информации на предприятии не может выстраиваться изолированно. Государство планомерно ужесточает императивные требования к Защита информации на предприятии не может выстраиваться изолированно. Государство планомерно ужесточает императивные требования к ИТ-комплаенсу (в области персональных данных и коммерческой тайны), смещая фокус контроля, но одновременно декларируя поддержку бизнеса. Предпринимателю важно найти баланс

между экономической целесообразностью использования данных, правами граждан и публичными интересами государства [8, с. 66].

Методологическую основу данного исследования составляет междисциплинарный синтез, объединяющий технико-технологические, этические и юридические аспекты, с опорой на инструментальный подход к праву. В рамках этого подхода автоматизация рассматривается исключительно как средство (инструмент) в руках человека [4, с. 163]. Правовому регулированию должны подвергаться не сами технологии, а общественные отношения, возникающие в процессе их использования, что выводит на первый план необходимость жесткого контроля за действиями носителей естественного интеллекта при проектировании и внедрении ИТ-систем в бизнесе.

Целью работы является комплексный теоретико-правовой анализ форм и механизмов защиты информации в коммерческом обороте (включая дуализм данных и их материального носителя), выявление ключевых рисков цифровизации и разработка практических рекомендаций по формированию устойчивой системы ИТ-комплаенса (в том числе через внедрение режимов коммерческой тайны) для субъектов предпринимательской деятельности.

В условиях цифровой экономики информация приобретает статус самостоятельного, высоколиквидного актива предприятия, обеспечивающего его конкурентоспособность. Любой бизнес-процесс сегодня представляет собой цикл генерации, обработки и капитализации данных.

С точки зрения цивилистической доктрины, правовая природа информации характеризуется дуализмом. Сущность этого феномена, закрепленного в ГК РФ, заключается в автономном сосуществовании двух аспектов:

1. Идеальное (бестелесное) содержание — сведения, показатели, коды или базы знаний, обладающие самостоятельной ценностью.

2. Материальный (цифровой) носитель — физическая или облачная инфраструктура, фиксирующая эти данные во внешнем мире.

В отличие от вещей, информация непотребляема, легко тиражируется и может одновременно использоваться множеством субъектов. Этот дуализм порождает проблему: права на носитель регулируются вещным правом, тогда как оборот самих данных требует комплексных и интеллектуально-правовых режимов.

Экономическая ценность информационных активов прямо зависит от их правовой подконтрольности предпринимателю [11, с. 162]. В структуре этих активов выделяются три ключевые страты:

1. Коммерческая информация (ноу-хау, секреты производства), защищаемая режимом конфиденциальности [11, с. 160].

2. Персональные данные клиентов и сотрудников, оборот которых жестко ограничен публично-правовыми предписаниями [12, с. 98].

3. Репутационный капитал (гудвилл) — сведения, формирующие бренд компании в цифровой среде [10, с. 179].

Включение данных в коммерческий оборот должно опираться на триаду баланса интересов бизнеса, граждан и государства. Оцифровка бизнес-процессов без надлежащего юридического оформления лишает компанию защиты со стороны государства. При этом регулировать необходимо не сами технологии, а волевые действия людей (разработчиков, менеджмента) по управлению этими информационными активами.

Внедрение ИТ-решений интегрирует технологические риски в общую структуру классических коммерческих рисков предприятия [13, с. 86]. Правовой риск в сфере ИТ — это вероятность возникновения для бизнеса неблагоприятных юридических последствий (финансовых убытков, судебных санкций, потери активов) из-за несовершенства законодательства, неправомерных действий третьих лиц или некорректного правового оформления цифровых процессов.

Отечественная судебная практика наглядно подтверждает эскалацию этих угроз: количество ИТ-споров в судах РФ выросло со 165 дел в период 2022–2023 гг. до 406 дел за последующий год [7, с. 46].

Современный ландшафт правовых рисков в ИТ-сфере формируют три ключевых фактора:

1. Риски искусственного интеллекта и генеративных моделей. Использование ИИ (например, нейросетей вроде Midjourney) порождает глубокую правовую неопределенность из-за размытости авторских прав на генерируемый контент и конфликтов юрисдикций. Кроме того, при переносе правовой материи в программный код ИТ-специалистами происходит механистическое моделирование реальности: воля и свободный выбор предпринимателя скрыто подменяются жесткими алгоритмами

разработчика программной оболочки.

2. Уязвимость инфраструктуры и интернет-угрозы. Бизнес напрямую зависит от ИТ-инфраструктуры, где слабым звеном часто оказываются хостинг-провайдеры. Распространение в Сети нелегального контента или атаки на ресурсы компании требуют оперативного реагирования. Однако классические механизмы судебных блокировок в РФ крайне медлительны и занимают от 6 до 8 месяцев, что делает их неэффективными для оперативной защиты бизнеса [6, с. 31].

3. Интернет-диффамация. Черный PR, фейки и распространение недостоверных порочащих сведений в цифровой среде наносят мгновенный и тяжелый ущерб деловой репутации (гудвиллу) компании. Специфика интернет-диффамации заключается в крайней сложности фиксации анонимных нарушений в Сети и доказывания точного размера упущенной выгоды в суде [10, с. 180].

В итоге правовые проблемы ИТ-сферы лежат преимущественно в области естественного, а не искусственного интеллекта: регулировать необходимо не сам прогресс, а волевые действия людей, проектирующих и внедряющих эти технологии в коммерческий оборот. Без создания внутренних упреждающих механизмов защиты бизнес оказывается уязвим перед лицом цифровых угроз [14, с. 39].

Эффективная защита информационных активов организации требует развертывания специальных правовых режимов, адаптированных к требованиям действующего законодательства и специфике цифровой среды. Центральное место в системе отраслевого ИТ-комплаенса занимают режимы коммерческой тайны и защиты персональных данных.

Согласно императивным требованиям Федерального закона № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», конфиденциальность информации признается защищенной только при реализации предприятием строгого правового алгоритма [3]. Данный алгоритм включает обязательное выполнение следующих упреждающих мер:

1. Определение точного перечня сведений, составляющих коммерческую тайну.

2. Ограничение доступа к этим сведениям путем установления порядка обращения с ними и контроля за его соблюдением.

3. Учет лиц, получивших доступ к конфиденциальной информации.

4. Регулирование отношений по использованию сведений сотрудниками (через трудовые договоры) и контрагентами (путем подписания соглашений о неразглашении

— NDA).

5. Нанесение на материальные носители или включение в электронные документы грифа «Коммерческая тайна» с указанием правообладателя.

Без выполнения этих нормативных требований бизнес лишается юридических оснований для привлечения нарушителей к ответственности [12, с. 99].

Параллельно предприятия сталкиваются с жесткими рисками комплаенса в рамках Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» [2]. Организация надежных систем информационной безопасности для защиты данных клиентов и сотрудников сопряжена с высокой стоимостью сертифицированного софта и оборудования, что оборачивается серьезным финансовым бременем, особенно для малого бизнеса. В этих условиях критически важен баланс публичных и частных интересов: государственное регулирование должно постепенно смещать вектор от карательных штрафов к методической и инфраструктурной поддержке коммерческого сектора.

Внедрение данных режимов не должно быть механистическим «кодированием» процессов ИТ-специалистами, при котором игнорируются материально-правовые нюансы. Правовые режимы защиты на предприятии призваны сформировать единый институт превентивной бизнес-защиты, минимизирующий риски до их перехода в стадию затяжного судебного конфликта.

Проведенное исследование теоретико-правовых основ и практических механизмов обеспечения информационной безопасности позволяет сформировать комплексные выводы относительно трансформации института бизнес-защиты в условиях тотальной цифровизации коммерческого оборота.

Информация окончательно утвердилась в качестве самостоятельного, высоколиквидного и структурообразующего актива современного предпринимательства. Ее правовая природа характеризуется выраженным цивилистическим дуализмом: автономным существованием идеального (бестелесного) содержания и его материального или цифрового носителя. Этот дуализм предопределяет неэффективность использования исключительно классических вещных институтов и требует развертывания гибких, упреждающих правовых режимов [9, с. 74].

Стремительное внедрение сквозных ИТ-решений и систем искусственного

интеллекта повлекло за собой интеграцию технологических рисков в структуру общих коммерческих рисков компании [13, с. 88]. Лавинообразный рост судебных споров в ИТ-сфере (более чем двукратное увеличение зафиксированных дел в судах РФ) наглядно обнажил ключевые правовые уязвимости бизнеса. Среди них наиболее критичными выступают: правовая неопределенность авторства при использовании генеративных моделей, медлительность механизмов судебной защиты от интернет-угроз (занимающая от 6 до 8 месяцев), а также трансграничный характер интернет-диффамации, подрывающей гудвилл предприятий.

Главный теоретический вывод исследования заключается в том, что ключевые правовые проблемы цифровизации лежат в сфере естественного, а не искусственного интеллекта. Основные риски порождаются механистическим моделированием реальности техническими специалистами, при котором воля и свободный выбор предпринимателя подменяются жесткими программными алгоритмами, исключающими правовые и этические нюансы. Следовательно, регулированию со стороны государства и бизнеса должен подвергаться не сам технологический прогресс, а волевые действия людей, проектирующих, внедряющих и эксплуатирующих ИТ-системы.

В качестве практических рекомендаций для субъектов предпринимательской деятельности обоснована необходимость перехода от реактивной модели защиты (обращения в суд по факту правонарушения) к превентивной модели построения сквозного ИТ-комплаенса. Данная модель должна опираться на концепцию триады баланса интересов (бизнеса, граждан и публичного порядка) и включать в себя:

1. Безусловное выполнение императивного алгоритма по введению режима коммерческой тайны согласно 98-ФЗ [3].

2. Создание надежных систем защиты персональных данных в рамках требований 152-ФЗ, что в условиях высокой стоимости ИБ-инфраструктуры требует встречной методической поддержки со стороны государства [2].

3. Непосредственное участие юристов в проектировании внутренних цифровых платформ организации для предотвращения скрытого ограничения свободы воли предпринимателя программным кодом.

Только формирование комплексного, превентивного института бизнес-защиты позволит современным предприятиям минимизировать правовые ИТ-риски и

обеспечить устойчивое развитие в высокотехнологичной среде.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ: офиц. текст (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024 г.). // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.05.2026).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О персональных данных". //КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 10.05.2026).

3. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне». // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 10.05.2026).

4. Бусленко Е.О. Теоретико-правовой анализ судебной защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. - № 1. – С. 161-165.

5. Гаврилова Ю.А. Теоретико-правовые основы автоматизации юридической деятельности. // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 72–79.

6. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект. // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 27–34.

7. Герасименко Ю.В. Развитие, нормативно-правовое регулирование и перспективы института бизнес-защиты в Российской Федерации. // Сибирское юридическое обозрение. – 2026. – Т. 23, № 1. – С. 39-55.

8. Егоров Г.Г., Севостьянов М.В., Шубенкова К.В. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных сетей (международные аспекты). // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 61–71.

9. Егоров Г.Г. Правовые формы обеспечения информационной безопасности в сети Интернет // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 70–76.

10. Левушкин А.Н. Защита информации при осуществлении предпринимательской деятельности в цифровую эпоху. // Журнал прикладных исследований. – 2022. – С. 177-182.

11. Самостроенко Г.М., Сулима Е.П. Совершенствование государственной поддержки предпринимательства в сфере защиты персональных данных в условиях цифровой экономики. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 155-167.

12. Суслова С.И. Информация как объект гражданских прав. // Известия Байкальского государственного университета. – 2002. – С. 95-101.

13. Тагаева Г.К. Коммерческая тайна как разновидность конфиденциальной информации. // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. – 2025. – Т. 5, № 6 – С. 83-90.

14. Чмутин Д.Р., Коваленко Е.Г. Цифровизация предпринимательской деятельности: новые возможности и правовые вызовы. // Цифровое право. – 2026. - № 1. – С. 37-40.

научный руководитель
Тарасьев Александр Михайлович
Tarasyev Alexander Mikhailovich
доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник
АНО ВО «Гуманитарный университет»
e-mail: tam@imm.uran.ru

Шонематов Искандар Тимурович
Shonematov Iskandar Timurovich
аспирант
АНО ВО «Гуманитарный университет»
e-mail: iskandarshonematov@gmail.com

АСИММЕТРИЧНАЯ МОДЕЛЬ «ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ» ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ С ДОМИНИРОВАНИЕМ ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

AN ASYMMETRIC "TRIPLE HELIX" MODEL FOR STATE-DOMINATED REGIONAL INNOVATION SYSTEMS: THE EXPERIENCE OF RUSSIAN REGIONS

Аннотация. В статье ставится вопрос о применимости классической модели «тройной спирали» Г. Ицковица и Л. Лейдесдорффа к региональным инновационным системам с выраженным доминированием государства в структуре финансирования НИОКР. Показано, что исходная модель строится на предположении о симметричном взаимодействии университета, бизнеса и государства, тогда как российская национальная инновационная система характеризуется устойчивой асимметрией: доля государства в финансировании исследований и разработок превышает 60%, против 25–30% в Германии и Финляндии. Предложена асимметричная модификация модели, в которой государственный контур выполняет не координирующую, а управляющую функцию по отношению к университетской и предпринимательской спиралям. Эмпирическая иллюстрация на материале Республики Татарстан и Томской области показывает, что регионы, осознанно выстроившие асимметричную институциональную архитектуру (особая экономическая зона «Иннополис», программа «ИНО Томск»), достигают более высокой инновационной результативности, чем регионы, формально следующие симметричной логике тройной спирали без учёта структурной специфики национальной системы.

Abstract. This article examines the applicability of the classical "triple helix" model by G. Etzkowitz and L. Leydesdorff to regional innovation systems with pronounced state dominance in the structure of R&D funding. It is shown that the original model is based on the assumption of symmetrical interactions between universities, businesses, and the state, whereas the Russian national innovation system is characterized by persistent asymmetry: the state's share of R&D funding exceeds 60%, compared to 25–30% in Germany and Finland. An asymmetric modification of the model is proposed, in which the state plays a managerial rather than a coordinating role in relation to the university and business helices. An empirical illustration based on the Republic of Tatarstan and Tomsk Oblast demonstrates that regions that have consciously built an asymmetrical institutional architecture (the Innopolis special

economic zone, the INO Tomsk program) achieve higher innovation performance than regions that formally adhere to the symmetrical logic of the Triple Helix without taking into account the structural specifics of the national system.
Ключевые слова: тройная спираль, национальная инновационная система, асимметрия, государственное регулирование, региональная инновационная политика, институциональная архитектура.

Keywords: Triple Helix, national innovation system, asymmetry, government regulation, regional innovation policy, institutional architecture.

Введение

Модель «тройной спирали», предложенная Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорффом в середине 1990-х годов [Etzkowitz, Leydesdorff, 1995, 2000], остаётся одной из наиболее известных и влиятельных теоретических рамок для анализа взаимодействия трех систем: университета, индустрии (рынка) и государственного аппарата в инновационном процессе. Модель описывает динамику, при которой каждая из трёх равнозначных сфер частично перенимает функции двух других, порождая тем самым «гибридные пространства»: технопарки, венчурные фонды с государственным участием, исследовательские центры, финансируемые промышленностью. Неявно в этой конструкции присутствует предположение о структурной симметрии: ни одна из трёх спиралей не закреплена за доминирующей ролью по умолчанию, тем самым формирую взаимозависимую, но достаточно сбалансированную систему.

Применительно к российским региональным инновационным системам это предположение требует дополнительной проверки. Цель статьи — установить, насколько свормировавшаяся структура национальной инновационной системы России соответствует симметричной конфигурации тройной спирали, и в случае выявленного расхождения, предложить теоретически обоснованную модификацию модели.

Задачи: охарактеризовать эмпирический профиль распределения финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) между государством, бизнесом и университетским сектором в России; сопоставить его с профилем стран, на материале которых модель была первоначально сформулирована; предложить асимметричную модификацию архитектуры тройной спирали; проверить объяснительную силу предложенной модификации на материале региональных кейсов.

Методы и результаты

Эмпирический профиль асимметрии российской НИС

Структура финансирования исследований и разработок в России систематически

отличается от стран, послуживших эмпирической базой для классической модели тройной спирали. Доля государства в финансировании НИОКР в России превышает 60%, тогда как в Германии и Финляндии этот показатель держится на уровне 25–30% [World Bank, 2023]. Зеркальным образом доля предпринимательского сектора в российском финансировании НИОКР составляет около 58% внутренних затрат, что ниже показателя развитых стран (70–75%) [Росстат, 2024]. Дополнительный фактор асимметрии заключается в том, что структурная роль крупных корпораций с государственным участием (оборонно-промышленный комплекс), которые формально относятся к индустриальной спирали, но фактически выполняют функции квазигосударственного регулятора, получая основной объём заказов и финансирования через государственные программы, а не через рыночные механизмы, что может выступать фактором сдерживания развития для рыночных акторов.

Таблица 1. Сопоставление структуры финансирования НИОКР: симметричная и асимметричная конфигурации

Составлено по: [World Bank, 2023; Росстат, 2024]

Параметр	Германия / Финляндия	Россия
Доля государства в финансировании Научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ	25–30%	свыше 60%
Доля бизнеса в финансировании НИОКР	70–75%	около 58%
Роль крупных корпораций с гос. участием	рыночный агент	квазигосударственный регулятор

Приведённые в таблице данные указывают на качественное, а не количественное расхождение с исходными условиями применения модели: речь не идёт о незначительном отклонении показателей, а о принципиально иной конфигурации распределения ролей между тремя спиралями.

Асимметричная модификация архитектуры тройной спирали

Прямое применение симметричной модели к описанной структуре было бы теоретически некорректным: модель, разработанная для систем с относительно сбалансированным распределением ресурсов и полномочий между тремя сферами, не

предназначена для описания систем, в которых одна из сфер контролирует существенно больший объём ресурсов и обладает регуляторными полномочиями по отношению к двум другим. В связи с этим предлагается асимметричная модификация архитектуры: государственная спираль выполняет не координирующую, а напрямую управляющую функцию, через которую проходят все явные сигналы от университетской и предпринимательской спиралей, тогда как в классической модели предполагается отсутствие выделенного управляющего контура.

Операционально эта модификация означает следующее: вместо трёх равноправных акторов, взаимодействующих в общем пространстве, предлагается трёхуровневая структура, в которой государственный регуляторный контур формирует необходимые для существования системы условия (нормативную базу, финансовые инструменты, приоритеты), в рамках которых университетская и предпринимательская спирали взаимодействуют друг с другом. Это не отмена тройной спирали, а её адаптация к структуре, в которой государство объективно обладает асимметричным весом. Причиной тому является факт, что попытка игнорировать эту асимметрию и реализовывать региональную политику в рамках российских обстоятельств в логике равноправного партнёрства трёх спиралей систематически приводит к разрыву между декларируемой моделью и фактическим распределением полномочий и ресурсов. Другими словами, бюрократизму и созданию видимости системных шагов, а не целенаправленное применение средств и ресурсов для достижения экономических результатов.

Эмпирическая иллюстрация: Татарстан и Томская область

Проверка объяснительной силы предложенной модификации проведена на материале двух российских регионов, устойчиво входящих в число лидеров рейтинга Ассоциации инновационных регионов России (АИРР). Республика Татарстан на протяжении последнего десятилетия занимает лидирующие позиции, находясь в первой тройке рейтинга [АИРР, 2024]. Существенным является тот факт, что институциональная архитектура региона строилась не по логике равноправного партнёрства трёх спиралей, а по логике целенаправленного государственного проектирования инфраструктуры заранее, до появления критической массы предпринимательских и университетских акторов: особая экономическая зона «Иннополис» с одноимённым ИТ-городом была построена государством с нуля начиная

с 2012 года именно в роли управляющего, а не координирующего участника.

Томская область демонстрирует аналогичную логику в иной форме. Регион уступает Свердловской области по абсолютным размерам экономики в несколько раз, однако стабильно входит в первую пятёрку рейтинга АИРР [АИРР, 2024] благодаря долгосрочной региональной программе «ИНО Томск», действующей с 2011 года и предполагающей системную интеграцию университетской науки в производственный контур при ведущей организующей роли региональной власти, а не самопроизвольного партнёрства университетов и бизнеса.

В обоих случаях наблюдается не симметричное взаимодействие трёх спиралей, а асимметричная архитектура с управляющей ролью государственного контура, именно та конфигурация, которая предложена в настоящей статье как теоретическая модификация исходной модели. Регионы, не осознавшие эту асимметрию и пытающиеся выстраивать инновационную политику по формальной логике равноправного партнёрства, демонстрируют существенно более низкую инновационную результативность при сопоставимых или больших ресурсах, что характерно для Свердловской области, занимающей 13–16-е место в том же рейтинге. Таким образом мы можем наблюдать, что практическое применение рассматриваемой модели позволяет достигать результативной синергетической деятельности и, соответственно, результатов.

Обсуждение

Предложенная модификация не отрицает аналитическую ценность классической модели тройной спирали, а дополнительно уточняет условия её применимости к практическим и фактическим системам России. Для систем с относительно сбалансированным распределением ресурсов между тремя сферами (что характерно для большинства стран, на материале которых модель первоначально формулировалась) симметричная версия остаётся адекватной аналитической рамкой. Для систем же с выраженной структурной асимметрией, к которым относится российская национальная инновационная система, требуется явное признание управляющей роли одной из спиралей (в этом случае - государство). В противном случае модель утрачивает объяснительную силу применительно к фактически наблюдаемым институциональным конфигурациям.

Ограничение представленного анализа связано с тем, что эмпирическая

иллюстрация опирается на качественное сопоставление двух кейсов, а не на формализованную количественную проверку. Дальнейшая операционализация предложенной модификации для целей региональной политики управления инновационным сектором, в частности, формирование требований и предложение архитектуры цифровой платформы, закрепляющей управляющую функцию государственного контура, представлена в отдельных работах авторов.

Заключение

В статье показано, что классическая симметричная модель тройной спирали, применяемая в общей теории региональной и отраслевой экономики, не соответствует эмпирическому профилю российской национальной инновационной системы, в которой доля государства в финансировании НИОКР превышает 60% против 25–30% в странах, послуживших эмпирической базой исходной модели. Предложена асимметричная модификация архитектуры, в которой государственный контур выполняет управляющую, а не координирующую функцию. Сравнение кейсов Татарстана и Томской области, целенаправленно выстроивших асимметричную институциональную архитектуру, с регионами, формально следующими симметричной логике партнёрства, подтверждает объяснительную силу предложенной модификации и её практическую значимость для региональной инновационной политики промышленных регионов России.

Литература:

1. АИРР. Рейтинг инновационных регионов России 2019–2024. – URL: https://www.i-regions.org/reiting/ (дата обращения: 20.06.2026).

2. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix—University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review. – 1995. – Vol. 14. – P. 14–19.

3. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: From National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Research Policy. – 2000. – Vol. 29, № 2. – P. 109–123.

4. Росстат. Регионы России: социально-экономические показатели – 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.06.2026).

5. Шонематов И. Т. Новые парадигмы инновационного развития регионов: анализ глобальных трендов и локальных адаптаций // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 41–55. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.04.

6. Шонематов, И. Т. Эволюция теоретических подходов к определению и структурированию инновационных экосистем: от линейных моделей к платформенным конфигурациям / И. Т. Шонематов // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 335-354. – DOI 10.18334/epp.16.1.124584. – EDN JSBDEH.

7. World Bank. Worldwide Governance Indicators and R&D Financing Structure Database. – Washington, D.C.: World Bank, 2023.

Чернышев Александр Витальевич
Chernyshev Alexander Vitalievich
слушатель
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
e-mail: achernyschev15@yandex.ru

Писачкин Дмитрий Владимирович
Pisachkin Dmitry Vladimirovich
старший преподаватель кафедра теории и методологии государственного управления, кандидат философских наук
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
e-mail: dmitrypisachkin@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИНФОРМАЦИОННОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ

ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE INFORMATION SUPPORT OF THE ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты защиты информационных ресурсов в ходе информационного сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. В современных условиях, когда цифровые технологии пронизывают все сферы государственного управления, особую значимость приобретает обеспечение сохранности, целостности и конфиденциальности данных, используемых в работе правоохранительных органов. Информационное сопровождение деятельности МВД включает в себя не только взаимодействие с гражданами и СМИ, но и внутренний документооборот, аналитическую обработку данных, а также оперативный обмен сведениями между подразделениями. В связи с этим возрастает риск утечки служебной информации, ее несанкционированного изменения или уничтожения, что может нанести существенный ущерб как репутации ведомства, так и национальной безопасности.

Abstract. This article discusses the key aspects of protecting information resources during the information support of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. In today's digital age, where digital technologies permeate all aspects of public administration, ensuring the security, integrity, and confidentiality of data used by law enforcement agencies is of utmost importance. The information support of the Ministry of Internal Affairs includes not only interactions with citizens and the media, but also internal document management, analytical data processing, and the rapid exchange of information between departments. This raises the risk of information leakage, unauthorized modification, or destruction, which can have significant consequences for both the department's reputation and national security.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное сопровождение, МВД России, защита информации, нормативные акты, информация, конфиденциальные данные, контроль, персональные данные, государственная тайна.

Keywords: information security, information support, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, information protection, regulations, information, confidential data, control, personal data, state secret.

В современных условиях цифровой трансформации государственного управления обеспечение информационной безопасности при информационном сопровождении деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) приобретает стратегическое значение. МВД России, являясь ключевым органом, обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность, ежедневно генерирует, обрабатывает и распространяет колоссальные объемы информации. Эта информация включает как открытые данные для граждан, так и сведения ограниченного доступа, составляющие государственную или служебную тайну. Эффективность работы министерства напрямую зависит от того, насколько надежно защищены информационные потоки от несанкционированного доступа, утечек, искажений и деструктивных воздействий.

Информационная безопасность при информационном сопровождении деятельности МВД России – это комплексный процесс, который включает правовые, организационные и технические меры. Его цель – защитить информацию от утечек, несанкционированного доступа, уничтожения, искажения и других угроз.

Правовое регулирование – основополагающее направление в обеспечении информационной безопасности.

Оно включает:

- разработку и соответствие проектов законодательных, подзаконных и межведомственных нормативных актов требованиям регуляторов в области защиты информации;

- включение мероприятий по защите информации в федеральные и ведомственные целевые программы на стадии их планирования и утверждения;

- координацию и контроль деятельности по защите информации, в том числе через специализированные подразделения (например, головное подразделение МВД России по вопросам защиты персональных данных при их автоматизированной обработке);

- соблюдение требований к обработке различных видов информации, включая сведения, составляющие государственную тайну, и конфиденциальные данные [6].

Ключевыми нормативными актами являются:

- Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (последняя редакция) [1];

- Федеральный закон от 27.07. 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» [2];

- постановления Правительства РФ и приказы ФСТЭК России, регулирующие меры защиты информации.

Организационные мероприятия составляют второй фундаментальный элемент в комплексе обеспечения информационной безопасности МВД России. В первую очередь сюда входит установление и поддержание режимов секретности и конфиденциальности на всех стадиях обработки данных. Данный процесс предусматривает жесткую регламентацию доступа сотрудников к информационным массивам, четкое разграничение их служебных полномочий, а также проведение регулярных инструктажей и повышение профессиональной компетенции личного состава в вопросах информационной безопасности. Ключевым компонентом выступает надзор за деятельностью подразделений, особенно тех, которые оперируют персональными данными граждан и оперативно-розыскными сведениями. Плановые внутренние проверки, аудиторские процедуры и мероприятия по оценке уязвимостей дают возможность выявлять потенциальные каналы утечки либо намеренного искажения информации еще до их фактической реализации.

Особенно сложной задачей является сохранность данных при контакте с журналистами и аудиторией. Пресс-отделы Министерства внутренних дел должны своевременно распространять новости, не раскрывая при этом секретных сведений, способных навредить расследованию или оперативной работе. Требуются чёткие схемы проверки публикуемого контента на предмет соблюдения режима секретности. Любая оплошность в этой сфере может нанести серьёзный вред репутации или деятельности [4].

В обстановке гибридных угроз всё более важной становится оборона от информационно-психологических атак. Злоумышленники могут пытаться распространять ложные сведения через взломанные учётные записи или поддельные веб-ресурсы, копирующие официальные порталы МВД. Для нейтрализации таких угроз требуется выстроить систему наблюдения за информационной средой, включая обнаружение фиктивных страниц и каналов. Оперативное реагирование на подобные

риски, блокировка подозрительных сайтов и обнародование опровержений – важные элементы работы пресс-службы.

Следует также помнить, что информационное освещение происходит не только на высшем, но и на региональном уровне. Территориальные управления МВД располагают собственными пресс-отделами и сайтами, что расширяет число потенциальных уязвимостей для атак. Необходима единая централизованная политика защиты, которая принимает во внимание особенности каждого региона, но соблюдает общие стандарты. Внедрение общих защищённых площадок для обнародования информации, использование сертифицированных средств электронной цифровой подписи и шифрования при обмене документами – обязательные шаги.

Помимо этого, нельзя упускать из виду резервирование данных. Происшествия, связанные с блокировкой или уничтожением информации (к примеру, при вирусных атаках-вымогателях), способны остановить деятельность пресс-отдела. Систематическое формирование запасных копий на обособленных носителях, а также планы восстановления после сбоев обязаны быть частью общей концепции безопасности.

Техническая компонента защиты в условиях цифровизации органов внутренних дел приобретает все более высокую значимость. Она охватывает применение сертифицированных средств криптографической защиты, систем обнаружения вторжений, межсетевых экранов и антивирусных программных продуктов. Особый акцент делается на безопасности автоматизированных баз данных, включающих дактилоскопическую, геномную и иную учетную информацию. Для предотвращения несанкционированного доступа внедряются аппаратно-программные комплексы идентификации пользователей, системы видеонаблюдения и контроль физического доступа в серверные помещения. Параллельно развиваются защищенные каналы связи для межведомственного обмена данными, что критически важно при взаимодействии с другими правоохранительными органами и специальными службами.

Технические меры включают использование программных, программно-аппаратных и криптографических средств для защиты информации. В их число входят:

- внедрение регламента доступа к информационным массивам;
- регулирование трафика данных и обеспечение защиты сетей;
- противодействие вредоносным программам;

- создание копий информации и регламентация процессов их создания;

- выявление несанкционированной передачи данных;

- отслеживание событий, связанных с информационной безопасностью, и устранение последствий нарушений;

- применение процедур распознавания и проверки подлинности пользователей;

- предотвращение потери сведений через технические каналы;

- использование шифровальных методов для кодирования информации [5].

Важно также сохранять устойчивость закрытых линий связи, обеспечивать безотказную работу и дублирование телекоммуникационных систем. Аппаратура связи и формирования каналов, хранилища данных и конечные точки подключения к информационным ресурсам должны находиться в охраняемых зонах объектов органов внутренних дел [7, с. 69].

Угрозы информационной безопасности Министерства внутренних дел России отличаются высокой вариативностью и динамикой развития. Помимо традиционных кибератак и инсайдерских действий, всё более актуальными становятся риски, связанные с применением систем искусственного интеллекта и технологий психологического воздействия. Злоумышленники способны организовывать внедрение недостоверных сведений в официальные каналы связи ведомства либо использовать утечки конфиденциальных данных для дискредитации следственных процессов. В данных условиях архитектура защиты информации не может оставаться статичной, требуется непрерывный мониторинг новых видов уязвимостей, анализ тактик оппонентов и своевременная актуализация как нормативно-правовой базы, так и технического арсенала. Управление инцидентами трансформируется в самостоятельную оперативную функцию, включающую оперативное устранение последствий утечек и минимизацию нанесённого ущерба [5].

Особое внимание уделяется профессиональной подготовке сотрудников, поскольку человеческий ресурс остаётся наиболее уязвимым звеном защиты. В структуре МВД России реализуются регулярные обучающие программы, направленные на формирование устойчивых навыков безопасного обращения с информацией: сотрудников систематически инструктируют о недопустимости использования непроверенных устройств, простых комбинаций паролей и нерегламентированных каналов для передачи служебных данных. Также осуществляется психологическая

подготовка кадров: разрабатываются алгоритмы противодействия попыткам социальной инженерии со стороны третьих лиц. Административные санкции – вплоть до увольнения и уголовной ответственности служат сдерживающим механизмом для потенциальных нарушителей режима.

В перспективе развитие информационной безопасности МВД России будет тесно взаимосвязано с интеграцией систем анализа больших объёмов данных и инструментов прогнозирования. Создание единых защищённых платформ для обмена данными между региональными подразделениями позволит повысить оперативность реагирования на правонарушения, однако потребует внедрения новых протоколов шифрования и проверки целостности информационных массивов, например, использование алгоритмов на основе квантово-устойчивой криптографии. Более того, активное распространение облачных сервисов и удалённых рабочих станций, в том числе для следователей, работающих вне стационарных помещений, обусловливает необходимость пересмотра политик безопасности в направлении большей гибкости без снижения уровня защиты. Комплексный подход, объединяющий правовые, организационные и технические средства, остаётся единственным действенным методом в условиях нарастающего цифрового давления на правоохранительную систему [5].

Современное общество требует прозрачности и не доверяет обезличенным заявлениям, построенным на стандартных формулировках. Обеспечение защиты информационного пространства невозможно без активного и честного взаимодействия в реальном времени. Задача заключается не только в опровержении ложных сведений, но и в систематическом производстве собственного контента, ведении диалога с аудиторией. Официальные представители МВД России должны овладеть форматами коротких видеоматериалов, прямых трансляций и своевременных публикаций в социальных сетях, обращаясь к гражданам на доступном языке, но сохраняя профессиональный тон. Вместо формальной отписки со ссылкой на отсутствие подтверждённых данных необходимо приводить наглядные доказательства: инфографику по обстоятельствам происшествий, частичное раскрытие материалов с мест событий (в пределах допустимого законом), а при сложных ситуациях – организовывать обсуждения с привлечением независимых экспертов. Таким образом, цифровая трансформация информационной безопасности МВД России базируется на

трёх столпах: техническая защита, человеческий фактор и открытость коммуникаций, что в совокупности формирует устойчивую систему противодействия современным угрозам [4].

Нельзя упускать из виду внутренний документооборот и сохранность сведений. Никакая внешняя деятельность не принесёт результатов, если информация будет вытекать изнутри. Цифровая эпоха требует внедрения правил кибербезопасности для каждого сотрудника, имеющего доступ к конфиденциальным данным.

В итоге МВД России предстоит не просто обновить технику, а изменить культуру обращения с информацией. Понимание того, что любое высказывание официального лица или публикация ведомства могут либо укрепить доверие граждан, либо подорвать его, должно стать частью повседневной работы. Когда мониторинг, юридическая поддержка, оперативность и безупречная репутация сотрудников образуют единый механизм, только тогда можно утверждать, что информационная защита действительно обеспечена.

В конечном итоге эволюция данной системы закономерно повлечет за собой внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в сферу контроля и обеспечения безопасности информационных потоков. На данный момент проходят апробацию программные комплексы, которые позволяют в режиме реального времени фиксировать отклонения в трафике передачи данных подразделений пресс-служб, а также прогностические модели, предназначенные для оценки потенциальных направлений кибератак. Тем не менее, ни одна, даже самая совершенная технология, не способна полностью заместить человеческий ресурс: настороженность и компетентность каждого представителя Министерства внутренних дел при обработке сведений выступают главным условием защиты информации. Именно в сочетании технологических решений, правовых норм и индивидуальной ответственности заключается подлинная стабильность ведомства перед вызовами цифровой среды и изменяющимися запросами социума. Только интеграция передовых методик анализа, четкой регламентации и осознанного подхода каждого участника процесса гарантирует устойчивость системы к внешним угрозам.

Таким образом, система защиты данных в МВД России базируется на совокупности согласованных правовых, организационных, технических и других мероприятий, нацеленных на прогнозирование, выявление, предотвращение и

устранение информационных угроз.

Гарантия информационной сохранности в процессе информационного освещения деятельности МВД России представляет собой непрерывный процесс, который требует постоянного развития, внедрения передовых технологий и строгой дисциплины сотрудников. Только всесторонний подход, объединяющий технические, организационные и юридические инструменты, способен обеспечить устойчивость ведомства перед современными цифровыми опасностями, поддерживать доверие общества и полноценно выполнять поставленные перед МВД задачи. Пренебрежение этим аспектом чревато падением авторитета государственной власти и нарушением конституционных прав граждан на безопасность и достоверные сведения.

В итоге, обеспечение информационной безопасности при освещении деятельности МВД России представляет собой не единовременную акцию, а постоянный процесс анализа, внедрения усовершенствований и последующего мониторинга. Лишь комплексный подход на всех иерархических уровнях – от оперативного состава до высшего руководства, а также от внутренних инструкций до координации с другими ведомствами – способен сформировать устойчивый защитный контур против киберугроз. Игнорирование данного принципа не только подвергает риску операционные процессы министерства, но и создает основу для ослабления общественной безопасности в целом. Поскольку цена потенциального сбоя чрезвычайно высока, любые уступки в этой сфере недопустимы, поэтому непрерывное совершенствование защитных систем остается приоритетной задачей для поддержания доверия к государственным институтам и защиты прав граждан.

Литература:

1. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 17.06.2026).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/?ysclid=mqhzer50f0379953001 (дата обращения: 17.06.2026).

3. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (последняя редакция)

[Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_ 110165/ (дата обращения: 09.01.2026).

4. Белевский Р. А. Перспективы развития системы информационной безопасности в органах внутренних дел / Р. А. Белевский // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. №4 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-sistemy-informatsionnoy-bezopasnosti-v-organah-vnutrennih-del (дата обращения: 15.06.2026).

5. Завгородний Е. Н. Развитие системы обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел / Е. Н. Завгородний // StudNet. 2021. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-organah-vnutrennih-del (дата обращения: 16.06.2026).

6. Коробов В. Б. Реализация принципов открытости и публичности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / В. Б. Коробов // Труды Академии управления МВД России. 2013. №2 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-otkrytosti-i-publichnosti-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.06.2026).

7. Семенов Е. Ю. Регулирование обработки персональных данных в России: юридические и технические аспекты / Е. Ю. Семенов, Е. С. Лысенко, Е. И. Графуткин // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. №3 (96). С. 69-77

Омаров Руслан Исламович
Omarov Ruslan Islamovich
слушатель
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
e-mail: ROmarovR@yandex.ru

Писачкин Дмитрий Владимирович
Pisachkin Dmitry Vladimirovich
старший преподаватель кафедра теории и методологии государственного управления, кандидат философских наук
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
e-mail: dmitrypisachkin@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ПОЛИЦИИ ЧЕРЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МОЛОДЕЖНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

FORMING A POSITIVE IMAGE OF THE POLICE THROUGH INTERACTION WITH YOUTH ORGANIZATIONS

Аннотация. В условиях современного общества, характеризующегося высокой динамикой социальных процессов и возрастающей ролью общественного мнения, проблема формирования позитивного имиджа органов внутренних дел приобретает особую актуальность. Полиция как институт, призванный обеспечивать правопорядок и безопасность граждан, сталкивается с вызовами, связанными с уровнем доверия населения, которое во многом определяется не только эффективностью служебной деятельности, но и качеством коммуникации с различными социальными группами. Особое место среди таких групп занимает молодежь как наиболее восприимчивая к информационным воздействиям и одновременно критически настроенная часть общества. Настоящая статья посвящена исследованию механизмов формирования позитивного имиджа полиции через взаимодействие с молодежными организациями.

Abstract. In today's society, characterized by high social dynamics and an increasing role of public opinion, the issue of creating a positive image of the internal affairs bodies is particularly relevant. As an institution responsible for maintaining law and order and ensuring the safety of citizens, the police face challenges related to public trust, which is largely determined not only by the effectiveness of their work but also by the quality of their communication with various social groups. Among these groups, young people occupy a special place as the most receptive to information influences and at the same time the most critical part of society. This article aims to explore the mechanisms of creating a positive image of the police through their interaction with youth organizations.

Ключевые слова: молодежные общественные организации, МВД России, взаимодействие, сотрудничество, позитивный имидж, механизмы взаимодействия, программы, эффективность, доверие, информация.

Keywords: youth public organizations, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, interaction, cooperation, positive image, interaction mechanisms, programs, efficiency, trust, information.

Формирование позитивного имиджа правоохранительных органов на основе взаимодействия с молодежными организациями считается одним из самых перспективных векторов развития современной системы правопорядка. В условиях цифрового общества репутация правоохранительных органов складывается не только из статистики раскрытых дел, но и из повседневных контактов и визуальных впечатлений. В связи с этим работа с подрастающим поколением обретает стратегическое значение. Молодежь выступает не просто в роли будущего государства, а является активным проводником социальных установок в своих семьях и ближайшем окружении. Следовательно, улучшение восприятия полиции среди юношей и девушек способно породить цепную реакцию повышения общественного доверия в целом.

Формирование положительного облика полиции на основе партнерства с молодежными объединениями представляет собой комплексную задачу, включающую правовое просвещение, предотвращение правонарушений, организацию досуга молодых людей и укрепление доверия к институтам власти. Такое взаимодействие ведет не только к росту правовой грамотности и законопослушного поведения юного поколения, но и к построению конструктивного диалога между сотрудниками правопорядка и социальными институтами [2, с. 38].

К основным механизмам формирования позитивного имиджа полиции через взаимодействие с молодежными организациями можно отнести:

1) Разъяснение правовых норм и профилактика их нарушений. Организация совместных акций с молодёжными группами – будь то просветительские диалоги, уроки в общеобразовательных и среднеспециальных учебных заведениях, а также целевые встречи и собрания – даёт возможность просто и понятно донести до юношей и девушек суть законодательства, разъяснить, к чему ведут неправомерные действия и сформировать осмысленный подход к своим поступкам. Лучше использовать формат не скучных лекций в школьных залах, а живые форматы: юридические викторины, соревнования по социальной рекламе, учебные суды и деловые игры. Когда подросток самостоятельно ищет выход из правовой задачи или проигрывает сценарий, он уже не просто слушает, а действует. Именно через собственный опыт он начинает осознавать, насколько сложна работа сотрудника правопорядка, почему так важны улики и что значит презумпция невиновности. Такие занятия разрушают образы, навязанные

телесериалами, и демонстрируют полицию не как репрессивный механизм, а как структуру, которая охраняет закон и прежде всего защищает интересы граждан. Также благодаря этому снижается риск вовлечения молодых людей в разрушительные объединения или попадания под воздействие вредоносных течений [3, с. 144].

2) Организация свободного времени и предупреждение противоправных деяний. Общественные структуры, ориентированные на охрану правопорядка, студенческие оперативные отряды и добровольные патрули не только взаимодействуют с полицией, но и предлагают молодым людям получше познакомиться с деятельностью правоохранительных органов. Они занимаются организацией досуга, помогают следить за порядком во время массовых событий и пр. Самым действенным же подходом остается привлечение молодых людей к волонтерству при правоохранительных органах. Студенческие отряды правовой направленности, народные дружины, «кибердружины» для борьбы с опасным контентом – это не просто помощники, а школа гражданского долга. Вступая в такое партнерство, молодые люди получают шанс узнать, как на самом деле работают законы и как они применяются на практике. Они начинают относиться к закону как к живой ткани общества, которую надо оберегать, а не как к своду запретов. Одновременно полиция получает сигналы от самой активной части общества, что позволяет улучшать свою работу, делая ее более гибкой к запросам цифрового поколения. Именно такое взаимодействие формирует тот общественный капитал, который в перспективе обеспечит высокий уровень доверия и порядка.

3) Профориентационные проекты и повышение авторитета службы в правоохранительных органах. Программы по выбору профессии, включающие викторины, спортивные состязания, беседы с практикующими сотрудниками знакомят подростков с работой правоохранительных органов, расширяют их познания в юридической сфере и пробуждают интерес к труду в правоохранительной системе. Это не только привлекает перспективные кадры, но и закрепляет в общественном сознании благоприятный образ полицейского.

4) Отслеживание интернет-пространства. Участие в мониторинге соцсетей, обнаружении опасной информации и противоправных действий в сети даёт возможность своевременно реагировать на возникающие угрозы и прививать навыки ответственного поведения в виртуальной среде. Укрепление сотрудничества и взаимного доверия, постоянное общение с молодёжными объединениями, построенное

на добровольных началах и соблюдении закона, способствует формированию надёжных доверительных отношений между полицией и населением. Это усиливает восприятие органов правопорядка как открытой и социально-ориентированной инстанции.

5) Организация турниров, военно-патриотических сборов и спартакиад, где работники органов выступают в качестве наставников или тренеров, создает обстановку для свободного общения. На стадионе или в походе стирается барьер между взрослым и подростком. Юноша или девушка видят в полицейском не власть, а живого человека – физически крепкого, честного, неравнодушного. Особенно важно это для ребят из групп риска и неблагополучных семей, где уважение к закону часто утрачено. Замена улицы на спортзал, а уличных правил – дисциплиной и командным духом приносит устойчивый социальный результат, который затем распространяется на окружение и молодежные субкультуры [2].

6) Образовательное наставничество: работники полиции выступают кураторами в молодежных клубах. Вместо лекций проводятся практические занятия по кибербезопасности, оказанию первой помощи, профориентации. Полиция в этом случае выступает в качестве ресурсного центра для получения советов.

7) Цифровой контент: полиция принимает участие в создании совместных видеороликов, челленджей, коротких фильмов с молодежными объединениями. Демонстрируется повседневная работа: кинолог заботится о собаке, диспетчер принимает звонок и пр. Прозрачность обыденных процессов снижает недоверие. Освоение интернет-пространства для общения с молодежью уже не просто возможность, а строгая обязательность. Контент, который создают пресс-службы и добровольцы, сейчас должен выдерживать конкуренцию с форматами TikTok и Reels. Короткие видео о буднях патрульной службы, прямые эфиры с обсуждением каких-либо тем профилактической направленности – все это придает системе человеческие черты. Ключевую роль играет открытость: чат-боты для жалоб, прямые онлайн-встречи с руководством. Когда молодежь замечает прозрачность и доступность, уровень страха и подозрительности падает, а желание взаимодействовать возрастает.

8) Экскурсии и дни открытых дверей: интерактивные программы вместо традиционных музейных экспозиций. Квесты по раскрытию учебного преступления, симуляторы патрульного автомобиля, состязания по сборке оружия. Игровые и соревновательные элементы повышают степень вовлеченности.

9) Профилактика в режиме диалога: молодые лидеры, прошедшие обучение совместно с полицией, сами распространяют информацию об ответственности и безопасности. Полиция действует как эксперт, передающий полномочия лидерам молодежных организаций, что уменьшает защитную реакцию и увеличивает уровень доверия [4].

Примеры успешных инициатив в регионах России:

- В Пензенской области действует отряд содействия полиции «Тигр». Студенты вузов, колледжей и техникумов участвуют в патрулировании жилых зон, улиц и мест скопления людей. Благодаря им удалось предотвратить несколько правонарушений.

- В Саратовской области реализуется программа «Юный друг полиции». Она включает занятия по физической, строевой, огневой и правовой подготовке, а также встречи с сотрудниками. Цель программы – развивать моральные качества, помогать с выбором профессии.

- В Омске проведен проект «Люди чести и отваги», включающий в себя тематические викторины, спортивные состязания и профориентационные встречи, направленные на повышение привлекательности работы в полиции.

В процессе взаимодействие полиции с молодежными организациями определяются следующие проблемы:

- слабая административная регламентация взаимодействия полиции и молодежи;

- нерегулярный характер сотрудничества, отсутствие стабильной модели партнерства;

- нехватка действенных административных инструментов поддержки и стимулирования молодежи к участию в таких объединениях.

Для исправления ситуации предлагается:

- разработать концепцию взаимодействия с молодежью, четко определив принципы, направления, частоту, формы и участников такого сотрудничества;

- усовершенствовать правовую базу – внести изменения в законы, закрепляющие права членов молодежных организаций и меры наказания за препятствование их работе;

- ввести социальные льготы для участников молодежных объединений правоохранительной направленности [5].

Чтобы взаимодействие между полицией и молодыми людьми приобрело постоянный характер необходимо:

1) Заменить разрозненные акции на долгосрочные проекты, встроенные в систему образования и социальной сферы. Основой здесь станет учреждение постоянно работающих молодежных советов при региональных управлениях МВД. Участники таких советов смогут не только обсуждать местные вопросы правопорядка, но и предлагать собственные инициативы. Когда подростки видят, что их предложения реализуются с господдержкой, у них возникает чувство причастности и желание отвечать за общее дело.

2) Внедрить систему обратной связи, где оценка работы сотрудников полиции, данная молодежными организациями, будет влиять на рейтинг как самих инспекторов, так и их отделов. Например, ежегодное анкетирование активистов, участвовавших в совместных рейдах или просветительских акциях, поможет скорректировать методы общения и выявить слабые места. Если молодые люди могут откровенно сказать, что им не хватает сведений о правилах задержания или что лекции читаются слишком официально и это отталкивает, полиция получает шанс реально улучшить свою работу. Без права высказываться любое сотрудничество превращается в пустую формальность, где одна сторона отчитывается о сделанном, а другая просто выполняет обязанности без энтузиазма [6].

3) Активно применять современные коммуникационные методы, в том числе формата сторителлинга в соцсетях. Мало устроить день открытых дверей – нужно, чтобы о нем рассказывали сами школьники через рилсы и короткие видео. Чем больше естественных, кадров повседневной работы попадает в интернет, тем быстрее возникает образ человека в форме, который может объяснить сложные вещи простыми словами.

4) Особое внимание нужно уделять трудным подросткам и молодежи из групп риска. Обычные профилактические беседы часто воспринимаются как нотации. Вместо них можно использовать наставнические программы, где полицейский в течение полугода или года курирует одного подростка, помогает ему с учебой, досугом или поиском работы. Важно, чтобы эти программы не были принудительными, а основывались на добровольном согласии обеих сторон и включали психологическую поддержку для сотрудников, работающих с несовершеннолетними.

В итоге формирование положительного образа правоохранительных органов – это не просто пиар, а вложение в долгосрочную стабильность. Подросток, который в 15 лет играл в товарищеский футбольный матч с полицейскими или помогал составлять

памятку по кибербезопасности, вряд ли станет считать полицейского врагом в 30 лет. Такое поколение будет скорее союзником, чем сторонним наблюдателем. Если каждый регион сможет внедрить хотя бы три-четыре устойчивые формы взаимодействия, адаптированные к местным условиям, общий уровень доверия к полиции значительно вырастет.

Чтобы такие инициативы приносили долгосрочный эффект, необходима постоянная, а не эпизодическая активность. Молодежные структуры должны видеть в полиции надежного союзника, способного к диалогу, умеющего воспринимать замечания и корректировать свои подходы под современные реалии. Результат подобного взаимодействия не ограничивается улучшением статистики. Главное – это воспитание нового поколения, для которого полицейский – это защитник. Вступая во взрослую жизнь, такие люди будут проявлять больше уважения к закону, демонстрировать лояльность и стремиться к конструктивному общению с властью. Это и есть основа общественного спокойствия [6].

Таким образом, сотрудничество правоохранительных органов и юношеских объединений сегодня решает не только задачу снижения уровня преступности. Оно также формирует позитивный образ полиции и укрепляет доверие граждан к ней.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_ 110165/ (дата обращения: 09.01.2026).

2. Зуева О. В. Доверие молодежи к полиции в современной России: анализ факторов и стратегии укрепления / О. В. Зуева // Альма-Матер. 2025. № 3. С. 37-44.

3. Майоров В. И. Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы / В. И. Майоров, О. Н. Дунаева // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 144.

4. Павленко О. С. Административно-правовые основы взаимодействия полиции и молодежи: современное состояние и пути развития / О. С. Павленко // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. №1 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-osnovy-vzaimodeystviya-politsii-i-molodezhi-sovremennoe-sostoyanie-i-puti-

razvitiya (дата обращения: 17.06.2026).

5. Черкесов С. Х. Актуальные вопросы организации взаимодействия общественных организаций с правоохранительными органами: необходимость мониторинга новых молодежных течений и субкультур как фактор противодействия преступности / С. Х. Черкасов // Право и управление. 2023. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-organizatsii-vzaimodeystviya-obschestvennyh-organizatsiy-s-pravoohranitelnymi-organami-neobhodimost-monitoringa (дата обращения: 17.06.2026).

6. Шалагин А. Е. О формировании в общественном сознании положительного образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации / А. Е. Шалагин, О. Н. Хрусталева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. №1 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-v-obschestvennom-soznanii-polozhitelnogo-obraza-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 16.06.2026).

Щаева Е.О.
Shchaeva E.O.
студент
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова»

ПОЛИТИКА РОССИИ ПО РАБОТЕ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ

RUSSIA'S POLICY ON WORKING WITH COMPATRIOTS ABROAD

Аннотация. Статья посвящена внешней политике России, в частности, направлению работы с соотечественниками за рубежом. Анализируются основные задачи, которые стремится решить государство в контексте зарубежных соотечественников, механизмы взаимодействия с ними, меры содействия и поддержки российской диаспоры. Отдельное внимание уделяется сложностям, вызванным современной геополитической ситуацией и международной обстановкой. В конце делается вывод об эффективности проводимой в отношении зарубежных соотечественников политике.

Abstract. The article examines one of the key areas of Russia’s foreign policy, namely its policy toward compatriots living abroad. It analyzes the main objectives pursued by the state in relation to overseas compatriots, the mechanisms of interaction with them, and measures aimed at supporting the Russian diaspora. Particular attention is paid to the challenges arising from the contemporary geopolitical environment and international situation. The article concludes by evaluating the effectiveness of Russia’s policy toward compatriots abroad.

Ключевые слова: государственная политика, репатриация, Россотрудничество, российская диаспора, зарубежные соотечественники.

Keywords: state policy, repatriation, Rossotrudnichestvo, Russian diaspora, compatriots abroad

Большую роль во внешней политике любого государства, претендующего на статус мировой державы, играет связь с соотечественниками, проживающими за рубежом. Зарубежные соотечественники – это важнейший ресурс и инструмент культурной дипломатии, «мягкой силы» для налаживания и укрепления межгосударственных связей, формирования позитивного имиджа государства за рубежом, экономического развития и сотрудничества, образовательного обмена, распространения традиций, культурного наследия и консолидации общества.

Помимо основных целей государства по осуществлению работы с зарубежными соотечественниками, таких как обеспечение их интересов, безопасности и защита прав в случае их ущемления, российское государство ставит перед собой и другие задачи, такие как: продвижение русского языка и культуры за рубежом, популяризация

российского культурного и исторического наследия, расширение сотрудничества между Россией и другими странами, включая русскоязычное население, посредством методов культурной дипломатии, оказание помощи в создании благоприятных условий для соотечественников, проживающих на территории независимых государств, которые позволят им свободно и беспрепятственно интегрироваться в жизнь нового государства, при этом не теряя собственной культурной идентичности, самобытности и связи с Российской Федерацией[1].

Современные реалии, дестабилизированная геополитическая обстановка и обострившиеся отношения между государствами оказывают свое влияние и сильно осложняют возможность реализации внешней политики России в отношении соотечественников за рубежом в той же форме, как это осуществлялось раньше. Сегодня стало сложнее выработать единый механизм взаимодействия с зарубежными соотечественниками, так как эта категория населения с каждым годом приобретает все более неоднородный характер. Кроме того, деятельность многих российских организацией ограничена, наблюдается рост недоверия, негатива и русофобии во многих странах мира, в первую очередь, в недружественных государствах. Особенно остро сейчас стоит вопрос о репатриации. Многие зарубежные соотечественники добровольно хотели бы вернуться на родину, но на практике это оказывается практически невозможным, несмотря на существующие программы госпомощи.

Основная работа, осуществляемая российским государством, проекты, направленные на поддержание связи с соотечественниками и программы по их возвращению, направлены не на каждого отдельно взятого соотечественника, а на представительства, занимающиеся вопросами, касающимися соотечественников. Такие представительства обладают информацией о соотечественниках, живущих за рубежом, налаживают с ними контакты, способствуют сохранению родного языка, обычаев, традиций, религии, культурного, исторического наследия и национальной идентичности, оказывают меры поддержки гражданам, которые бы хотели вернуться в Российскую Федерацию на добровольной основе, или способствуют свободной интеграции соотечественника в жизнь независимого государства, на территории которого он проживает, занимаются организацией различных форумов, конгрессов, круглых столов, тематических конференций и иных мероприятий, направленных на достижение целей культурной дипломатии и внешней политики[2].

Программа работы с зарубежными соотечественниками делится на несколько разделов, а именно: содействие организациям зарубежных соотечественников, поощрение и помощь в организации мероприятий; развитие связей в области образования, культуры, науки, содействие сбережению русской культурной и языковой среды; механизмы и методы поддержания молодежи России; осуществление защиты прав и свобод зарубежных соотечественников, поддержка социально-незащищенных слоев общества; развитие и поддержание достоверного, актуального информационного обеспечения соотечественников.

Основную роль в поддержке зарубежных соотечественников и осуществлении программ работы с ними играет Россотрудничество, в частности, Управление по связям с зарубежными соотечественниками и историко-мемориальной работе. К его функциям относятся удовлетворение культурных, духовных и языковых потребностей зарубежных соотечественников, работа с молодежью и воплощение в жизнь программ работы с российской диаспорой за рубежом. Второй важный орган Правительства России, который занимается координацией взаимодействия с зарубежными соотечественниками – это Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом.

В 2024 году был разработан и утвержден Комплексный план в отношении зарубежных соотечественников [3] сроком на 3 года, в котором зафиксированы все основные мероприятия, направленные на привлечение российской диаспоры к расширению сотрудничества Российской Федерации с другими независимыми государствами, оказание мер поддержки и помощи, в том числе материальной, зарубежным соотечественникам в защите их интересов, прав и свобод, сохранении самобытности и культурной идентичности. Основной орган, ответственный за проведение большей части планируемых мероприятий – Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Помимо комплексных мер, направленных на взаимодействие с российской диаспорой за рубежом, Российская Федерация уделяет большое внимание работе с категорией зарубежных соотечественников, которые добровольно хотят вернуться в Россию и нуждаются в помощи. По Распоряжению Правительства от 14 ноября 2025 года [4], был утвержден план мероприятий, направленный на содействие и оказание помощи в добровольном переселении граждан России обратно на родину. Данный план

мероприятий в рамках Госпрограммы Российской Федерации был разработан на период 2026-2028 годов. В рамках той же Госпрограммы 1 января 2024 года был введен институт репатриации по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников [5]. Это нововведение должно упростить процесс возвращения в Россию отдельных категорий соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, прежде всего из недружественных государств.

Если оценивать количественные показатели деятельности Российской Федерации в сфере работы с соотечественниками за рубежом, можно отметить, что за последние 20 лет было сделано очень многое в сфере консолидации зарубежной русской общины. По всему миру функционируют общественные структуры, объединяющие организации российских соотечественников, а именно – Координационные советы. Раз в 3 года собирается Всемирный конгресс соотечественников. Каждый год можно услышать, что в процесс консолидации вовлекаются все новые, и новые организации, и структуры.

Несмотря на масштабы и объем проделанной работы, есть серьезные пробелы в реализации внешней политики взаимодействия с зарубежными соотечественниками, этот вопрос является предметом дискуссий. Многочисленные мероприятия и расширение организаций зарубежных соотечественников не решают реальную задачу консолидации общества и налаживания международных связей, а значит не выполняют свою главную функцию. В ряде стран наблюдается снижение активности российских общественных объединений, а часть представителей российской диаспоры вовсе дистанцируется от участия в проектах, проводимых нашим правительством в отношении зарубежных соотечественников. Нынешняя геополитическая ситуация и настроения в мире сделали культурное и гуманитарное сотрудничество между государствами, традиционные механизмы и методы культурной дипломатии сложно достижимыми в том же виде, в каком это осуществлялось ранее.

На сегодняшний день особенно важно уделять внимание работе с теми, кто по тем или иным причинам покинул родную страну и добровольно хочет вернуться обратно. Миграционная политика нуждается в доработке. Государственные программы помощи соотечественникам, добровольно желающим вернуться в Россию, хоть и существуют, но на практике имеют бюрократические, административные, организационные и другие проблемы. У многих соотечественников есть желание вернуться на родину и запрос на помощь в данном вопросе, госпрограмма остается очень востребованной (и потребность

в ней продолжает расти в условиях нынешней ситуации в мире), но требует усовершенствования.

Таким образом, существует три основных направления внешней политики России в отношении соотечественников за рубежом: сохранение культурной идентичности и самобытности, оказание поддержки российским диаспорам за границей и помощь соотечественникам, добровольно желающим вернуться обратно на родину. Все эти направления на практике сталкиваются с рядом сложностей и проблем в реализации. Ограничение гуманитарного сотрудничества, отсутствие однородности российской диаспоры, проблемы в реализации госпрограммы добровольного переселения соотечественников делают существующие механизмы взаимодействия с зарубежными соотечественниками недостаточно эффективными. Необходимо модернизировать государственную политику в отношении зарубежных соотечественников, доработать и усовершенствовать механизмы взаимодействия с ними и адаптировать их к современным геополитическим реалиям.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 17 мая 1996 года. №590 «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом». // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/all/18662/ (дата обращения: 17.06.2026).

2. Федеральный закон от 24 мая 1999 года. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/all/96702/ (дата обращения: 20.06.2026).

3. Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы (утв. Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом 17 января 2024 г.). // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/compatriots/commission/1927824/ (дата обращения: 26.06.2026).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.11.2025 г. № 3266-р. План мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников,

проживающих за рубежом, на 2026 - 2028 годы // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/all/161946/ (дата обращения: 26.06.2026).

5. Указ Президента РФ от 22.11.2023 N 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462522/ (дата обращения: 28.06.2026).

Сайфутдинов В.А.
Saifutdinov V.A.
студент
Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ISSUES OF IMPROVING THE CURRENT LEGISLATION IN THE AREA OF SENTENCING FOR CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY

Аннотация. В структуре национальной безопасности особое место уделено общественной безопасности, а обеспечение безопасности граждан, охрана их жизни и здоровья сегодня – одно из центральных направлений общероссийской социальной политики. Это обусловлено тем, что в последнее время криминогенная обстановка продолжает оставаться сложной и характеризуется ростом тяжких посягательств на граждан, их конституционные блага, нанося при этом существенный вред. Преступления против общей безопасности занимают особое место в системе преступлений, посягающих на общественную безопасность. Данная группа представляет собой наиболее опасные преступные посягательства и воздействует на важные интересы в области обеспечения и охраны нормальных и безопасных условий жизни неопределенного круга лиц, нанося при этом непоправимый ущерб. Как правило, данные преступления затрагивают множество других общественных отношений, порождая при этом большое количество новых преступлений (убийств, причинения вреда здоровью, собственности и т.д.).

Abstract. In the structure of national security, public safety occupies a special place, and ensuring the safety of citizens, protecting their lives and health, is today one of the central directions of Russia’s social policy. This is due to the fact that, in recent years, the crime situation has remained difficult and is characterised by an increase in serious offences against citizens and their constitutional rights, causing significant harm.

Crimes against general safety hold a special place within the system of offences that encroach on public safety. This category comprises the most dangerous criminal acts and affects key interests related to ensuring and protecting normal and safe living conditions for an indefinite number of people, inflicting irreparable damage. As a rule, these crimes affect many other social relations, thereby giving rise to a large number of new crimes (such as murders, infliction of harm to health, crimes against property, etc.).

Ключевые слова: общественная безопасность, наказание, санкция, уголовная ответственность.

Keywords: public safety, punishment, sanction, criminal liability.

В структуре национальной безопасности особое место уделено общественной безопасности, а обеспечение безопасности граждан, охрана их жизни и здоровья сегодня – одно из центральных направлений общероссийской социальной политики.

Это обусловлено тем, что в последнее время криминогенная обстановка продолжает оставаться сложной и характеризуется ростом тяжких посягательств на граждан, их конституционные блага, нанося при этом существенный вред. Преступления против общей безопасности занимают особое место в системе преступлений, посягающих на общественную безопасность. Данная группа представляет собой наиболее опасные преступные посягательства и воздействует на важные интересы в области обеспечения и охраны нормальных и безопасных условий жизни неопределенного круга лиц, нанося при этом непоправимый ущерб. Как правило, данные преступления затрагивают множество других общественных отношений, порождая при этом большое количество новых преступлений (убийств, причинения вреда здоровью, собственности и т.д.).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2025 году за преступления против общественной безопасности было осуждено 11 272 человека (в 2024 году – 10 832 человека) [1].

При этом большинству осужденных назначено лишение свободы условно или иные наказания, не связанные с лишением свободы. Данная тенденция стабильно проявляется в последние годы, что объективно обусловлено гуманизацией уголовного преследования. Несмотря на то, что анализируемые деяния являются не самыми распространенными в настоящее время в сравнении, например, с преступлениями против собственности, а также против жизни и здоровья, но их существование само по себе представляет угрозу для дальнейшего формирования противоправной практики различной направленности.

Прежде всего, внимания заслеживает вопрос о систематизации санкций, с которым автор указанной статьи считает необходимым разобраться в первую очередь. На сегодняшний день законодатель не всегда при закреплении санкции за то или иное преступление учитывает соразмерность совершенного деяния. Например, разбой (ст. 162 УК РФ) наказывается строже, чем хищение ядерных материалов организованной группой (ст. 221 УК РФ). В целях устранения таких казусов, предлагаем законодателю сопоставить максимальные и минимальные пределы наказаний за преступления, посягающие на разные объекты (например, общественная безопасность против собственности), но имеющие сопоставимый потенциал причинения вреда.

Еще одной мерой по совершенствованию может стать выработка единого подхода к назначению наказаний. Так, для преступлений, связанных с незаконным оборотом

оружия и ядерных материалов необходимо пересмотреть санкции в сторону ужесточения. Представляется, что необходимо привести их в соответствие с реальной степенью угрозы. На наш взгляд, преступления, связанные с ядерными материалами, должны быть переведены в категорию тяжких.

Заслуживает внимания вопрос о введении «плавающей» санкции. Так, для наиболее опасных составов, включая террористический акт, бандитизм целесообразно предусмотреть возможность назначения наказания вплоть до пожизненного лишения свободы в качестве альтернативы смертной казни. При этом должно быть четкое указание критериев для такого решения.

Также считаем необходимым уточнение критериев отнесения преступлений к той или иной категории. Те категории, которые определены в действующем УК РФ, не всегда отражают их реальную общественную опасность. Например, участие в НВФ и хулиганство отнесены к средней тяжести. В связи с эти предлагаем перевести обозначенные выше деяния в категорию тяжких преступлений. На наш взгляд заслуживает точка зрения авторов, которые предлагают ввести в УК РФ такое понятие как «уголовный проступок». Для деяний с невысокой степенью опасности (например, ч. 3 ст. 212 УК РФ) целесообразно рассмотреть возможность их декриминализации и перевода в разряд административных правонарушений или введения категории «уголовный проступок» с более мягкими последствиями (без судимости).

Совершенствования требует и сам институт назначения наказания. Связано это с тем, что суды испытывают трудности при оценке роли соучастников и индивидуализации наказания, особенно если есть досудебное соглашение о сотрудничестве. Предлагаем в Постановлении Пленума ВС РФ дать четкие разъяснения по оценке «особо активной роли» как отягчающего обстоятельства. Кроме того, представляется, что нужно устранить коллизии при применении правил о сокращении срока наказания (две трети от максимума), сделав их применение более прозрачным и обязательным при наличии явки с повинной и активного содействия, независимо от вида назначенного основного наказания. Также следует законодательно закрепить обязанность суда при назначении наказания лицу, заключившему досудебное соглашение, учитывать не только факт сотрудничества, но и характер его личного участия в преступлении и наступившие последствия.

На сегодняшний день можно выделить такую проблему как снижение возраста

уголовной ответственности. Не так давно российский законодатель снизил возраст уголовной ответственности за диверсионные преступления (например, ст. 281 УК РФ). Однако такой же меры требуют и другие преступления против общественной безопасности, например, по ст. 205 УК РФ, 221 УК РФ и др. В связи с этим предлагаем внести изменения в ст. 20 УК РФ, снизив возраст привлечения к ответственности за наиболее опасные преступления против общественной безопасности (ст. 205, 205.1, 208, 211, 220, 221) до 14 лет. Наше предложение обусловлено тем, что современный подросток способен осознавать высокую общественную опасность таких деяний**.** Для рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних по данной категории преступлений необходимо создание судов с особым составом судей и процедурами, ориентированными на реабилитацию и профилактику. В данном случае неизбежно встает вопрос о создании ювенальных судов.

Как показало исследование и тенденции последних лет, наблюдается уклон законодателя к тотальному ужесточению наказаний без учета принципа экономии уголовной репрессии и возможностей пенитенциарной системы. На наш взгляд, для преступлений небольшой и средней тяжести следует шире применять штрафы, обязательные работы и ограничение свободы; Верховный Суд РФ необходимо обязать ежегодно представлять доклад о практике назначения наказания за преступления против общественной безопасности с анализом эффективности новых норм и их влияния на права человека.

Кроме того, требуют совершенствования вопросы квалификации отдельных преступлений.

Очевидно, что такое большое число преступлений против общественной безопасности не позволяет рассмотреть их все в полном объеме в рамках настоящего исследования. А потому коснемся лишь отдельных проблем квалификации некоторых преступлений, расположенных в главе 24 УК РФ.

Уголовно-правовая норма о террористическом акте, сконструирована таким образом, что устанавливает равную ответственность и за деяние, и за угрозу его совершения. Это все приводит к тому, что как лица, совершившие террористический акт, так и лица, занимающихся вербовкой, склонением людей к терроризму, а также вооружением или подготовкой лица для совершения подобных преступлений, или финансированием терроризма – несут одинаковую ответственность [2; С. 116].

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ была установлена ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Законодатель, внеся данное изменения, опирался только на точку зрения авторов, считающих, что общественная безопасность как объект преступления охватывает причинение любого вреда, в том числе смерть гражданина и вред причиненный здоровью [3].

Данное изменение вызывает трудности на практике в отграничении террористического акта от убийства. Изложенное, связано с тем, что законодателем не были учтены положения ст. 2 Конституции РФ [4].

В частности, возникает вопрос, как квалифицировать террористический акт, во время которого умышленно причинили смерть не одному человеку, а нескольким. На наш взгляд, в данном случае было бы логичным давать убийству двух или более лиц самостоятельную правовую оценку, поскольку в ст. 205 УК РФ нет такого особо квалифицирующего признака. Анализируя содержание особо квалифицирующего признака состава террористического акта, можно сделать вывод, что редакция п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ сформулирована с нарушением требования законодательной техники.

Таким образом, в целях совершенствования действующего законодательства в сфере назначения наказания за преступления против общественной безопасности, представляется необходимым внести изменения в УК РФ: провести ревизию санкций, чтобы устранить несоответствия между степенью общественной опасности преступлений и предусмотренными за них наказаниями; перевести деяния, такие как участие в НВФ и хулиганство, из категории средней тяжести в тяжкие преступления, а также рассмотреть возможность введения категории «уголовный проступок» для менее опасных деяний; ВС РФ дать четкие разъяснения по оценке «особо активной роли» как отягчающего обстоятельства; снизить возраст привлечения к ответственности за наиболее опасные преступления против общественной безопасности до 14 лет; устранить противоречия в квалификации отдельных преступлений, таких как террористический акт и захват заложников.

Литература:

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2025 год – URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2025/k3-svod_vse_sudy-2025.xls (дата обращения: 27.05.2026).

2. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. проф. Л. Д. Гаухмана и проф. С. В. Максимова. – М.: Изд-во Эксмо, 2023. – С.116.

3. Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // Российская газета. – 2008. – № 267.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.06.2026).

Бульбенко Дарья Александровна
Bulbenko Daria Alexandrovna
студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: bulbenko.dasha@bk.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexsander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

ЖЕРТВА КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

VICTIM AS A SOURCE OF CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION

Аннотация. В статье рассматривается виктимологический аспект криминалистической тактики. Автор анализирует жертву преступления не как пассивный объект посягательства, а как уникальный носитель следовой и рефлекторной информации. Обосновывается необходимость пересмотра стандартных допросных методик с учетом психологической деформации потерпевшего. Особое внимание уделяется феномену «виктимной ретроспекции» и тактическим ошибкам, связанным с игнорированием личностных характеристик жертвы.

Abstract. The article examines the victimological aspect of forensic tactics. The author analyzes the victim of a crime not as a passive object of aggression, but as a unique carrier of trace and reflex information. The article substantiates the need to revise standard interrogation methods, taking into account the psychological deformation of the victim. Special attention is paid to the phenomenon of "victim retrospective" and tactical errors related to ignoring the victim's personal characteristics.

Ключевые слова: криминалистика, жертва, виктимология, следственная информация, тактика допроса, потерпевший, ретроспективная реконструкция.

Keywords: criminalistics, victim, victimology, investigative information, interrogation tactics, victim, retrospective reconstruction.

В классической криминалистической доктрине источники доказательственной информации традиционно делятся на вещественные и личностные. Однако потерпевший в этой бинарной системе занимает парадоксальное место. С одной стороны, это живой человек, способный давать показания, с другой – объект, на теле которого остаются материальные следы преступления. Как точно подмечает Т.В.

Аверьянова при описании различных отличительных черт жертв, они, по своей сути, являются зеркалом преступления, в котором отражаются не только его фактические обстоятельства, но и механизм воздействия на личность [1]. Проблема в том, что это «зеркало» часто бывает треснувшим или замутненным психологической травмой. Цель настоящей работы – показать, что именно эти «искажения» сами по себе представляют криминалистическую ценность, если научиться их правильно считывать. Дополнительным фактором, повышающим актуальность темы, является рост насильственной преступности в ряде регионов и одновременно – недостаточная разработанность виктимологических рекомендаций для практических сотрудников следственных органов.

Традиционное освидетельствование направлено на поиск биологических следов нападавшего (крови, слюны, волос). Однако криминалистический потенциал тела жертвы гораздо шире. Речь идет не только о микрочастицах, но и о «соматических маркерах» – травмах особого рода. Например, характер ссадин на предплечьях позволяет судить о ширине лезвия ножа, а локализация кровоподтеков на спине – о рельефе пола в месте нападения. Как отмечено в научной статье Е.Н. Клещиной: «В то же время верна концепция криминальной виктимологии, что преступлений без жертв не бывает» [4, с. 97]. Это положение приобретает особый смысл, если учитывать, что каждая травма несет информацию не только о действиях нападавшего, но и о реакции самой жертвы – была ли это защитная поза, попытка убежать или, напротив, состояние оцепенения.

Исследования показывают, что расположение и морфология повреждений на теле жертвы часто содержат данные о пространственной позе нападавшего, которую последний не оставил в других следах. С этой точки зрения мы можем говорить о жертве как о своеобразной «криминалистической карте», где каждая царапина имеет свои координаты относительно вектора агрессии. В практической работе нередки случаи, когда именно анализ группы повреждений позволил установить, что преступник левша, либо определить примерный рост нападавшего. Например, расположение гематом на голове жертвы при ударах тупым предметом позволяет с высокой долей вероятности реконструировать траекторию движения орудия, а значит – и положение преступника в пространстве. Тем самым тело жертвы выполняет несвойственную ему в обычной жизни функцию – становится протоколом насилия, зашифрованным на языке гематом,

ссадин и переломов.

Наиболее спорным, но и наиболее информативным аспектом является устная речь жертвы. Обыденное представление гласит: потерпевший заинтересован в раскрытии преступления, следовательно, его показания истинны. Как верно указано в научной статье С.А. Васильева: «Жертва преступления должна быть готовой в любой момент подтвердить то обстоятельство, что в отношении нее был причинен вред (фактическое основание), а также необходимо юридическое оформление самого преступного посягательства компетентным лицом» [2, с. 35]. Криминалистическая практика опровергает эту наивную аксиому. Жертва может лгать, но её ложь принципиально отличается от лжи преступника.

Если злоумышленник искажает факты целенаправленно (конструктивная ложь), то жертва часто продуцирует бессознательные защитные искажения. Выделим три типа таких искажений:

1. Амплификация – преувеличение степени угрозы или физической силы нападавшего (механизм психологической самозащиты). Жертва бессознательно усиливает драматизм ситуации, чтобы оправдать собственную беспомощность или страх.

2. Лакунизация – сознательное или полусознательное выпадение из памяти моментов собственного неблаговидного поведения в момент нападения (например, проявления трусости или пассивной покорности). Эти лакуны нередко заполняются следователем произвольно, что ведет к ошибкам.

3. Ретроспективное моделирование – достраивание утраченных фрагментов памяти логическими штампами («скорее всего, он был в черном», хотя реально потерпевший цвета не запомнил). Такого рода моделирование тем вероятнее, чем больше времени прошло с момента преступления.

А.Р. Ратинов справедливо указывал, что «чем сильнее психотравмирующее воздействие, тем выше вероятность замещения реальных воспоминаний их интерпретациями, выработанными постфактум» [5, с. 201]. Парадокс заключается в том, что для следователя эти «интерпретации» не менее важны, чем факты, поскольку они выдают психологический портрет жертвы и её уязвимые зоны, использованные преступником. Например, как указано в работе А.Е. Серикова: «Другой аспект изображения жертв насильственных и сексуальных преступлений заключается в том,

что они вызывают максимальные эмоции публики, эффект массового сострадания, вызывают чувство страха и отсутствия безопасности» [6, с. 92]. Этот общественный фон также влияет на то, как сама жертва начинает осмысливать случившееся – она невольно подстраивает свой рассказ под ожидания окружающих.

На основе многолетних наблюдений автором предлагается термин «виктимная ретроспекция». Это методологический принцип, согласно которому в показаниях жертвы выделяется не один, а два временных пласта: первый – событийный (что объективно происходило), второй – рефлексивный (как жертва оценивает эти события сейчас, под влиянием травмы, стыда, страха или общественного мнения). Именно расхождение между этими пластами дает максимально ценную информацию о латентной стадии преступления.

Представим ситуацию: женщина сообщает, что нападавший знал кодовый замок на её двери. Криминалистически значимым здесь является не сам факт знания, а отсутствие удивления жертвы этим фактом в её ретроспективном рассказе. Это молчаливое указание на возможную осведомленность либо на стадию предпреступного контакта. Как отмечал еще Г. Гросс, «часто молчание потерпевшего о какой-то детали говорит больше, чем самые подробные разъяснения» [3, с. 88]. В развитие этой идеи можно утверждать, что виктимная ретроспекция позволяет выявить те элементы события, которые жертва не могла бы выдумать, но которые она пытается рационализировать задним числом. Например, если жертва настаивает, что «ничего не предвещало беды», но при этом подробно описывает, как преступник дважды переспросил её имя – налицо противоречие, требующее анализа.

Свидетель видел событие со стороны, жертва пережила событие изнутри. Это принципиальное различие означает, что жертва обладает информацией, недоступной никакому очевидцу: о своих субъективных ощущениях, о запахах, звуках, о том, что именно испугало её ещё до начала прямого насилия. Игнорирование этого пласта равносильно отказу от половины доказательственной базы.

К числу грубых тактических просчетов относится:

Первая ошибка – форсирование детализации в первые часы после нападения, когда жертва находится в состоянии стрессового аффекта. В этот момент память работает фрагментарно, а попытка восстановить последовательность действий приводит к конфабуляциям (ложным воспоминаниям). Практика показывает, что

допрос, начатый слишком рано, нередко даёт меньший объём достоверной информации, чем допрос, отложенный на одни-двое суток, за которые психика жертвы частично адаптируется. Однако и затягивать допрос не следует – слишком большой интервал усиливает ретроспективное моделирование.

Вторая ошибка – игнорирование телесных ощущений как источника информации. Между тем, жертва часто помнит не цвет глаз, а запах пота нападавшего или хруст его обуви на гравии. Это более устойчивые маркеры, чем зрительный образ в темноте. В ряде случаев именно кинестетическая память сохраняет детали, полностью выпавшие из визуальной. Так, одна потерпевшая не могла описать лицо нападавшего, но точно указала, что у него была холодная и шершавая ладонь, что впоследствии помогло опознать человека, работавшего с химическими реагентами.

Третья ошибка – неиспользование парадоксальных вопросов. Например: «Что в поведении нападавшего показалось вам неестественным?» – этот вопрос запускает механизм сравнения с прототипом, выявляя индивидуальные особенности преступника. Парадоксальный вопрос разрушает заранее подготовленный, отрепетированный рассказ и заставляет жертву обратиться к тем деталям, которые не были включены в привычную схему воспоминания. В тактическом отношении такие вопросы лучше всего задавать не в начале допроса, а после того, как жертва уже дала основной объём показаний, когда наступает естественная пауза.

Помимо указанных выше положений, практический интерес представляют следующие приёмы. Во-первых, целесообразно разделять допрос жертвы на три этапа: свободный рассказ, уточняющие вопросы и реконструктивный этап с использованием схем, манекенов или компьютерных программ для моделирования обстановки. На каждом из этапов жертва даёт разные по характеру искажений показания, и их сопоставление выявляет зоны виктимной ретроспекции. Во-вторых, важно фиксировать не только словесное содержание, но и паузы, оговорки, изменения темпа речи – именно они часто указывают на момент, когда жертва переходит от воспоминания к ретроспективной интерпретации. В-третьих, следует избегать оценочных суждений в адрес жертвы («почему вы не убежали?», «почему не кричали?»), так как они провоцируют лакунизацию – жертва начнёт скрывать свои истинные реакции, заменяя их социально одобряемыми.

Таким образом, жертва преступления представляет собой уникальный

конгломерат следовой информации, где материальное переплетено с ментальным, а бессознательное – с рациональным. Упрощенное отношение к потерпевшему как к «очевидцу» снижает раскрываемость преступлений против личности не менее чем плохая работа экспертов. Криминалистика XXI века должна сместить фокус с вопроса «Что жертва хочет сказать?» на вопрос «Почему она говорит это именно так и именно сейчас?». Только в этом случае информационный потенциал жертвы будет реализован полностью. Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке тактических алгоритмов допроса для различных категорий потерпевших (дети, пожилые, лица с психическими расстройствами) и в создании методик, позволяющих разделять объективные следы памяти и ретроспективные конструкции на этапе следственного действия.

Литература:

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 928 с.

2. Васильев, С. А. Жертва и потенциальная жертва преступления как субъект правоотношений / С. А. Васильев // Виктимология. – 2018. – № 2(16). – С. 34-39. – Текст: непосредственный.

3. Гросс, Ганс Руководство для судебных следователей как система криминалистики: Пер. с нем. / Д-р Ганс Гросс, б. австрийский следств. судья, ныне проф. Праж. ун-та; С 4-го доп. изд. пер. Л. Дудкин и Б. Зиллер. - Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1908. - XXVIII, 1040 с.

4. Клещина, Е. Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления / Е. Н. Клещина // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 2. – С. 96-99. – Текст: непосредственный.

5. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов; А. Р. Ратинов. – Москва: Юрлитинформ, 2008. – (Библиотека криминалиста: БК). – ISBN 978-5-93295-362-4.

6. Сериков, А. Е. Научное знание о жертвах и образ жертв в современных англоязычных средствах массовой коммуникации / А. Е. Сериков // Модернизация культуры: знание как инструмент развития : Материалы VII Международной научно-

практической конференции, Самара, 20–21 мая 2019 года / Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры»; под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Том Часть I. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2019. – С. 90-93. – Текст: непосредственный.

Додонов Никита Андреевич
Dodonov Nikita Andreevich
студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
e-mail: nik.dodonov.03@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ПЕРЕД ПОТРЕБИТЕЛЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

CIVIL LIABILITY OF MARKETPLACES TO CONSUMERS: PROBLEMS OF THEORY AND JUDICIAL PRACTICE

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности маркетплейсов перед потребителями. Рассматривается двойственная правовая природа маркетплейса как информационного посредника и фактического организатора торгового оборота. На основе анализа норм Гражданского кодекса РФ, Закона «О защите прав потребителей», доктринальных положений М.И. Брагинского, Е.А. Суханова, а также разъяснений высших судебных инстанций выявляются коллизии в определении оснований и условий ответственности. Особое внимание уделяется проблеме квалификации договора между потребителем и маркетплейсом: является ли он посредническим или порождает непосредственные обязательства продавца (исполнителя). Анализируется судебная практика, демонстрирующая различные подходы — от признания маркетплейса лишь информационной площадкой до возложения на него солидарной ответственности за недостатки товара. Обосновывается необходимость применения принципа добросовестности при оценке поведения маркетплейса, формирующего у потребителя разумные ожидания. Делается вывод о целесообразности законодательной конкретизации статуса маркетплейса и унификации подходов в правоприменении.

Abstract. The article examines topical issues of civil liability of marketplaces to consumers. The dual legal nature of a marketplace as an information intermediary and actual organizer of trade turnover is considered. Based on the analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Law "On Protection of Consumer Rights", doctrinal provisions of M.I. Braginsky, E.A. Sukhanov, as well as clarifications of higher judicial instances, conflicts in determining the grounds and conditions of liability are identified. Special attention is paid to the problem of qualification of the contract between the consumer and the marketplace: whether it is an intermediary contract or gives rise to direct obligations of the seller (executor). The judicial practice is analyzed, demonstrating various approaches – from recognizing the marketplace only as an information platform to imposing joint liability for product defects. The necessity of applying the principle of good faith in assessing the behavior of the marketplace that forms reasonable expectations of the consumer is substantiated. The conclusion is made about the expediency of legislative specification of the marketplace status and unification of approaches in law enforcement.

Ключевые слова: маркетплейс, защита прав потребителей, гражданско-правовая ответственность, информационный посредник, судебная практика, добросовестность, электронная торговля.

Keywords: marketplace, consumer protection, civil liability, information intermediary, judicial practice, good faith, e-commerce.

Активное развитие электронной коммерции обусловило появление новых участников торгового оборота — маркетплейсов, выступающих в качестве цифровых платформ, агрегирующих предложения множества продавцов и обеспечивающих взаимодействие с потребителями. Правовой статус таких субъектов остается недостаточно определенным, что порождает серьезные трудности при решении вопроса об их гражданско-правовой ответственности перед потребителями. В действующем законодательстве отсутствует легальная дефиниция маркетплейса, а соответствующие отношения регулируются общими положениями Гражданского кодекса РФ [1], Законом РФ «О защите прав потребителей» [2] и специальными нормами об электронной торговле. В доктрине и правоприменительной практике сформировались полярные позиции относительно того, следует ли рассматривать маркетплейс как информационного посредника, освобожденного от ответственности за действия продавцов, либо как лицо, фактически участвующее в формировании потребительских ожиданий и несущее самостоятельные обязательства [3; 6].

Сложность исследования обусловлена не только пробельностью законодательства, но и динамичностью самих общественных отношений. Маркетплейсы постоянно эволюционируют, интегрируя логистические, финансовые и сервисные функции, что размывает границы между простым посредничеством и полноценной торговой деятельностью. В этих условиях теоретическое осмысление природы ответственности платформ приобретает не только научное, но и сугубо практическое значение, поскольку от его результатов зависит уровень правовой защищенности миллионов потребителей.

Правовая природа маркетплейса: между посредничеством и торговлей

Традиционный цивилистический подход исходит из того, что правовое положение лица, действующего в чужом интересе, определяется через конструкции поручения, комиссии или агентирования [4, с. 115]. Однако маркетплейс, как правило, не заключает с потребителем отдельных посреднических соглашений, а предлагает пользовательское соглашение, которое с трудом поддается однозначной квалификации. В одних случаях оно содержит элементы агентского договора, в других — сводится к

оказанию информационных услуг, а иногда включает условия, характерные для договора возмездного оказания услуг [5, с. 250]. Е.А. Суханов подчеркивает, что отнесение того или иного соглашения к поименованным договорам должно опираться на существо возникающих прав и обязанностей, а не на формальное наименование [4, с. 126]. Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей» отмечает, что при отсутствии четкого законодательного регулирования статус маркетплейса должен устанавливаться судом исходя из фактической роли, которую платформа играет в отношениях с потребителем [6, с. 65]. Это, в свою очередь, создает почву для правовой неопределенности.

Ключевая дилемма заключается в том, что маркетплейс одновременно обладает признаками информационного посредника (предоставляет техническую площадку) и организатора торговли (формирует ассортимент, определяет условия продвижения товаров, нередко устанавливает цены и участвует в расчетах). Данная двойственность не позволяет применить к нему какую-либо одну готовую правовую конструкцию. В науке предпринимаются попытки выделить смешанный договор, однако это не решает проблемы, поскольку при смешанном договоре применяются правила о различных договорах в соответствующих частях, что требует четкого разделения функций платформы, которое на практике отсутствует.

Основания и условия ответственности маркетплейса

Ключевой вопрос заключается в том, может ли потребитель предъявить требования о возмещении убытков, замене товара или возврате уплаченной суммы непосредственно к маркетплейсу, а не к фактическому продавцу. Закон «О защите прав потребителей» [2] возлагает обязанности по удовлетворению требований потребителя на продавца (изготовителя, исполнителя), однако понятие «продавец» не адаптировано к деятельности электронных платформ. В цивилистической литературе обоснованно указывается, что применение принципа добросовестности (ст. 10 ГК РФ [1]), детально раскрытого Б.М. Гонгало [7, с. 55], позволяет возложить ответственность на маркетплейс, если его поведение создавало у потребителя разумную уверенность в том, что именно платформа гарантирует качество товара и безопасность сделки. Внешнее оформление сайта, размещение логотипов, процедура оплаты и коммуникации нередко формируют впечатление о маркетплейсе как о продавце. Если платформа не принимает достаточных мер для четкого разграничения своей роли и роли фактического продавца,

она должна нести риск возникновения соответствующих ожиданий [7, с. 60].

И.В. Ершова, исследуя правовое регулирование электронной торговли, указывает на необходимость дифференцированного подхода: ответственность должна варьироваться в зависимости от степени вовлеченности маркетплейса в процесс исполнения сделки [8, с. 22]. В частности, если платформа осуществляет прием денежных средств, организует доставку или устанавливает условия возврата товара, она перестает быть пассивным информационным посредником и приобретает черты стороны основного обязательства. В таких ситуациях допустимо применение по аналогии норм о солидарной ответственности при множественности лиц на стороне продавца [1, ст. 322]. При этом важно различать две модели взаимодействия: когда маркетплейс выступает в качестве агента продавца, принимая платеж от имени и за счет продавца, и когда он становится фактическим получателем денежных средств, распоряжаясь ими по своему усмотрению до момента перечисления продавцу. Во втором случае ответственность платформы должна быть выше, поскольку она контролирует финансовый аспект сделки.

Вместе с тем теория гражданского права выработала и сдержанную позицию, согласно которой возложение на маркетплейс полной ответственности за действия независимых продавцов противоречит принципу автономии воли и свободы договора, поскольку платформа не является участником договора купли-продажи [3, с. 320]. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский подчеркивают, что ответственность без вины возможна лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором [3, с. 329]. Поскольку в отношениях между маркетплейсом и потребителем такое соглашение, как правило, отсутствует, оснований для безвиновной ответственности платформы не имеется, если только законодатель не изменит соответствующие нормы. Однако данная позиция не учитывает специфику информационной асимметрии: потребитель часто не имеет возможности выбора продавца и вынужден доверять интерфейсу платформы, что требует пересмотра традиционных подходов к распределению рисков.

Анализ судебной практики и формирование подходов

Анализ материалов правоприменения демонстрирует отсутствие единообразия. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 28.06.2012 № 17 [9] разъяснил, что субъектом ответственности перед потребителем признается организация или индивидуальный предприниматель, осуществляющие продажу товаров (оказание

услуг) как самостоятельно, так и с привлечением третьих лиц, если из существа обязательства не вытекает иное. Это позволило судам в ряде случаев возлагать ответственность на маркетплейс, рассматривая его как «фактического продавца». В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ по делам о защите прав потребителей [10, с. 18] приводятся примеры, когда маркетплейс, принимавший оплату и размещавший информацию о товаре без четкого указания продавца, был признан надлежащим ответчиком. Однако встречаются и противоположные решения, в которых суды исходят из того, что маркетплейс выполняет лишь функцию информационного посредника, не приобретая прав и обязанностей по сделке [10, с. 23].

Наиболее сложной является ситуация, когда продавец, зарегистрированный на платформе, оказывается недоступным для предъявления претензий (например, прекратил деятельность). В таких обстоятельствах некоторые суды удовлетворяют требования к маркетплейсу, ссылаясь на то, что именно платформа выбрала контрагента и не приняла должных мер верификации, что повлекло нарушение прав потребителя [10, с. 25]. Такой подход фактически развивает идею «вины в выборе контрагента», близкую к ответственности организатора торговли. Однако он не имеет прямого легального закрепления и нуждается в доктринальном обосновании.

Примечательно, что суды нередко обращают внимание на содержание пользовательского соглашения. Если в нем прямо указано, что маркетплейс не является продавцом и лишь предоставляет площадку, это может служить основанием для освобождения от ответственности. Однако даже при наличии таких оговорок суды проверяют, насколько ясно и доступно данная информация доведена до потребителя, а также соответствует ли реальное поведение платформы заявленным условиям. Принцип добросовестности здесь выступает в роли корректирующего механизма, позволяющего суду преодолеть формальные условия договора в защиту слабой стороны.

Перспективы законодательного регулирования

Проведенное исследование показывает, что существующее правовое регулирование не в полной мере учитывает особенности маркетплейсов как субъектов электронной коммерции. Пробелы и коллизии в законодательстве восполняются судебным усмотрением, что приводит к противоречивой практике и снижает уровень защищенности потребителей. Для преодоления неопределенности представляется необходимым внесение изменений в Закон «О защите прав потребителей» [2] и,

возможно, в Гражданский кодекс РФ [1], закрепляющих легальное понятие маркетплейса, критерии его ответственности перед потребителем в зависимости от степени участия в сделке, а также случаи солидарной ответственности с продавцом.

В законодательстве целесообразно закрепить обязательные требования к информированию потребителя о том, кто именно является продавцом по каждой конкретной сделке, причем такая информация должна предоставляться до момента оформления заказа и быть доступной для восприятия без специальных знаний. Также следует установить минимальные стандарты проверки продавцов, которых маркетплейс обязан придерживаться, а за нарушение этих стандартов предусмотреть субсидиарную ответственность платформы. Кроме того, необходимо урегулировать ситуацию с добросовестным приобретением: если потребитель разумно полагал, что заключает договор непосредственно с маркетплейсом, платформа не должна иметь возможности ссылаться на формальное посредничество.

До принятия соответствующих норм судам следует более активно использовать принцип добросовестности [7], оценивая информированность потребителя и разумность его ожиданий, формируемых поведением платформы. Также целесообразно обобщить судебную практику на уровне Пленума Верховного Суда РФ, выработав ориентиры для нижестоящих судов при квалификации спорных ситуаций. Только сбалансированный подход, учитывающий интересы как потребителей, так и владельцев цифровых платформ, способен обеспечить устойчивое развитие электронной торговли, сохраняя баланс между стимулированием предпринимательской активности и обеспечением надежной защиты прав граждан в цифровой среде.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. № 8. URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 27.06.2026).

3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с. С. 315–329.

4. Суханов Е. А. Гражданское право. Том I. 4-е изд. М.: Статут, 2019. 704 с. С. 112–126.

5. Суханов Е. А. Гражданское право. Том II. 4-е изд. М.: Статут, 2020. 816 с. С. 242–258.

6. Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей». М.: Проспект, 2021. 432 с. С. 54–73.

7. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с. ISBN 978-5-8354-1558-8. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/princip_dobrosovestnosti%253A_razvitie%252C_sistema%252C_problemy_teorii_i_praktiki_%2528nam_k.v.%2529_%2528statut%252C_2019%2529/ (дата обращения: 30.06.2026).

8. Харитонова Ю. С., Санникова Л. В. Digital Platforms in China and Europe: Legal Challenges // BRICS Law Journal. 2021. Vol. 8, No. 3. P. 121–147. DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-121-147. URL: ResearchGate (полный текст) (дата обращения: 30.06.2026).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 27.06.2026).

10. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о защите прав потребителей. URL: Верховный Суд Российской Федерации. С. 15–27.

Додонов Никита Андреевич
Dodonov Nikita Andreevich
студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
e-mail: nik.dodonov.03@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ELECTRONIC FORM OF A TRANSACTION IN RUSSIAN CIVIL LAW: MODERN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Аннотация. В статье анализируются ключевые проблемы правового регулирования электронной формы сделки в российском гражданском праве. Рассматриваются эволюция и современное состояние законодательства, включая положения Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «Об электронной подписи». Исследуется вопрос соблюдения письменной формы при совершении сделок в цифровой среде, анализируется соотношение понятий «электронная форма сделки» и «письменная форма». Особое внимание уделяется доктринальным позициям Е.А. Суханова, М.И. Брагинского, А.И. Савельева, В.А. Хохлова, а также разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Выявляются правовые риски, связанные с идентификацией сторон, моментом заключения договора, доказыванием факта волеизъявления и целостности электронного документа. Освещаются практические аспекты использования усиленной квалифицированной электронной подписи и иных способов фиксации согласия. Формулируются выводы о необходимости дальнейшей унификации правовых подходов и совершенствования механизмов защиты участников электронного оборота.

Abstract. The article analyzes key problems of legal regulation of the electronic form of a transaction in Russian civil law. The evolution and current state of legislation, including the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Electronic Signature", are considered. The issue of compliance with the written form when making transactions in the digital environment is investigated, the correlation between the concepts of "electronic form of a transaction" and "written form" is analyzed. Special attention is paid to doctrinal positions of E.A. Sukhanov, M.I. Braginsky, A.I. Savelyev, V.A. Khokhlov, as well as clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Legal risks associated with identification of parties, the moment of conclusion of the contract, proving the fact of will expression and the integrity of an electronic document are identified. Practical aspects of using an enhanced qualified electronic signature and other methods of fixing consent are highlighted. Conclusions are formulated about the need for further unification of legal approaches and improvement of mechanisms for protecting participants in electronic turnover.

Ключевые слова: электронная форма сделки, письменная форма, электронная подпись, оферта, акцепт, электронный документ, идентификация сторон, цифровая среда.

Keywords: electronic form of transaction, written form, electronic signature, offer, acceptance, electronic document, identification of parties, digital environment.

Стремительное развитие информационных технологий и повсеместное распространение электронной коммерции обусловили необходимость адаптации классических гражданско-правовых институтов к цифровой реальности. Одним из таких институтов выступает форма сделки. Традиционное деление на устную и письменную (простую и нотариальную) форму, закрепленное в Гражданском кодексе Российской Федерации [1], в современных условиях дополняется понятием электронной формы, правовая природа и последствия использования которой порождают многочисленные теоретические споры и практические трудности. Несмотря на признание электронного документа в качестве допустимого способа фиксации волеизъявления, остаются нерешенными вопросы соотношения электронной формы с письменной, установления момента заключения договора, доказывания факта совершения сделки и обеспечения достоверности электронного документооборота.

Электронная форма сделки в законодательстве и доктрине. Действующая редакция ст. 160 и 434 ГК РФ [1] признает, что письменная форма сделки считается соблюденной, если она совершена с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих достоверно установить исходящее от стороны волеизъявление. Федеральный закон «Об электронной подписи» [2] развивает эти положения, устанавливая виды электронных подписей, условия признания электронных документов равнозначными документам на бумажном носителе, а также регулирует деятельность удостоверяющих центров. Вместе с тем законодатель не вводит самостоятельного понятия «электронная форма сделки», что дает основание рассматривать ее в качестве разновидности письменной формы [3, с. 170]. Такой подход поддерживается и в классических цивилистических исследованиях: М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечают, что для целей доказывания и фиксации волеизъявления электронная запись, при условии ее верифицируемости, должна приравниваться к традиционному письменному документу [4, с. 200].

В современной учебной литературе также подчеркивается, что электронная форма не образует особого вида формы сделки, а является технической модификацией письменной формы, поскольку сущностные требования (возможность воспроизведения содержания и указания на совершившее сделку лицо) остаются неизменными [5, с. 285]. Комментарий к Гражданскому кодексу разъясняет, что соблюдение письменной формы

посредством обмена электронными сообщениями допускается лишь тогда, когда такой способ согласован сторонами или явствует из их поведения [6, с. 152]. Таким образом, ключевым критерием допустимости электронной фиксации сделки выступает не столько наличие специального программного обеспечения, сколько сохранение доказательственной функции документа.

Несколько иной взгляд представлен в работах, акцентирующих внимание на специфике электронной среды. В.А. Хохлов обращает внимание на то, что электронная форма в ряде случаев может приобретать черты самостоятельного правового явления, особенно при заключении смарт-контрактов или использовании блокчейн-технологий, где волеизъявление выражается не в традиционном тексте, а в последовательности действий, фиксируемых децентрализованной системой [8, с. 100]. А.И. Савельев, анализируя развитие электронной коммерции, указывает, что отождествление электронной формы с письменной не всегда отвечает потребностям оборота, поскольку электронный документ не просто фиксирует содержание, но и может содержать элементы программного кода, автоматически исполняющего обязательство [7, с. 78]. Такое усложнение требует переосмысления традиционных представлений о моменте заключения договора и выражении согласованной воли.

Проблемы правоприменения и идентификации сторон. Одной из центральных практических проблем остается идентификация лица, совершающего сделку в электронной форме. Если при использовании усиленной квалифицированной электронной подписи презюмируется участие конкретного субъекта, то при обмене электронными письмами, нажатии кнопки «согласен» на веб-сайте или применении простой электронной подписи доказывание факта волеизъявления существенно затруднено. Судебная практика, обобщенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [9], исходит из того, что письменная форма считается соблюденной, если из содержания электронной переписки возможно достоверно установить автора и его волю. Суд вправе признать договор заключенным на основе совокупности доказательств, включая поведение сторон, последующее одобрение сделки и фактические действия по ее исполнению [9, п. 65]. Данный подход расширяет границы допустимости электронных доказательств, но вместе с тем порождает известную неопределенность, поскольку оценка достоверности переписки отдается на усмотрение суда.

Федеральная налоговая служба активно развивает систему электронного документооборота, устанавливая технические требования к форматам электронных документов и регламентируя порядок обмена юридически значимыми сообщениями [10]. Накопленный опыт публично-правовых отношений демонстрирует эффективность унифицированных форматов и процедур, однако в гражданском обороте аналогичная степень стандартизации пока не достигнута. В результате стороны нередко сталкиваются с ситуацией, когда контрагент отрицает факт направления электронного акцепта либо указывает на несанкционированный доступ к своему устройству.

Момент заключения договора в электронной среде. Дискуссионным остается вопрос о моменте заключения договора при обмене электронными сообщениями. Статья 433 ГК РФ [1] связывает момент заключения договора с получением акцепта лицом, направившим оферту. В электронной среде критерий «получения» приобретает специфику: является ли таковым момент поступления сообщения в информационную систему адресата или момент, когда адресат мог с ним ознакомиться? Доктрина склоняется к тому, что, если иное не установлено законом или соглашением сторон, акцепт считается полученным, когда сообщение поступило в сферу контроля адресата, даже если последний фактически не ознакомился с ним незамедлительно [3, с. 180]. Вместе с тем, как справедливо отмечает В.А. Хохлов, при использовании автоматизированных систем (например, интернет-магазинов) акцепт может выражаться в конклюдентных действиях — оформлении заказа и оплате товара, что смещает момент заключения договора на более раннюю стадию [8, с. 105].

Особая ситуация складывается при заключении договоров на публичных интернет-площадках, где оферта признается обращенной к неопределенному кругу лиц (публичная оферта). В таких случаях акцептом признаются действия по выполнению указанных в оферте условий (п. 3 ст. 438 ГК РФ [1]). Однако для договоров, требующих обмена подписанными экземплярами, использование только электронной переписки может создавать риски признания сделки незаключенной при отсутствии явно выраженной воли обеих сторон на использование электронного документооборота [4, с. 214]. Комментарий к ГК РФ разъясняет, что соглашение об электронной форме может быть как прямым, так и подразумеваемым, но при возникновении спора бремя доказывания наличия такого соглашения возлагается на сторону, которая ссылается на факт заключения договора [6, с. 160].

Соблюдение дополнительных требований к форме. Отдельного внимания заслуживают случаи, когда законом предусмотрены специальные последствия несоблюдения письменной формы (недействительность сделки или запрет ссылаться на свидетельские показания). В электронной среде признание сделки, совершенной с соблюдением письменной формы, еще не гарантирует отсутствия иных пороков. Например, для сделок, подлежащих нотариальному удостоверению или государственной регистрации, простой электронной подписи недостаточно — требуется усиленная квалифицированная подпись и, как правило, личная явка к нотариусу, хотя активно развивается институт дистанционного нотариального удостоверения [2]. А.И. Савельев подчеркивает, что использование технологий дистанционного взаимодействия не должно приводить к упрощению гарантий защиты прав участников оборота, поэтому необходимо сохранять баланс между оперативностью и достоверностью [7, с. 82].

Судебная практика также сталкивается с вопросом о том, может ли проставление графического аналога подписи (сканированной подписи) или использование кодов из SMS-сообщений рассматриваться в качестве надлежащей электронной подписи. Пленум Верховного Суда РФ [9] ориентирует суды на оценку фактической аутентификации волеизъявления, а не на формальное соответствие техническим требованиям, что порождает неоднородность решений. В одних делах суды признают достаточным подтверждением авторизацию в личном кабинете с использованием уникального логина и пароля, в других — требуют применения именно сертифицированных средств электронной подписи. Такая неопределенность создает дополнительные издержки для предпринимателей и граждан.

Перспективы развития. Современное состояние правового регулирования электронной формы сделки характеризуется переходом от фрагментарных норм к построению целостного правового института. Дальнейшее совершенствование должно идти по пути унификации правил идентификации участников, стандартизации форматов электронных документов и установления четких критериев допустимости электронных доказательств в гражданском процессе. Представляется целесообразным закрепление на уровне Гражданского кодекса или специального закона единых принципов использования автоматизированных способов совершения сделок (смарт-контрактов, click-wrap и browse-wrap соглашений), что позволит снизить

транзакционные издержки и повысить правовую определенность. При этом важно сохранить фундаментальные начала гражданского права — автономию воли, добросовестность и защиту слабой стороны, адаптировав их к цифровой среде [5, с. 297].

Электронная форма сделки, оставаясь в целом в рамках конструкции письменной формы, приобретает новые черты, обусловленные спецификой цифрового взаимодействия. Решение выявленных проблем требует как дальнейшей доктринальной проработки, так и последовательного совершенствования законодательства, основанного на анализе накопленной судебной практики и опыте использования электронного документооборота в публично-правовой сфере.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036. URL: КонсультантПлюс.

3. Суханов Е. А. Гражданское право. Том I. 4-е изд. М.: Статут, 2019. С. 165–184.

4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. М.: Статут, 2011. С. 185–214.

5. Гражданское право. М.: Проспект, 2022. Т. 1. С. 278–297.

6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М.: Юрайт, 2021. С. 145–162.

7. Шугаев Р. И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования // Цифровое право. 2023. Т. 4. № 2. С. 40–63. DOI: 10.38044/2686-9136-2023-4-2-40-63.

8. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 129–137. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.129-137

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: КонсультантПлюс.

10. Федеральная налоговая служба. Электронный документооборот. URL: ФНС России.

Радионова Ольга Александровна
Radionova Olga Alexandrovna
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет
имени М.П. Даниловского»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ: ОБЯЗАННОСТИ ЖУРНАЛИСТА И ЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

LEGAL STATUS OF A JOURNALIST AND ITS RESPONSIBILITIES

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению обязанностей современных журналистов и редакций средств массовой информации. Цель данной работы заключается в выявлении основополагающих принципов журналистской деятельности в Российской Федерации согласно кодексу профессиональной этики российского журналиста и закону «О СМИ». На основе правовых документов автор сосредоточивает свое внимание на соответствии обязанностей работников СМИ и их ответственности за результаты своей деятельности, а также обозначает причины увеличения профессиональных и моральных требований к сотрудникам области масс-медиа.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the duties of modern journalists and editorial offices of the media. The purpose of this work is to identify the fundamental principles of journalistic activity in the Russian Federation in accordance with the code of professional ethics of the Russian journalist and the law "On Mass Media". On the basis of legal documents, the author focuses on the compliance of the duties of media workers and their responsibility for the results of their activities, as well as identifies the reasons for the increase in professional and moral requirements for media workers.

Ключевые слова: журналист, обязанности, редакция, СМИ, этические стандарты, объективность.

Keywords: journalist, duties, editorial office, mass media, ethical standards, objectivity.

С начала XXI века общественный уклад и ритм жизни претерпел ряд изменений вследствие развития технического прогресса. Тотальная гаджетизация населения, развитие социальных сетей, увеличение количества средств массовой информации привело к тому, что население стало предпочитать «быстрые» новости, опубликованные как можно раньше после какого-либо события или происшествия. Скорость поступления и распространения информации стала приоритетнее качества. В связи с этим, необходимость в том, чтобы пресса выполняла свои обязанности, возросла как никогда. Права и свободы, предоставляемые прессе в демократическом обществе, порождают соответствующие обязанности, которые распространяются как на руководителей и владельцев СМИ, так и на отдельных журналистов. СМИ играют важную роль в демократическом обществе, поэтому крайне важно, чтобы в

журналистской практике применялись самые высокие этические стандарты.

В первую очередь, СМИ и журналисты обязаны предоставлять общественности исчерпывающую и точную информацию, лишенную всякого вымысла. Использование сенсаций может привести к преувеличению и неточной интерпретации фактов и событий, которые могут ввести общественность в заблуждение относительно ценности и важности передаваемой информации. Информация, производимая СМИ, является результатом журналистского выбора, который должен быть сделан в духе честности и справедливости [1].

Пресса также несет ответственность за защиту от попыток отдельных лиц, групп или организаций манипулировать общественным мнением с помощью неполной или искаженной информации путем привлечения помощи журналистов, независимо от их желания идти на контакт или, наоборот, без их согласия. СМИ несут ответственность за все, что они публикуют или транслируют, и никогда не должны пытаться оправдать упущения в профессиональных стандартах, оправдывая их административными проблемами, нехваткой времени или другими подобными причинами.

Издания обязаны определить и опубликовать свою редакционную политику. Они должны соответствовать высокой степени профессиональной этики и поддерживать постоянное развитие своих сотрудников. Тот факт, что СМИ несут ответственность за то, что они публикуют или транслируют, никоим образом не освобождает журналистов (то есть авторов материалов) или других специалистов в области информации, от ответственности за свои действия и результаты [3].

Пресса должна быть не только свободна от всех форм внешнего давления, но и бдительна, чтобы избегать самоцензуры, намеренной или непреднамеренной [3]. Пресса должна остерегаться подавления или искажение фактов из страха нарушить табу или нанести ущерб каким-либо интересам. Точно так же пресса не может довольствоваться простой публикацией официальной версии статьи, переданной в пресс-релизе, - материал также должен открывать и отражать реальность как можно точнее и всесторонне.

СМИ и журналисты нарушают свои социальные обязанности, если при написании или публикации материалов руководствуются любой философией или идеологией, а также если они игнорируют некоторые общественно значимые события или сообщают о них однобоко, тем самым формируя определенное отношение аудитории к

происходящему.

Нарушению общественного доверия также служит давление, оказываемое пресс-организацией на своих журналистов, чтобы подавлять или искажать новости или другие материалы в интересах предприятия. Редакционная политика, планирование программ, а также найм и назначение журналистов на определенные должности являются главными прерогативами каждой медиа-организации, но такой выбор никоим образом не должен лишать публику доступа к достоверной информации, на которую она имеет право, или препятствовать использованию журналистами своих профессиональных прав. В ином случае это будет приравниваться к цензуре.

Когда публикуются итоги опросов, демонстрирующих общественное мнение по какому-либо вопросу, важно, чтобы собранные данные были поддающимися проверке, а также изданиям лучше всего предоставить информацию общественности об использованной методологии при сборе голосов. Это позволит читателям формировать свое собственное мнение о достоверности исследования и о том, какое значение ему следует придавать.

Также, журналисты и организации СМИ должны избегать не только конфликта интересов, но и его появления; они должны быть независимыми, а не в союзе с какой-либо конкретной политической, финансовой или иной силой. Любая небрежность в этом отношении ставит под угрозу авторитет прессы и передаваемой информации.

Организации печати должны быть осторожны и не поручать своим журналистам или фрилансерам освещать ситуации, в которых у них может возникнуть конфликт интересов. Чтобы сохранить доверие к себе, журналисты должны избегать участия в политической жизни и правозащитной деятельности, которая может поставить под угрозу их беспристрастность и независимость [4].

Так как в журналистике существует множество жанров, различные формы текстов, используемые в средствах массовой информации, должны быть легко идентифицированы публикой, чтобы избежать путаницы. С этой целью журналисты должны строго соблюдать границы каждого формата.

1) Фактологическая журналистика: новости, отчеты.

Материалы подобного характера требуют, чтобы журналист сообщал факты и их контекст без комментариев. Журналисты должны гарантировать, что передаваемая информация создает полную картину произошедшего. Основные требования,

предъявляемые к авторам материалов: быть честными, точными и беспристрастными. В случае спорных тем следует применять сбалансированный подход, чтобы были услышаны все стороны вопроса.

2) Аналитическая журналистика: анализы, справочная информация и анонсы событий, журналистское расследование, интервью.

Журналисты, которые публикуют аналитические материалы, справочную информацию или актуальные программы, должны неукоснительно уважать факты и руководствоваться теми же стандартами, которые изложены ранее. Во время журналистского расследования авторы должны собирать информацию законными методами – использование тайных методов может быть оправдано только тогда, когда требуемую информацию невозможно получить другим способом. СМИ должны использовать такие методы разумно [5].

При сборе информации журналисты должны четко идентифицировать себя. Однако в действительности бывают исключительные случаи, например, когда на карту поставлена личная безопасность журналиста или запрашиваемая информация будет служить важным общественным интересам. Журналисты должны воздерживаться от использования приемов, подрывающих доверие их источников, таких как запись комментария человека для трансляции без его или ее ведома или утаивание того факта, что интервьюируемый уже звучит в эфире. Журналисты также должны избегать проникновения или вторжения в частную жизнь респондентов.

Во всех случаях общественность должна быть проинформирована о методах, используемых при написании материала. Журналисты должны избегать тенденциозного поведения по отношению к «героям» своих расследований и не лишать их презумпции невиновности.

3) Эстрадные шоу с новостным контентом.

Развлекательные шоу с новостным содержанием подчиняются тем же этическим и профессиональным нормам, стандартам, как и другие формы журналистики. Время, отведенное новостным сегментам в этих программах, должно быть четко обозначено, чтобы не было путаницы между новостями и другими форматами.

4) Редакционные статьи и комментарии.

Свобода выражения мнения, которой пользуются редакционные авторы и комментаторы, не абсолютная: оно должно осуществляться с должным уважением к

демократическим ценностям и человеческому достоинству. Редакционные авторы и комментаторы должны уважать факты и демонстрировать интеллектуальные честность и дисциплину во время их написания. Во избежание путаницы СМИ должны отличать «мнения» от новостей [5].

5) Карикатура.

Карикатура по самой своей природе дает своим авторам широкую, но не абсолютную свободу действий. Карикатурист должен соблюдать те же стандарты, что и другие журналисты, когда выражают мнение. Разжигание ненависти в любой форме недопустимо в демократическом обществе.

6) Шоу с телефонным звонком.

Звонок по телефону или шоу «по открытой линии» подчиняется тем же нормам, что и другие формы журналистика. Из-за спонтанного характера программ, а также их склонности разжигать страсть к спорным темам, эти шоу требуют, чтобы их ведущие демонстрировали высокую дисциплину и рассудительность. Должен быть предоставлен обзор фактов, относящихся к предмету обсуждения, а также журналистам необходимо поддерживать баланс и справедливость. Следует избегать оскорбительных, вульгарных, расистских или разжигающих ненависть комментариев и диатриб. Организаторы должны проявлять уважение к абонентам и не делать замечаний, а также не использовать тон голоса, который может их обидеть. Также ожидается, что ведущие обязаны воздерживаться от навязывания своих взглядов [5].

Важным аспектом для деятельности изданий является публикация рекламных материалов. Разрабатывать рекламную политику для своих торговых точек – это прерогатива издателей и менеджеров. Но право общественности на информацию требует, чтобы коммерческие интересы СМИ, связанные с их продажей рекламы, не влияли на редакционную политику. СМИ должны четко разграничивать новости и рекламу, представляя их по-разному. Любое невыполнение этого требования может ввести в заблуждение читателей или зрителей. СМИ должны не только четко идентифицировать рекламный контент или платные программы, но и представлять информацию таким образом, чтобы отличать их от новостного контента. Это особенно важно с в отношении рекламы, которая принимает форму новостей – так называемых «публикаций» или рекламный контент.

СМИ должны воздерживаться от саморекламы в форме новостных репортажей.

Такие практики не только отнимают время или пространство от реальных новостей, но и ставят под угрозу доверие к СМИ и журналистам, а также снижают доверие общества к качеству передаваемой информации. СМИ и журналисты не должны размещать скрытую или косвенную рекламу в новостях, и они не должны становиться промоутерами или публицистами. В тех случаях, когда средство массовой информации является спонсором мероприятия, оно должно быть особенно осторожно, чтобы избежать путаницы между его коммерческой деятельностью и беспристрастным сообщением информации [2].

СМИ и журналисты обязаны уважать личность источников, которым они обещали конфиденциальность. Не менее важно, чтобы журналисты проверяли достоверность своих источников и достоверность предоставленной информации. Журналисты не обязаны отправлять свои работы в источник для утверждения перед публикацией.

Источники, как правило, должны быть названы, чтобы представители общественности могли создавать свои собственные суждения о достоверности и значимости передаваемой информации. Журналисты должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы убедиться, что их источники надежны, и проверить точность их информации путем подтверждения сведений от других независимых источников.

Неназванные или анонимные источники используются только в исключительных случаях и когда очевидно необходимо. СМИ и журналисты должны опасаться анонимности или конфиденциальных источников, настоящая цель которых – манипулировать общественным мнением. Однако, когда издание и его журналисты обещают источнику не раскрывать личность информатора, они должны хранить своё слово.

В случаях, когда необходимо использование анонимных или неназванных источников, например, когда информация, представляющая значительный общественный интерес, не может быть получена каким-либо другим способом или когда источник может быть уязвим, общественность должна быть проинформирована об этой ситуации.

СМИ и журналисты не должны придумывать фиктивные источники или прятаться за анонимными источниками. Частые ссылки на «официальные источники» или «наблюдателей» указывают на небрежность или лень со стороны журналистов. Это

не только подорвет доверие к прессе, но и право общественности на получение информации будет поставлено под угрозу [1].

Информация, передаваемая средствами массовой информации, по определению является общественным достоянием: на все можно ссылаться, резюмировать или цитировать. Журналисты часто используют работу своих коллег, чтобы дополнить собственное исследование или подтвердить свою собственную информацию. Создаваемая работа обычно не похожа на оригинал по форме или содержанию, и, следовательно, эту практику не следует рассматривать как плагиат или кражу работ конкурента.

Однако журналисты не имеют права представлять чужую работу как свою собственную. Когда материалы журналиста основаны на истории другого издания, автору следует указать источник. Если журналист просто сделает несколько изменений в истории конкурента, это не сделает материал собственностью плагиатора. Воспроизведение работ другого журналиста без надлежащей ссылки нарушает законодательство об авторском праве и журналистскую этику [2].

СМИ по сей день являются главными источниками информации и оказывают непосредственное влияние на формирование общественного мнения. Каждый журналист несет ответственность перед обществом, перед своей аудиторией. Он ответственен за полную и адекватную информацию о самом обществе и его отдельных групп, о событиях окружающей среды, о том, что представляет актуализированный интерес для аудитории.

Общество имеет право знать информацию о себе и обо всем, что может повлиять на него. При этом особо важное значение имеет то, чтобы эта информация была правдивой, чтобы виртуальная картинка действительности адекватно отражала реальную. Замалчивание истинного положения вещей играет такую же отрицательную роль, как и прямая дезинформация. Миссия масс-медиа состоит в том, чтобы давать правдивую информацию и обеспечивать общественную дискуссию таким образом, чтобы голос и большинства, и меньшинства граждан был услышан.

Для успешной профессиональной деятельности представитель СМИ в обязательном порядке должен использовать требования журналистской этики, взяв ее за нравственную основу своего творчества. Кроме этого, соблюдение моральных законов, таких как ответственность перед обществом и личностью, можно назвать

фундаментальными, поскольку журналист является служителем общества и должен стремиться был моральным примером для других.

Литература:

1. Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. - 224 с.

2. Авторское право [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/0b318126c43879a845405f1fb1f4342f473a1eda/ (дата обращения 07.12.2020).

3. Закон РФ «О СМИ» [Электронный ресурс] // Портал ГАРАНТ.РУ. URL: http://base.garant.ru/10164247/ (дата обращения 02.12.2020).

4. Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901854413 (дата обращения 02.12.2020).

5. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики [Электронный ресурс] // Центр дистанционного образования МГУП. URL : http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook714/01/part-011.htm (дата обращения 07.12.2020).

Семенова Анастасия Андреевна
Semenova Anastasia Andreevna
магистрант
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КОРПОРАЦИИ: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

STATE REGISTRATION OF A CORPORATION: LEGAL SIGNIFICANCE AND ENFORCEMENT ISSUES

Аннотация. Исследуется юридическое значение государственной регистрации корпорации в российском гражданском праве. Практическое значение рассматриваемого института проявляется в обеспечении правовой определенности, стабильности гражданского оборота, защите прав кредиторов и участников корпорации, а также в формировании доверия к сведениям ЕГРЮЛ.

Abstract. The legal significance of state registration of a corporation in Russian civil law is examined. The practical significance of this institution is manifested in ensuring legal certainty, stability of civil transactions, protection of the rights of creditors and corporation participants, and in fostering trust in the information contained in the Unified State Register of Legal Entities.

Ключевые слова: корпорация, юридическое лицо, государственная регистрация, ЕГРЮЛ, правоспособность, отказ в государственной регистрации.

Keywords: corporation, legal entity, state registration, register, legal capacity, refusal of registration.

Введение. Государственная регистрация корпорации является обязательным условием ее участия в гражданском обороте. Корпоративными юридическими лицами признаются организации, участники которых обладают правом участия или членства и формируют высший орган управления [1]. Поэтому регистрация корпорации не сводится к техническому учету сведений: она завершает процесс учреждения и превращает организационный проект учредителей в самостоятельного субъекта права.

Актуальность темы обусловлена усилением роли ЕГРЮЛ как публичного источника сведений о контрагентах. В современной регистрационной системе сочетаются две задачи: обеспечить доступность создания бизнеса и не допустить включения в реестр недостоверных сведений. Научная литература отмечает, что российская модель регистрации постепенно сместилась от минимального контроля к более активной проверке сведений, что породило новые споры о границах полномочий регистрирующего органа [10].

Методология исследования. Использованы формально-юридический,

системный и правоприменительный методы. Нормативную основу составляют ГК РФ, Закон № 129-ФЗ, законодательство об ООО и АО, приказы ФНС России, а также судебные разъяснения по вопросам достоверности сведений ЕГРЮЛ.

Основная часть. Главное юридическое значение регистрации состоит в возникновении правоспособности корпорации. Пункт 3 статьи 49 ГК РФ устанавливает, что правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о его создании. Пункт 8 статьи 51 ГК РФ дополнительно закрепляет, что юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи [1]. Следовательно, решение учредителей, утверждение устава и формирование органов управления являются необходимыми предпосылками, но не заменяют государственную регистрацию.

Для корпораций данный вывод имеет особую практическую значимость. До внесения записи в ЕГРЮЛ отсутствует самостоятельный носитель имущественной ответственности, не возникает режим корпоративного управления и не могут полноценно реализовываться права участников. Специальные законы об ООО и АО конкретизируют порядок учреждения, требования к уставу, капиталу и органам, однако момент возникновения юридического лица определяется общим регистрационным правилом [2; 3; 4].

Второе значение регистрации выражается в публичной достоверности ЕГРЮЛ. Данные государственной регистрации открыты для всеобщего ознакомления, а добросовестное лицо вправе полагаться на их соответствие действительности [1]. Это означает, что реестр защищает оборот: контрагент может проверить сведения об адресе, руководителе, организационно-правовой форме и иных ключевых характеристиках корпорации без проведения самостоятельного расследования.

Закон № 129-ФЗ определяет государственную регистрацию как акты уполномоченного органа, осуществляемые путем внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц [2]. По своей форме регистрация является публичной административной процедурой, но по последствиям она непосредственно относится к сфере гражданского права, поскольку создает правосубъектность. Именно поэтому в доктрине ее обоснованно характеризуют как комплексный юридический факт.

Порядок регистрации при создании корпорации включает подготовку заявления

по форме Р11001, решения о создании либо протокола общего собрания учредителей, устава, документа об уплате госпошлины и иных документов в предусмотренных законом случаях [8]. Формы и требования к оформлению документов утверждены приказом ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@ [5]. При подаче электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью, госпошлина не уплачивается, что повышает доступность регистрации [8; 9].

Наиболее сложным вопросом остается отказ в государственной регистрации. ГК РФ предусматривает, что отказ допускается только в случаях, установленных законом, а сам отказ и уклонение от регистрации могут быть оспорены в суде [1]. Закон № 129-ФЗ содержит перечень оснований отказа, включая непредставление обязательных документов, нарушение требований к их оформлению и представление недостоверных сведений [2]. Мероприятия по проверке достоверности сведений регламентированы приказом ФНС России от 11.02.2016 № ММВ-7-14/72@ [6].

Существенное значение для темы имеет правовая позиция Верховного Суда РФ по делу № 11-КАД22-20-К6 от 29.03.2023. Судебная коллегия по административным делам рассматривала спор о признании незаконными записи о недостоверности сведений о местонахождении юридического лица и решения об исключении общества из ЕГРЮЛ. Верховный Суд указал, что наличие предусмотренных законом условий для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ само по себе не является безусловным основанием для исключения, если не установлено фактическое прекращение деятельности хозяйствующего субъекта [11].

Данная позиция имеет важное значение для магистерского исследования. Она показывает, что государственная регистрация и ведение ЕГРЮЛ не являются исключительно техническими действиями. Запись о недостоверности сведений и последующее исключение из реестра непосредственно затрагивают права участников, кредиторов и иных лиц. Поэтому регистрирующий орган обязан соблюдать процедуру проверки и иметь достаточные доказательства недостоверности сведений.

В обзорах ФНС России по спорам с участием регистрирующих органов отражаются типичные категории дел. Например, по делу № А07-9326/2021 рассматривался спор об отказе в регистрации изменений, связанных с адресом общества. Регистрирующий орган отказал в регистрации по основаниям статьи 23 Федерального закона № 129-ФЗ, а суды оценивали, подтверждает ли представленный

пакет документов реальность заявленного адреса и наличие законных оснований для внесения сведений [12]. Практическое значение таких дел состоит в том, что адрес юридического лица является одним из наиболее конфликтных элементов ЕГРЮЛ.

Иная группа споров связана с формальными нарушениями при заполнении заявлений и представлении документов. По делам, отраженным в письме ФНС России от 28.04.2022 № КВ-4-14/5232@, суды анализировали, является ли отсутствие определенной формы заявления или неполнота сведений достаточным основанием для отказа. В одном из дел суд пришел к выводу об отсутствии оснований для отказа при изменении места нахождения, поскольку закон не предусматривал одновременного представления дополнительных документов, требуемых инспекцией сверх установленного перечня [12].

Одновременно практика подтверждает, что недостоверность или неполнота сведений может быть самостоятельным основанием для отказа. Так, в деле № А76-20126/2021 отказ в регистрации изменений был признан правомерным, поскольку в заявлении по форме Р14001 были указаны недостоверные паспортные данные нового участника производственного кооператива, а также отсутствовали сведения обо всех членах кооператива, необходимые для включения в ЕГРЮЛ [12]. Этот пример показывает, что формализм регистрационной процедуры оправдан, когда он направлен на обеспечение достоверности реестра.

Правоприменительная практика ФНС России также демонстрирует развитие электронных способов регистрации. Сервис ФНС России по регистрации юридического лица предусматривает заполнение заявления по форме Р11001, подготовку комплекта документов и направление их в регистрирующий орган [9]. Электронная форма снижает число технических ошибок, но не устраняет правовых рисков, связанных с выбором организационно-правовой формы, адреса, состава учредителей, уставных положений и полномочий заявителя.

С точки зрения юридического значения регистрации наиболее важны три последствия. Во-первых, юридическое лицо считается созданным со дня внесения записи в ЕГРЮЛ [2]. Во-вторых, сведения ЕГРЮЛ используются контрагентами как публичный источник данных о корпорации, а добросовестное лицо вправе полагаться на эти сведения [2]. В-третьих, незаконный отказ, уклонение от регистрации или внесение недостоверных сведений может повлечь возмещение убытков за счет казны

Российской Федерации при наличии предусмотренных законом условий [2].

Проведенный анализ судебной практики позволяет сформулировать несколько выводов. Регистрирующий орган вправе проверять достоверность сведений, но такая проверка не должна быть произвольной. Отказ должен быть мотивированным и содержать ссылки на конкретные нарушения, предусмотренные статьей 23 Федерального закона № 129-ФЗ [3]. Заявитель вправе обжаловать отказ в административном и судебном порядке. Суды, в свою очередь, оценивают не только формальное наличие основания для отказа, но и соблюдение процедуры, доказанность обстоятельств и влияние регистрационного действия на права участников оборота.

Научная дискуссия о понятии корпорации показывает, что регистрация должна учитывать корпоративную природу создаваемого субъекта. Корпорация характеризуется членством, участием в формировании высшего органа, внутренней структурой управления и наличием корпоративных прав [10]. Поэтому при регистрации важно проверять не целесообразность создания бизнеса, а юридическую корректность сведений, необходимых для возникновения и публичной идентификации субъекта.

Оптимальным направлением развития представляется риск-ориентированная модель регистрации. Стандартные добросовестные случаи должны проходить быстро и преимущественно в электронной форме. Углубленная проверка должна применяться только при наличии конкретных признаков недостоверности: массового адреса без подтверждения связи, номинального руководства, противоречий в документах или ограничений на регистрационные действия. Такая модель позволит сохранить баланс свободы предпринимательства и достоверности ЕГРЮЛ.

Практическое значение такого подхода состоит в том, что участники корпорации получают предсказуемую процедуру создания юридического лица, а контрагенты — более надежный источник информации. Для этого отказ в регистрации должен быть не шаблонным, а индивидуально мотивированным: в решении необходимо указывать конкретное нарушение, норму закона и доказательства, которые подтверждают невозможность внесения сведений в ЕГРЮЛ. Это снижает риск произвольного ограничения права на создание корпорации и упрощает последующее судебное обжалование.

Дополнительным направлением совершенствования является развитие типовых уставов и электронных подсказок в сервисах ФНС. Если заявитель получает

предупреждение о возможной ошибке до подачи документов, регистрационный спор не возникает, а регистрирующий орган экономит ресурсы на отказах и повторных обращениях. Поэтому цифровизация должна выполнять не только техническую, но и превентивную юридическую функцию.

Заключение. Государственная регистрация корпорации имеет конститутивное, информационное и защитное значение. Она создает правоспособность юридического лица, обеспечивает публичную достоверность данных и позволяет третьим лицам добросовестно полагаться на сведения ЕГРЮЛ. Совершенствование процедуры регистрации должно быть направлено на цифровизацию, единообразие судебной практики и закрепление прозрачных критериев проверки недостоверности сведений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33, ч. I. Ст. 3431.

3. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

4. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

5. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган: приказ ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@ // ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/10125494/ (дата обращения: 26.06.2026).

6. Об утверждении Оснований, условий и способов проведения мероприятий по проверке достоверности сведений, включаемых или включенных в ЕГРЮЛ: приказ ФНС России от 11.02.2016 № ММВ-7-14/72@. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица: постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Мне необходимо зарегистрировать организацию // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/yul/interest/reg_yl/register/ (дата обращения: 26.06.2026).

9. Государственная онлайн-регистрация бизнеса // Федеральная налоговая служба: сервис. URL: https://service.nalog.ru/gosreg/ (дата обращения: 26.06.2026).

10. О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов: письмо ФНС России от 28.04.2022 № КВ-4-14/5232@. Доступ из системы «Контур.Норматив».

Научное издание

Коллектив авторов

Научный журнал «Человек. Социум. Общество»

Москва 2026